

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)

ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

2021

Том 20. № 1

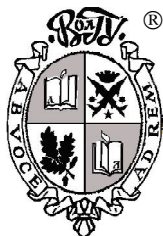

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL
BULLETIN

2021

Volume 20. No. 1

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021

Том 20. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2021

Volume 20. No. 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2021. Vol. 20. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **III № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index, DOAJ** (Sweden)

Editorial Staff:

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Executive Secretary (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);
M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof. (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd)
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *A.V. Simonenko* (Kiev, Ukraine); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova*,
Yu.I. Nedelkina

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Mar. 15, 2021.

Date of publication June 25, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.6. Published pages 27.5.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–51).

Order 101. «C» 12.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021. Т. 20. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOAJ (Швеция)**

Редакционная коллегия:

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф. (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушкино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова* (г. Мос-

ква); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

Б.А. Раев (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *А.В. Си-*

моненко (г. Киев, Украина); д-р ист. наук *М.Ю. Трей-*

стер (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф.

А.М. Хазанов (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова,*

Ю.И. Неделькина

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 15.03 2021 г.

Дата выхода в свет 25.06 2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25,6.

Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–51 экз.).

Заказ 101. «С» 12.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра 5
- Лысенко С.Д., Синика В.С., Гуцул А.В.* Бронзовые плоские черешковые наконечники стрел с жальцами из Северного Причерноморья 20
- Дьяченко А.Н.* Новые погребения предскифского времени с территории Волгоградской области. Проблемы интерпретации ... 39
- Окорок К.С., Трегулов В.Е.* О предметах женской одежды с декорированными рукавами из могильника Филипповка I 51
- Лысенко С.С.* Скифские браслеты и кольца с выступами из могильника у села Глиное 69
- Скрипкин А.С.* К определению содержания этнонимов «савроматы» и «сарматы» 82
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Кондратенко А.В.* Мечи и кинжалы без металлического навершия из меотских памятников правобережья Кубани 103
- Трейстер М.Ю.* Золотые касты со вставками из Косики 153
- Савельев Н.С.* Малые Гумаровские курганы скифо-сарматского времени на Южном Урале: хронология, особенности погребального обряда и вопросы культурной атрибуции 179
- Яценко С.А.* Две сарматских каменных плиты с тамгами из коллекции Одесского археологического музея 204
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А.* Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки 217

ПУБЛИКАЦИИ

- Шабанов С.Б.* Погребальный комплекс среднесарматского времени из могильника Опушки в Крыму 251
- Подушкин А.Н.* Археологические комплексы из катакомб Южного Казахстана в контексте сарматской тематики 263

CONTENTS

ARTICLES

- Morgunova N.L., Faizullin A.A.* New Data About the Initiate Time of the Pre-Ural (Kargaly) Mining and Metallurgical Center 5
- Lysenko S.D., Sinika V.S., Gutsul A.V.* Bronze Flat Arrowheads with Stings from the North Black Sea Region 20
- Dyachenko A.N.* New Pre-Scythian Burials from the Volgograd Region. Interpretation Problems 39
- Okorokov K.S., Tregubov V.E.* About Women's Clothing with Decorated Sleeves from the Filippovka I Kurgan Cemetery 51
- Lysenko S.S.* Scythian Bracelets and Rings with Protrusions from the Cemetery Near Glinoe Village 69
- Scripkin A.S.* About Determining the Meaning of the Ethnonyms "Sauromatians" and "Sarmatians" ... 82
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Kondratenko A.V.* Swords and Daggers Without a Metal Pommel from the Meotian Sites of the Right Bank of the Kuban 103
- Treister M.Yu.* Gold Settings with Inlays from Kosika 153
- Savelev N.S.* Small Gumarovo Kurgans of Scythian-Sarmatian Time at South Ural: Chronology, Features of the Funeral Rites and Issues of Cultural Attribution 179
- Yatsenko S.A.* Two Sarmatian Stone Slabs with Tamgas in Odessa Archeological Museum Collections 204
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A.* A Third Century AD Burial Vault with Multiple Burials at the Cemetery of Opushki 217

PUBLICATIONS

- Shabanov S.B.* Middle Sarmatian Burial Complex from Opushki Necropolis, the Crimea 251
- Podushkin A.N.* Archaeological Complexes from Catacomb of South Kazakhstan in the Context of Sarmatian Themes 263

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.1>

UDC 902(c173)

LBC 63.4(2)(235.55)M79

Submitted: 05.03.2021

Accepted: 27.05.2021

NEW DATA ABOUT THE INITIATE TIME OF THE PRE-URAL (KARGALY) MINING AND METALLURGICAL CENTER¹

Nina L. Morgunova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Airat A. Faizullin

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the data on the initial stage of metal production in the Southern Urals of the Bronze Age. Lots of Yamnaya culture burial mounds with copper items inside were excavated near the Kargaly deposit in the Orenburg oblast. The variety and originality of tools forms indicate the independent nature of the Ural metallurgy in the early Bronze Age. The authors present new data that allows us to reconstruct the process of metal production at the Repin (early) stage of the Yamnaya culture and explain the beginning of this process by the development of the Kargaly copper ore deposit. Excavations of the Turganik settlement were carried out. Cultural layer 5 of the early Bronze Age is dated to 3800–3360 cal BC. It is characterized by ceramics and other artefacts of the Repin type. Fragments of Kargaly copper ore, slags and copper tools (knife, awls) were found in the layer. The traceological analysis of about approximately 100 items made of stone and animal bones was performed. 41 of them are related to metallurgy and metalworking. They represent tools of all metallurgical production stages, starting from metal extraction from ore to the processing of the finished copper product. Functional groups of products such as ore mortar, ore crushing hammers, casting molds, forging hammers, anvils, edges leveling tools, sharpening stones, and others have been identified. Stone artifacts from the burials were also studied, including ore crushing and forging hammers. No mining tools were found at the settlement. It is concluded that the ore was extracted and processed at the Kargaly deposit, located 70 km to the east, and then delivered to the settlement as an enriched concentrate. The settlement was seasonal. Metallurgical activity here took its place in the summer, since the main type of economic activity was nomadic pastoralism.

Key words: metallurgy and metalworking, technical analysis, Yamnaya culture, Kargaly deposit, Southern Urals.

Citation. Morgunova N.L., Faizullin A.A., 2021. Novye dannye o nachale funktsionirovaniya Priural'skogo (Kargalinskogo) gorno-metallurgicheskogo tsentra [New Data About the Initiate Time of the Pre-Ural (Kargaly) Mining and Metallurgical Center]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 5-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.1>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАЧАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИУРАЛЬСКОГО (КАРГАЛИНСКОГО) ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА¹

Нина Леонидовна Моргунова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Айрат Асхатович Файзуллин

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье обобщаются данные о начальном этапе металлопроизводства на Южном Урале в бронзовом веке. В Оренбургской области в непосредственной близости от Каргалинского месторождения было раскопано множество курганов ямной культуры, в которых найдены медные изделия. Разнообразие и оригинальность форм орудий свидетельствуют о самостоятельном характере приуральской металлургии в раннем бронзовом веке. Авторы представляют новые данные, позволяющие реконструировать процесс металлопроизводства на репинском этапе ямной культуры и связать начало этого процесса с освоением Каргалинского месторождения медной руды. Проведены раскопки Турганикского поселения. Культурный слой 5 раннего бронзового века датирован 3800–3360 cal BC. Он характеризуется керамикой и другими артефактами репинского типа. В слое найдены фрагменты медной руды из каргалинских источников, шлаки и медные орудия (нож, шилья). Проведен трасологический анализ около 100 макроизделий из камня и предметов из костей животных. Из них 41 предмет связан с металлургией и металлообработкой. Они представляют орудия, предназначенные для всех этапов металлургического производства – от получения металла из руды до завершения оформления и обработки готового медного изделия. Выделены такие функциональные группы изделий, как рудотерки, молоты для дробления руды, литейные формы, кузнечные молоты, наковальни, орудия для выравнивания граней, оселки и др. Также изучены каменные артефакты из погребений, среди которых обнаружены молоты для дробления руды и кузнечной обработки. На поселении не найдены горно-проходческие орудия. Сделан вывод, что руда добывалась и обрабатывалась на Каргалинском месторождении, расположенном в 70 км к востоку, и доставлялась на поселение в виде обогащенного концентрата. Поселение было сезонным. Металлургическая деятельность здесь проходила в летнее время, так как основным видом хозяйственной деятельности являлось подвижное скотоводство.

Ключевые слова: металлургия и металлообработка, трасологический анализ, ямная культура, Каргалинское месторождение, Южное Приуралье.

Цитирование. Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., 2021. Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.1>

Введение

Впервые о начальном этапе функционирования Приуральского горно-металлургического центра (ГМЦ) на базе Каргалинского месторождения медной руды вблизи г. Оренбурга было заявлено в работах 60-х годах XX века. Его деятельность была увязана с ямной культурой после находок уникальных предметов в могильнике Увакком [Федорова-Давыдова, 1962; Черных, 1966]. Однако долгое время роль Приураль-

ского ГМЦ в системе Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) оценивалась как слабая и второстепенная в сравнении с таким гигантом металлопроизводства того времени, как майкопский ГМЦ в Предкавказье [Черных, 1970; Рысин, 2007].

Тем временем, начиная с 70–80-х гг. XX в., накапливались материалы, говорящие об обратном. В последние десятилетия в курганах ямной культуры в Самарской и Оренбургской областях было обнаружено

значительное число металлических изделий, включая металлоемкие орудия труда и оружие [Васильев и др., 2000; Моргунова, 2014]. В Оренбургском Приуралье в непосредственной близости от Каргалинского месторождения были раскопаны десятки курганов ямной культуры, в том числе курганы больших размеров [Моргунова, Файзуллин, 2018]. Именно в последних найдены медные изделия, во многих случаях – наборами по несколько различных предметов (рис. 1). Наряду с привычными формами находились оригинальные предметы, не имеющие прямых аналогий не только в пределах ямной области, но и в других культурах РБВ. В результате этих целенаправленных исследований ямных памятников количество медных предметов значительно возросло. По количеству, ассортименту и оригинальности металла памятники волгоуральского варианта ямной культуры и особенно его приуральской группы значительно превосходили все другие варианты на огромном пространстве ямной общности. Множество оригинальных изделий можно считать изобретениями приуральских мастеров. К таковым следует отнести, например, биметаллические изделия, втульчатые долота, оригинальные формы топоров, наконечник копья и др. (рис. 2, 1–12).

Металл был обнаружен в погребениях всех этапов ямной культуры, включая комплексы репинского времени. Проведены исследования по определению состава металла и технологии производства изделий металлопроизводства ямной культуры Южного Приуралья [Орловская, 1994; Дегтярева, 2010]. Однако вплоть до последнего времени вопросы определения хронологии как раннего этапа ямной культуры, так и начала собственного металлопроизводства оставались дискуссионными. Кроме того, отсутствовали прямые доказательства связи разработок Каргалинского месторождения с металлопроизводством ямной культуры на ее раннем этапе.

В задачи данной статьи входит представление новых данных, полученных авторами за последние годы, которые позволяют достаточно уверенно ответить на поставленные вопросы.

Свидетельства металлургии и металлообработки в артефактах из памятников ямной культуры Волго-Уралья и на Каргалинских рудниках

Долгое время единственными свидетельствами о собственном металлопроизводстве в ямной культуре Волго-Уралья являлись находки из погребальных комплексов (рис. 2). Особенно многочисленными они были в курганах развитого этапа. В памятниках репинского времени они по сей день остаются единичными и достаточно разнообразными по формам изделий (ножи, шилья). Это погр. 2 кург. 4 Герасимовка II, где наряду с типичным сосудом репинского облика найдено 8 медных изделий, включая нож, шило и мелкие украшения (рис. 2, 18–20). В Самарском Поволжье в погр. 1 кург. 17 КМ Покровка наряду с рогатой булавкой-амулетом найдены медный нож и шило (рис. 2, 21–22). На территории Нижнего Поволжья известен комплекс из погр. 3 в кург. 5 Скатовка с тремя сосудами репинского типа и медными изделиями (нож и шило). Все названные предметы были изготовлены из металла группы «медистые песчаники» (МП) [Черных, 1966, с. 126; Васильев и др., 2000; Дегтярева, 2010].

Очевиден факт, что наибольшее число курганов ямной культуры с находками медных изделий расположены по периферии ближайших источников руды с подобным составом металла – вокруг Каргалов (рис. 1). Однако как на самом месторождении, так и на памятниках ямного времени данные о самом процессе металлопроизводства до последнего времени не были известны. В основном на Каргалах обнаружены поселения и курганы горняков и металлургов срубной культуры. Поселения, связанные с металлургической деятельностью ямной культуры на Каргалах, пока не выявлены. В то же время в пределах рудников исследованы погребения ямной культуры в КМ Уранбашский и КМ Першин, в том числе захоронение с литейной формой для отливки топоров утевского типа [Каргалы, 2005, с. 29–35, 100]. Эти комплексы относятся уже к концу развитого этапа. О начале добычи медной руды в более раннее время говорит

единственный, но далеко не бесспорный факт. Это ^{14}C дата, полученная из нижнего слоя разреза древней разведочной шахты на поселении Горный ($4955 \pm 165 \text{ BP}$, $3960\text{--}3630 \text{ cal BC}$) [Каргалы, 2004, с. 295–297].

В последние годы появились новые данные. Так, в районе Каргалов и на других меднорудных объектах Оренбуржья осуществляется большой проект по изучению горного дела в бронзовом веке под руководством В.В. Ткачева и С.В. Богданова. По предварительным сообщениям, ими получены материалы, подтверждающие связь основной части металла из ямных погребений региона с источниками медной руды в Приуралье [Богданов, 2019].

Нами также получены весьма значимые данные, говорящие о начальном моменте становления металлопроизводства в Приуралье на Турганикском поселении, расположенном в 70 км к западу от Каргалинского ГМЦ в устье р. Турганик (правый приток р. Ток, бассейн р. Самара) [Моргунова и др., 2017]. Они достаточно красноречиво показали, что освоение Каргалинского месторождения связано с начальным, репинским этапом формирования ямной культуры.

Исследовано около 900 кв. м площади поселения. Находки раннего бронзового века в основном были сосредоточены в северной части раскопа и в слое 5, располагавшемся выше слоя 6 эпохи энеолита. Материалы включали многочисленные фрагменты и развалы сосудов репинского типа, изделия из камня макролитических форм, кости животных. Кроме того, с комплексом были связаны находки медных предметов – подвеска из проволоки в 2 оборота, обломок типичного ямного ножа и 3 шила (рис. 2, 13–17). Важным показателем для определения культурной принадлежности и хронологии слоя стала также рогатая булава-амулет (рис. 5, 8).

Радиоуглеродное датирование керамики и костей животных (всего получено ^{14}C дат: по керамике – 2, костям животных – 12) указало на интервал времени в промежутке между $4530 \pm 30 \text{ BP}$ до $5064 \pm 100 \text{ BP}$ [Моргунова и др., 2017]. Калиброванный интервал в одну сигму устанавливается в пределах $3966\text{--}3100 \text{ cal BC}$, или $3800\text{--}3360 \text{ cal BC}$ (с отказом от самой ранней и от самой поздней дат).

Особенно показательны такие находки в слое 5 Турганикского поселения, как кусочки руды и шлаки. Их специальное исследование позволило сделать вывод, что местные мастера-металлурги наряду с рудами Каргалинского месторождения использовали также руды из месторождений Южного Урала типа Ишкининского, расположенного к западу от г. Орска [Богданов, 2019, с. 165].

Но наиболее значительные ответы на поставленные в данной статье вопросы дали результаты трасологического анализа, примененного в изучении достаточно массовых находок макролитических предметов из слоя бронзового века Турганикского поселения. По типологии они напоминали многие из форм каменных макроорудий поселения Михайловка II (средний слой репинского времени) в Поднепровье, связь которых с металлургическими и кузнечными операциями в результате трасологических исследований в свое время успешно доказана Г.Ф. Коробковой [Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 190–196]. Эти сопоставления дали нам повод обратиться к аналогичным исследованиям.

Каменные и костяные орудия металлопроизводства из слоя репинского времени Турганикского поселения

Итоги исследований поселения за все годы подробно рассмотрены в коллективной монографии [Моргунова и др., 2017]. Однако трасологическое исследование каменных макроизделий было проведено позже – в начале 2020 года. Полученные результаты кардинальным образом изменили наше представление о назначении данных предметов.

Трасологический анализ каменных и костяных орудий из коллекции Турганикского поселения проведен И.В. Горашуком (г. Самара). Готовится совместная, полная публикация результатов данного исследования, где будут даны все необходимые иллюстрации, включая микрофотографии, и статистические данные. В данной статье ставится задача суммировать полученные данные в связи с поставленными выше вопросами.

Выборка для исследования включала 71 каменное изделие из нерасщепленного сы-

рья (галеки, плитки и куски камня) и 25 изделий из кости. Из них 37 каменных и 4 костяных предмета определены как орудия для металлургии и металлообработки. Причем практически все они найдены в слое 5 и по определению участвовали на всех этапах металлургического производства – от получения металла из руды до завершения оформления и обработки готового медного изделия.

Орудия для металлургии и металлопроизводства. Они представлены различными видами, типами и подтипами. Мы же в данной статье не будем вдаваться во все тонкости типологической и функциональной классификации, а только назовем основные виды орудий, подчеркнув этапы всего процесса металлопроизводства, начиная от момента получения металла и до конечной обработки готовых изделий.

Первый тип орудий представлен рудотеркой, внутри емкости которой происходило измельчение руды при создании шихты (рис. 3,4). От рудотерки с Турганинского поселения сохранился кусок, по всей вероятности, боковой поверхности крупной конкреции сливникового песчаника (кварцита), крупнозернистого, относительно рыхлого, розового цвета. Изготовлена она была с помощью долотовидного металлического орудия с овальным желобчатым лезвием, которым было выдолблено чашевидное углубление.

Ко второму типу относятся 3 молота для дробления руды. Они все идентичны друг другу по характеру износа. На рабочих поверхностях молотов обнаружены микровыбоины от ударов (рис. 3,1–3). Материалом для их изготовления являлся галечник сливникового песчаника разной плотности. Молоты делятся на два подтипа по характеру закрепления в работе. Первые крепились с помощью Т-образной рукояти, а для вторых применялось ручное удержание. Эти различия проявляются не только в морфологии артефактов, но и в способах их обработки.

Молоты, закрепленные на рукояти, имеют овальное или овально-уплощенное сечение. Это нужно для того, чтобы молот плотно прилегал к рукояти. Кроме того, предметы имеют выраженный перехват. В одном случае для придания гальке из кварцита необходимой формы она была расколота продольно, за счет

этого было достигнуто уплощение прилегающей к рукояти поверхности. Пикетажем были затуплены острые края в месте перехвата. Сделано это для того, чтобы наметить перехват и притупить край, который могли при нагрузках перерезать стягивающие ремни (рис. 3,1). Во втором случае была подобрана специально галька грушевидной формы с уже намеченным перехватом (рис. 3,2).

Молот с ручным удержанием имеет округлое сечение, что, видимо, было удобнее при захвате рукой (рис. 3,3). Интересно то, что чем меньше вес гальки, тем больше степень ее изношенности. Видимо, так компенсировался недостаток веса инструмента силой удара.

С группой орудий для получения металла связаны 3 сопла из трубчатых костей и обломки старательского совка (рис. 5,9–11).

Важным свидетельством металлургического процесса на поселении являются литейные формы. Они однотипны, представлены тремя фрагментами, изготовлены из алевролита и имеют корытообразные очертания в профиле (рис. 3,5–7). Все формы использовались для литья металлических стержней. Установлено, что во всех случаях расплавленный металл многократно затекал в поры и трещины форм, что говорит о том, что формы не подвергались ремонту. При подобном литье в форме образуются пузыри воздуха, при контакте окисляющие металл, а поверхность отливки имеет бугристый вид. Отсюда следует, что отливалось не изделие, а заготовка дляковки, из чего И.В. Горашуком сделан вывод, что при изготовлении медных вещей кузнечные и слесарные операции преобладали над литьем. Эта реконструкция соответствует данным металлографического анализа металла из погребений ямной культуры Приуралья [Дегтярева, 2010, с. 24–59].

Орудия для металлообработки, кузнечной и слесарной обработки отлитых заготовок. Этот комплекс представлен 28 различными изделиями из камня.

Большую группу из 13 предметов составляют кузнечные молоты. Выделены молоты из гальки естественно треугольных или трапециевидных очертаний, а также молоты иных конфигураций, имеющие естественные выпуклости или канавки на поверхности, которые делали возможным крепление каменно-

го бойка к рукояти (рис. 4,1–9). Таким образом, галька подбиралась таких конфигураций, чтобы ее было удобно крепить к рукояти. Об этом свидетельствуют следы от стягивания ремнями или шнурами в естественных точках выпуклости либо в канавках поверхностей орудия. Конкретных же форм и наборов такой конфигурации могло быть много.

Для изготовления орудий подбирался плотный сливной песчаник (кварцит). Только в двух случаях это окремневшее дерево (рис. 4,7) и кремнистый известняк (рис. 4,4). Интересно, что заготовка из кремнистого известняка служила изначально наковальней. Но из-за функционального износа наковальня была разрушена, из ее краевой части был изготовлен кузнечный молот.

К орудиям по кузнечной обработке относятся и наковальни. Они обнаружены в 2 экземплярах с учетом обломка наковальни, из которой был изготовлен кузнечный молот. Наковальни двух видов. Первый – массивное орудие, очертаниями напоминающее параллелепипед (рис. 4,10). На верхней поверхности, судя по следам сработанности, производилась проковка, нижняя поверхность была закреплена в деревянном пазе-гнезде. Экспериментальные данные, полученные И.В. Горашуком, показывают, что на надежно закрепленной наковальне, независимо от ее размеров, можно было производить большой спектр кузнечных операций.

Во всех случаях выявлен износ, характерный дляковки металла, как молотов, так и наковален. Свидетельством данного процесса являются изменение цвета поверхности и фиксация следов температурных трещин и выщерблин. Как на наковальнях, так и на молотах имеются следы термических повреждений поверхности, что говорит о производствековки по разогретому металлу. В порах наковален обнаружены микрочастицы окисленного металла. Во всех случаях зафиксированы пятна выглаженной поверхности.

Судя по форме и размерам наковален, логично полагать, что наковальни несли различную функциональную нагрузку. Массивные наковальни могли служить для вытягивания и проковки больших масс металла, а небольшие – для подправки лезвий орудий, окончательной доводки изделий.

Следующий тип кузнечных инструментов – кузнечные гладилки (рис. 4,13). Выявлено два таких орудия. Поверхности металлических изделий эпохи ранней бронзы идеально выглажены. Это достигалось с помощью кузнечных гладилок на стадии кузнечной обработки металла, размягченного под температурным воздействием. Орудия изготавливались из тщательно выровненных плиток и кусков алевролита. Именно ровной стороной и производилась обработка материала. Износ на рабочей поверхности свидетельствует о том, что данные орудия применялись в кузнечной обработке. Это прежде всего сильные термические повреждения предмета в местах соприкосновения поверхности гладилки и раскаленного металла, а также выровненный микрорельеф поверхности, на котором фиксируют параллельные борозды линейных следов.

К слесарным инструментам отнесены следующие типы орудий.

Брусковые оселки – орудия для заточки и подправки лезвий металлических орудий (рис. 4,12). Функциональный износ инструмента обнаружен на локальных участках и плоскости на поверхности изделий, изглаженных при обработке металла. При заточке лезвия использовались различные участки и различные положения оселка в работе.

Плитчатые абразивы – орудия, с помощью которых затачивались и выводились плоскости и грани металлического орудия. На Турганинском поселении обнаружены два экземпляра подобных орудий. Они представляют собой диск и плитку, которые, видимо, закреплялись в неподвижной деревянной основе (рис. 4,11,14).

Кроме того, в слое 5 Турганинского поселения найдены изделия из костей животных, в том числе 2 костяных наконечника, сопла, совок и рогатая булава, обработанные с помощью медных орудий (рис. 5,7–11).

Помимо орудий Турганинского поселения трасологическим методом сделан анализ 9 каменных предметов из погребений ямной культуры Оренбуржья, которые ранее представлялись как просто песты. Все они типологически имеют схожую форму вытянутых пропорций, изготовлены из кремнистого известняка или из крупных окатанных галек. Оказа-

лось, что из них 2 песта и плитка являлись орудиями для обработки растительного сырья, а остальные 6 изделий использовались в металлопроизводстве. При этом все находки сделаны в погребениях, где в массовом количестве обнаружены и сами медные орудия. Так, песты для дробления руды найдены в погр. 3 кург. 6 КМ Изобильное I (рис. 5,4) и в погр. 1 кург. 1 КМ Тамар-Уткуль VII (рис. 5,6). В последнем комплексе также обнаружены кузнечный молот и наковальня (рис. 5,3,1). Кузнечный молот в сочетании с гладилкой находился в погр. 7 кург. 4 КМ Тамар-Уткуль VII (рис. 5,2). Кузнечный молот также входил в комплект инвентаря наряду с медными и железными орудиями элитного погр. 1 кург. 1 могильника Болдырево I, одного из самых крупных курганов ямной культуры Приуралья (рис. 5,5). Однако следует оговориться, что в погребениях репинского этапа подобные орудия пока не известны.

Заключение

Трасологический анализ каменных макроорудий Турганикского поселения и погребений ямной культуры позволил получить весьма важные данные для реконструкции раннего этапа становления и развития металлургического производства на территории Приуралья. Впервые на массовом материале выявлены орудия, связанные с металлургией и металлообработкой раннего этапа ямной культуры. Среди изделий этого класса представлены орудия для всех этапов металлургического производства – от получения металла до завершения оформления готового медного изделия. При этом установлена прямая связь металлопроизводства на Турганикском поселении с сырьем, получаемым с Каргалинских рудников.

Поскольку фрагменты собственно руды в слое поселения обнаружены в незначительном количестве, а орудия для ее добычи (гор-

нопроходческие) не найдены вовсе, то можно предположить, что процесс добычи и обогащения руды, вероятно, происходил на рудниках. По воде или вдоль р. Ток обогащенный концентрат доставлялся на место поселения, где получали металл и использовали его для отливки и изготовления орудий.

Исходя из того, что основой жизнеобеспечения населения ямной культуры являлось подвижное скотоводческое хозяйство, можно сделать следующий вывод: Турганикское поселение, видимо, являлось сезонной площадкой для производства металлических орудий – в основном в летнее время [Моргунова, 2014, с. 276–292]. Аналогичную экономическую стратегию исследователи предлагают для срубной и других степных культур позднего бронзового века [Антипина, Моралес, 2005, с. 41; Ткачев, 2020, с. 122]. Что характерно, в достаточно удаленных друг от друга памятниках поздней бронзы типология орудий металлопроизводства и сырье, из которого они изготавливались, практически идентичны и сходны с наборами орудий из Турганикского и Михайловского поселений, относящихся к гораздо более раннему времени [Килейников, 1984; Ержанова, 2020].

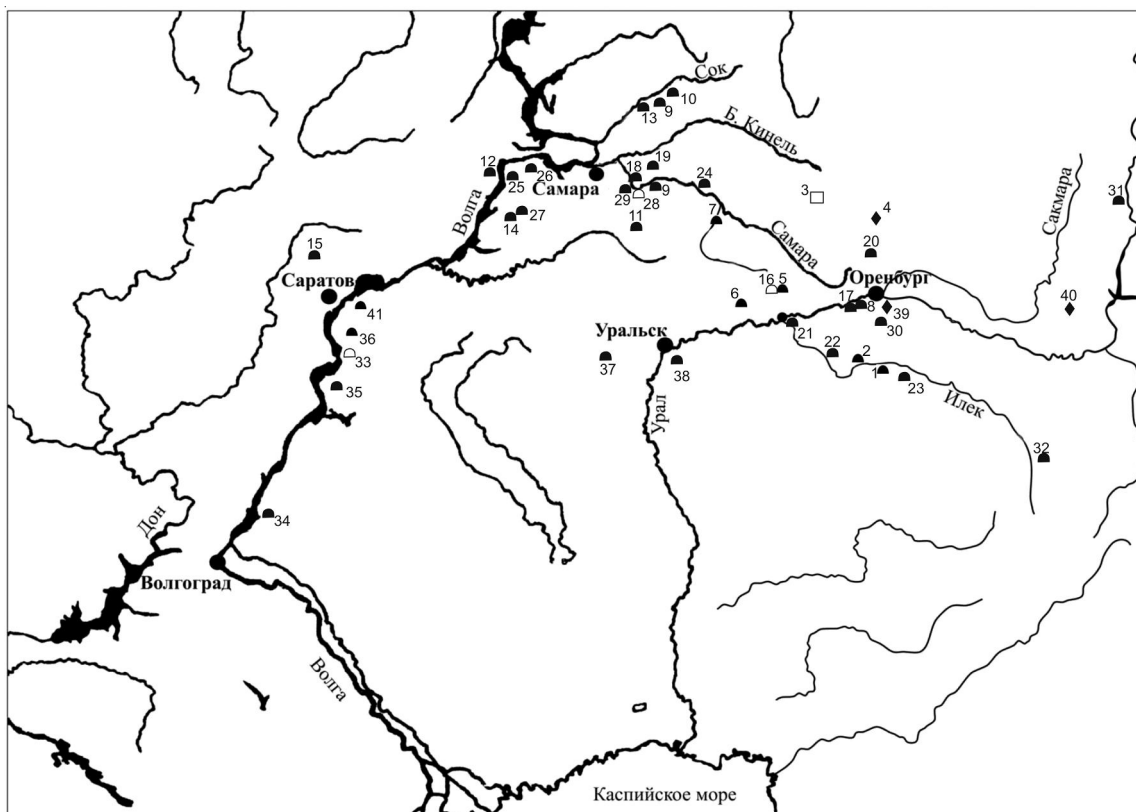
Таким образом, полученные результаты трасологического анализа позволяют достаточно уверенно делать вывод, что начальный период функционирования приуральского очага металлургии и металлопроизводства относится к репинскому этапу ямной культуры. По данным радиоуглеродного датирования слоя 5 Турганикского поселения, этот процесс мог начаться в первые века IV тыс. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40031 «Древности».

The work was supported by RFBR grant No. 18-09-40031 “Antiquities”.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Условные обозначения:
 ◆ - рудники
 □ □ - поселения и курганы раннего (репинского) этапа
 ■ - курганы развитого и позднего этапов

Рис. 1. Карта-схема. Памятники ямной культуры Волго-Уральского междуречья с находками медных изделий и древние рудники Южного Приуралья:

- 1 – Тамар-Уткуль VII, кург. 1, 3, 4, 6, 8, Тамар-Уткуль VIII, кург. 4, 5, 8; 2 – Изобильное I, кург. 3; 3 – пос. Турганикское; 4 – Каргалинские рудники; 5 – Мустаево V, кург. 8, 9; 6 – Болдырево I, кург. 1, 2, 10, Болдырево IV, кург. 2, 3; 7 – Скворцовка, кург. 5–7; 8 – Нижняя Павловка V, кург. 1; 9 – Лещевка I, кург. 2; 10 – Калиновка I, кург. 1; 11 – Орловка I, кург. 2; 12 – Уваровка II, кург. 2; 13 – Нижняя Орлянка I, кург. 1; 14 – Абашево, кург. 2; 15 – Storozhevka, кург. 1; 16 – Герасимовка II, кург. 4, хут. Барышников, кург. 6; 17 – Пятилетка, кург. 5; 18 – Красносамарское I, кург. 1, 2; 19 – Кутулук I, кург. 4; 20 – Першин, кург. 1; 21 – Илекский, кург. 2; 22 – Линевка III, кург. 1; 23 – Увакский, кург. 12; 24 – погр. у с. Колтубанка; 25 – Кашпир III, кург. 1; 26 – Преполовенка I, кург. 8; 27 – Владимировка, кург. 1; 28 – Покровка II, кург. 12, 17; 29 – Утевка I, кург. 1–3; 30 – Донгуз II, кург. 2; 31 – Мало-Кизильский II, кург. 1; 32 – Жаман-Каргала, кург. 1; 33 – Skatovka, кург. 5; 34 – хут. Степана Разина, кург. 4; 35 – Ровное; 36 – Старая Полтавка; 37 – Светлое Озеро, кург. 1; 38 – Илекшар I, кург. 5; 39 – Сайгачий рудник; 40 – Ишкиновский рудник; 41 – Энгельс, кург. 2 (карта-схема составлена авторами по: [Мерперт, 1974, рис. 2; Morgunova, 2014, рис. 1])

Fig. 1. Schematic map. Monuments of the Yamnaya culture of the Volga-Ural interfluvium with finds of copper tools:

- 1 – Tamar-Utkul VII, kurgans 1, 3, 4, 6, 8, Tamar-Utkul VIII, kurgans 4, 5, 8; 2 – Izobilnoe I, kurgan 3; 3 – Turganikskoye set.; 4 – Kargalinsky mines; 5 – Mustaevo V, kurgans 8, 9; 6 – Boldyrevo I, kurgans 1, 2, 10, Boldyrevo IV, kurgans 2, 3; 7 – Skvortsovka, kurgans 5–7; 8 – Nizhnyaya Pavlovka V, kurgan 1; 9 – Leshchevka I, kurgan 2; 10 – Kalinovka I, kurgan 1; 11 – Orlovka I, kurgan 2; 12 – Uvarovka II, kurgan 2; 13 – Nizhnyaya Orlyanka I, kurgan 1; 14 – Abashevo, kurgan 2; 15 – Storozhevka, kurgan 1; 16 – Gerasimovka II, kurgan 4, Barushnikov Farm, kurgan 6; 17 – Pyatiletka, kurgan 5; 18 – Krasnosamarskoe I, kurgans 1, 2; 19 – Kutuluk I, kurgan 4; 20 – Pershin, kurgan 1; 21 – Ileksky, kurgan 2; 22 – Linevka III, kurgan 1; 23 – Uvaksy, kurgan 12; 24 – burial Koltubanka; 25 – Kashpir III, kurgan 1; 26 – Prepolovenka I, kurgan 8; 27 – Vladimirovka, kurgan 1; 28 – Pokrovka II, kurgans 12, 17; 29 – Utevka I, kurgans 1–3; 30 – Donguz II, kurgan 2; 31 – Malo-Kizilsky II, kurgan 1; 32 – Zhaman-Kargala, kurgan 1; 33 – Skatovka, kurgan 5; 34 – Stepan Razin's Farm, kurgan 4; 35 – Rovnoye; 36 – Staraya Poltavka; 37 – Svetloye Lake, kurgan 1; 38 – Ilekshar I, kurgan 5; 39 – Saigachy mine; 40 – Ishkinovsky mine; 41 – Engels, kurgan 2 (the schematic map was compiled by the authors after: [Merpert, 1974, fig. 2; Morgunova, 2014, fig. 1])

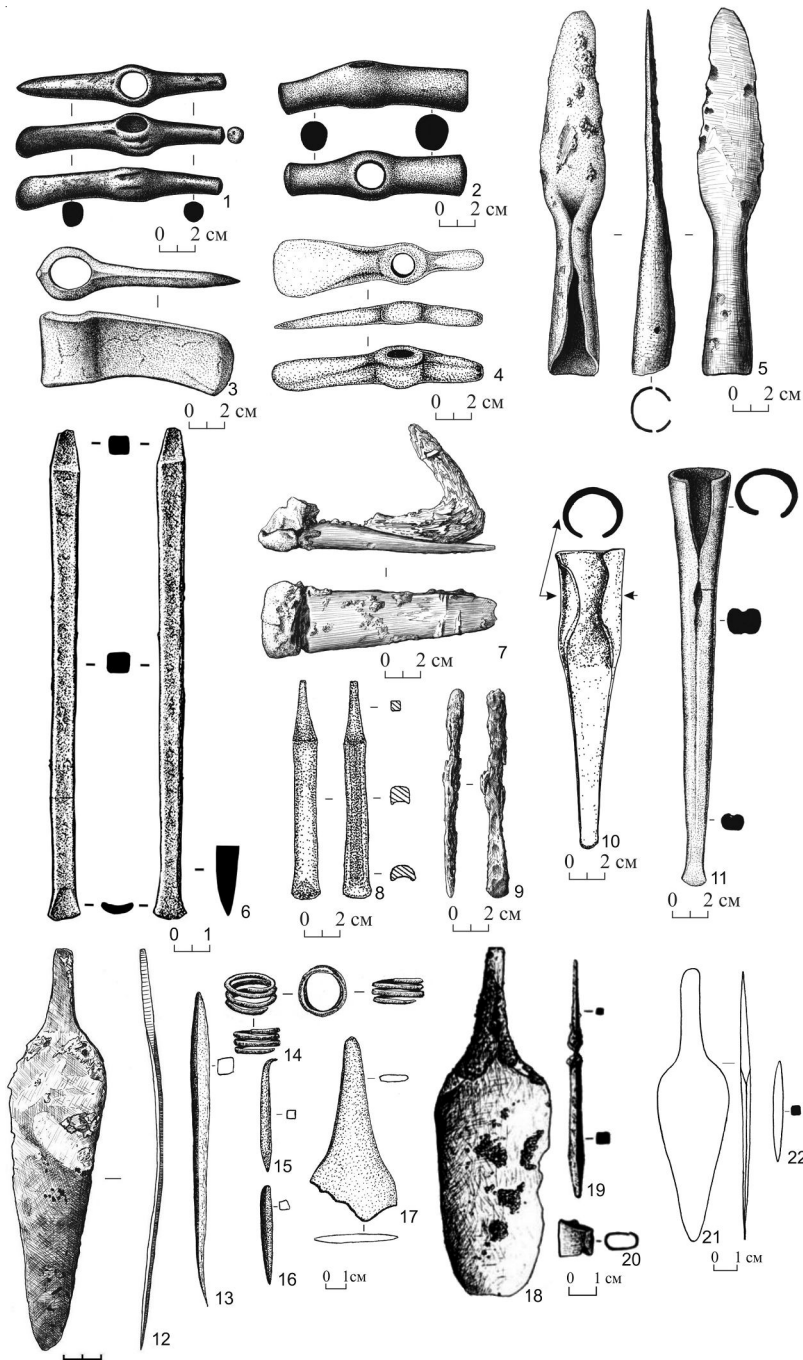

Рис. 2. Основные типы медных изделий из памятников ямной культуры Южного Приуралья

Памятники развитого этапа: 1 – Нижняя Павловка V, кург. 1, погр. 2; 2 – Увак, кург. 12, погр. 4; 3 – Тамар-Уткуль VII, кург. 8, погр. 4; 4 – у хут. Барышников, кург. 6, погр. 3; 5 – Болдырево I, кург. 1, погр. 1; 6 – Пятилетка, кург. 5, погр. 2;

7 – Болдырево I, кург. 1, погр. 1; 8 – хут. Барышников, кург. 6, погр. 3; 9 – Болдырево I, кург. 1, погр. 1; 10 – Мустаево V, кург. 1, погр. 1; 11 – Тамар-Уткуль VII, кург. 8, погр. 4; 12 – Болдырево IV, кург. 2, погр. 1.

Памятники раннего (репинского) этапа: 13–17 – пос. Турганикское; 18–20 – Герасимовка II, кург. 4, погр. 2; 21–22 – Покровка II, кург. 17, погр. 1 (по: [Моргунова, 2014])

Fig. 2. The main types of copper items from the monuments of the Yamnaya culture of the Southern Urals

Monuments of the advanced stage: 1 – Nizhnyaya Pavlovka V, kurgan 1, burial 2; 2 – Uvak, kurgan 12, burial 4; 3 – Tamar-Utkul VII, kurgan 8, burial 4; 4 – Farm Baryshnikov, kurgan 6, burial 3; 5 – Boldyrevo I, kurgan 1, burial 1; 6 – Pyatiletka, kurgan 5, burial 2; 7 – Boldyrevo I, kurgan 1, burial 1; 8 – Farm Baryshnikov, kurgan 6, burial 3; 9 – Boldyrevo I, kurgan 1, burial 1; 10 – Mustaevo V, kurgan 1, burial 1; 11 – Tamar-Utkul VII, kurgan 8, burial 4; 12 – Boldyrevo VI, kurgan 2, burial 1. Monuments of the early (Repinsky) stage: 13–17 – settlement Turganikskoe; 18–20 – Gerasimovka II, kurgan 4, burial 2; 21–22 – Pokrovka II, kurgan 17, burial 1 (after: [Morgunova, 2014])

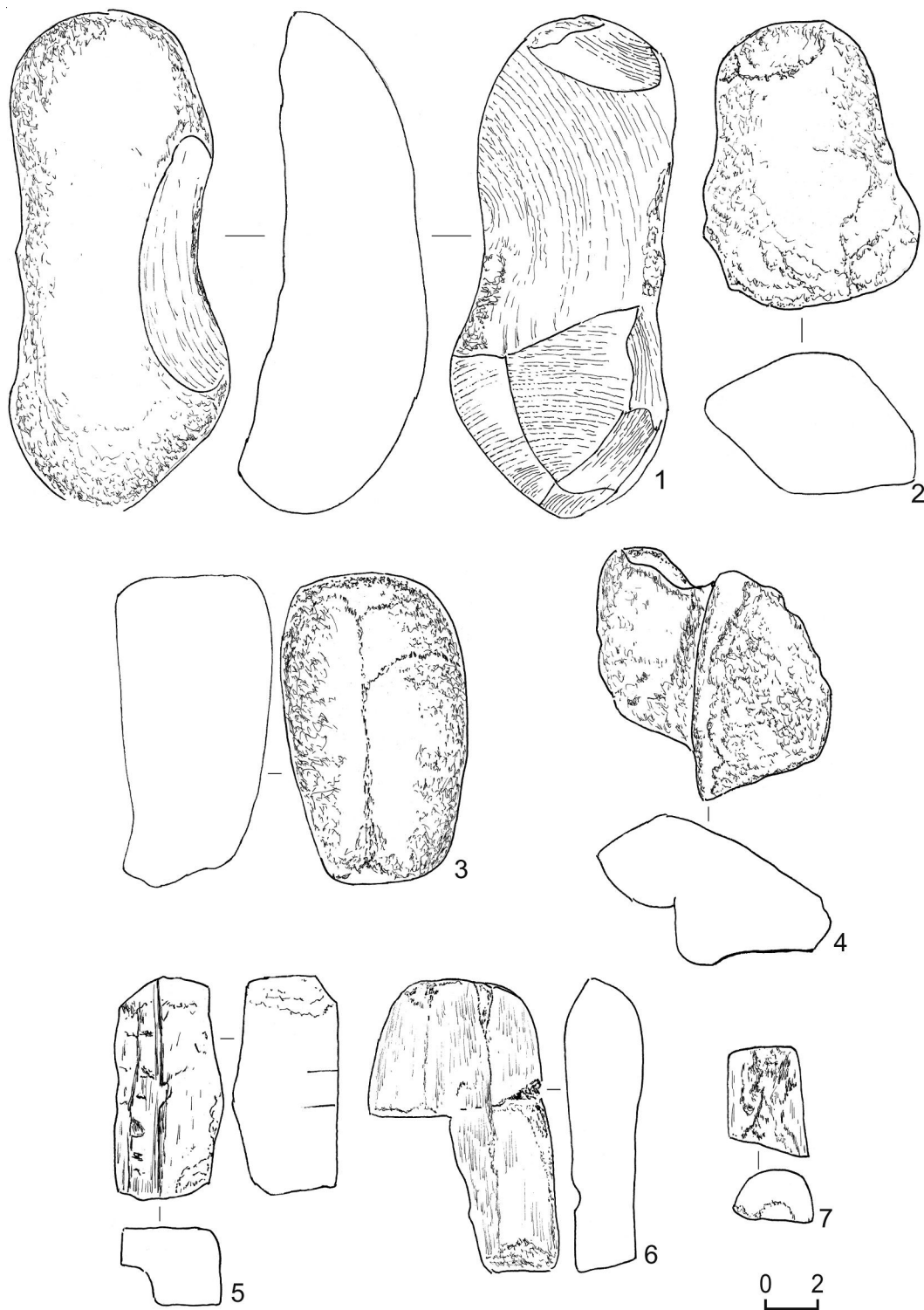

Рис. 3. Каменные орудия для металлургии, поселение Турганикское
(рисунки выполнены И.В. Горашуком):

1-2 – молоты для дробления медной руды, крепившиеся на рукояти; 3 – каменный молот с ручным удержанием;
4 – рудотерка; 5-7 – литейная форма

Fig. 3. Stone tools for metallurgy, Turganik settlement (drawings by I.V. Goraschuk):

1-2 – hammers for crushing copper ore, attached to the handle; 3 – hand held stone hammer;
4 – ore mortar; 5-7 – casting mold

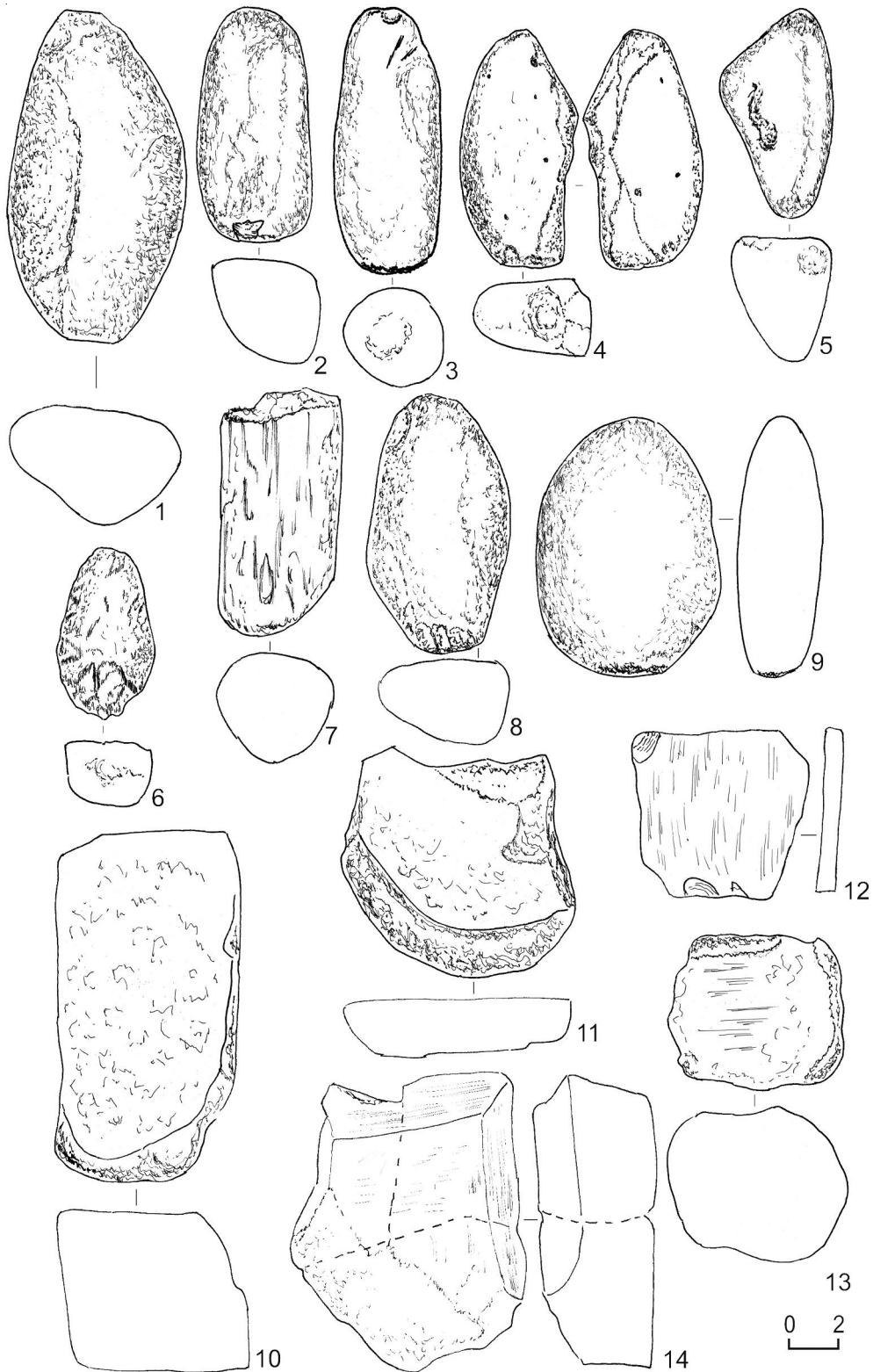

Рис. 4. Каменные орудия для металлообработки, поселение Турганикское (рисунки выполнены И.В. Горащук):

1-9 – кузнечные молоты; 10 – наковальня; 11, 13, 14 – орудия для выравнивания граней; 12 – оселок

Fig. 4. Stone tools for metalworking, Turganik settlement (drawings by I.V. Goraschuk):

1-9 – blacksmith's hammers; 10 – anvil; 11, 13, 14 – tools for leveling edges; 12 – touchstone

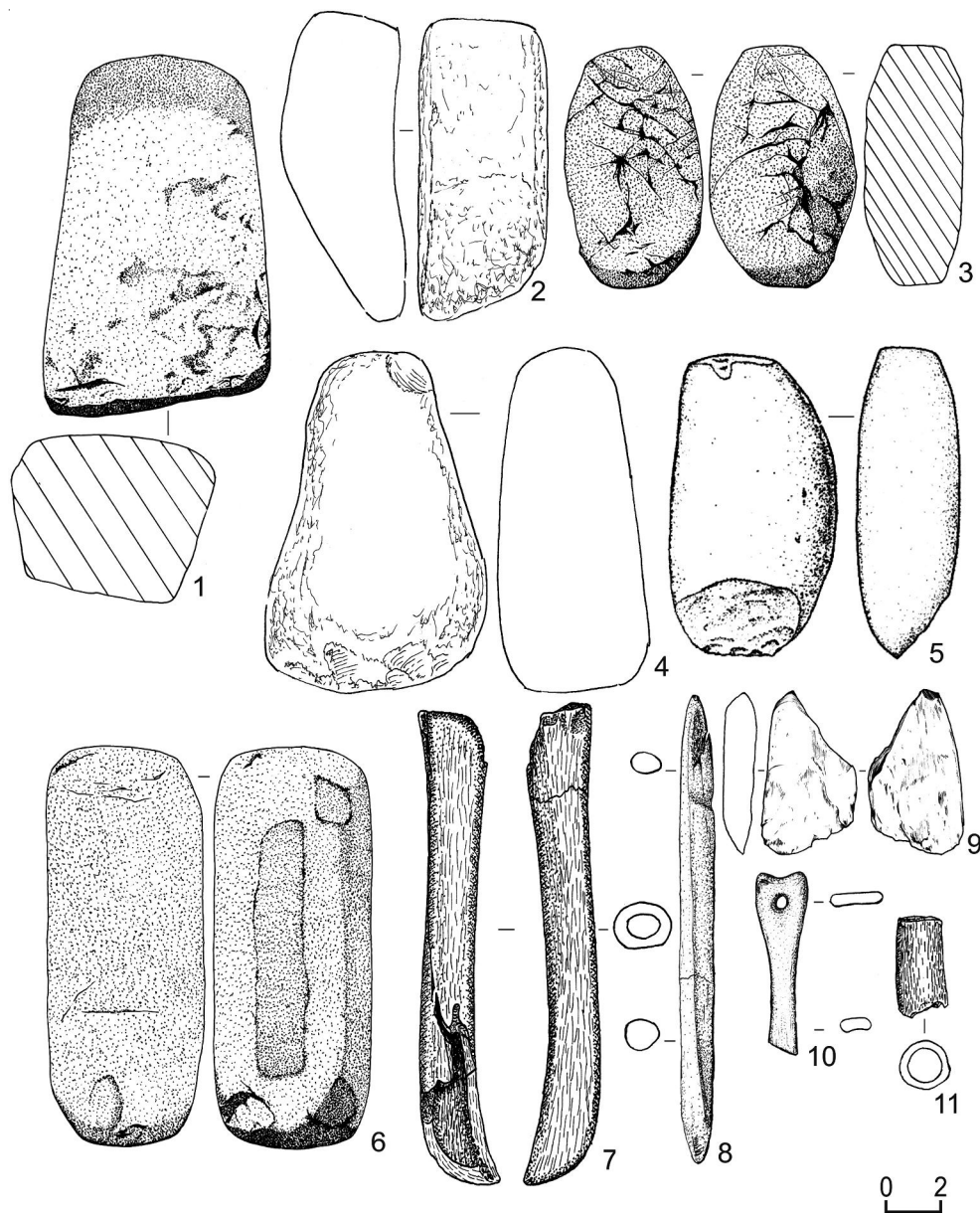

Рис. 5. Каменные орудия для металлопроизводства из памятников ямной культуры Южного Приуралья (рисунки выполнены авторами):

- 1 – наковальня (Тамар-Уткуль VII, кург. 1, погр.1); 2 – кузнечный молот и гладилка (Тамар-Уткуль VII, кург. 4, погр. 7); 3 – кузнечный молот (Тамар-Уткуль VII, кург. 1, погр. 1); 4 – пест для дробления руды (Изобильное, кург. 6, погр. 3); 5 – кузнечный молот (Болдырево I, кург. 1, погр. 1); 6 – молот для дробления руды (Тамар-Уткуль VII, кург. 1, погр. 1).
Турганикское поселение: 8, 10 – костяные орудия со следами обработки металлическими инструментами; 9 – старательский совок из кости; 7, 11 – костяные сопла

Fig. 5. Stone tools for metal production from the sites of the Yamnaya culture of the Southern Urals (drawn by authors):

- 1 – anvil (Tamar-Utkul VII, kurgan 1, burial 1); 2 – forging hammer and trowel (Tamar-Utkul VII, kurgan 4, burial 7); 3 – forging hammer (Tamar-Utkul VII, kurgan 1, burial 1); 4 – hammer for ore crushing (Izobilnoye, kurgan 6, burial 3); 5 – forging hammer (Boldyrevo I, kurgan 1, burial 1); 6 – hammer for ore crushing (Tamar-Utkul VII, kurgan 1, burial 1).
Turganik settlement: 8, 10 – bone tools with traces of processing by metal tools; 9 – bone prospectors scoop; 7, 11 – bone nozzles

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е. Е., Моралес А., 2005. «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // *OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии*. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 29–44.
- Богданов С. В., 2019. Технологии горно-металлургического производства эпохи раннего металла Северной Евразии с позиций экспериментальной археологии // *Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э.* Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 161–174.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А., 2000. Ямная и полтавкинская культуры // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Самара : Самар. науч. центр РАН. С. 6–64.
- Дегтярева А. Д., 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука. 162 с.
- Ержанова А. Е., 2020. Каменные орудия металлургов : типология, трасология // *Талдысай – поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи*. Алматы : Ин-т археологии А.Х. Маргулана. С. 103–135.
- Каргалы, 2004. Т. III: Селище Горный : Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М. : Яз. славян. культуры. 320 с.
- Каргалы, 2005. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов : палеоантропологические исследования. М. : Яз. славян. культуры. 240 с.
- Килейников В. В., 1984. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // *Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи*. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 110–120.
- Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г., 2005. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб. : Европейский Дом. 316 с.
- Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. : Наука. 166 с.
- Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 348 с.
- Моргунова Н. Л., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Файзуллин А. А., Хохлова О. С., 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург : Издательский центр ОГАУ. 299 с.
- Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., 2018. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // *Stratum Plus*. № 2. С. 35–60.
- Орловская Л. Б., 1994. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург : Наука. С. 112–115.
- Рысин М. Б., 2007. Связи Кавказа с волго-уральским регионом // *Археологические вести*. № 14. С. 184–220.
- Ткачев В. В., 2020. Трансграничная зона срубной и алакульской культур в степном Приуралье : физико-географический и горно-металлургический аспекты // *Поволжская археология*. № 3 (33). С. 116–127.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1962. Новые памятники неолита и бронзы в Оренбургской области // *Вопросы археологии Урала*. № 2. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та. С. 16–20.
- Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. : Наука. 144 с.
- Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука. 180 с.

REFERENCES

- Antipina E.E., Morales A., 2005. «Cowboys» vostochnoevropeyskoy stepi v pozdnem bronzovom veke [“Cowboys” of the Eastern European Steppe in the Late Bronze Age]. *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology], iss. 4. Moscow, IA RAN, pp. 29-44.
- Bogdanov S.V., 2019. Tekhnologii gorno-metallurgicheskogo proizvodstva epohi rannego metalla Severnoy Evrazii s pozitsiy eksperimental'noy arkhologii [Technologies of Mining and Metallurgical Production of the Early Metal Era of Northern Eurasia from the Standpoint of Experimental Archaeology]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosity Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys.*

- do n.e. [Phenomena of the Cultures of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Zone of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th–3rd Millennium BC]. Orenburg, OSPU, pp. 161-174.
- Vasiliev I.B., Kuznetsov P.F., Turetskiy M.A., 2000. Ymnaya i poltavinskaya kul'tury [Yamnaya and Poltava Culture]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshih vremen do nashih dney. Bronzovyy vek* [History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Bronze Age]. Samara, Samara Scientific Center RAS, pp. 6-64.
- Degtyareva A.D., 2010. *Istoriya metalloproduktstva Yuzhnogo Zauralya v epohu bronzy* [Metal Production History of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 162 p.
- Erzhanova A.E., 2020. Kamennye orudiya metallurgov: tipologiya, trasologiya [Stone Tools of Metallurgists: Typology, Traceology]. *Taldysay – poselenie drevnih metallurgov pozdnebronzovogo veka v Ulytauskoy stepi* [Taldysay – Settlement of Ancient Metallurgists of the Late Bronze Age in the Ulytau Steppe]. Almaty, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, pp. 103-135.
- Kargaly, 2004. Vol. III: *Selishche Gornyy: Arkheologicheskie materialy: Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: arkheobiologicheskie issledovaniya* [Gorny Site: Archaeological Materials: Mining and Metallurgy: Archaeobiological Studies]. Moscow, Yazyki slavianskoy kul'tury Publ. 320 p.
- Kargaly, 2005. Vol. IV: *Nekropoli na Kargalah; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya* [Kargaly Necropolis; Kargaly Populations Paleanthropological investigation]. Moscow, Yazyki slavianskoy kul'tury Publ. 240 p.
- Kileynikov V.V., 1984. Kamennye gornometallurgicheskie i metalloobrabatyvayushchie orudiya Mosolovskogo poseleniya [Stone Mining and Metallurgical and Metalworking Tools of the Mosolovskiy Settlement]. *Epoha bronzy vostochnoevropeyskoy lesostepi* [The Bronze Age of the East European Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 110-120.
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G., 2005. *Poselenie Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kul'tury* [The Settlement of Mikhailovka is a Reference Monument of the Ancient Pit Culture]. St. Petersburg, Evropeiskiy Dom Publ. 316 p.
- Merpert N.Ya. 1974. *Drevneishie skotovodi Voljsko-Uralskogo mejdurechya* [Ancient Cattle Farmers of the Volga-Ural Interfluve]. Moscow, Nauka Publ. 166 p.
- Morgunova N.L., 2014. *Priuralskaya grupa pamyatnikov v sisteme volzhsko-uralskogo varianta yamnoy kulturno-istoricheskoy oblasti* [The Cis-Urals Group of Archaeological Monuments of the Volga-Ural Variety of Yamna Cultural-Historical Area]. Orenburg, OSPU. 348 p.
- Morgunova N.L., Vasil'eva I.N., Kul'kova M.A., Roslyakova N.V., Salugina N.P., Turetskiy M.A., Fayzullin A.A., Khohlova O.S., 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoy oblasti* [Turganik Settlement in the Orenburg Region]. Orenburg, Orenburg State Agricultural University. 299 p.
- Morgunova N.L., Faizullin A.A., 2018. Sotsialnaya struktura yamnoy kultury Volzhsko-Uralskogo mezdurechya [The Social Structure of the Yamnaya (Pit-Grave) Culture of the Volga-Ural Interfluve]. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 35-60.
- Orlovskaya L.B., 1994. Tsvetnoy metall Boldyrevskogo I mogil'nika [Non-ferrous Metal of Boldyrevskiy I Cemetery]. *Morgunova N.L., Kravtsov A. Yu. Pamyatniki drevneyamnoy kul'tury na Ileke* [Monuments of Ancient Pit-Grave Culture on Ileke]. Ekaterinburg, Nauka Publ., pp. 112-115.
- Rysin M.B., 2007. Svyazi Kavkaza s Volgo-Ural'skim regionom [Connections of the Caucasus with the Volga-Ural Region]. *Arkheologicheskie vesti* [Archeological News], no. 14, pp. 184-220.
- Tkachev V.V., 2020. Transgranichnaya zona srubnoy i alakul'skoy kul'tur v stepnom Priural'e: fiziko-geograficheskiy i gorno-metallurgicheskiy aspekty [Crossborder Zone of Srubnaya and Alakul Cultures in the Steppe Pre-Urals: Physical-Geographical and Mining-Metallurgical Aspects]. *Povolzhskaya archeology* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (33), pp. 116-127.
- Fedorova-Davydova E.A., 1962. Novye pamyatniki neolita i bronzy v Orenburgskoy oblasti [New Neolithic and Bronze Monuments in the Orenburg Region]. *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals], no. 2. Sverdlovsk, Ural State University, pp. 16-20.
- Chernykh E.N., 1966. *Istoriya drevneyshey metallurgii Vostochnoy Evropy* [History of the Ancient Metallurgy in Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ. 144 p.
- Chernykh E.N., 1970. *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya* [The most Ancient Metallurgy of the Urals and the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ. 180 p.

Information About the Authors

Nina L. Morgunova, Doctor of Science (History), Professor, Leading Researcher, Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, nina-morgunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Airat A. Faizullin, Candidate of Science (History), Junior Researcher, Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Информация об авторах

Нина Леонидовна Моргунова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, nina-morgunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Айрат Асхатович Файзуллин, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.2>

UDC 903.2

LBC 63.442.6(2)

Submitted: 15.07.2020

Accepted: 27.05.2021

BRONZE FLAT ARROWHEADS WITH STINGS FROM THE NORTH BLACK SEA REGION

Sergey D. Lysenko

Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Vitalij S. Sinika

Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova

Aleksandr V. Gutsul

Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova

Abstract. The article considers the currently known bronze flat petiolate arrowheads with stings found in the steppe and forest-steppe zones of the Northern Black Sea region, along with new finds. In total, 19 petiolate arrowheads with stings and 3 negatives of similar products on casting molds were taken into account. The distribution area of such items covers the entire western part of the region, between Danube-Carpathian region and the Dnieper basin. The finds are concentrated in the southern part of the Middle Dnieper region (9 items), the North-West Black Sea region (5 items), and the Upper Dniester region (3 items). One arrowhead was found in Podolia and another one was discovered in Northern Bukovina. All currently known casting molds for manufacturing petiolate arrowheads stings come from the North-Western Black Sea region, which allows to localize there one of manufacturing centers. Based on the design features of petiolate, it is proposed to divide all flat petiolate arrowheads with stings into five types. In addition, it is considered the possibility of selecting sub-variants if necessary: by the width of the feather, by the length of the petiole, by the presence of rib in the middle of the feather, by the asymmetry of the stings, by massiveness, etc. Arrowheads of the discussed type, with their archaeological context being reliably known (Magala, Novoselitsa, Volkovka, Gordeevka, Petrikov, Stary Buyukany), are associated with closed complexes of the BrD–HaB1 period (XIII–X centuries BC) in the North Black Sea region. All occasional finds from the region can be dated within these limits. The arrival of bronze petiolate arrowheads with stings in the Northern Black Sea region may have been influenced by contacts with the Balkan-Carpathian and Middle Eastern cultural centers. It cannot be ruled out that the regional manufacturing of such arrowheads could be based on imitating local flint implements of the same type, found in various Bronze Age cultures.

Key words: North-West Black Sea region, Middle Dnieper region, Upper Dniester region, Late Bronze Age, bronze arrowheads.

Citation. Lysenko S.D., Sinika V.S., Gutsul A.V., 2021. Bronzovye ploskie chereschkovye nakonechniki strel s zhal'tsami iz Severnogo Prichernomor'ya [Bronze Flat Arrowheads with Stings from the North Black Sea Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 20-38. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.2>

УДК 903.2

ББК 63.442.6(2)

Дата поступления статьи: 15.07.2020

Дата принятия статьи: 27.05.2021

БРОНЗОВЫЕ ПЛОСКИЕ ЧЕРЕШКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ЖАЛЬЦАМИ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сергей Дмитриевич Лысенко

Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

Виталий Степанович Синика

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Приднестровье

Александр Вячеславович Гуцул

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, Приднестровье

Аннотация. В статье с привлечением новых находок рассмотрены известные на сегодняшний день бронзовые плоские черешковые наконечники стрел с жальцами, обнаруженные в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья. Всего учтено 19 черешковых наконечников стрел с жальцами и три негатива подобных изделий на литейных формах. Ареал распространения таких изделий охватывает всю западную часть региона – между Карпато-Подоунавьем и бассейном Днепра. Находки концентрируются в южной части Среднего Поднепровья (9 экз.), Северо-Западном Причерноморье (5 экз.), Верхнем Поднестровье (3 экз.); по одному наконечнику найдено в Подолии и Северной Буковине. Все известные на сегодняшний день литейные формы для изготовления черешковых наконечников стрел с жальцами происходят из Северо-Западного Причерноморья, что позволяет локализовать здесь один из центров по их изготовлению. На основании особенностей конструкции черешка предложено разделение типа плоских черешковых наконечников стрел с жальцами на пять вариантов. Кроме того, рассматривается возможность при необходимости выделения подвариантов: по ширине пера, длине черешка, наличию нервюры в средней части пера, асимметричности жалец, массивности и т. д. В Северном Причерноморье наконечники стрел рассматриваемого типа, контекст находки которых достоверно известен (Магала, Новоселица, Волковка, Гордеевка, Петриков, Старые Буюканы), связаны с закрытыми и замкнутыми комплексами периода $VgD - NaV_1$ (XIII–X вв. до н.э.). В этих пределах могут быть датированы и все случайные находки из региона. На появление в Северном Причерноморье бронзовых черешковых наконечников стрел с жальцами, возможно, повлияли контакты с балкано-карпатскими и ближневосточными культурными центрами. Нельзя также исключать, что в основе регионального изготовления таких наконечников лежит подражание местным кремневым изделиям такого типа, встречающимся в различных культурах эпохи бронзы.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Среднее Поднепровье, Верхнее Поднестровье, эпоха поздней бронзы, бронзовые наконечники стрел.

Цитирование. Лысенко С. Д., Синика В. С., Гуцул А. В., 2021. Бронзовые плоские черешковые наконечники стрел с жальцами из Северного Причерноморья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 20–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.2>

Введение

В 2018–2019 гг. коллекцию Археологического музея Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко пополнила значительная серия случайных находок разных периодов, происходящих с территории Слободзейского и Григориопольского районов. Особое место среди находок занимает серия плоских черешковых наконечников стрел с опущенными вниз жальцами [Лысенко и др., 2020].

В процессе поиска аналогий этим находкам выяснилось, что обобщающая работа по таким наконечникам, происходящим из Северного Причерноморья, отсутствует, а все имеющиеся выборки узко региональны и связаны с конкретными археологическими культурами. Это, как и появившийся новый материал, делает актуальным рассмотрение всех наконечников стрел данного типа из макрорегиона в комплексе.

Материалы

Всего на памятниках степной и лесостепной зон Северного Причерноморья нами учтено 19 черешковых наконечников стрел с жальцами и три негатива подобных изделий на литейных формах.

Приведем ниже описание этих находок по регионам.

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ.

Волковка (Украина, Черкасская обл., Смелянский р-н, с. Ротмистровка) (рис. 1, 11); *жилище 3* (белогрудовская культура) (рис. 2, 4). В 1991 г. Т.Л. и О.В. Битковскими в придонной части заполнения жилища, на 5–10 см выше уровня пола, обнаружен бронзовый наконечник стрелы с жальцами и плоским черешком. Черешок расширяется книзу, с выемкой в основании. Длина наконечника (по прорисовке) – 21 мм; размах лопастей – до 15 мм, толщина – до 2 мм; длина черешка – до 9 мм [Куштан, 2013, с. 45, рис. 46, 31]¹.

В 1986 г. В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков выявили серию металлических наконечников стрел позднего бронзового века в коллекциях краеведов В.Е. Баранова и В.Л. Тараненко, которые нашли их при обследовании остатков сабашиновских поселений на левобережье Днепра, разрушаемых интенсивной береговой эрозией Кременчугского водохранилища, у пос. Градижск, сел Кагамлык, Васьковка и Шушваловка Глобинского района Полтавской области². В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков отмечают, что эти поселения по керамическому комплексу близки сабашиновскому поселению, исследованному И.Н. Шарафутдиновой у с. Чикаловка недалеко от Кременчуга на правом берегу Днепра [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 25]. Однако обратим внимание, что как на Чикаловском поселении, так и на памятниках на размывах левого берега Днепра встречаются материалы разных горизонтов эпохи поздней бронзы – от бабинского до белогрудовско / белозерского, а нахождение наконечников стрел вне комплексов не позволяет однозначно увязывать их именно с сабашиновским горизонтом.

Васьковка (Украина, Полтавская обл., Глобинский р-н) (рис. 1,13). Наконечник стрелы пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и коротким черешком (рис. 3,4). Длина наконечника (по прорисовке) – 23 мм; наибольшая ширина пера – 16 мм; длина черешка – 6 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,10].

Градижск (Украина, Полтавская обл., Глобинский р-н) (рис. 1,15). Найдено три черешковых наконечника стрел с жальцами.

Наконечник стрелы № 1, двухлопастной черешковый, с Т-образной переключиной на конце черешка (рис. 3,1). Черешок круглый в сечении; продолжение его образует вертикальную нервюру по центру пера. Длина наконечника – 42 мм; наибольшая ширина пера – 20 мм; длина черешка – 19 мм, переключины – 11 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 25, рис. 1,4].

Наконечник стрелы № 2, пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и коротким черешком (рис. 3,2). Длина наконечника (по прорисовке) – 23 мм; наибольшая ширина пера – 16 мм; длина черешка – 5 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,11].

Наконечник стрелы № 3, пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и коротким черешком (рис. 3,3). Длина наконечника (по прорисовке) – 20,5 мм; наибольшая ширина пера – до 16,5 мм; длина черешка – 7 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,12].

Кагамлык (Украина, Полтавская обл., Глобинский р-н) (рис. 1,14). Найдено три черешковых наконечника стрел с жальцами.

Наконечник стрелы № 1, пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и удлиненным черешком (рис. 3,5). Длина наконечника – 30 мм; наибольшая ширина пера – 15 мм; длина черешка – 14 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,7].

Наконечник стрелы № 2, пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и удлиненным, расширенным к концу черешком с треугольным вырезом в основании (рис. 3,6). Длина наконечника – 33 мм; наибольшая ширина пера – 17 мм; длина черешка – 13 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,8].

Наконечник стрелы № 3, пластинчатый треугольный, с заостренными, опущенными вниз жальцами и коротким черешком (рис. 3,7). Длина наконечника – 18 мм; наибольшая ширина пера – 17 мм; длина черешка – 5 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,9].

Шушваловка (Украина, Полтавская обл., Глобинский р-н) (рис. 1,12). Наконечник стрелы пластинчатый треугольный с заостренными, опущенными вниз жальцами и коротким черешком (рис. 3,8). Длина наконечника (по прорисовке) – 20 мм; наибольшая ширина пера – 14 мм; длина черешка – 7 мм [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 26, рис. 1,13].

ПОДОЛИЯ.

Гордеевка (Украина, Винницкая обл., Тростянецкий р-н) (рис. 1,4), *курган 34* (белогрудовская культура). Бронзовый треугольный наконечник стрелы с коротким, уплощенным проковкой черешком и асимметричными заостренными жальцами (рис. 2,5). Длина (по прорисовке) – 30 см, ширина пера – 14 мм; длина черешка – 10 мм [Березанская, Лобай, 1988, табл. XVII,6; Berezenskaja, Kločko, 1998, taf. 66,5; Ключко, 2006, с. 205,

рис. 96,5; Березанська, Ключко, 2011, с. 33, рис. 66,5].

ГАЛИЦИЯ.

Вороцев (Украина, Львовская обл., Яворовский р-н) (рис. 1,1)³. Из раскопок Л.Г. Мацкевого 1977 г. происходит плоский треугольный наконечник стрелы с небольшими жальцами и длинным черешком; окончание черешка Т-образное неразвитое, подокруглое (рис. 2,9) [Бандрівський, 2014, с. 187, рис. 73,14].

Гончаровка (Украина, Львовская обл., Золочевский р-н), могильник (рис. 1,2). В 1932 г. Я. Пастернаком опубликован и отнесен к высоцкой культуре плоский треугольный наконечник стрелы с небольшими жальцами и длинным черешком, имеющим на конце Т-образное подовальное расширение (рис. 2,8) [Пастернак, 1932, табл. VIII,2; Бандрівський, 2014, с. 187, рис. 73,13].

Петриков (Украина, Тернопольская обл., Тернопольский р-н) (рис. 1,3), **погребение 56** (ранняя высоцкая культура). Над левой частью тазовой кости, на расстоянии приблизительно 7 см, найден бронзовый наконечник стрелы черешкового типа (рис. 2,6). Наконечник плоский, в разрезе – линзовидный (за счет заточки или проковки граней), концы лопастей – острые. Сохранившаяся длина 23–24 мм, размах лопастей 9 мм, длина выступающего черешка 6–7 мм [Бандрівський, 2002, с. 61, рис. 24,1,2, фото 80; 2014, с. 187, рис. 73,15].

БУКОВИНА.

Магала (Украина, Черновицкая обл., Новоселицкий р-н) (рис. 1,20), **зольник 3** (горизонт Магала II, культура Ноа). В 1957 г. на площади раскопа 5 найден плоский наконечник стрелы с жальцами и длинным черешком (рис. 3,9). Длина наконечника (по прорисовке) – 35,5 мм; наибольшая ширина пера – 19 мм; длина черешка – 19 мм [Смирнова, 1957/22, с. 4, табл. 11,6; 1969, с. 15, рис. 7,1,24].

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.

Новоселица (Украина, Одесская обл., Татарбунарский р-н) (рис. 1,10), **зольник** (поздняя сабастиновская культура). Памятник раскопан в 1975 и 1977 гг. Г.Н. Тошевым. При исследовании зольника был найден черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами и одним шипом на конце черешка (рис. 2,10).

Длина – 34 мм (конец обломан); ширина пера – 16 мм; длина черешка – 11 мм [Тошев, Черняков, 1986, с. 128, рис. 6,4; Ванчугов, Черняков, 1991, с. 25, рис. 1,3].

Старые Буюканы (Молдавия, г. Кишинев) (рис. 1,6), разрушенное погребение (ранний гальштат). Обнаружен в 1982 г. школьниками. Наконечник стрелы с длинным черешком с Т-образным окончанием (рис. 2,7). Лопастей откованы и опущены вниз. Черешок подромбический в сечении; продолжение его образует вертикальную нервюру по центру пера. Длина наконечника – 48 мм, размах лопастей – 25 мм. Согласно информации В.А. Дергачева, наконечник был найден в разрушенном погребении вместе с булавкой с петельчатой пластинчатой головкой [Ванчугов, 1990, с. 93, рис. 35,7; Ванчугов, Черняков, 1991, с. 30, рис. 2,4]. Памятник отнесен к раннегальштатской (карпато-дунайской) культуре Кишинев-Корлатены (Кишинэу-Корлэтеня) [Levițki, 1994, fig. 49,17; Бочкарев, Кашуба, 2018, рис. 3]⁴.

Терновка-1 (Приднестровье, Слободзейский р-н), подъемный материал (2019) (рис. 1,8). Наконечник стрелы – плоский черешковый, с плоским черешком и свисающими жальцами (рис. 2,3). Черешок подтрапециевидный в плане, сужается книзу. Продольное и поперечное сечения наконечника линзовидные; сечение черешка подпрямоугольное. На одной плоскости сохранились следы разметки вырубке черешка и жалец. Длина наконечника – 24,5 мм. Размах лопастей – 20,5 мм. Толщина – до 0,8 мм. Длина черешка – 10 мм; ширина – 3,4–4,4 мм. Длина жалец – 8 и 11 мм; ширина – до 4 мм. Вес наконечника – 0,79 гр.

Токмазея-1 (Приднестровье, Григориопольский р-н), подъемный материал (2019) (рис. 1,7). На площади карьера между селами Спея и Токмазея найдено два наконечника стрел.

Наконечник стрелы № 1, плоский черешковый, с плоским черешком и свисающими жальцами; окончание черешка Т-образное (рис. 2,1). Поперечное сечение наконечника линзовидное; сечение черешка подпрямоугольное. Длина наконечника – 51,7 мм. Размах лопастей – 20,6 мм. Толщина – до 1,7 мм. Длина черешка – до 16 мм; ширина – до 5 мм; толщина – до 1,8 мм. Размеры перекладины

на конце черешка – $8 \times 2,5$ мм. Длина жалец – 7 и 9 мм; ширина – до 4 и 5 мм. Вес наконечника – 3,4 гр.

Наконечник стрелы № 2, плоский черешковый, с плоским черешком и свисающими жальцами; с одной стороны нижней части черешка расположен плоский выступ, наклоненный вниз (рис. 2,2). Поперечное сечение наконечника ромбическое; сечение черешка – подпрямоугольное. Длина наконечника – 49,8 мм. Размах лопастей – 24,7 мм. Толщина – до 3,4 мм. Длина черешка – до 30 мм; ширина – 3,5–5 мм; толщина – 0,7–3,4 мм. Размеры выступа на конце черешка: $4,5 \times 4$ мм, толщина – 0,8 мм. Длина жалец – 13 и 16 мм; ширина – до 3 и 3,5 мм. Вес наконечника – 4,26 гр.

Из Одесской области также происходят две литейные формы с тремя негативами для отливки плоских черешковых стрел с опущенными вниз жальцами (рис. 4).

Слободка (Украина, Одесская обл., Кодымский р-н) (рис. 1,5). Литейная форма, обломок большой матрицы для отливки сразу нескольких наконечников стрел, соединенных последовательно (рис. 4,1). Обнаружена в 1985 г. А.А. Россохацким при обследовании остатков сабаатиновского поселения, разрушенного при строительстве дамбы. Форма изготовлена из серпенцито-хлорито-кварцевого сланца⁵. Обломок прямоугольной формы размерами $47 \times 31 \times 19$ мм. На широкой поверхности вырезан ряд негативов двухлопастных черешковых наконечников стрел с заостренными и опущенными вниз жальцами пера треугольной формы. Полностью сохранился только один негатив наконечника стрелы и верхняя часть второго, поскольку нижняя часть литейной формы обломана. Учитывая общие размеры и толщину обломка литейной формы, В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков предполагают, что на ней помещалось не менее трех негативов наконечников стрел, расположенных в ряд и соединенных между собой. Их отливка осуществлялась одновременно, после чего производилось их обламывание в месте соединения черешка с наконечником стрелы. Длина негатива – 35 мм, наибольшая ширина пера – 16 мм, длина черешка – 15 мм, ширина – 4 мм, глубина вырезки негатива – 3 мм (рис. 2,11). Негативы обожжены и использо-

вались для отливки. Тальковый камень с негативами наконечников стрел использован вторично. На плоских сторонах сохранились остатки прежних негативов от прямоугольного плоского предмета (возможно, долота), часть негатива с треугольным углублением (кельт?), какого-то узкого длинного предмета (шило, браслет). Все прежние негативы обожжены [Ванчугов, 1990, с. 92, рис. 34,2, 35,4; Ванчугов, Черняков, 1991, с. 25, рис. 1,2].

Суворово VI (Украина, Одесская обл., Измаильский р-н) (рис. 1,9). Два негатива на разных сторонах одной литейной формы (рис. 4,2). Литейная форма найдена в 1982 г. на позднесабаатиновском поселении Суворово VI. Она представляет собой обломок ранее большой литейной формы для отливки однолезвийного ножа типа Н-4 (по Е.Н. Черныху). После поломки при последней переделке литейной формы она была разделена на части прямой линией при помощи «техники сверления в ряд», от которой остались следы шести отверстий. На двух плоскостях оставшегося небольшого куска литейной формы были вырезаны два негатива наконечников стрел. На наиболее широкой плоскости был вырезан негатив черенкового двухлопастного наконечника стрелы (№ 1) с заостренными и слегка разведенными в стороны жальцами и Т-образным окончанием черенка. Длина негатива – 45 мм⁶, размах лопастей – 27 мм, длина черенка – 20 мм, длина перекладки – 9 мм, ширина черенка – 2,5 мм. Форма, очевидно, была двусторонней, и общая толщина наконечника стрелы составляла 3–4 мм (рис. 2,13). На одной из граней матрицы вырезан еще один негатив аналогичного наконечника меньших размеров (№ 2). Длина его – 20 мм, размах лопастей 15 мм, длина черенка – 13 мм, ширина черенка – 3 мм, глубина вырезки негатива – 1,2 мм (рис. 2,12) [Черняков и др., 1986, с. 48–49, рис. 2; Ванчугов, 1990, с. 92, рис. 34,1, 35,5–6].

Типология черешковых наконечников стрел с жальцами

В.П. Ванчугов и И.Т. Черняков выделяют восемь вариантов типа плоских треугольных наконечников стрел с жальцами [Ванчугов, Черняков 1991, с. 29–30].

Ниже попытаемся предложить свое видение на разделение таких наконечников стрел на варианты, взяв за основу типологии особенности конструкции черешка. Выделенные варианты могут быть в случае необходимости разделены на подварианты с применением принципа конструктора: по ширине пера, длине черешка (короткий, средний, длинный), наличию / отсутствию нервюры в средней части пера, асимметричности жалец, массивности и т. д.

Вариант 1. Наконечники с простым черешком различной длины (с параллельными гранями или сужающимся книзу):

- широкие с коротким черешком (Васьковка; Градижск, № 2, № 3; Кагамлык, № 3; Шушваловка);
- широкие с черешком средней длины (Кагамлык, № 1; Терновка; Суворово, негатив 2);
- широкие с длинным черешком (Магала);
- узкие с черешком средней длины (Петриков);
- широкие с нервюрой и черешком средней длины (Слободка, негатив).

Вариант 2. Наконечники с расширяющимся к концу черешком:

- асимметричные без нервюры с черешком средней длины (Гордеевка).

Вариант 3. Наконечники с расширяющимся к концу раздвоенным черешком:

- широкие с черешком средней длины (Кагамлык, № 2);
- широкие асимметричные с черешком средней длины (Волковка).

Вариант 4. Наконечники с черешком с шипом:

- широкие с длинным черешком (Токмазея, № 2);
- узкие с черешком средней длины (Новоселица).

Вариант 5. Наконечники с черешком с Т-образным окончанием:

- узкие с черешком средней длины (Токмазея, № 1; Гончаровка; Вороцев);
- широкие с нервюрой и черешком средней длины (Суворово, негатив 1);
- широкие с нервюрой и длинным черешком (Старые Буюканы; Градижск, № 1).

По мере выявления новых артефактов предложенная типология может быть дополнена без нарушения общей структуры.

Ареал и хронология

Общая выборка черешковых наконечников стрел с жальцами (вместе с негативами на литейных формах) в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья составляет 22 экземпляра. Ареал их распространения охватывает всю западную часть региона – между Карпато-Подунавьем и бассейном Днепра (рис. 1).

Находки концентрируются в южной части Среднего Поднепровья (9), Северо-Западном Причерноморье (5 + 3 негатива = 8), Верхнем Поднестровье (3); по одному наконечнику найдено в Подолии и Северной Буковине. Все известные на сегодняшний день литейные формы для изготовления черешковых наконечников стрел с жальцами происходят из Северо-Западного Причерноморья, что позволяет локализовать здесь один из центров по их изготовлению.

Большая часть упомянутых вещей найдена вне комплексов, что делает их однозначную культурно-хронологическую принадлежность недоуверенной. Так, совершенно необоснованным представляется мнение И.К. Свешникова, который отнес наконечник из Гончаровки к почапской группе культуры Хлопице-Веселе эпохи средней бронзы [Свешников, 1974, с. 75, рис. 23,9; Свешников, 1990, с. 64, рис. 18,14]. Спорной выглядит и отнесение именно к сабашиновской культуре серии наконечников с размывов левого берега Днепра под Градижском.

В Северном Причерноморье все плоские черешковые наконечники стрел с жальцами, контекст находки которых достоверно известен (Магала, Новоселица, Волковка, Гордеевка, Петриков, Старые Буюканы), связаны с закрытыми и замкнутыми комплексами периода BrD – HaV₁ (XIII–X вв. до н.э.). В этих пределах могут быть датированы и все случайные находки из региона. Однако следует отметить, что наиболее ранние комплексы (периода BrD: Магала, Новоселица) расположены в регионах, примыкающих к Карпато-Подунавью и связаны с культурным кругом Сабатиновка-Ноа-Кослодженъ.

Рассматриваемый тип бронзовых наконечников стрел в эпоху поздней бронзы нахо-

дит широкие аналогии от Британии до Ирана и от Греции до Польши.

Единичные находки металлических черешковых двулопастных наконечников стрел известны на памятниках Ближнего Востока еще в 3 тыс. до н.э., однако достаточно широкое распространение они получают лишь в позднем бронзовом веке. Черешковые наконечники с жальцами (тип IV по И.Н. Медведской) характерны для первого периода железного века Ирана (1300/1250–1100 гг. до н.э.); наиболее близкие северопричерноморским наконечники происходят из поздних слоев Тарса и Аладжа Гуюк в Анатолии, датируемые 1250–1100 гг. до н.э. На памятниках Северного Кавказа (кобанская культура), Закавказья, Ирана, Сирии, Анатолии конца II – начала I тыс. до н.э. известны стрелы с жальцами, отличающиеся от северопричерноморских несколько более крупными размерами и удлиненным черешком [Погребова, 1977, с. 72–74, табл. 12; Медведская, 1980, с. 23–27, рис. 1; Ванчугов, 1990, с. 92; Козенкова, 1989, табл. XXXVII, 1]. На основании выше-названных аналогий В.П. Ванчуговым было выдвинуто предположение о том, что формирование черешковых типов наконечников с пером подтреугольной формы и опущенными жальцами происходило на территории Переднего Востока, откуда они во второй половине II тыс. до н.э. появились в Центральной Европе и Карпатском бассейне [Ванчугов, 1990, с. 92–93].

Однако этот вывод нельзя считать однозначным. Так, черешковые стрелы с пером в виде заостренного листа со слабо выраженными жальцами известны на памятниках синташтинской культуры Приуралья (XVII–XVI вв. до н.э.) [Генинг и др., 1992, рис. 171, 3, 185, 1–5, 186]. В Центральной и Западной Европе (Швейцария, Бавария, Пфальц, Южная Германия; Франция; Британия) плоские наконечники с жальцами встречаются на памятниках середины – второй половины II тыс. [Müller-Kaґre, 1980, taf. 313, 38, 347, C, 3–4, 348, C, 5, 420, 15, 441, E, 2, 5, 6, 443, C, 15, 16, 18, 450, F, 15, 462, A, 11, 488, E, 3] и в целом синхронны своим ближневосточным аналогам. В.П. Ванчугов (несколько пересмотревший свои более ранние взгляды) и И.Т. Черняков отмечают, что плоские треугольные наконечники стрел

с опущенными жальцами находят ближайшие аналогии в Микенской Греции, где они были распространены начиная с позднемикенского периода МП-II (1500 г. до н.э.) и продолжали бытовать до так называемого темного периода [Ванчугов, Черняков, 1991, с. 30]. В Румынии плоские наконечники с центральной нервюрой и «шпорой» на черешке происходят из клада Шпэльнак II в Трансильвании, относящегося к периоду HaA₁ (XII в. до н.э.) [Petrescu-Dîmbovița, 1977, p. 109, pl. 202, 12, 13]. В Польше плоские наконечники с жальцами известны на памятниках лужицкой культуры [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 3, 3–5], в которой доживают до периода HaD (VI в. до н.э.) (рис. 3, 10) [Gardawski, 1979, S. 141, Tab. XXXVIII, 9].

На наш взгляд, не представляется возможным однозначно сказать, какой из центров – ближневосточный или балкано-дунайский – повлиял на появление плоских металлических стрел с жальцами в Северном Причерноморье. Скорее всего, правомернее ставить вопрос о разновекторных контактах региона, лежащего на путях трансевразийских коммуникаций. Кроме того, внешние влияния могли наложиться на местные традиции. Так, кремневые черешковые наконечники стрел с жальцами зафиксированы в разных культурах эпохи бронзы Северного Причерноморья, от ее раннего периода до финального: ямной (рис. 5, 1) [Razumow, 2011, fig. 16, 1], бабинской (рис. 5, 2) [Березанская, 1986, рис. 4, 10], комаровской (рис. 5, 3) [Лысенко, Лысенко, 2017, рис. 9, 3], сосницкой (рис. 5, 4, 8, 9) [Березанская, 1972, табл. V, 5б; Лысенко, Разумов, 2010, рис. 7, 2–3], поздней сосницкой (лебедовской) (рис. 5, 5–7) [Шидловський та ін., 2016, рис. 102, 4–6], висоцкой (рис. 5, 10–13) [Бандрівський, 2014, фото 79], ранней лужицкой (рис. 5, 14–15) [Клочко, 2006, рис. 93, 1, 2]. Даже если не исключать наличие на просторах Евразии некоего первоначального очага формирования подобного типа бронзовых наконечников стрел, в основе их регионального изготовления, возможно, лежит подражание местным кремневым изделиям. Кремневые наконечники такого типа появляются в регионе раньше и, видимо, переживают свои бронзовые аналоги.

Иные типы бронзовых черешковых наконечников стрел в Северном Причерноморье

Кроме плоских черешковых наконечников с жальцами в Северном Причерноморье известны и плоские наконечники нескольких иных типов – черешковые и бесчерешковые без жалец.

Литейная форма для отливки двух листовидных черешковых наконечников стрел с нервюрой найдена в 1961 г. А.В. Бодянским на сабашиновском поселении *Вышеатарасовка IV (Тарасовка IV)* (Днепропетровская обл., Томаковский р-н). Обломок талькового сланца так же, как и в других случаях, был использован вторично. На плоскостях сохранились плохо различимые следы ранее вырезанных и затем сошлифованных негативов. Размеры литейной формы – 64 × 35 × 15 мм. На верхней плоскости вырезаны два почти одинаковых негатива черешковых удлиненно-листовидных наконечников стрел (рис. 3,13). Длина негативов – 56 мм, длина пера – 35 мм, ширина – 7 мм, длина черешка – 21 мм, глубина негатива – 2 мм. Поверхность негативов слабо обожжена [Шарафутдинова, 1987, рис. 1,4; Ванчугов, Черняков, 1991, с. 25, рис. 1,1, 4,7].

В 1973 г. И.И. Артеменко в кургане поздней сосницкой культуры у оз. *Голосок* (Брянская обл., Жуковский р-н, с. Вщиж) был обнаружен плоский наконечник стрелы *треугольной формы с длинным черенком* (рис. 3,14). Длина (по фото) – около 66 мм, длина пера – 42 мм; ширина – 12 мм, ширина черешка – 6–7 мм [Артеменко, 1987, с. 111, рис. 52,11; Разлуцкая и др., 2013, с. 41, фото 14, 16,1].

Из слоя могильника поздней сосницкой (лебедовской) культуры *Бобрница* (Черкасская обл., Каневский р-н) происходит *железный* плоский подтреугольный наконечник с обломанным черешком (рис. 3,12). Длина сохранившейся части – 25 мм; ширина пера – до 12,2 мм; толщина – до 1,6 мм [Даниленко, 1956, с. 16, табл. VIII,11; Березанская, 1976, с. 202, рис. 9,11; Артеменко, 1987, с. 111].

На противоположных берегах Днепра к югу от Киева найдены бронзовые *бесчерешковые наконечники в виде высоких треугольников*. Один из них, из бронзовой «плоской пластины в виде пирамидки», происходя-

щий из с. *Вишенки* (Киевская обл., Бориспольский р-н), был представлен на XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. [Каталог..., 1902, с. 108, № 885]. Еще один бронзовый плоский наконечник стрелы в форме высокого треугольника был найден в 1950 г. В.Н. Даниленко у с. *Подгорцы* (Киевская обл., Обуховский р-н) (рис. 3,11) [Даниленко, 1956, табл. VIII,2]. Перечисленные находки могут быть отнесены к заключительному периоду эпохи поздней бронзы и датированы последней четвертью II – началом I тыс. до н.э.

На заключительном этапе периода поздней бронзы плоские наконечники стрел существуют с втульчатыми наконечниками разных типов [Черняков и др., 1986; Ванчугов, Черняков, 1991]. В раннем железном веке втульчатые наконечники окончательно вытесняют плоские в степи и южной лесостепи Северного Причерноморья. Дальнейшее развитие плоские наконечники листовидной, подромбической и подтреугольной формы, а также плоские бесчерешковые наконечники с двумя шипами находят в культурах подгорцевско-милоградского круга северной лесостепи Северного Причерноморья и Полесья раннего железного века [Даниленко, 1956, табл. V; Мельниковская, 1967, с. 69–70, рис. 29; Вергей, 1995, с. 91, рис. 3,1; Лысенко, 2004, с. 15–16, рис. 2,25, 3,2–32,34,43].

Заключительные положения

Плоские черешковые наконечники стрел с жальцами из Северного Причерноморья в позднем бронзовом веке охватывают два основных региона – бассейн Днестра (с прилегающими территориями Нижнего Подунавья, Северной Буковины и Подолии) и южную часть Среднего Поднепровья, связанного с бассейном Днестра южной ветвью трансевропейского лесостепного пути. На основании находок из закрытых и замкнутых комплексов такие наконечники могут быть датированы в макрорегионе в пределах периода BrD – NaV₁ (XIII–X вв. до н.э.). Толчком к формированию этого типа артефактов могли послужить культурные контакты с балкано-карпатскими и ближневосточными центрами, а также воплощение в металле традиционных форм, известных по кремневым наконечникам стрел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодарим Д.П. Куштана за любезное предоставление копии прорисовки наконечника из черновика отчета Т.Л. Битковской о раскопках на поселении Вовковка в 1991 году. К сожалению, отчет так и не был сдан, а сам наконечник стрелы, похоже, утерян.

² Упомянутые наконечники стрел были найдены на размывах разрушающихся памятников без применения металлодетекторов и опубликованы еще в советское время. Поэтому републикацию вещей из этих частных коллекций считаем возможной и не относим к популяризации незаконных археологических изысканий. Материалы же с современных сайтов грабителей в настоящей публикации не используются из принципиальных соображений.

³ В публикациях наконечники стрел из Воронцова и Гончаровки представлены без масштаба. Однако в монографии Н.С. Бандриковского [2014] эти наконечники изображены рядом с наконечником из Петрикова, размеры которого известны. Поэто-

му на иллюстрациях в настоящей публикации наконечники из Гончаровки и Воронцова приводятся в тех же пропорциях по отношению к наконечнику стрелы из Петрикова, как и в монографии Н.С. Бандриковского.

⁴ В монографии О. Левицкого [Levički, 1994] изображение наконечника стрелы ошибочно подано в масштабе 0,7 от натуральной величины. В настоящей публикации приводим изображение наконечника из Старых Буюкан по О. Левицкому [Levički, 1994], но в соответствии с размерами, приводимыми в монографии В.П. Ванчугова [1990].

⁵ Определение кандидата геолого-минералогических наук, доцента Одесского университета Л.В. Ищенко.

⁶ Размеры негативов наконечников даны по первой публикации литейной формы [Черняков и др., 1986, с. 48]. В монографии В.П. Ванчугова приводятся несколько иные промеры. № 1: длина негатива – 38 мм, размах лопастей 26 мм. № 2: длина негатива – 22 мм, размах лопастей – 16 мм [Ванчугов, 1990, с. 92].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

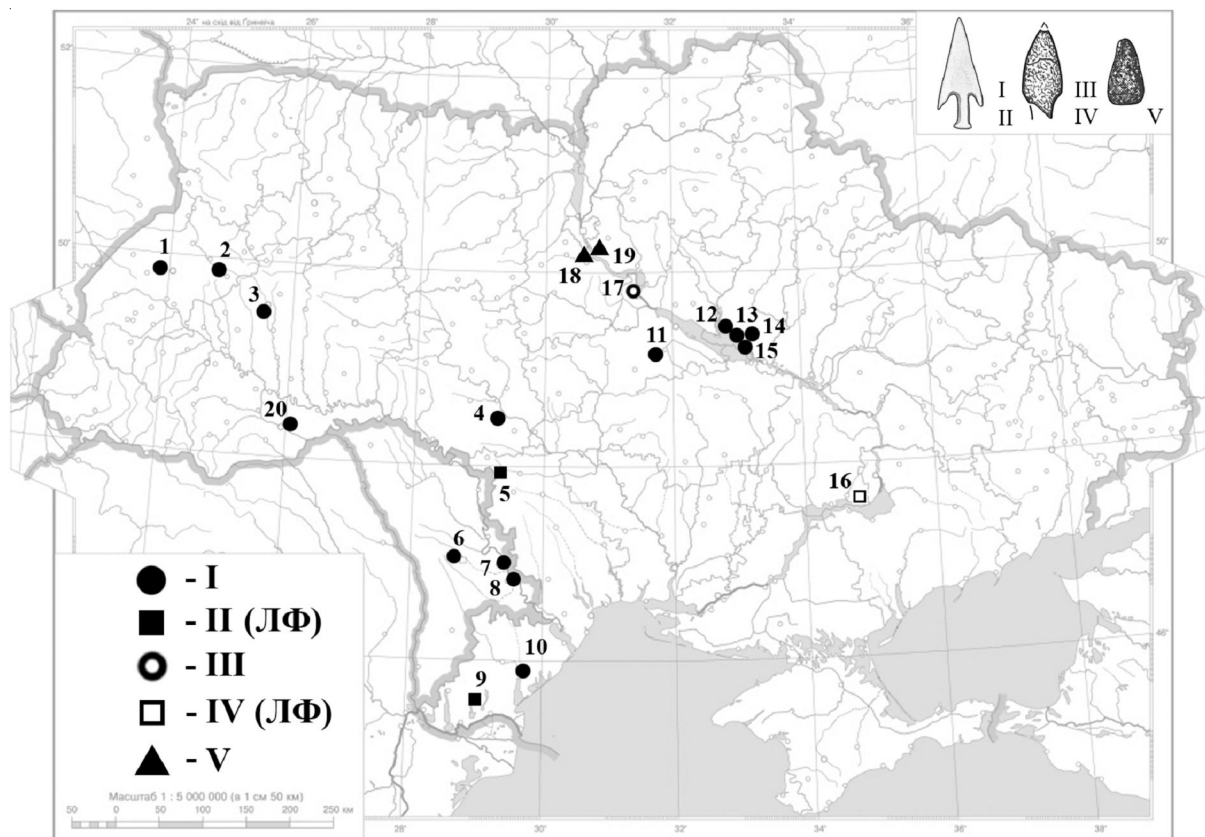

Рис. 1. Распространение бронзовых плоских черешковых и бесчерешковых наконечников стрел заключительного периода эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье:

I – черешковые наконечники стрел с жальцами;

II – литейные формы для отливки черешковых наконечников стрел с жальцами;

III – листовидные черешковые наконечники стрел;

IV – литейные формы для листовидных черешковых наконечников стрел;

V – бесчерешковые треугольные наконечники стрел.

1 – Вороцев; *2* – Гончаровка; *3* – Петриков; *4* – Гордеевка; *5* – Слободка; *6* – Старые Буюканы; *7* – Токмазея; *8* – Терновка; *9* – Суворово; *10* – Новоселица; *11* – Волковка; *12* – Шушваловка; *13* – Васьковка; *14* – Кагамлык; *15* – Градизжск; *16* – Вышетарасовка; *17* – Бобрица; *18* – Подгорцы; *19* – Вишенки; *20* – Магала

Fig. 1. Distribution of bronze flat petiolate and petiolate-free arrowheads of the final period of the Late Bronze Age in the North Black Sea Region:

I – petiolate arrowheads with stings; *II* – casting molds for casting petiolate arrowheads with stings;

III – leaf-shaped petiolate arrowheads; *IV* – casting molds for leaf-shaped petiolate arrowheads;

V – petiolate-free triangle arrowheads.

1 – Vorotsev; *2* – Goncharovka; *3* – Petrikov; *4* – Gordeevka; *5* – Slobodka; *6* – Old Buyukany; *7* – Tokmazeya; *8* – Ternovka; *9* – Suvorovo; *10* – Novoselitsa; *11* – Volkovka; *12* – Shushvalovka; *13* – Vaskovka; *14* – Kagamlyk; *15* – Gradizhsk; *16* – Vyshetsarasovka; *17* – Bobritsa; *18* – Podgortsy; *19* – Vishenki; *20* – Magala

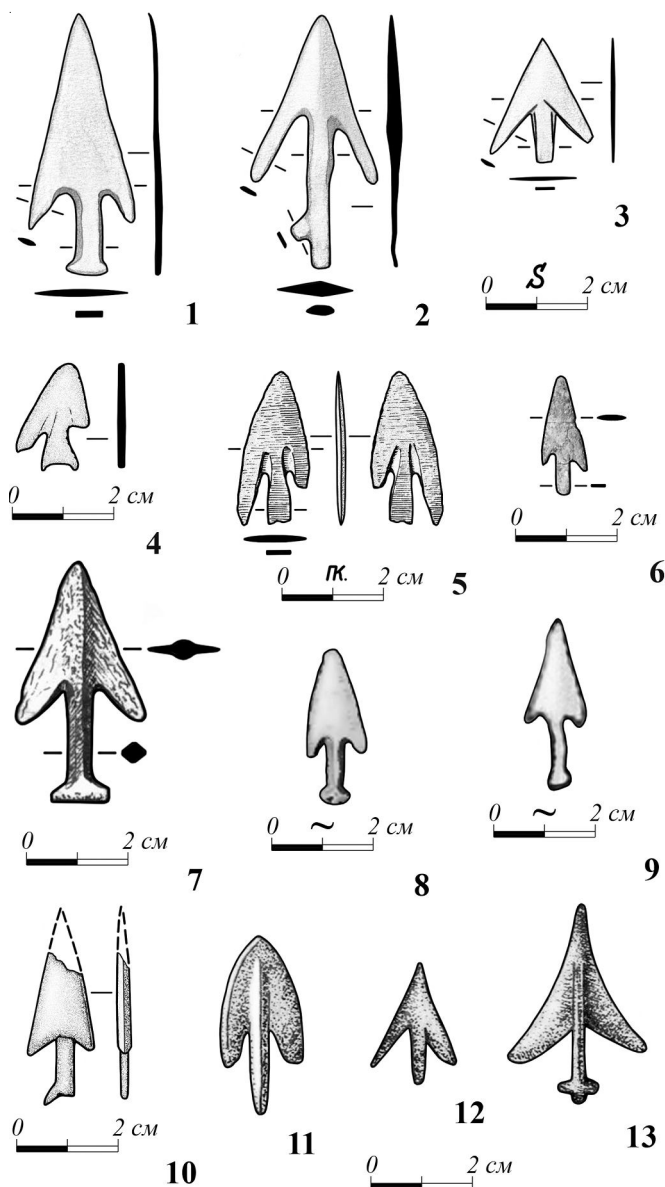

Рис. 2. Металлические черешковые наконечники стрел с жальцами заключительного периода эпохи поздней бронзы:

- 1–2 – Токмазея-1; 3 – Терновка-1 (фонды Археологического музея Приднестровья; рис. С.Д. Лысенко);
 4 – Волковка (по: [Куштан, 2013, рис. 46,31]); 5 – Гордеевка, кург. 34 (по: [Березанская, Лобай, 1988, табл. XVII,6]);
 6 – Петриков, погр. 56 (по: [Бандрівський, 2002, рис. 24,2, фото 80]);
 7 – Старые Буюканы (по: [Levički, 1994, fig. 49,17], масштаб по: [Ванчугов, 1990, с. 93, рис. 35,7]);
 8 – Гончаровка (по: [Пастернак, 1932, табл. VIII,2]); 9 – Вороцев (по: [Бандрівський, 2014, рис. 73,14]);
 10 – Новоселица (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,3]); 11 – Слободка (по: [Ванчугов, 1990, рис. 35,4]);
 12–13 – Суворово VI (по: [Ванчугов, 1990, рис. 35,5–6]).
 1–10 – бронза; 11–13 – реконструкция по негативам на литейных формах

Fig. 2. Metal petiolate arrowheads with stings of the final period of the Late Bronze Age:

- 1–2 – Tokmazeya-1; 3 – Ternovka-1 [funds of the Archaeological Museum of Podnestrovie; drawing by S. D. Lysenko];
 4 – Volkovka (after: [Kushtan, 2013, fig. 46,31]); 5 – Gordeevka, kurgan 34 (after: [Berezanskaya, Lobay, 1988, tab. XVII,6]);
 6 – Petrikov, burial 56 (after: [Bandrivsky, 2002, fig. 24,2, photo 80]);
 7 – Starye Buyukany (after: [Levički, 1994, fig. 49,17], scale after: [Vanchugov, 1990, p. 93, fig. 35,7]);
 8 – Goncharovka (after: [Pasternak, 1932, tab. VIII,2]); 9 – Vоротsev (after: [Bandrivsky, 2014, fig. 73,14]);
 10 – Novoselitsa (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,3]); 11 – Slobodka (after: [Vanchugov, 1990, fig. 35,4]);
 12–13 – Suvorovo VI (after: [Vanchugov, 1990, fig. 35,5–6]).
 1–10 – bronze; 11–13 – reconstruction after negatives on the casting molds

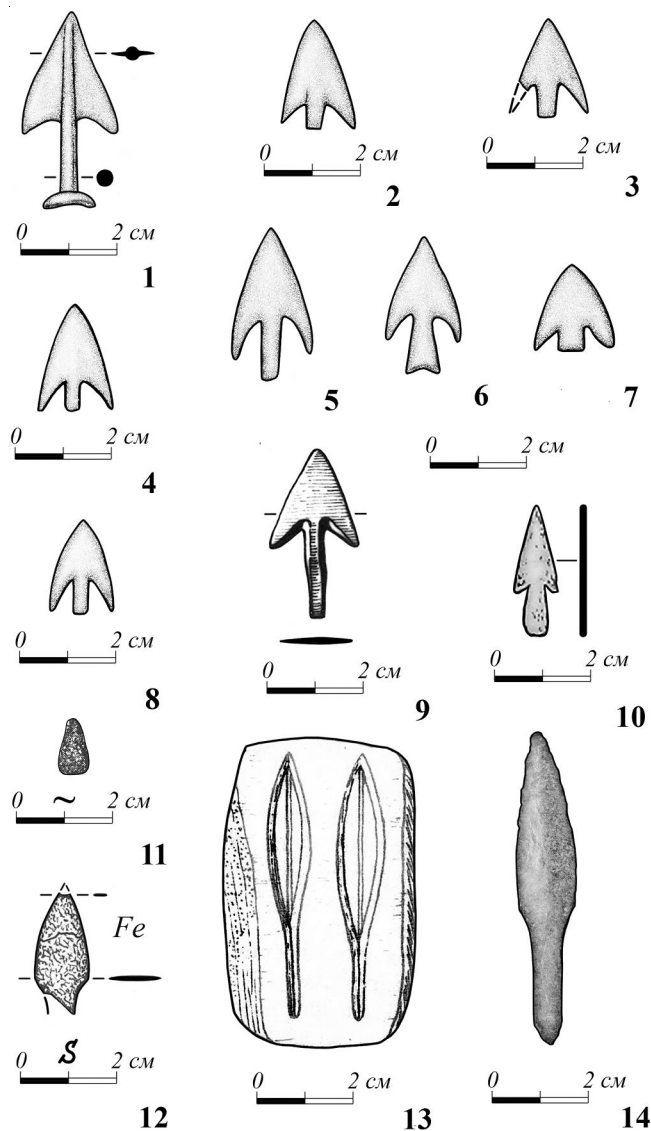

Рис. 3. Металлические черешковые и бесчерешковые наконечники стрел заключительного периода эпохи поздней бронзы:

- 1–3 – Градижск (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,4,11,12]); 4 – Васьковка (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,10]);
 5–7 – Кагамлык (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,7–9]); 8 – Шушваловка (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,13]);
 9 – Магала, зольник 3 (по: [Смирнова, 1957, с. 4, табл. 11,6]);
 10 – Warszawa-Miedzeszyn, gr. 7 (лужицкая культура) (по: [Gardawski, 1979, t. XXXVIII,9]);
 11 – Подгорцы (по: [Даниленко, 1956, табл. VIII,2]); 12 – Бобрлица (фонды ИА НАНУ; рис. С.Д. Лысенко);
 13 – Вышетарасовка-IV (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,1]);
 14 – Голосок, кург. 1973 г. (по: [Разлуцкая и др., 2013, фото 14]).
 1–11, 14 – бронза; 12 – железо; 13 – литейная форма

Fig. 3. Metal petiolate and petiolate-free arrowheads of the final period of the Late Bronze Age:

- 1–3 – Gradizhsk (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,4,11,12]);
 4 – Vaskovka (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,10]);
 5–7 – Kagamlyk (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,7–9]);
 8 – Shushvalovka (after: [Vanchugov, Chernyakov 1991, fig. 1,13]);
 9 – Magala, ashery 3 (after: [Smirnov, 1957, p. 4, tab. 11,6]);
 10 – Warszawa-Miedzeszyn, gr. 7 (Luzatian culture) (after: [Gardawski, 1979, t. XXXVIII,9]);
 11 – Podgortsy (after: [Danilenko, 1956, tab. VIII,2]);
 12 – Bobritsa (funds of the Institute of Archaeology, National Academy of Science of the Ukraine; drawing by S. D. Lysenko);
 13 – Vyshetarasovka-IV (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,1]);
 14 – Golosok, kurgan 1973 (after: [Razlutskaia et al., 2013, photo 14]).
 1–11, 14 – bronze; 12 – iron; 13 – casting mold

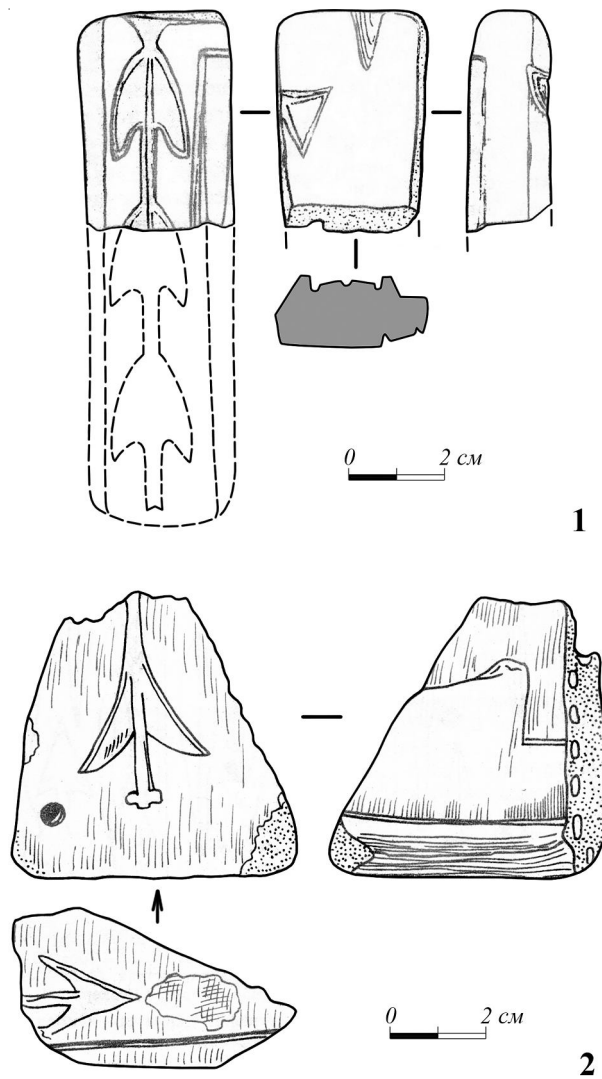

Рис. 4. Литейные формы для отливки металлических черешковых наконечников стрел с жальцами из Северо-Западного Причерноморья:

- 1 – Слободка (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1,2];
2 – Суворово VI (по: [Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 2,3])

Fig. 4. Casting molds for metal petiolate arrowheads with stings from the North-Western Black Sea region:

- 1 – Slobodka (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 1,2]);
2 – Suvorovo-VI (after: [Vanchugov, Chernyakov, 1991, fig. 2,3])

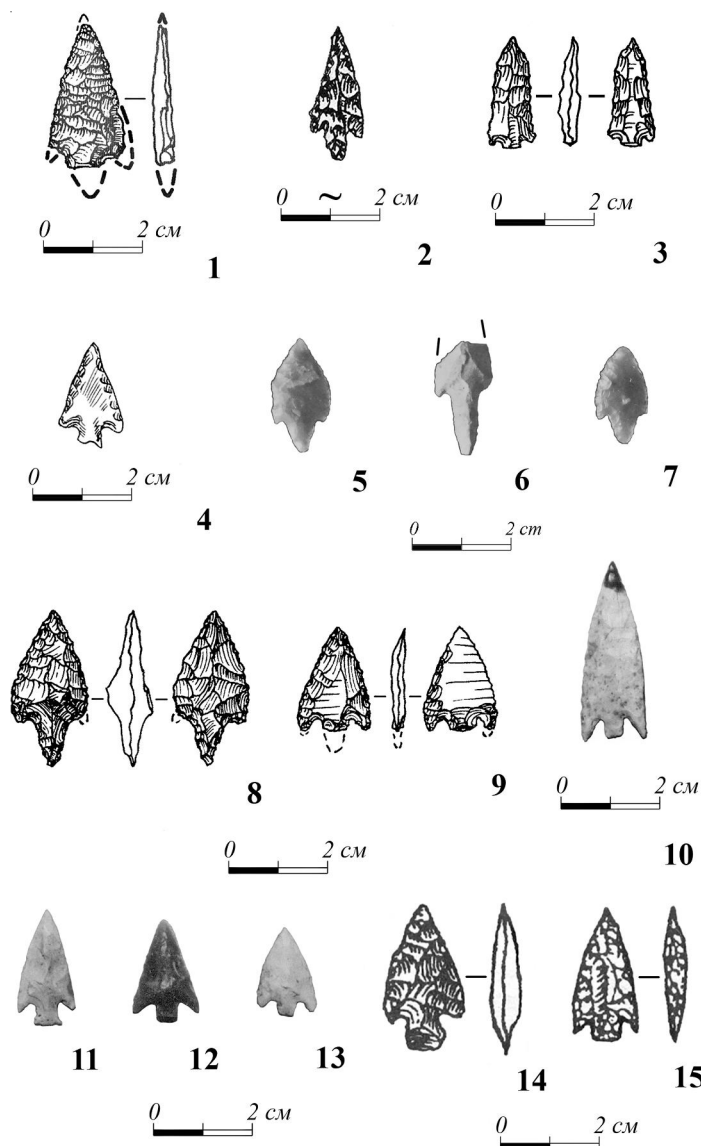

Рис. 5. Кремневые черешковые наконечники стрел с жальцами из Северного Причерноморья:

- 1 – Малая Терновка, кург. 1, погр. 1 (по: [Razumow, 2011, fig. 16,1]);
- 2 – Волинцево (по: [Березанская, 1986, рис. 4,10]);
- 3 – Войцеховка, кург. группа 5, кург. 1 (по: [Лысенко, Лысенко, 2017, рис. 9,3], рис. С.Н. Разумова);
- 4 – Здвижевка (по: [Березанская, 1972, табл. V,5–6]);
- 5–7 – Погребы, ур. Келийки (по: [Шидловський та ін., 2016, рис. 102,4–6]);
- 8–9 – Ходосовка, ур. Диброва, объект 19 (по: [Лысенко, Разумов, 2010, рис. 7,3], рис. С.Н. Разумова);
- 10–13 – Петриков, погр. 91 (по: [Бандрівський, 2002, фото 79]); 14 – Рованцы (по: [Клочко, 2006, рис. 93,1]);
- 15 – Тяглов (по: [Клочко, 2006, рис. 93,2])

Fig. 5. Flint petiolate arrowheads with stings from the territory of the Northern Black Sea Region:

- 1 – Malaya Ternovka, kurgan 1, burial 1 (after: [Razumow, 2011, fig. 16,1]);
- 2 – Volintsevo (after: [Berezanskaya, 1986, fig. 4,10]);
- 3 – Wojciechovka, kurgan group 5, kurgan 1 (after: [Lysenko, Lysenko, 2017, fig. 9,3], fig. by S. N. Razumov);
- 4 – Zdvizhevka (after: [Berezanskaya, 1972, tab. V,5–6]);
- 5–7 – Pogreby, Keliyki tract (after: [Shidlovsky et al., 2016, fig. 102,4–6]);
- 8–9 – Khodosovka, Dibrova tract, object 19 (after: [Lysenko, Razumov, 2010, fig. 7,3], fig. by S. N. Razumov);
- 10–13 – Petrikov, burial 91 (after: [Bandrivsky, 2002, photo 79]); 14 – Rovantsy (after: [Klochko, 2006, fig. 93,1]);
- 15 – Tyaglov (after: [Klochko, 2006, fig. 93,2])

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Артеменко И. И., 1987. Сосницкая культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. : Наука. С. 106–113.
- Бандрівський М. С., 2002. Могильник в Петрикові біля Тернополя в контексті поховального обряду висоцької культури. Львів : Логос. 282 с.
- Бандрівський М. С., 2014. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза. Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. 573 с.
- Березанская С. С., 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев : Наукова думка. 267 с.
- Березанская С. С., 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев : Наукова думка. С. 190–222.
- Березанская С. С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отрошенко В. В., Черденченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев : Наукова думка. С. 5–43.
- Березанська С. С., Ключко В. І., 2011. Гордіївський могильник // Гордіївський могильник. Вінниця : Рятівна археологічна служба. С. 7–113.
- Березанская С. С., Лобай Б. И., 1988. Отчет о раскопках могильника эпохи бронзы у с. Гордеевка Тростянецкого р-на Винницкой обл. в 1988 г. // Научный архив ИА НАНУ. № 1988/5. 21 с., XLII табл.
- Бочкарев В. С., Кашуба М. Т., 2018. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // *Stratum plus*. № 3. С. 207–220.
- Ванчугов В. П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозерской культуры. Киев : Наукова думка. 166 с.
- Ванчугов В. П., Черняков И. Т., 1991. Металлические наконечники стрел сабатиновской и белозерской культур // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев : Наукова думка. С. 24–37.
- Вергей В. С., 1995. Западный ареал милоградской культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Минск : Інстытут гісторыі АН Беларусі. С. 83–100.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 408 с.
- Даниленко В. М., 1956. Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 6. Київ : Інститут археології АН УРСР. С. 5–16.
- Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове / Уварова П. С. (ред.). Харьков, 1902. 933 с.
- Ключко В. І., 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х). Київ : АртЕк. 336 с.
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. М. : Наука. 196 с.
- Куштан Д. П., 2013. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Археологічний альманах. № 29. Донецьк : Донбас. 232 с.
- Лысенко С. Д., 2004. Погребения скифского времени Малополовецкого могильника // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали до археологічної карти Київської області. Прес-музей. № 20-21. Фастів : ФДКМ. С. 6–33.
- Лысенко С. Д., Гуцул А. В., Синика В. С., 2020. Наконечники стрел эпохи поздней бронзы с левобережья Нижнего Днестра // FORUM OLVICUM III: До 70-річчя з дня народження В. В. Крапівіної : (Матеріали міжнародної археологічної конференції, 4–6 травня 2020 р.). Миколаїв : Науково-дослідний центр «Лукомор'є». С. 30–33.
- Лысенко С. Д., Лысенко С. С., 2017. Курганоподобные возвышения с территории Войцеховского могильника (по результатам исследований 2013 г.) // Новое прошлое. № 4. Ростов н/Д : Юж. федер. ун-т. С. 264–285.
- Лысенко С. Д., Разумов С. Н., 2010. Кремневые изделия эпохи бронзы многослойного поселения Ходосовка-Диброва на Киевщине // Матэрыялы па археалагіі Беларусі. Вып. 18. Минск : Інстытут гісторыі АН Беларусі. С. 261–278.

- Медведская И. Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских Степей II – первой половины I тысячелетия до н.э. // Советская археология. № 4. С. 23–37.
- Мельниковская О. Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М. : Наука. 196 с.
- Пастернак Я., 1932. Коротка археологія західно-українських земель. Львів : Біблос. 96 с.
- Погребова М. Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М. : Наука. 184 с.
- Разлуцкая А. А., Язепка І. М., Лысенко С. Д., Лысенко С. С., 2013. Археалагічныя калекцыі І.І. Арцёмкі (1956–1981 гг.). Збор крыніц навуковых археалагічных фондаў. Вып. 1. Мінск : Беларуская навука. 224 с.
- Смирнова Г. И., 1957. Экспедиционный отчет о раскопках поселения возле с. Магала Черновицкой области // Научный архив ИА НАНУ. № 1957/22. 17 с., 18 табл.
- Смирнова Г. И., 1969. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. : Наука. С. 7–34.
- Свешніков І. К., 1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ : Наукова думка. 208 с.
- Свешников И. К., 1990. Почапская группа культуры Хлопице-Веселе // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев : Наукова думка. С. 63–65.
- Тоцев Г. Н., Черняков И. Т., 1986. Культовые зольники сабастиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 115–138.
- Черняков И. Т., Ванчугов В. П., Кушнер В. Г., 1986. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья // Советская археология. № 2. С. 47–55.
- Шарафутдинова И. Н., 1987. Бронзовые украшения сабастиновской культуры (к вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев : Наукова думка. С. 69–86.
- Шидловський П. С., Лисенко С. Д., Кириленко О. С., Сорокун А. А., Пічкур С. В., 2016. Первісна археологія Нижнього Подесення. Київ : Кафедра археології та музеєзнавства КНУ ім. Т. Шевченка. 344 с.
- Berezanskaja S. S., Kločko V. I., 1998. Das Gräberfeld von Hordeevka. Archäologie in Eurasien. 5. Rahden ; Westf. 87 s., 83 taf.
- Gardawski A., 1979. Czasy zaniku kultury łużyckiej. Okres halsztacki D i lateński // Prahistoria ziem polskich, IV (Od śródkowej epoki brązu do śródkowego okresu lateńskiego). Wrocław, Warszawa, Gdańsk : Ossolineum. S. 117–146.
- Levițki O., 1994. Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. Bibliotheca thracologica. VII. București : Institutul Român de Tracologie. 255 p.
- Müller-Karpe H., 1980. Bronzezeit. Dritter teilband, tafeln. Handbuch der vorgeschichte. IV. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 602 taf.
- Petrescu-Dîmbovița M., 1977. Depozitele de bronzuri din România. București : Editura Academiei Republicii Socialiste România. 391 p.
- Razumow S.M., 2011. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the early and middle Bronze Age: 3200–1600 BC. Baltic-Pontic Studies, vol. 16. Poznań : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 326 p.

REFERENCES

- Artemenko I.I., 1987. Sosnitskaia kultura [Sosnitskaya Culture]. *Arkheologiia SSSR. Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* [Archaeology of the USSR. The Bronze Age of the USSR Forest Band]. Moscow, Nauka Publ., pp. 106-113.
- Bandrivsky M.S., 2002. *Mohylnyk v Petrykovi bilia Ternopolia v konteksti pokhovalnoho obriadu vysotskoi kultury* [Cemetery in Petrykiv near Ternopil in the Context of the Funerary Rite of Vysotskaya Culture]. Lviv, Lohos Publ. 282 p.
- Bandrivsky M.S., 2014. *Kulturno-istorychni protsesy na Prykarpatti i Zakhidnomu Podilli v piznii period epokhy bronzy – na pochatku doby rannoho zaliza* [Cultural and Historical Processes in Sub-Carpathian and West Podillian Regions During the Late Period of Bronze Age – Beginning of Early Iron Age]. Lviv, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevych NAS of Ukraine. 573 p.
- Berezanskaya S.S., 1972. *Sredniy period bronzovogo veka v Severnoy Ukraine* [Middle Bronze Age in Northern Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ. 267 p.

- Berezanskaya S.S., 1976. Lebedovskaya kultura epokhi bronzы v lesostepnoy Ukrainе [Lebedovskaya Culture of the Bronze Age in the Forest-Steppe Ukraine]. *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy* [Eneolithic and Bronze Age of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 190-222
- Berezanskaya S.S., 1986. Kultura mnogovalikovoy keramiki [Multi-cordoned Ware Culture]. Berezanskaya S.S., Otroshchenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. *Kultury epokhi bronzы na territorii Ukrainy* [The Bronze Age Cultures on the Territory of the Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 5-43.
- Berezanska S.S., Klochko V.I., 2011. Hordiivskyy mohylnyk [The Gordeevka Cemetery]. *Hordiivskyy mohylnyk* [The Gordeevka Cemetery]. Vinnytsia, Riativna arkeolohichna sluzhba, pp. 7-113.
- Berezanskaya S.S., Lobay B.I., 1988. Otchet o raskopkakh mogilnika epokhi bronzы u s. Gordeevka Trostianetskogo r-na Vinnitskoy obl. v 1988 g. [Report on the Excavation of the Bronze Age Cemetery near Gordeevka Village, Trostyanets District, Vinnitsa Region, in 1988]. *Nauchnyy arkhiv IA NANU*, no. 1988/5. 21 p., XLII fig.
- Bochkarev V.S., Kashuba M.T., 2018. Kulturno-istoricheskaya situatsiya na yuge Vostochnoy Evropy nakanune veka zheleza [Cultural and Historical Situation in the South of Eastern Europe on the Eve of the Iron Age]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 207-220.
- Vanchugov V.P., 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomore. Problemy formirovaniya belozerskoy kultury* [Belozerka Sites in the North-West Black Sea Region. Problems of Formation of the Belozerka Culture]. Kiev, Naukova dumka Publ. 166 p.
- Vanchugov V.P., Cherniakov I.T., 1991. Metallicheskie nakonechniki strel sabatinovskoy i belozerskoy kultur [Metal Arrowheads of the Sabatinovka and Belozerka Cultures]. *Severo-Zapadnoe Prichernomore – kontaktnaya zona drevnikh kultur* [North-West Black Sea Region as Contact Zone of Ancient Cultures]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 24-37.
- Vergei V.S., 1995. Zapadnyy areal milogradskoy kultury [Western Area of Milograd Culture]. *Gistarychna arkealagichny zbornik* [Historical and Archaeological Collection], no. 7. Minsk, Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, pp. 83-100.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V., 1992. *Sintashta: arkeologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Sintashta: Archaeological Sites of the Aryan Tribes of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Part 1. Chelabinsk, Iuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ. 408 p.
- Danylenko V.M., 1956. Doslidzhennia pamiatok pidhirskoho ta bobrytskoho typiv na Kyivshchyni v 1950 r. [Investigations of Sites of Podgortsy and Bobrytsa Types in Kyiv Region in 1950]. *Arkeolohichni pamiatky URSS* [Archaeological Sites of the USSR], no. 6. Kyiv, Institute of archaeology of Academy of Science of Ukrainian Soviet Socialist Republic, pp. 5-16.
- Uvarova P.S., ed. *Katalog vystavki XII Arkeologicheskago sieezda v g. Kharkove, 1902* [Catalog of the Exhibition of the 12th Archaeological Congress in Kharkov]. Kharkov. 933 p.
- Klochko V.I., 2006. *Ozbroiennia ta viiskova sprava davnoho naseleння Ukrainy (5000–900 rr. do R.Kh)* [Weapon and Military Equipment of the Ancient Population of Ukraine (5000–900 BC)]. Kyiv, ArtEk Publ. 336 p.
- Kozenkova V.I., 1989. *Kobanskaya kultura. Zapadnyy variant* [Koban Culture. Western Variant]. Svod Arkeologicheskikh Istochnikov, iss. B2-6. Moscow, Nauka Publ. 196 p.
- Kushtan D.P., 2013. *Pivden Lisostepovoho Podniprovia za doby piznoi bronzы* [South of the Forest-Steppe Dnieper Region in the Late Bronze Age]. *Arkeolohichniy almanakh*, no. 29. Donetsk, Donbas Publ. 232 p.
- Lysenko S.D., 2004. Pogrebeniya skifskogo vremeni Malopolovetskogo mogilnika [Burials of the Scythian Time of the Malopolovetskoe Cemetery]. *Arkeolohichni pamiatky Fastivshchyny. Materialy do arkeolohichnoi karty Kyivskoi oblasti. Pres-muzey* [Archaeological Sites of Fastov Region. Materials for the Archeological Map of Kyiv Region. Press museum], no. 20-21. Fastiv, FDKM Publ., pp. 6-33.
- Lysenko S.D., Gutsul A.V., Sinika V.S., 2020. Nakonechniki strel epokhi pozdney bronzы s levoberezhya Nizhnego Dnestra [Arrowheads of the Late Bronze Age from the Left Bank of the Lower Dniester]. *FORUM OLBICUM III: Do 70-richchia z dnya narodzhennya V.V. Krapivinoy: (Materialy mizhnarodnoy arkeolohichnoy konferentsii, 4-6 travnia 2020 r.)* [FORUM OLBICUM III: To the 70th Anniversary of the Birth of V. V. Krapivina (Proceedings of the International Archaeological Conference, May 4–6, 2020)]. Mykolaiv, Naukovo-doslidnyi tsentr «Lukomorie», pp. 30-33.
- Lysenko S.D., Lysenko S.S., 2017. Kurganopodobnye vozvysheniya s territorii Voitsekhovskogo mogilnika po rezul'tatam issledovaniy 2013 g. [Kurgan-like Elevations from the Territory of the Wojciech Cemetery (According to the Results of Studies in 2013)]. *Novoe proshloe* [New past], no. 4. Rostov, SFU, pp. 264-285.

- Lysenko S.D., Razumov S.N., 2010. Kremnevye izdeliya epokhi bronzy mnogoslainogo poseleniya Khodosovka-Dibrova na Kievshchine [Flint Products of the Bronze Age of the Multilayer Settlement of Khodosovka-Dibrova in the Kiev Region]. *Materyjajy pa archieaiohii Bieiarusi* [Materials on Archeology of the Belarus], no. 18. Minsk, Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, pp. 261-278.
- Medvedskaya I.N., 1980. Metallicheskie nakonechniki strel Perednego Vostoka i Evraziyskikh Stepey II – pervoy poloviny I tysiacheletiya do n. e. [Metal Arrowheads of the of the IInd – First Half of the Ist Millennium B.C. from the Near East and Eurasian Steppes]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 23-37.
- Melnikovskaya O.N., 1967. *Plemena Iuzhnoy Belorussii v rannem zheleznom veke* [Tribes of Southern Belarus in the Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 196 p.
- Pasternak Ya., 1932. *Korotka arkheolohiya zakhidno-ukrainskykh zemel* [A Brief Archaeology of the Western Ukrainian Lands]. Lviv, Biblos Publ. 96 p.
- Pogrebova M.N., 1977. *Iran i Zakavkazy v rannem zheleznom veke* [Iran and Transcaucasia in the Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 184 p.
- Razluckaja A.A., Jazepienka I.M., Łysienka S.D., Łysienka S.S., 2013. *Archiealahičnyja kolekcyi I.I. Arciomienki (1956–1981 hh.)* [The Archaeological Collection of the I.I. Artemenko (1956–1981)]. Zbor krynic navukovykh archiealahičnych fondaŭ, iss. 1. Minsk, Bieiaruskaja navuka Publ. 224 p.
- Smirnova G.I., 1957. Ekspeditsionnyy otchet o raskopkakh poseleniya vozle s. Magala Chernovitskoy oblasti [Expeditionary Report on Excavations of a Settlement near the Village of Magala, Chernovtsy Region]. *Nauchnyy arkhiv NANU*, no. 1957/22. 17 p., 18 fig.
- Smirnova G. I., 1969. Poselenie Magala – pamiatnik drevnefrakiyskoy kultury v Prikarpatye (vtoraya polovina XIII – seredina VII v. do n. e.) [The Magala Settlement – the Site of Ancient Thracian Culture in the Carpathian Region (Second Half of the 13th – the Middle of the 7th Century BC)]. *Drevnie frakiytsy v Severnom Prichernomorye* [Ancient Thracians in the North Black Sea Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-34.
- Svieshnikov I.K., 1974. *Istoriia naseleennia Peredkarpattia, Podillia i Volyni v kintsi III – na pochatku II tysiacholittia do nashoy ery* [History of the Population of Precarpathia, Podolia and Volynia in the Late 3rd – Early 2nd Millennium BC]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 208 p.
- Svieshnikov I.K., 1990. Pochapskaya gruppa kultury Khlopitse-Vesele [Pochap Group of the Khlopitse-Vesele Culture]. *Arkheologiya Prikarpattia Volyni i Zakarpattia (eneolit, bronza i rannee zhelezo)* [Archaeology of Carpathian, Volynian and Transcarpathian (Eneolithic, Bronze and Early Iron Age)]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 63-65.
- Toshchev G.N., Cherniakov I.T., 1986. Kultovye zolniki sabatinovskoy kultury [The Cult Ashers of the Sabatinovka Culture]. *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Archaeology Studies of the Northwest Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 115-138.
- Cherniakov I.T., Vanchugov V.P., Kushnir V.G., 1986. Drevneishie bronzovye nakonechniki strel Severnogo Prichernomor'ya [The Earliest Bronze Arrowheads of the Northern Pontic Area]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 47-55.
- Sharafutdinova I.N., 1987. Bronzovye ukrasheniya sabatinovskoy kultury (k voprosu o kontaktakh) [Bronze Adornments of the Sabatinovka Culture (to the Question of Contacts)]. *Mezhplemennye svyazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy* [Tribal Relations of the Bronze Age in the Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 69-86.
- Shydlovskyy P.S., Lysenko S.D., Kyrylenko O.S., Sorokun A.A., Pichkur Ye.V., 2016. *Pervisna arkheolohiia Nyzhnoho Podesennia* [Prehistoric Archaeology of the Lower Desna Region]. Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv. 344 p.
- Berezanskaja S.S., Kločko V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka*. Archäologie in Eurasien, no. 5. 87 s., 83 taf.
- Gardawski A., 1979. Czasy zaniku kultury łużyckiej. Okres halsztacki D i lateński. *Prahistoria ziem polsrich, IV (Od śrókowej epoki brązu do śrókowego okresu lateńskiego)*. Wrocław, Warszawa, Gdansk, Ossolineum, S. 117-146.
- Levițki O., 1994. *Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. Bibliotheca thracologica, no. VII. București, Institutul Român de Tracologie. 255 p.
- Müller-Karpe H., 1980. *Bronzezeit (Dritter teilband, tafeln)*. Handbuch der vorgeschichte, no. IV. Munchen, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 602 taf.
- Petrescu-Dîmbovița M., 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București, Editura Academiei Republicii Socialiste România. 391 p.
- Razumov S.M., 2011. *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the early and middle Bronze Age: 3200–1600 BC*. Baltic-Pontic Studies, vol. 16. Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 326 p.

Information About the Authors

Sergey D. Lysenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of the Chalcolithic and the Bronze age, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, prosp. Geroev Stalingrada, 12, 04210 Kiev, Ukraine, suraganga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>

Vitalij S. Sinika, Candidate of Sciences (History), Head of Scientific Laboratory “Archaeology”, Pridnestrovian State University, 25 October St, 107, 3300 Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova, sinica80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Aleksandr V. Gucul, Junior Researcher, Scientific Laboratory “Archaeology”, Pridnestrovian State University, 25 October St, 107, 3300 Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova, guntz82@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8289-9755>

Информация об авторах

Сергей Дмитриевич Лысенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела энеолита – бронзового века, Институт археологии Национальной академии наук Украины, просп. Героев Сталинграда, 12, 04210 г. Киев, Украина, suraganga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>

Виталий Степанович Синика, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология», Приднестровский государственный университет, ул. 25 Октября, 107, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова, sinica80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>

Александр Вячеславович Гуцул, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология», Приднестровский государственный университет, ул. 25 Октября, 107, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова, guntz82@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8289-9755>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.3>

UDC 930.26(470.45):903.5
LBC 63.48(2P-4Вор)-427

Submitted: 18.02.2020
Accepted: 27.05.2021

NEW PRE-SCYTHIAN BURIALS FROM THE VOLGOGRAD REGION. INTERPRETATION PROBLEMS¹

Alexandr N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication and analysis of new burial materials of the pre-Scythian period (9th – 7th centuries BC), obtained as a result of excavations of several burial mounds in the Volgograd region. The work was carried out by the expedition of Volgograd State University from the end of the past to the beginning of the present century. The burial mounds were located on the coastal terraces of the Don river and some of its tributaries, as well as on the steppe watersheds associated with the Don basin. The sample includes seven pre-Scythian burials, the burial rite and clothing material of which allows us to correlate them with the previously discovered monuments of the Chernogorovskaya Culture of the southern Russian steppes and date them within the boundaries of the initial stage of the early Iron Age. According to archaeological and anthropological data, various components were involved in the formation of this culture in the Lower Volga region and the neighbouring Don and the Volga-Ural regions. The basis was autochthonous substrates of the Late Bronze Age, as well as cultural formations derived from them at the final stage of the Late Bronze Age. The combination of local and imported cultural traditions is also reflected in the grave inventory of the studied series, especially in the ceramic complex, which shows technological and typological features of various origin. The variety of elements of the funeral rite and the mixed nature of the accompanying inventory of the presented burial series reflect the complex processes of cultural genesis in the Lower Volga region in the pre-Scythian period during transition to a nomadic economy.

Key words: Bronze Age, Early Iron Age, pre-Scythian time, funeral rite, cultural genesis, ceramic complex.

Citation. Dyachenko A.N., 2021. Novye pogrebeniya predskifskogo vremeni s territorii Volgogradskoy oblasti. Problemy interpretatsii [New Pre-Scythian Burials from the Volgograd Region. Interpretation Problems]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 39-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.3>

УДК 930.26(470.45):903.5
ББК 63.48(2P-4Вор)-427

Дата поступления статьи: 18.02.2020
Дата принятия статьи: 27.05.2021

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации и анализу новых погребальных материалов предскифского времени (IX–VII вв. до н.э.), полученных в результате раскопок нескольких курганных могильников на территории Волгоградской области. Работы были проведены экспедицией Волгоградского госуниверситета в конце прошлого – начале нынешнего века. Исследуемые курганы располагались на береговых террасах Дона и некоторых его притоков, а также на степных водораздельных участках, приуроченных к Донскому бассейну. В выборку входят семь погребений предскифского времени, погребальный обряд и вещевой материал которых позволяет соотнести их с открытыми ранее памятниками черногоровской культуры южнорусских степей и датировать в границах начального этапа раннего железного века. В формировании этой культуры в Нижнем Поволжье и на территории соседних регионов Подонья и Волго-Уралья, как свидетельствуют архе-

ологические и антропологические данные, участвовали различные компоненты. Основу составляли автохтонные субстраты эпохи поздней бронзы, а также производные от них культурные образования финального этапа позднебронзового века. Сочетание местных и привнесенных культурных традиций находит проявление и в погребальном инвентаре исследуемой серии, особенно в керамическом комплексе, в котором фиксируются различные по происхождению технологические и типологические основы. Разнообразие элементов погребального обряда и смешанный характер сопровождающего инвентаря представленной серии погребений отражают сложные процессы культурурогенеза в нижеволжском регионе в предскифское время в условиях перехода к кочевой (номадной) экономике.

Ключевые слова: бронзовый век, ранний железный век, предскифское время, погребальный обряд, культурурогенез, керамический комплекс.

Цитирование. Дьяченко А. Н., 2021. Новые погребения предскифского времени с территории Волгоградской области. Проблемы интерпретации // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.3>

В предлагаемой статье представлены неопубликованные ранее материалы погребений предскифского времени (IX–VII вв. до н.э.) из курганных могильников, исследованных экспедицией Волгоградского госуниверситета на территории Волгоградской области в конце прошлого – начале нынешнего века. В работе дается их полное описание, рассматриваются вопросы интерпретации, направленности связей и хронологии предскифского археологического комплекса Нижнего Поволжья.

Публикуемые погребальные памятники были обнаружены при раскопках шести курганных могильников, располагавшихся на береговых террасах степных рек, впадающих в Дон, а также на водораздельных участках, приуроченных к Донскому бассейну (рис. 1, 1).

Курганный могильник Ветютнев

Могильник, состоящий из 10 курганов, находился у южной окраины хут. Ветютнев Фроловского района, в 1–2 км к югу от русла степной речки Арчеда, левого притока Дона (рис. 1, 1). Раскопки могильника проведены в 1990 г. экспедицией под руководством В.М. Клепикова [Клепиков, 1991].

В процессе раскопок были обнаружены два погребения предскифского времени, впущенных, соответственно, в курганы 4 и 6. Оба кургана сооружены в эпоху средней бронзы.

Курган 4, погребение 2 (рис. 2, 3). Предскифское погребение 2 обнаружено в насыпи кургана на расстоянии 5,45 м к югу от его центра. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентированную по линии 3–В. Ее длина – 2,3 м, ширина восточной стенки – 1,3 м, западной – 0,9 м, глубина – 0,8 м от совре-

менного горизонта. Вдоль южной стенки по краю ямы выложены крупные обломки известняка, несколько камней находилось в могильном заполнении и на дне ямы.

На дне могильного сооружения, вдоль его северной стенки, на левом боку с завалом на спину лежал скелет женщины 20–25 лет (здесь и далее – половозрастные определения выполнены антропологами М.А. Балабановой и Е.В. Перервой). Головой и позвоночным столбом погребенная ориентирована на восток. Правая рука согнута в локте под прямым углом, ее кисть находилась на локте левой руки, сильно согнутой в локте, кисть находилась у лицевых костей. Ноги слабо согнуты в тазобедренных суставах и под острым углом в коленях. Под костяком и за черепом на дне ямы зафиксированы остатки древесной подстилки.

За черепом человека около восточной стенки ямы лежала трубчатая кость ноги овцы. Рядом на боку находился сероглиняный сосуд, имеющий вазообразное тулово с раздутыми боками, высокое прямое горло с резко отогнутым наружу венчиком и плоское дно. В черепке отмечена примесь крупнозернистого песка. Высота сосуда – 23 см, диаметр тулова – 23 см, диаметр устья – 15,5 см, диаметр дна – 9,7 см (рис. 2, 4).

Курган 6, погребение 5 (рис. 2, 5). Предскифское погребение 5 было обнаружено на расстоянии 3,4 м на запад от центра кургана на уровне материка. Могильная яма имела прямоугольную форму, продольной осью ориентирована по линии 3–В. Западный край ямы срезан современной траншеей. Длина сохранившейся части ямы – 0,85 м, ширина – 0,6 м, глубина – 0,4 м от современного горизонта.

На дне могильной ямы вытянуто на спине лежал скелет ребенка возрастом 6–8 месяцев, черепом и позвоночным столбом ориентированный на ЮЗ. Погребенный был уложен со значительным отклонением от продольной оси, практически по диагонали. Кости рук, ребра и позвоночник не сохранились.

Около черепа ребенка лежали фрагменты глиняного лепного горшка. По сохранившимся фрагментам установлено, что он имел округлое тулово вертикальных пропорций, зауженную шейку с отогнутым наружу венчиком и плоское дно с круговым защипом. По шейке и плечу нанесены два горизонтальных ряда тонких ногтевых вдавлений. Черепок в изломе черный с примесью мелкого керамического боя. Высота сосуда – около 13,5 см, диаметр тулова – около 12 см (рис. 2,7). В ногах погребенного находился второй лепной горшок, лежащий на боку. По форме он был близок к первому сосуду. Его тулово также имело вытянутые пропорции, выделено невысокое горло с отогнутым наружу венчиком, дно заужено и подчеркнуто круговым защипом. По горловине проходит горизонтальный волнообразный ряд вдавлений концом заостренной палочки. В черепке отмечена примесь мелкого керамического боя. Высота сосуда – 22,3 см, диаметр тулова – 19,6 см, диаметр устья – 12,8 см, диаметр дна – 11,2 см (рис. 2,6).

Курганный могильник Дубовой

Курганный могильник Дубовой, состоящий из 5 курганов небольшой высоты, располагался на территории Донского правобережья, на краю высокой надпойменной террасы р. Дон, в 1 км к западу от хут. Дубовой Иловлинского района (рис. 1,1). В 1993 г. экспедицией ВолГУ, руководимой автором, были раскопаны три кургана [Дьяченко, 1993]. Погребение предскифского времени было обнаружено в кургане 2, возведенном в эпоху средней бронзы.

Курган 2, погребение 2 (рис. 1,9). Погребение 2 было впущено в центр кургана. Могильная яма имела вытянутую подпрямоугольную форму, продольной осью ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Ее юго-восточная сторона сильно заужена, торцевые стен-

ки закруглены. Длина ямы – 1,65 м, ширина ЮВ стороны – 0,3 м, СЗ стороны – 0,65 м, глубина от нулевой отметки – 1,5 м. В заполнении могильной ямы встречались мелкие угольки и камни.

На дне могильного сооружения вытянуто на правом боку лежал скелет подростка, черепом ориентированный на СЗ. Руки погребенного вытянуты перед туловищем.

Перед лицевыми костями черепа находился развал сероглиняного лепного плоскодонного горшка с плавно расширяющимися кверху стенками. В верхней части тулово имело сглаженный перегиб, зауженную шейку и слегка расширенное устье. Днище выделено круговым защипом. Формовка сосуда довольно грубая, обжиг неравномерный, в изломе черепка фиксируется обильная примесь шамота. Высота горшка – 14 см, диаметр тулова – 14,2 см, диаметр устья – 10 см, диаметр дна – 9 см (рис. 1,10).

Курганный могильник Верхняя Бузиновка

Могильник, включающий 11 курганов, располагался на территории Донского правобережья, на краю надпойменной террасы степной речки Лиска, впадающей в р. Чир (правый приток Дона), в 3 км к югу от хут. Верхняя Бузиновка Клетского района (рис. 1,1). Раскопки проведены в 1991 г. экспедицией ВолГУ под руководством автора [Дьяченко, Кригер, 1991].

При раскопках самого крупного **кургана 1** (высота – более 2 м, диаметр – 44 м) в центральной его части зафиксирован обширный грабительский котлован, в котором на глубине 0,6 м от нулевой отметки были обнаружены разрозненные фрагменты скелета взрослого человека и бронзовый однолезвийный нож характерной формы. На основании этих находок сделан вывод о том, что вероятнее всего до ограбления в центре кургана находилось впускное погребение, относящееся к предскифскому времени.

Бронзовый нож имел выгнутую «горбатую» спинку, слегка вогнутое лезвие и плоский прямоугольный черенок с выделенным упором в основании лезвия. Длина ножа – 9,5 см, ширина лезвия – 1,8 см (рис. 1,4).

Курганный могильник Орешкин I

Могильник, состоящий из 24 курганов, располагался на пологой береговой террасе степной р. Тишанка, впадающей в р. Медведица (левый приток Дона), в 3 км к северо-западу от хут. Орешкин Михайловского района (рис. 1,1). Раскопки на памятнике проведены в 1989 г. экспедицией ВолГУ под руководством А.Н. Дьяченко и Б.Ф. Железчикова [Дьяченко, Железчиков, 1989].

Погребение предскифского времени (№ 2) обнаружено в *кургане 18*, сооруженном в эпоху средней бронзы.

Впускное погребение 2 размещалось в насыпи кургана, в его центральной части. Параметры могильной ямы не установлены, глубина захоронения – 0,4 м от нулевой отметки. Погребение оказалось разрушенным, вероятно, в процессе распашки, при этом останки человека большей частью были уничтожены. *In situ* сохранился череп, лежащий на правой височной кости, и позвонки шейного отдела, находившиеся в анатомическом сочленении. Судя по костным останкам, умерший был положен на правый бок, головой в юго-западную сторону (рис. 1,2).

Рядом с черепом человека найден крупный фрагмент бронзового однолезвийного ножа с «горбатой» спинкой и слегка вогнутым лезвием, черенок не сохранился. Длина фрагмента – 6,5 см, ширина лезвия – 1,5 см (рис. 1,3).

Курганный могильник Саушкин II

Могильник Саушкин II, в который входили 4 кургана, находился на высоком правом берегу р. Дон, в 1–1,5 км на юго-запад от хут. Саушкин Клетского района (рис. 1,1). В 2006 г. экспедиция ВолГУ под руководством И.В. Сергацкова провела раскопки *кургана 4*, сооруженного над единственным погребением 1, датирующимся предскифским временем [Сергацков, 2006].

Погребение 1 располагалось в центре кургана. Могильная яма имела узкую подпрямоугольную форму с закругленными торцевыми сторонами, продольной осью ориентирована по линии З–В. Ее длина – 1,76 м, ширина – 0,7 м, глубина – 0,75 м от нулевой отметки.

В заполнении встречены отдельные угольки и мелкие кусочки охры. На дне могилы обнаружен скелет мужчины 25–30 лет. Погребенный лежал вытянуто на правом боку, головой ориентирован на ЗЮЗ. Руки вытянуты перед туловищем, ноги чуть согнуты в коленях. Между грудной клеткой и тазом лежали два необработанных известняковых камня (рис. 1,5).

В районе живота погребенного найден кремневый скребок подквадратной формы с мелко ретушированной рабочей частью. Материал хорошего качества, коричневого цвета. Размеры скребка – 3,7 × 4 см (рис. 1,7).

При снятии насыпи над погребением 1 были обнаружены небольшая костяная трубочка с обработанными торцевыми сторонами размером 2,5 × 2,3 см (рис. 1,6) и маленький керамический фрагмент от верхней части лепного сероглиняного горшка с примесью шамота в тесте (рис. 1,8). Не исключено, что эти предметы были перемещены из погребения 1 в насыпь кургана землероями.

Курганный могильник Абганерово V

Группа из трех курганов располагалась в 0,5 км к ЮВ от окраины с. Абганерово Октябрьского района, на низкой надпойменной террасе р. Аксай Есауловский, левого притока Дона (рис. 1,1). В 1996 г. экспедицией ВолГУ под руководством автора был раскопан *курган 1*, сооруженный в эпоху ранней бронзы [Дьяченко, 1996].

Погребение 8, датированное предскифским временем, было впущено в центральную часть кургана. Оно размещалось в могильном заполнении основного погребения, совершенного в обширной подквадратной яме, поэтому конфигурацию могильного сооружения погребения 8 установить не удалось. На глубине 2,5 м от нулевой отметки обнаружен скелет мужчины 35–40 лет, лежащий вытянуто на спине с разворотом на левый бок, черепом ориентирован на ЮВ. При этом череп лежал также на левой стороне. Левая рука погребенного вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте под тупым углом, кисти сведены вместе. На правой бедренной кости обнаружена костная мозоль, образовавшаяся на месте перелома. В результате этой травмы правая нога оказалась короче левой (рис. 2,1).

Перед лицом погребенного находился раздавленный землей сероглиняный плоскодонный сосуд, имеющий шаровидное тулово с прямым широким горлом и резко оттянутым наружу венчиком. Сосуд орнаментирован вертикальными пучками тонких врезных линий, разделенных свисающими нитями оттисков ложновитого шнура, а также круговой прочерченной линией и двумя горизонтальными линиями оттисков шнура, проходящих по горловине. Сосуд хорошо сформован, возможно, подправлен на круге. Тесто в изломе коричневатого оттенка, с обильной примесью крупнозернистого песка. Высота сосуда – 21,4 см, диаметр тулова – 20,4 см, диаметр устья – 12,4 см, диаметр дна – 8,0 см (рис. 2,2). Между кистью правой руки и левым предплечьем погребенного лежала кость задней ноги крупного животного, возможно лошади (?).

Несмотря на некоторое визуальное различие представленных археологических материалов, особенности погребального обряда и характерные детали вещевого комплекса позволяют отнести их к одному хронологическому горизонту и рассматривать в рамках так называемого переходного периода, предшествующего утверждению в степной Евразии культур скифо-сарматского облика [Смирнов, 1964, с. 26–33]. Для обозначения этого периода в литературе используются определения «предскифское» или «предсарматское» время, в зависимости от территориальной принадлежности соответствующих памятников, либо этнически окрашенное «киммерийское» время.

Главное содержание этого периода – окончательный переход к номадизму (кочевничеству), утверждение нового хозяйственно-культурного типа, связанного с распространением в степях Восточной Европы и их пограничья подвижных форм скотоводства. Этот процесс совпадает с вступлением народов, населяющих степи Евразии, и их «цивилизованных» соседей в ранний железный век.

Публикуемые погребальные памятники территориально приурочены к бассейну Дона. Почти все они впущены в курганы бронзового века, как правило, в центральные части курганных насыпей. Исключение составляет погребение 1 в кургане 4 могильника Саушкин II, являющееся основным. Доминирующая

форма могильного сооружения – простая подпрямоугольная яма. В трех случаях формы могильных конструкций не установлены, при этом не исключается их подпрямоугольная конфигурация.

Позиция и ориентировка погребенных в выборке отличаются разнообразием, что в целом характеризует нижневолжский археологический комплекс предскифского времени [Мамонтов, 1980, с. 175–194; Дворниченко, 1982, с. 59–64; Потапов, 2000, с. 6–21]. Зафиксировано скорченное положение на левом боку при восточной ориентировке (Ветютнев, кург. 4, погр. 2), вытянутое на боку или на спине с ориентировкой в западную сторону (Ветютнев, кург. 6, погр. 5; Дубовой, кург. 2 погр. 2; Саушкин II, кург. 4, погр. 1; Орешкин, кург. 18, погр. 2). В одном случае погребенный лежал вытянуто на спине с разворотом на левый бок при юго-восточной ориентировке (Абганерова V, кург. 1, погр. 8). Таким образом, в четырех погребениях из семи отмечена западная ориентировка умерших. Какой-либо отчетливой взаимосвязи между позой погребенного и его ориентировкой не установлено.

Среди других элементов ритуала, отражающих специфику захоронений указанного периода, следует отметить наличие каменной вымостки над погребением 2 кургана 4 могильника Ветютнев (рис. 2,3). Эта обрядовая деталь в большей степени характерна для погребений раннего (черногоровского) этапа предскифского периода, но встречается и на позднем (новочеркасском) этапе в материалах степей Причерноморья, Предкавказья и Нижнего Подонья [Лукьяшко, 1999, с. 129–144]. В нижневолжских синхронных комплексах каменная вымостка встречается довольно редко и в определенной мере эта деталь могильного обустройства может отражать направленность связей населения Нижнего Поволжья в «переходное» время.

Инвентарь публикуемых погребений немногочисленен, но достаточно показателен. Наиболее интересна керамическая коллекция, в которой выделяются две группы сосудов, различающихся как типологически, так и технологически.

Два сероглиняных, качественно сформованных сосуда относятся к типу «корчаг». Они имеют округлое тулово с раздутыми

боками и высоким горлом, у одного из них горло плавно изогнутое, у другого прямое, венчики резко отогнуты, в глине присутствует примесь крупного песка. Экземпляр из кургана 1 курганной группы Абганерово V украшен врезным и прочерченным орнаментом (рис. 2,2,4). Форма и структура теста этих сосудов не имеют аналогов в местной керамике предшествующего периода поздней и финальной бронзы, в то же время они хорошо известны в материалах финальной бронзы Северного и Северо-Западного Причерноморья, в частности в керамическом комплексе белозерской культуры. Некоторые исследователи появление этого типа керамики связывают с влиянием культур фракийского гальштата Карпато-Дунайского бассейна [Ванчугов, 1982, с. 44–52]. Вероятно, не позднее VIII в. до н.э. указанный тип керамики распространяется в степях Подонья и Нижнего Поволжья, маркируя развитый этап предскифского периода. Необходимо отметить, что обе корчаги из выборки сопровождали погребенных с восточной и юго-восточной ориентировкой, при положении скорчено на боку и вытянуто на спине (рис. 2, 1–4), то есть с позицией, считающейся ранним признаком [Дворниченко, 1982, с. 59–64; Мамонтов, 1994, с. 48–50; Лукьяшко, 1999, с. 129–144]. В то же время корчаги встречаются вместе с вытянутыми на спине погребенными, ориентированными на запад. Ближайшее подтверждение этому – погребение 1 кургана 3 из могильника Шляховский II, находящегося рядом с могильником Ветютнев, где подобная корчага сопровождала погребенного, лежащего вытянуто на спине головой на запад [Клепиков, 2016, с. 95–104]. Этот факт может служить дополнительным подтверждением тому, что в Нижнем Поволжье разные обрядовые группы и варианты сосуществуют на протяжении практически всего предскифского периода.

Другую группу керамики образуют лепные слабопрофилированные горшки вытянутых пропорций, происходящие из двух погребений могильников Дубовой и Ветютнев (рис. 1, 10, 2, 6, 7). Они сопровождали погребенных, лежащих в одном случае вытянуто на спине, в другом – вытянуто на боку, ориентированных в западную сторону. Тесто сосудов

рыхловатое, с обильной примесью шамота. Один из них орнаментирован круговым рядом наколов концом палочки, другой – ногтевыми вдавлениями, венчик и днище оттянуты наружу круговым защипом. Эта простая горшко-видная форма посуды, имея прототипы в керамике срубной культуры и культур финальной бронзы Нижнего Поволжья, в раннем железном веке станет «основой» для формирования керамического комплекса савроматской культуры. К.Ф. Смирнов относил подобный тип лепной керамики к «переходному» периоду, датируя его VIII–VII вв. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 6].

Помимо керамики в коллекцию находок предскифского времени входят два бронзовых однолезвийных ножа, имеющих горбатую спинку и слегка вогнутое лезвие (рис. 1, 3, 4). Оба экземпляра происходят из разрушенных погребений, обнаруженных в насыпи курганов. У одного из них черенок обломан, второй имел выступ при переходе от черенка к лезвию. Ножи подобного типа, имеющие небольшие размеры, горбатую спинку и чуть вогнутое лезвие, широко распространены в материалах предскифского времени в степных районах юга Восточной Европы, от Причерноморья до Предкавказья, Нижнего Подонья и Поволжья [Мамонтов, 1980, с. 175–194; Дворниченко, 1982, с. 59–64; Махортых, 1997, с. 4–13; Лукьяшко, 1999, с. 150–157]. Наибольшее их количество фиксируется в Нижнем Поволжье и степном Подонье. Возможная исходная форма таких ножей – так называемый «камышевыхский» тип, название которого связано с эпонимным памятником в Донецкой области. Особенностью нижеволжских ножей является более узкое лезвие по сравнению с классическими образцами. Впрочем, не исключено, что некоторая зауженность лезвия связана с длительным хозяйственным использованием ножей в условиях дефицита металла и удаленности от мест их производства. В целом время их бытования в степях Восточной Европы приходится на IX–VIII вв. до н.э. Для нижеволжских погребальных комплексов с подобными ножами оптимальная дата может быть определена в границах конца IX–VIII в. до н.э. К этому времени, вероятнее всего, следует отнести и всю публикуемую подборку погребений.

Выводы

Представленные материалы, а также открытые ранее погребальные памятники предскифского времени в Нижнем Поволжье и соседних регионах степного и лесостепного Подонья, несмотря на многообразие погребальных форм и некоторое различие в вещевом комплексе, позволяют рассматривать их в рамках единой *черногоровской* культуры.

Формирование черногоровской культуры проходило на широкой основе, при участии носителей финального периода поздней бронзы различных территорий. На юге Восточной Европы в образовании предскифского культурного комплекса сказывалось влияние белозерской культуры. В Поволжье становление и развитие культуры предскифского (предсавроматского) облика исследователи связывают с хвалынской культурой финала поздней бронзы, которая, в свою очередь, генетически связана со срубной культурой. Не исключается возможное участие в этом процессе населения глубинных степных районов Волго-Уралья, оставивших памятники «нурского» типа, синхронные позднихвалынским. В Нижнем Подонье на формирование черногоровского (предскифского) культурного комплекса оказала влияние кобяковская культура [Малов, 1987; Качалова, 1989; Потапов, 2000; Потапов, 2010].

Многокомпонентность облика культуры предскифского времени проявляется, прежде всего, в погребальном обряде, но не только. О многокомпонентном характере физическо-

го облика населения этого периода свидетельствуют данные палеоантропологических исследований.

Так, М.А. Балабанова, отмечая малочисленность памятников «киммерийского времени» и сложности их интерпретации, выделяет как минимум *три морфологических типа*, существовавших на территории Волго-Окского междуречья, Калмыкии и Поднепровья. Один из них связан, вероятно, с позднебронзовым субстратом, то есть с носителями срубной культуры. Второй и третий компоненты, по мнению М.А. Балабановой, связаны с этнокультурными процессами, протекавшими на территории Центральной Азии в начале I тыс. до н.э., с образованием племенных союзов и окончательным переходом на кочевую систему хозяйствования [Балабанова, 2005, с. 160].

Новые археологические материалы с территории Волгоградской области, представленные в данной публикации, в полной мере отражают разнообразие и смешанный характер основных элементов, составляющих облик культуры предскифского времени.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

The work was supported by RFBR grant 19-09-00471 "Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)".

ИЛЛЮСТРАЦИИ

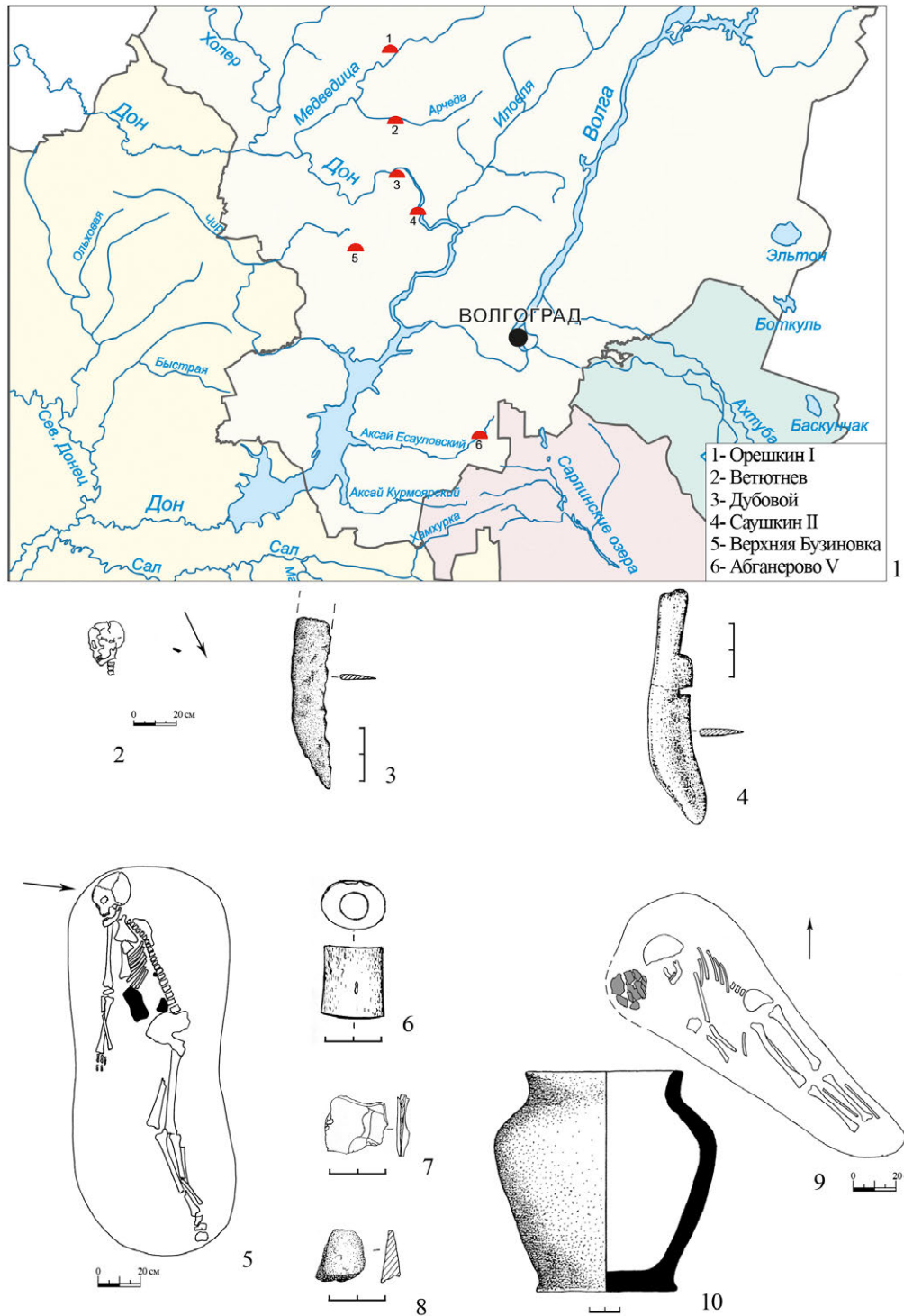

Рис. 1. Новые погребальные материалы предскифского времени (чертежи и рисунки И.А. Будаева):

Карта-схема: 1 – расположение памятников.

Планы погребений и рисунки вещей: 2, 3 – Орешкин I, курган 18, погр. 2; 4 – Верхняя Бузиновка, курган 1, насыпь; 5–8 – Саушкин II, курган 4, погр. 1; 9, 10 – Дубовой, курган 2, погр. 2

Fig. 1. New funerary monuments of the pre-Scythian period (drawings by I.A. Budaev):

Map: 1 – location of monuments.

Burial plans and drawings of things: 2, 3 – Oreshkin I, kurgan 18, burial 2; 4 – Verkhnyaya Buzinovka, kurgan 1, mound; 5–8 – Saushkin II, kurgan 4, burial 1; 9, 10 – Dubovoy, kurgan 2, burial 2

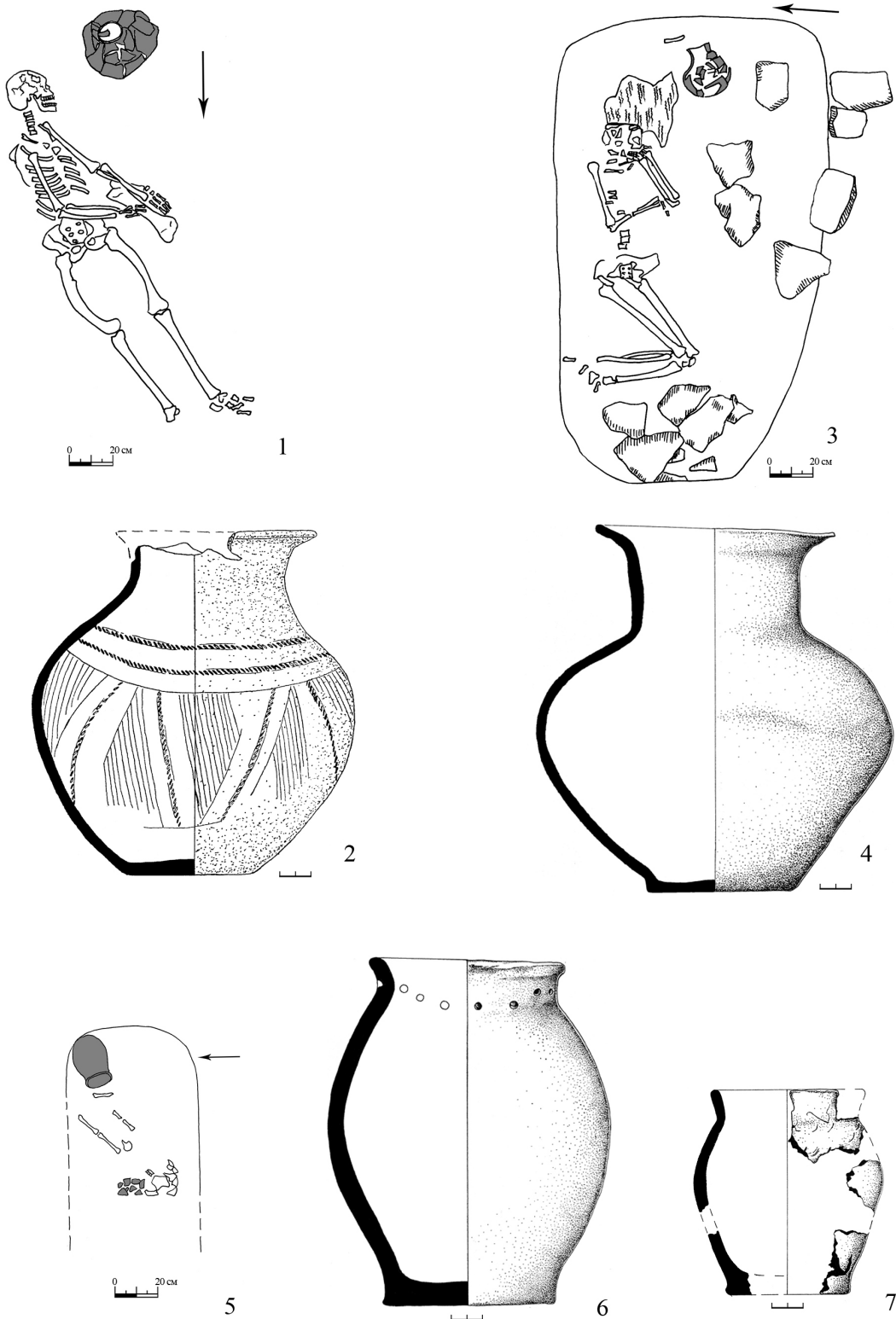

Рис. 2. Планы погребений и рисунки вещей предскифского времени (чертежи и рисунки И.А. Будаева):

1, 2 – Абганерово V, кург. 1, погр. 8; 3, 4 – Ветютнев, кург. 4, погр. 2;

5–7 – Ветютнев, кург. 6, погр. 5

Fig. 2. Burial plans and drawings of pre-Scythian things (drawings by I.A. Budaev):

1, 2 - Abganerovo V, kurgan 1, burial 8; 3, 4 - Vetyutnev, kurgan 4, burial 2;

5–7 - Vetyutnev, kurgan 6, burial 5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время // II Городцовские чтения : материалы науч. конф. Труды ГИМ. Вып. 145. М. : ГИМ. С. 156–170.
- Ванчугов В. П., 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова Думка. С. 44–52.
- Дворниченко В. В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 170. С. 59–64.
- Дьяченко А. Н., 1993. Отчет об археологических исследованиях в Волгоградском Задонье (Иловлинский район) в 1993 г. // Архив ВОКМ. № 98.
- Дьяченко А. Н., 1996. Отчет о проведении археологических исследований в Октябрьском районе Волгоградской области в 1996 году // Архив ВОКМ. № 136.
- Дьяченко А. Н., Железчиков Б. Ф., 1989. Отчет об исследованиях курганного могильника Орешкин I в Михайловском районе Волгоградской области в 1989 году // Архив ВОКМ. № 67.
- Дьяченко А. Н., Кригер В. А., 1991. Отчет о раскопках курганов и грунтового могильника в Клетском районе Волгоградской области в 1991 г. // Архив ВОКМ. № 109.
- Качалова Н. К., 1989. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // Советская археология. № 1. С. 33–47.
- Клепиков В. М., 1991. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства II очереди Фроловской ОС у х. Ветютнев Фроловского района Волгоградской области // Архив ВОКМ. № 110.
- Клепиков В. М., 2016. Погребения раннего железного века курганного могильника Шляховский // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 95–104.
- Лукьяшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Донские древности. Вып. 7. Азов : Азовский краеведческий музей. 240 с.
- Малов Н. М., 1987. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. Суздаль : ИА АН СССР. С. 159–160.
- Мамонтов В. И., 1980. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // Советская археология. № 1. С. 175–194.
- Мамонтов В. И., 1994. О памятниках «переходного» типа Волго-Донских степей // Проблемы истории и культуры сарматов : тез. докл. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 48–50.
- Махортых С. В., 1997. Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. Москва : ИА РАН. С. 4–13.
- Потапов В. В., 2000. Предскифские племена Восточной Европы // Донская археология. № 1 (6). С. 6–21.
- Потапов В. В., 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва. 25 с.
- Сергацков И. В., 2006. Отчет о раскопках курганов близ хутора Саушкин в Клетском районе Волгоградской области, входивших в зону строительства ВЛ 500Кв «ПС Фроловская – ПС Ростовская» // Архив ВОКМ. № 219.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М. : Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9. М. : Изд-во АН СССР. 40 с.

REFERENCES

- Balabanova M.A., 2005. Antropologiya naseleniya Vostochnoevropeyskih stepey v predskifskoe vremya [Anthropology of the Population of the Eastern European Steppes in the Pre-Scythian Time]. *II Gorodtsovskie chteniya. Materialy nauch. konferentsii* [II Gorodtsov Readings. Materials of Scientific Conferences]. Trudy GIM. Iss. 145. Moscow, SHM, pp. 156-170.

- Vanchugov V.P., 1982. O poyavlenii korchag v pamyatnikah epohi pozdney bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On the Appearance Storage Vessels in the Monuments of the Late Bronze Age of the North-Western Black Sea Region]. *Arheologicheskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Archaeological Sites of the North-Western Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 44-52.
- Dvornichenko V.V., 1982. Pogrebeniya predskifskogo vremeni na Nizhney Volge [Burials of the Pre-Scythian Time on the Lower Volga]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 170, pp. 59-64.
- Dyachenko A.N., 1993. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Volgogradskom Zadon'e (Ilovlinskiy rayon) v 1993 g. [Report on Archaeological Research in the Volgograd Trans-Don Region (Ilovlinskiy district) in 1993]. *Arkhiv VOKM*, no. 98.
- Dyachenko A.N., 1996. Otchet o provedenii arheologicheskikh issledovaniy v Oktyabr'skom rayone Volgogradskoy oblasti v 1996 godu [Report on the Conduct of Archaeological Research in the Oktyabrskiy District of the Volgograd Region in 1996]. *Arkhiv VOKM*, no. 136.
- Dyachenko A.N., Zhelezchikov B.F., 1989. Otchet ob issledovaniyakh kurgannogo mogil'nika Oreshkin I v Mihaylovskom rayone Volgogradskoy oblasti v 1989 godu [Report on the Research of the Kurgan Cemetery Oreshkin I in the Mikhailovskiy District of the Volgograd Region in 1989]. *Arkhiv VOKM*, no. 67.
- Dyachenko A.N., Kriger V.A. 1991. Otchet o raskopkakh kurganov i gruntovogo mogil'nika v Kletskom rayone Volgogradskoy oblasti v 1991 g. [Report on the Excavation of Kurgans and Cemetery without Mounds in the Kletskiy District of the Volgograd Region in 1991]. *Arkhiv VOKM*, no. 109.
- Kachalova N.K., 1989. O zaklyuchitel'nom periode bronzovogo veka na territorii Nizhnego Povolzh'ya (k postanovke problemy) [On the Concluding Phase of the Bronze Age in the Lower Volga Region]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 33-47.
- Klepikov V.M., 1991. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v zone stroitel'stva II ocheredi Frolovskoy OS u h. Vetyutnev Frolovskogo rayona Volgogradskoy oblasti [Report on Archaeological Excavations in the Construction Zone of the II Stage of the Frolovskaya Irrigation System near the Village Vetyutnev, Frolovskiy District, Volgograd Region]. *Arkhiv VOKM*, no. 110.
- Klepikov V.M., 2016. Pogrebeniya rannego zheleznogo veka kurgannogo mogil'nika Shlyahovskiy [Funerary Monuments of Shlyahovsky Burial Mound of the Early Iron Age]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 95-104.
- Luk'yashko S.I., 1999. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu* [Pre-Scythian Period in the Lower Don]. Donskie drevnosti. Iss. 7. Azov, Azov museum of local lore. 240 p.
- Malov N.M., 1987. Hvalynskaya kul'tura valikovoy keramiki epohi pozdney bronzy Nizhnego Povolzh'ya [Khvalynskaya culture of roll ceramics of the Late Bronze Age in the Lower Volga region]. *Zadachi sovetskoy arheologii v svete resheniy XXVII syezda KPSS. Tezisy dokladov* [The Tasks of Soviet Archeology in the Light of the Decisions of the XXVII Congress of the CPSU. Abstracts]. Suzdal, IAAS USSR, pp. 159-160.
- Mamontov V.I., 1980. O pogrebeniyakh pozdnego etapa srubnoy kul'tury v Nizhnem Povolzh'e i Volgo-Donskom mezhdurech'e [On the Late Burials of the Srubnaya Culture of the Volga Region and the Volga-Don Interflow]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 175-194.
- Mamontov V.I., 1994. O pamyatnikakh «perekhodnogo» tipa Volgo-Donskih stepey [About the Monuments of the "Transitional" Type of the Volga-Don Steppes]. *Problemy istorii i kul'tury sarmatov. Tezisy dokladov* [Problems of the History and Culture of the Sarmatians. Abstracts]. Volgograd, VolSU, pp. 48-50.
- Mahortyh S.V., 1997. Proiskhozhdenie i hronologiya bronzovykh nozhey Severnogo Kavkaza X–VIII vv. do n.e. [The origin and chronology of the bronze knives of the North Caucasus X–VIII centuries. BC]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy* [Monuments of the Pre-Scythian and Scythian Times in the South of Eastern Europe]. Moscow, IA RAS, pp. 4-13.
- Potapov V.V., 2000. Predskifskie plemena Vostochnoy Evropy [Pre-Scythian tribes of Eastern Europe]. *Donskaya arkhologiya* [Don Archaeology], no. 1 (6), pp. 6-21.
- Potapov V. V., 2010. Pamyatniki final'noy bronzy Nizhnego Podon'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Monuments of the finale Bronze Age of Lower Don Region. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 25 p.
- Sergatskov I.V., 2006. Otchet o raskopkakh kurganov bliz hutora Saushkin v Kletskom rayone Volgogradskoy oblasti, vkhodivshih v zonu stroitel'stva VL 500Kv «PS Frolovskaya – PS Rostovskaya» [Report on the Excavation of

Kurgans near the Saushkin Farm in the Kletskiy District of the Volgograd Region, which were Part of the Construction Zone of the 500KV Overhead Line “Frolovskaya - Rostovskaya”]. *Arkhiv VOKM*, no. 219.

Smirnov K.F., 1964. *Savromaty* [Sauromats]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.

Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Lower Volga and Southern Urals]. SAI. Iss. Д1-9. Moscow, AS USSR. 40 p.

Information About the Author

Alexandr N. Dyachenko, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Информация об авторе

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.4>

UDC 902
LBC 63.4(2)

Submitted: 20.07.2020
Accepted: 27.05.2021

ABOUT WOMEN'S CLOTHING WITH DECORATED SLEEVES FROM THE FILIPPOVKA I KURGAN CEMETERY

Konstantin S. Okorokov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vyacheslav E. Tregubov

Orenburg Governor's Local History Museum, Orenburg, Russian Federation

Abstract. During the archaeological study of the Filippovka I kurgan cemetery, several burial complexes were revealed containing items related to women's clothing. The article analyzes the burials where these items were found intact – burial 2 of kurgan 1 and burial 4 of kurgan 4. As a result of comparing the types of sewn-on elements and their positioning in the burial, a certain similarity between the complexes was found, so it's possible to draw a conclusion about the general appearance of the female clothing from the kurgan cemetery. In addition to the gold stripes made in the animal style, fragments of beaded embroidery decorating the sleeves of one of the clothing elements were found in burial 2 of kurgan 1. Protomes of deer marching in a row were depicted using regular and small beads of different materials on the sleeves. The article contains a description of the best preserved figures. Also, the first explorer of the cemetery A. Kh. Pshenichnyuk discovered in kurgan 1 a cache with a large number of gold patches on clothes as well as other items made of precious metals. Typological and stylistic similarity with patches from the burials examined allowed the authors of the article to make an assumption about the similarity between clothing from the cache and the burials. Specific features of the early Sarmatian animal style appear in the gold patches of clothing and the lining of wooden bowls from the Filippovka I kurgan cemetery. This allows us to assume that the entire set of implements with the Philippiian animal style was made by order and matching the taste of the early nomads.

Key words: animal style, Filippovka I kurgan cemetery, clothing reconstruction, Southern Urals, early nomads, gold stripes, decorated sleeves.

Citation. Okorokov K.S., Tregubov V.E., 2021. O predmetah zhenskoy odezhdy s dekorirovannymi rukavami iz mogil'nika Filippovka I [About Women's Clothing with Decorated Sleeves from the Filippovka I Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 51-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.4>

УДК 902
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 20.07.2020
Дата принятия статьи: 27.05.2021

О ПРЕДМЕТАХ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ С ДЕКОРИРОВАННЫМИ РУКАВАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА I

Константин Сергеевич Окорок

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Вячеслав Егорович Трегубов

Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В ходе археологического исследования курганного могильника Филипповка I было выявлено несколько погребальных комплексов с предметами, связанными с женскими костюмами. В статье анализируются погребения, в которых эти предметы обнаружены непо потревоженными – погребение 2 кургана 1 и погребение 4 кургана 4. При сравнении типов нашивных элементов и их положения в погребении обнару-

жились определенное сходство между комплексами, что позволило сделать вывод об общем облике женского костюма, представленного в могильнике. Помимо золотых нашивок, выполненных в зверином стиле, в погребении 2 кургана 1 выявлены фрагменты бисерной вышивки, которая декорировала рукава одного из элементов одежды. Посредством бисера и мелких бусин из разных материалов на рукавах были изображены протомы оленей, шествующих друг за другом. В статье приводится описание наиболее сохранившихся фигур. Также в кургане 1 первым исследователем могильника А.Х. Пшеничнюком был обнаружен тайник, где среди прочих предметов из драгоценных металлов находилось большое количество золотых нашивок на одежду. Обращает на себя внимание типологическая и стилистическая близость с нашивками из рассмотренных погребений, что позволило авторам статьи сделать предположение об аналогичности костюмов из тайника и погребений. В золотых нашивках одежды и обкладках деревянных чаш из курганного могильника Филипповка I проявляются специфические черты раннесарматского звериного стиля. Это позволяет предполагать о производстве на заказ соответственно вкусу ранних кочевников всего комплекса инвентаря с филипповским звериным стилем.

Ключевые слова: звериный стиль, курганный могильник Филипповка I, реконструкция костюма, Южное Приуралье, ранние кочевники, золотые нашивки, декорированные рукава.

Цитирование. Окоороков К. С., Трегубов В. Е., 2021. О предметах женской одежды с декорированными рукавами из могильника Филипповка I // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.4>

Костюм традиционных обществ – сложная знаковая система, характеризующая не только конкретного человека, но и целый народ, представителем и выразителем культуры которого он является [Яценко, 2006, с. 5]. Вместе с тем плохая сохранность небольшого количества материалов, относящихся к костюму, является ощутимой преградой в исследовании этого вопроса в археологии ранних кочевников Южного Урала.

Археологический материал из некрополя Филипповка I, полученный в ходе раскопок 2006 и 2013 гг., позволяет обобщить и конкретизировать ряд наблюдений исследователей касательно реконструкции женской одежды ранних кочевников Южного Приуралья. В парном погребении 4 кургана 4 и женском погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка I золотые нашивки, украшающие женский костюм, находились в непосредственной близости к костяку. Они известны и в других комплексах этого могильника, однако происходят из потревоженных грабителями или землеройными животными погребений. Отдельный и яркий случай – нахождение подобных нашивок в тайнике II в кургане 1 вместе с золотыми и серебряными сосудами, а также с деревянными фигурами оленей, оббитыми золотыми и серебряными листами. Ритуальные действия, в которых использовался данный набор предметов, проводились до сооружения насыпи кургана. Вероятно, артефакты, украшенные фигурами оленей, чаши со священным напитком

[Переводчикова, 2016, с. 221; Федоров, 2006, с. 46–50] и женские одежды, украшенные золотыми нашивками, несли семантическую нагрузку в этих обрядовых действиях. Анализ предметов из погребения 4 кургана 4 и погребения 2 кургана 1 позволит предложить реконструкцию костюмов, уложенных в тайник II кургана 1 Филипповского I курганного могильника.

В 1987–1988 гг. археологической экспедицией ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка проводилось первое исследование кургана 1. Было выявлено центральное погребение с дромосом, два тайника и подземные ходы, названные исследователем грабительскими лазами. Тайник II находился у западного края центрального погребения, в 6 м южнее тайника I, представляя собой прямоугольную яму размером 100 × 50 см и глубиной 90 см от уровня дневной поверхности [Пшеничнюк, 2012, с. 23]. В придонной части тайника II находилось четыре разновидности золотых нашивок – крупные, изображающие архаров и сражающихся верблюдов, и небольшие, изображающие лежащего оленя и протома кошачьего хищника (рис. 1, I).

В 2004 г. работы на могильнике были возобновлены Приуральской экспедицией Института археологии РАН под руководством д.и.н. Л.Т. Яблонского. Исследованы все оставшиеся курганы Филипповского могильника, а также останец кургана 1. Интересую-

шие нас памятники будут описаны в порядке их исследования.

В 2006 г. был исследован курган 4 [Яблонский, Мещеряков, 2007, с. 55–62]. Погребение 4 было расположено в восточной поле насыпи. Яма – неправильный четырехугольник 368 × 417 см глубиной 436 см от погребенной почвы с заплечиками со следами деревянного перекрытия вдоль широтных бортов. На дне погребения расчищено два скелета, лежавших вытянуто на спине, головой на юг. Лицо скелета 1 (мужского) обращено к скелету 2, который принадлежал девушке 18–20 лет (рис. 1,2). Погребенная лежала лицом вверх, руки вытянуты и прижаты к телу, ноги вытянуты, левая слегка согнута в колене. Вдоль обеих рук располагались 22 нашивки¹ в виде изогнутых кошачьих хищников (рис. 2,5,6) размером 4 × 2 см, направленных влево [Яблонский, 2008, с. 124–129]. По предположению Л.Т. Яблонского, эти нашивки являлись украшением бортов плаща: «...женщина была одета в плащ, борта которого украшены золотыми нашивками в виде фигур львов» [Яблонский, 2013, с. 19]. Несколько выше плечевых костей находились две крупные однотипные нашивки в виде протомы лежащего кошачьего хищника с расположенной фронтально полый головой, слегка опущенной на сложенные вместе лапы с длинными пальцами (рис. 2,3,4), а также 14 однотипных нашивок² в виде лежащего кошачьего хищника с объемной полый головой (рис. 2,2). В ушах некоторых фигур остались следы вставок из голубой эмали, утраченных в древности. Их место руководитель раскопок определяет также «среди нашивок на плащ» [Яблонский, 2013, с. 98–99].

Анализ взаимного расположения определенно указывает на то, что нашивки двух типов принадлежат двум разным предметам одежды. Небольшие нашивки в виде изогнутых кошачьих хищников вероятнее всего являются украшением длинных узких рукавов платья – они расположены цепочкой вдоль костей обеих рук, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, от плеча до запястья.

Массивные нашивки с объемным изображением кошачьего хищника, судя по расположению, относятся ко второму предмету

одежды, надетому поверх рубашки или платья с длинным узким рукавом. Интересно, что 7 фигур с правой руки ориентированы вправо, 7 фигур с левой руки ориентированы влево, две изображают животное в фас, при этом выполнены они по одной технологии. На непотревоженном участке у левой плечевой кости особенно отчетливо видно, что нашивки с протомой пантеры маркируют верхнюю линию плеча, чуть ниже нее по дуге полоса из семи пантер расположена так, что три пантеры оказываются на стороне спины, три – на стороне груди и одна – под нашивкой на плече. Концы этой ленты (каймы) не смыкаются. Таким образом, данный костюм состоит из двух деталей:

– платья с длинными узкими рукавами, украшенными с внешней стороны небольшими золотыми нашивками в виде изогнутого кошачьего хищника по всей длине руки;

– предмета одежды с широкими, но короткими, открытыми снизу рукавами, с украшающими кайму массивными объемными фигурами пантер, лежащих на боку (рис. 2,1,7,4).

Кости мужского скелета лежат поверх нескольких нашивок с правого плеча женского скелета, поэтому можно предположить, что женщина была первой помещена в погребальную камеру (практически посередине), ее одежда была расправлена, а затем справа от нее было уложено тело мужчины.

В 2013 г. был исследован курган 1 [Яблонский, 2016, с. 744–766]. К востоку от центрального погребения, за пределами вала было обнаружено погребение 2, ориентированное меридионально. Яма подпрямоугольной формы размером 520 × 348 см, глубиной 436 см от уровня погребенной почвы. На дне ямы, на органической подстилке растительного происхождения был расчищен женский скелет, лежащий головой на юг, лицом вверх. По определению руководителя раскопок, погребенной было около 35 лет [Яблонский, 2014, с. 24]. Помимо богатейшего сопроводительного инвентаря, в непосредственной близости от костяка, на нем и под ним находилось несколько сотен предметов, соотносимых с деталями одежды (рис. 1,3). Описанию этих предметов посвящено несколько работ Л.Т. Яблонского и О.В. Аникеевой, в которых детально рассмотрены типы нашивок, сопутствующие украшения, а также их вероятное про-

исхождение [Аникеева, Яблонский, 2019а; Аникеева, Яблонский, 2019б].

Вдоль обеих рук с внешней стороны располагались 26 золотых нашивок с изображением сцены терзания кошачьим хищником копытного полорогого животного (рис. 3,2, 4,1, 4,3). На левой руке животные на нашивках ориентированы влево (12 шт.), на правой руке – вправо (14 шт.). Положение этих нашивок аналогично положению схожих по размеру нашивок из погребения 4 кургана 4 и свидетельствует о наличии платья с длинными узкими рукавами. В данном случае обшлага рукавов были дополнительно украшены сложносоставными звеньями с подвесками [Аникеева, Яблонский, 2019б, с. 17–18]. К платью же относятся 4 нашивки на груди с изображением копытного животного (рис. 3,1).

К другому предмету одежды, самому верхнему, мы относим: все золотые нашивки-розетки (395 шт.); бахрому из 106 миниатюрных золотых нашивок с двумя отверстиями в бортиках и 107 золотых подвесок из двух спаянных полусфер с петлей с одной стороны и зернью – с другой; золотые наверхия шнуров (16 шт.).

Положение бахромы (рис. 4,2,5), по-видимому, изначально обрамлявшей лицо, вместе с положением золотых наверхий шнуров-завязок (рис. 4,4) относительно костяка позволяет предположить, что в ходе осуществления погребения лицо умершей, а также часть тела до середины грудины были закрыты шалью. В процессе перемещения шали ее край под левой ногой, погребенной соответственно, сместился вверх, подняв с собой и прикрепленные на ней нашивки.

К еще одному предмету одежды мы относим участки бисерной вышивки размером 40–45 × 18 см, расчищенные около обеих рук (рис. 5,1,2). Эти скопления бисера располагались под локтевыми суставами и за пределами костяка. Оба участка фиксируются от середины плечевой кости приблизительно до середины предплечья. Данные объекты являются сложенными пополам лентами, изображения на которых ограничены каймой из золотых трубочек-пронизок.

Вышивка выполнена бисером и мелкими бусинами из различных материалов, в том числе из золота. Золотые бусины имеют раз-

личные формы: от почти круглых до биконических, частично практически цилиндрических, с выраженным пояском посередине, размером ≈ 3 мм.

Правый рукав сохранился значительно лучше левого. Основные элементы вышивки на левом рукаве соответствуют таковым на правом рукаве [Яблонский, 2014, с. 57].

В ходе работы с этими объектами было установлено, что рукава расшиты протомами оленей, шествующих друг за другом (рис. 6,1–3). Олени изображены идущими вправо, как бы выходя из-за спины (на правом рукаве). Под длинной, с характерной горбинкой мордой каждого оленя изображена согнутая передняя нога с выделенным копытом и клочком шерсти над ним на задней стороне ноги. Пасти животных приоткрыты, переданы валиком из бусин, подобным валиком выделена бородка. Рога, занимающие треть изображения, состоят из 2–4 отростков, скрученных в спирали. Подтреугольное ухо противопоставлено морде и находится между рогами и спиной животного, глаз подтреугольной, почти полукруглой формы, согнутой в колене передней ноге противопоставлен завиток со стороны спины животного.

Сохранность правого рукава такова, что фиксируются семь фигур оленей, которым мы условно даем номера I–VII для удобства описания. Всего же площадь участков бисерной вышивки позволяет предположить, что фигур на каждом рукаве было 10.

Абрисы фигур однотипные, отличаются очень незначительными деталями, обусловленными возможностями техники шитья. Отличия присутствуют в цветовом наборе бисера и бус, используемых для каждого оленя.

Фигура I вписана в прямоугольник высотой 68,5 мм, шириной 78,5 мм. Морда вытянута, шириной от 10 до 13 мм. Пасть обозначена более крупными цилиндрическими бусинами красноватого цвета. В носу выявлен дополнительный ряд из четырех золотых бусин, размером аналогичных остальным. Этот дополнительный ряд формирует «горбинку» морды.

Рога животного изображены крупными, до трети всей фигуры, с четырьмя спиральными отростками. Два крупных (шириной 20 мм) отростка находятся над мордой, па-

параллельно ей. Два мелких (шириной 15 мм) отростка за затылком располагаются параллельно шее. Считая слева направо, первая и третья спирали (мелкая и крупная) выполнены из золотых бусин, вторая спираль – из бледно-розовых бусин (коралл?), четвертая – из сравнительно крупных бусин розового и желтоватого цветов цилиндрической формы.

Глаз полулунной формы (высота – 4 мм, ширина – 8 мм), состоит из двух или трех полуразрушенных бусин розового и голубого цветов. Форма глаза хорошо читается благодаря кайме из плотно подогнанных золотых бусин в один ряд.

Ухо подтреугольной формы состоит из плохо сохранившихся бледно-розовых бусин.

Борода подтреугольной формы обозначена рядом золотых бусин, окаймляющих плохо сохранившуюся бусину ярко-голубого цвета.

Нога состоит из двух рядов золотых бусин, плечо – из трех рядов. Копыто подтреугольной формы из двух рядов золотых бусин, у основания расширяется дополнительным рядом-вставкой. Копыто подогнуто почти на 90° к ноге. Клочок шерсти над копытом на задней части ноги плохо различим.

2-видный завиток за спиной животного состоит из двух рядов плотно подогнанных друг к другу золотых бусин.

На правом рукаве над рогами фигуры I встречаются также участки, расшитые золотыми бусинами меньшего размера ($\approx 1,5 \times 2$ мм).

Фигура II. Сохранилась передняя часть фигуры и один отросток рога, закрученный спиралью, шириной 17 мм. Морда скорее треугольной формы, высотой 15 мм. Хорошо читается кайма из золотых бусин, изображающая валик губ животного, внутри пасти – бусины розового цвета. На месте ноздри, как и у фигуры I, отчетливо видны две белые бусины уплощенно-цилиндрической формы. Сохранилось основание отростка рога 4, отходящего от отростка 3, выполненного из бусин светло-розового цвета. Размер бороды – 10×9 мм. Клочок шерсти на задней части копыта выделен полукруглой каймой из бусин. Копыто (11×23 мм) и борода выполнены из темно-коричневых (пиритовых?) бусин прямоугольной формы.

Фигура III вписана в условный прямоугольник высотой 65 мм, шириной 80 мм. Зо-

лотыми бусинами вышиты нога, клочок шерсти на задней части копыта (7×7 мм), лопатка (часть 2-видного завитка), кайма уха, кайма глаза (11×4 мм), второй и третий отростки рогов. В копыто (23×10 мм), колено, бороду (12×8 мм), ухо (длина 15 мм), основания первого и четвертого отростков рогов вышиты темно-коричневые бусины прямоугольной формы. Белые бусины находятся внутри пасти животного, а также над его глазом. Копыто вышито розовыми бусинами. Целостность рисунка нарушена в районе рогов. Шея шириной 15 мм.

Фигура IV сохранилась частично. Отсутствуют морда с бородой, по меньшей мере один отросток рогов, нога с копытом и грудь. Отросток рога 1, вероятно, не поместился между ухом оленя IV и носом оленя III, от него сохранилось основание, однако сама спираль заменена подпрямоугольным участком из темно-коричневых бусин. Голова, шея, один из сохранившихся отростков рогов (шириной 20 мм) выполнены золотыми бусинами. Другой отросток рогов состоит из бусин розового и желтоватого цветов. Ухо длиной 15 мм, часть 2-видного завитка на задней части тела животного, основания рогов заполнены темно-коричневыми бусинами подпрямоугольной формы. Глаз (10×3 мм) выполнен 5 белыми бусинами. В этой фигуре использованы более мелкие золотые бусины. Шея (ширина 12 мм) состоит из 6 параллельных рядов таких бусин.

Олени, фиксируемые на изнанке рукава. Сохранность участка очень плохая.

Фигура V. Сохранилась часть головы из цилиндрических бледно-розовых бусин. Глаз (ширина – 15 мм, высота – 4 мм) вытянутой, полулунной формы из 11 золотых бусин. Часть завитка за спиной оленя и отростки рогов состоят из золотых бусин.

Фигура VI. Шея, морда, часть рогов выполнены из золотых бусин.

Фигура VII. Заполнение глаза (12×4 мм), кайма уха (16 мм), нога с копытом, часть рогов, лопатка (завиток?) состоят из золотых бусин. Морда (длиной 37 мм) вышита бледно-розовыми бусинами прямоугольной формы.

Положение бусин и бисера, положение отверстий на бусинах, прочие детали и особенности данного предмета позволяют охарактеризовать его как пример односторонней

криволинейной вышивки, выполненной строчным швом. Эта техника известна и популярна и в настоящее время – ее используют, чтобы подчеркнуть детали сюжета. Бисер или бусины ложатся изогнутыми линиями, повторяющими рисунок. Изображение получается не сплошное, а как бы прорисованное.

Вероятно, сначала рисунок был нанесен на ткань-основу с помощью какого-нибудь красителя, а затем поверх этого наброска были нашиты бусины, о чем говорит тщательность проработки и точность изображений. Представляется справедливым предположение, что данный предмет произведен мастером своего дела.

Каждая фигура при схожести деталей и общих контуров имеет отличия в цвете используемых бусин. Не ясно, является ли это художественным замыслом или имеет место ограниченность в расходных материалах.

Все фигуры обшиты дополнительным рядом из голубых бисерин, плотно подогнанных друг к другу (рис. 6,2). На первый взгляд кажется, что весь фон выполнен из голубого бисера. Голубым бисером и темно-коричневыми бусинами заполнен фон между мордой оленя III и ухом оленя IV. Треугольные участки фона между завитками рогов этих фигур и каймой рукава из золотых столбиков заполнены бусинами розового, голубого, белого цветов, а также темно-коричневыми бусинами прямоугольной формы.

Представляется возможным оценить приблизительное количество используемых в вышивке бусин и бисерин. Для этого были посчитаны бусины и бисерины в деталях фигуры I, поскольку она сохранилась лучше остальных. Для контура головы использованы 38 золотых бусин; заполнения морды – 14 золотых + 2 бусины розового цвета, обозначающие пасть; контура глаза – 10 золотых бусин; заполнения глаза – ≈ 4 бусины; борода – контур из 8 золотых бусин вокруг двух бусин плохой сохранности; нога с копытом – ≈ 33 бусины; 2-видный завиток – ≈ 28 бусин; порядка двух-трех десятков бусин в заполнении шеи и груди; рога: спираль 1–28 золотых бусин, спираль 2–45 бусин бледно-розового цвета, спираль 3–36 золотых бусин, спираль 4 – от 26 до свыше 30 розовых бусин³. Вся фигура обтянута каймой в один ряд из более сотни плотно

подогнанных друг к другу голубых бисерин толщиной 1 мм, диаметром 2 мм.

Таким образом, для нанесения одной фигуры было необходимо более 400 бусин.

Учитывая, что площадь одной фигуры составляет одну десятую площади всего предмета, а также добавив несколько десятков бусин и бисерин фона, общее количество бусин можно оценить в 4500–5000, из которых ≈ 250 приходится на кайму из бусин-столбиков (6 × 2,5 мм), где золотые бусины чередуются с бусинами схожих пропорций из другого материала.

Вышивка на левом рукаве сохранилась хуже, перемещена большая часть бусин (рис. 5,1), однако ряд деталей уцелел, что позволяет говорить о том, что изображения на левом рукаве идентичны изображениям на правом. Кайма из золотых столбиков, перемежающаяся с бусинами из других материалов, проходит посередине объекта, разделяя фронтальную и изнаночную стороны. На изнаночной стороне в центре участка отчетливо различима фигура оленя, выполненная золотыми бусинами, с глазом и пастью из розовых бусин. Изображение обшито рядом из бисера голубого цвета. Фигура расположена зеркально аналогичным изображениям на изнаночной стороне правого рукава. Следовательно, фигуры на рукавах зеркально симметричны и как бы выходят из-за спины, встречаясь нос к носу на передней части костюма. Кроме этой фигуры различимы также детали других оленей – части морд, завитки рогов. Помимо перемещенного состояния большого количества бусин, на самом объекте находится больше предметов, чем на правом рукаве – восемь золотых наконечников шнуров, пять золотых нашивок со сценой терзания, несколько нашивок-розетт.

Представленные комплексы из двух самых крупных курганов могильника Филипповка I обладают рядом сходных черт. В первую очередь это расположение нашивных элементов относительно костяков – в обоих случаях реконструируется декорированная лента, сложенная пополам, которая находится с внешней стороны плечевых костей (в кургане 1 ближе к локтевому суставу, в кургане 4 ближе к плечевому суставу). В обоих случаях эти ленты изогнуты дугой, расширяясь наружу.

Нижняя, разомкнутая часть находится от тела дальше, чем верхняя (место сгиба пополам). Сходство обнаруживается в сюжете – вереница животных, выходящих из-за спины на лицевую сторону одежды зеркально симметрично друг другу. Общность сюжета еще более интересна тем, что рукава исполнены в разных техниках: в одном случае это пришивание массивных объемных нашивок, в другом – полихромная бисерная вышивка.

В том, что костюмы из этих двух погребений близки по типу, убеждает и факт наличия небольших золотых нашивок вдоль рук погребенных. Костюм из погребения 2 кургана 1 явно продуман лучше – помимо большего количества нашивок и деталей, изображенные животные на нашивках вдоль рук также зеркально симметричны, в отличие от небольших нашивок из кургана 4, где все изображения направлены влево.

Проанализировав два этих костюма, мы можем по-новому взглянуть на золотые нашивки из тайника II кургана 1 могильника Филипповка I. Перед нами 4 типа нашивок:

– 20 нашивок размерами 8 × 6 см в виде фигур архаров в спокойной позе. Голова животного объемная, спаяна из двух половин. На оборотной стороне припаяно четыре петли для крепления. У 10 фигурок головы повернуты влево, у 10 – вправо;

– 29 рельефных нашивок с изображением сцены борьбы двух верблюдов размерами 5 × 4 см с проделанными по углам отверстиями для пришивания;

– 54 нашивки прямоугольной формы с изображением фигуры лежащего оленя с подогнутыми ногами, размерами 2,8 × 2 см, с четырьмя петлями для пришивания. На 20 нашивках олень смотрит влево, на 34 – вправо;

– 63 нашивки с изображением протомы кошачьего хищника размерами 2 × 3 см с двумя петлями для пришивания [Коллекции ... , 2018, с. 16].

Представленные нашивки делятся на две группы – большие и малые, параметры и стилистические решения которых близки нашивкам из рассмотренных выше погребений. Исходя из количества нашивок, их типов и конфигурации можно сделать вывод, что в тайнике II находилось два кос-

тюма, с малыми нашивками вдоль узкого рукава нижнего платья и широким рукавом верхней плечевой одежды, украшенной каймой из крупных нашивок. Наше предположение подтверждается и тем, что объемные фигуры архаров выполнены в такой же технике, что и объемные фигуры пантер из кургана 4 (но без пастовых вставок). Небольших нашивок каждого типа оказывается несколько больше для одного платья, чем зафиксировано *in situ* в погребениях, что может говорить о нескольких одинаковых платьях, о более плотном пришивании, либо о пришивании нашивок в два ряда (или иным образом).

Таким образом, из двух самых крупных (и богатых) курганов могильника Филипповка I происходят четыре близких по типу женских костюма, отличающиеся индивидуальными особенностями исполнения (рис. 7, 2–4).

Образы звериного стиля, представленного на нашивках и узорной вышивке подобны тем, какие мы видим в материалах кургана 1 могильника Филипповка I [Окороков, Переводчикова, 2020, с. 33], таких как золотые накладки на деревянные сосуды. Это сходство позволяет нам предполагать целенаправленное производство этих предметов специально для нужд данной группы кочевого населения в едином производственном центре [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 157; Переводчикова, 2006, с. 37–38; Переводчикова, 2008, с. 64–72; Переводчикова, Таиров, 2010, с. 202]. В настоящее время мы не придерживаемся точки зрения о длительном бытовании рассмотренных элементов костюма, хотя и не исключаем такой возможности [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 281; Окороков, Переводчикова, 2020, с. 33; Анисеева, Яблонский, 2019а, с. 21; Анисеева, Яблонский, 2019б, с. 22; Трейстер и др., 2010, с. 83].

Авторы ставили перед собой цель рассмотреть комплексы с элементами женской одежды из курганов 1 и 4, осознавая, что в погребениях прочих курганов могильника Филипповка I встречаются золотые нашивки, а также предметы, вероятнее всего являющиеся наконечниками скрепляющих одежды шнуров (осторожно публиковавшиеся ранее как «навершия») [Окороков, 2020б, с. 131, рис. 2, 1–7]. Большое количество этих пред-

метов, происходящих в большинстве случаев из потревоженных по разным причинам комплексов, заслуживает рассмотрения их в отдельной работе. Тем не менее предварительное и поверхностное знакомство с ними вызывает ощущение чрезвычайного сходства с элементами рассматриваемых в статье костюмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хранение: Оренбург, ОРОМ, инв. № 19083-19104, в каталоге 2013 г. описано 14 штук.

² Хранение: Оренбург, ОРОМ, инв. № 19067-19080, в каталоге 2013 г. описано 10 штук.

³ Некоторые значения являются приближенными из-за плохой сохранности части бусин и состояния вышивки в целом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

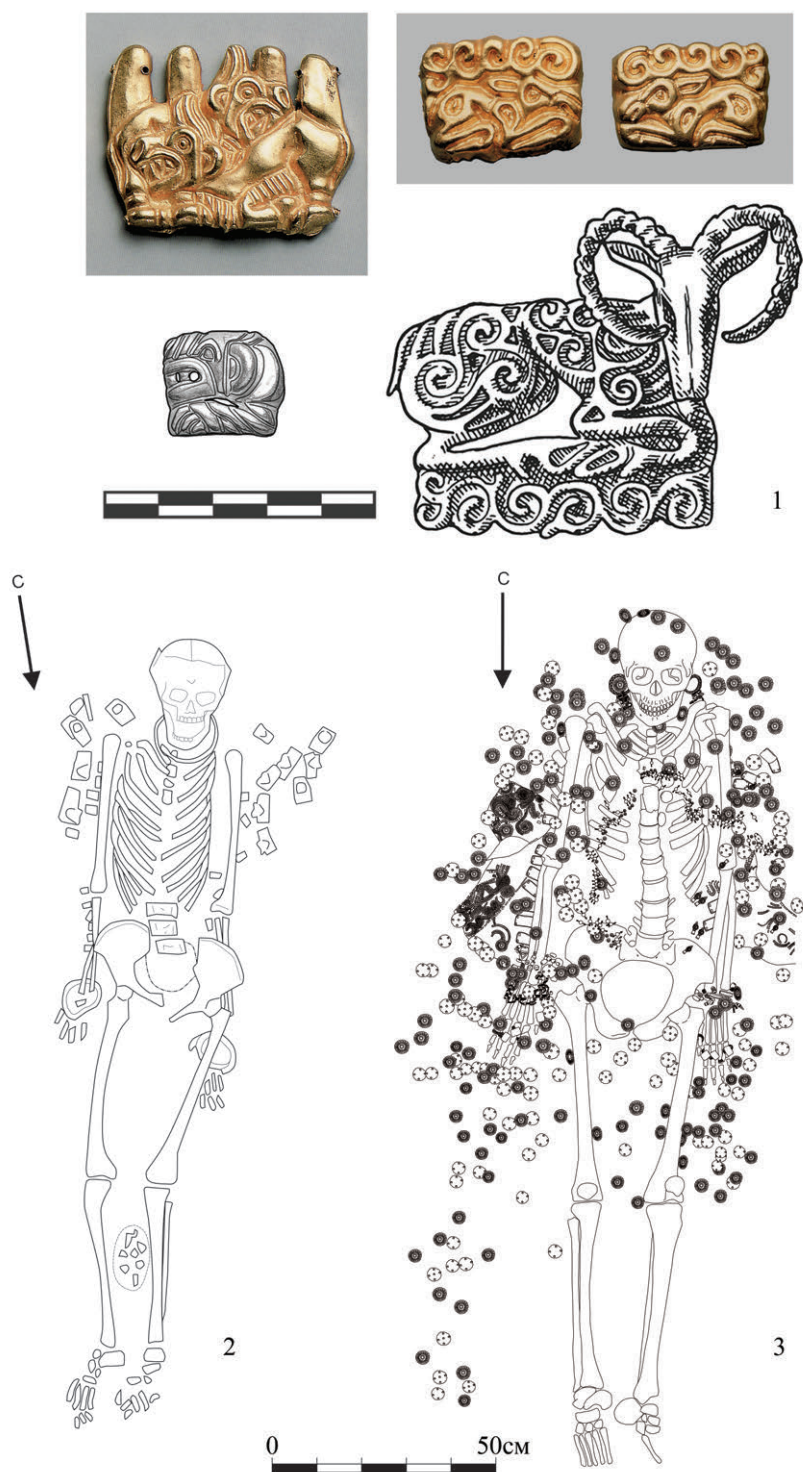

Рис. 1. Нашивные элементы декора костюмов из непогрезоженных комплексов могильника Филипповка I:
1 – Филипповка I, курган 1, тайник 2, нашивки из придонной части (по: [Пшеничнюк, 2012, с. 111, рис. 24, фото 13–14]);
2 – Филипповка I, курган 4, погребение 4, положение нашивок на костяке (по: [Окороков, 2020, с. 202, рис. 2,1]);
3 – Филипповка I, курган 1, погребение 2, положение нашивок на костяке (по: [Окороков, 2020, с. 202, рис. 2,3])

Fig. 1. Patch elements of costume décor from undisturbed complexes of the Filippovka I kurgan cemetery:
1 – Filippovka I, kurgan 1, cache 2, stripes from the bottom part (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 111, fig. 24, photo 13–14]);
2 – Filippovka I, kurgan 4, burial 4, the position of the stripes on the skeleton (after: [Okorokov, 2020, p. 202, fig. 2,1]);
3 – Filippovka I, kurgan 1, burial 2, the position of the stripes on the skeleton (after: [Okorokov, 2020, p. 202, fig. 2,3])

1

Рис. 2. Филипповка I, курган 4, погребение 4:

- 1 – положение нашивок на костяке (по: [Окорок, 2020, с. 201, рис. 1,4]);
- 2 – золотая нашивка № 61 (здесь и далее номера указаны по полевой описи);
- 3 – золотая нашивка № 63; 4 – золотая нашивка № 6; 5 – золотые нашивки № 23, 24, 25;
- 6 – золотые нашивки № 56, 57, 58 (прорисовка И.В. Рукавишниковой)

Fig. 2. Filippovka I, kurgan 4, burial 4:

- 1 – the position of the patches at the skeleton (after: [Okorokov, 2020, p. 201, fig. 1,4]);
- 2 – gold patch No. 61 (here and below the numbers are listed according to the field inventory);
- 3 – gold patch No. 63; 4 – gold stripe No. 6; 5 – gold stripes No. 23, 24, 25;
- 6 – gold stripes No. 56, 57, 58 (trace drawing by I.V. Rukavishnikova)

Рис. 3. Филипповка I, курган 1, погребение 2:

1 – золотые нашивки на груди (по: [Яблонский, 2014, с. 147, рис. 180, 1–4]);

2 – золотые нашивки с правого рукава платья

Fig. 3. Filippovka I, kurgan 1, burial 2:

1 – gold patches on the chest (after: [Yablonskiy, 2014, p. 147, fig. 180, 1–4]);

2 – gold stripes from the right sleeve of the dress

Рис. 4. Филипповка I, курган 1, погребение 2:

- 1 – положение нашивок левого рукава платья на участке бисерной вышивки (фрагмент);
- 2 – положение бахромы накидки (фрагмент) (по: [Яблонский, 2014, с. 148, рис. 182]);
- 3 – золотые нашивки с левого рукава платья; 4 – золотые навершия шнуров;
- 5 – элементы бахромы накидки (по: [Яблонский, 2014, с. 147, рис. 180,8–9])

Fig. 4. Filippovka I, kurgan 1, burial 2:

- 1 – the position of the patches on the left sleeve of the dress in the section of beaded embroidery (fragment);
- 2 – position of the cape fringe (fragment) (after: [Yablonskiy, 2014, p. 148, fig. 182]);
- 3 – gold stripes from the left sleeve of the dress; 4 – gold tops of cords;
- 5 – elements of the cape fringe (after: [Yablonskiy, 2014, p. 147, fig. 180,8–9])

Рис. 5. Филипповка I, курган 1, погребение 2:

- 1 – участок бисерной вышивки слева от костяка, вид с запада;
- 2 – участок бисерной вышивки справа от костяка, вид с востока

Fig. 5. Filippovka I, kurgan 1, burial 2:

- 1 – section of beaded embroidery to the left of the skeleton, view from the west;
- 2 – section of beaded embroidery to the right of the skeleton, view from the east

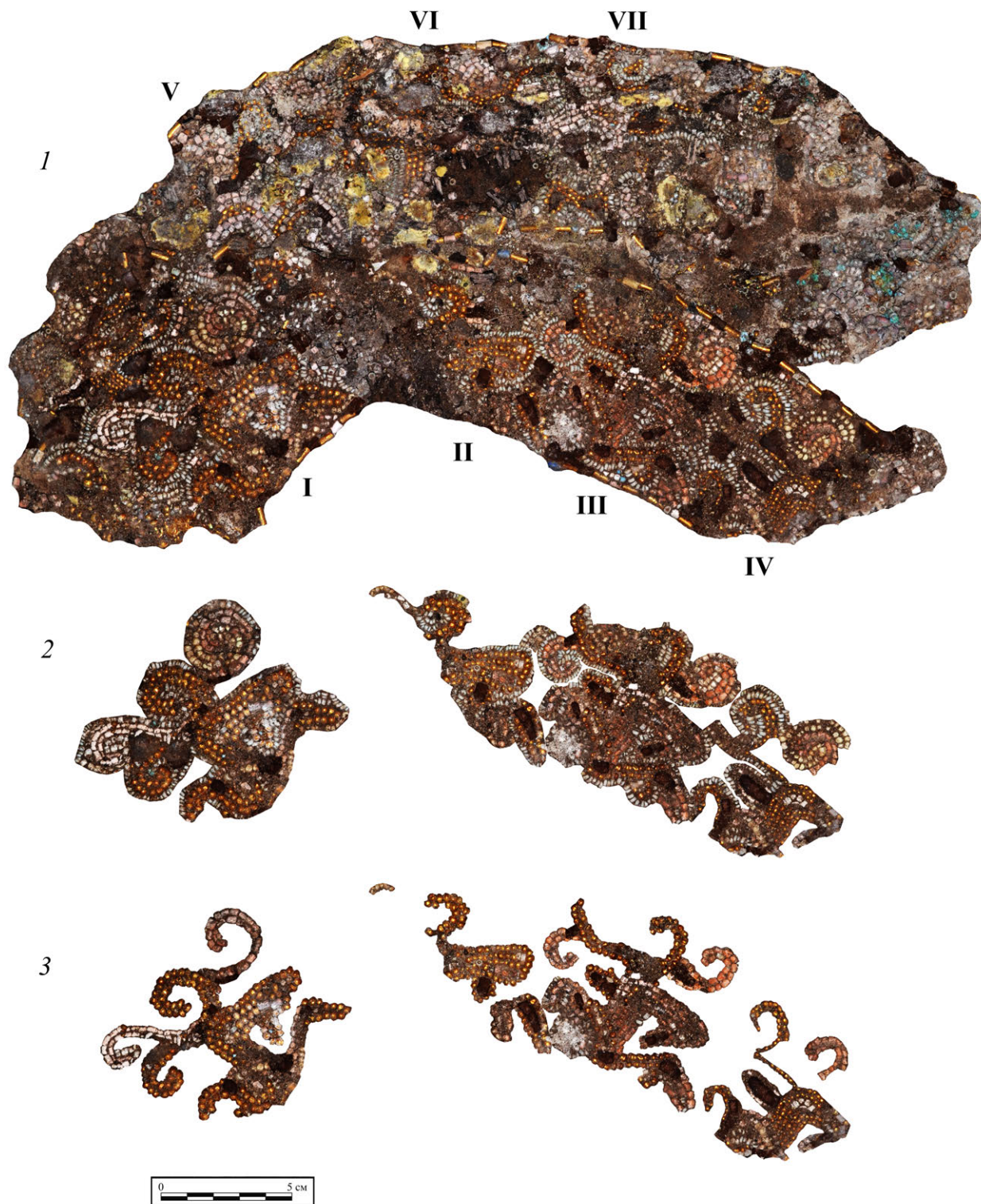

Рис. 6. Филипповка I, курган 1, погребение 2:

1 – участок бисерной вышивки справа от костяка с обозначением выявленных фигур оленей (фотография);
2 – наиболее сохранившиеся фигуры оленей с каймой из голубого бисера; 3 – те же фигуры оленей без каймы

Fig. 6. Filippovka I, kurgan 1, burial 2:

1 – section of beaded embroidery to the right of the skeleton with the designation of the identified figures of deer (photo);
2 – the best preserved figures of deer with a border of blue beads; 3 – the same figures of deer without a border

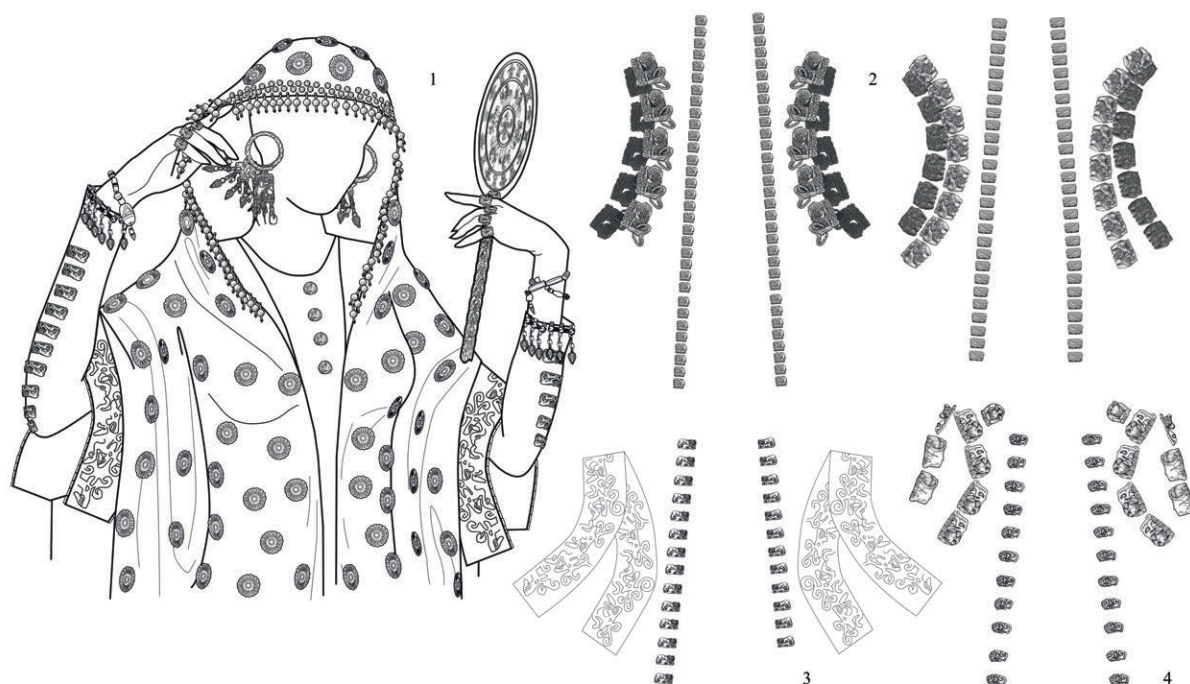

Рис. 7. Филипповка I:

- 1 – курган 1, погребение 2, графическая реконструкция костюма (по: [Окорочков, 2020а, с. 202, рис. 3,2]);
2 – курган 1, тайник 2, реконструируемая схема декоративных элементов костюмов;
3 – курган 1, погребение 2, схема декоративных элементов костюмов;
4 – курган 4, погребение 4, схема декоративных элементов костюмов

Fig. 7. Filippovka I:

- 1 – kurgan 1, burial 2, graphic reconstruction of the costume (after: [Okorokov, 2020a, p. 202, fig. 3,2]);
2 – kurgan 1, cache 2, reconstructed scheme of clothing decorative fixtures;
3 – kurgan 1, burial 2, scheme of clothing decorative fixtures;
4 – kurgan 4, burial 4, scheme of clothing decorative fixtures

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019а. Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного захоронения ранних кочевников Южного Приуралья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 14–24.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019б. Элементы погребального костюма жрицы из филипповских курганов: материалы к реконструкции // Археология евразийских степей. № 1. С. 12–32.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН : каталог, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Окороков К. С., Переводчикова Е. В., 2020. Находки 2013 г. в контексте звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>.
- Окороков К. С., 2020а. Расшитые бисером рукава женского костюма из погребения 2 кургана 1 некрополя Филипповка I // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи : актуальные проблемы и перспективы их решения». М. : ИА РАН. С. 189–202.
- Окороков К. С., 2020б. Элементы костюма в погребальных комплексах Южного Урала // Волго-Уральский регион от древности до средневековья : материалы VI Нижневолж. Междунар. археол. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 126–132.
- Переводчикова Е. В., 2006. О цвете золота на оковках деревянных сосудов из 1 Филипповского кургана // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : III Междунар. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) : тез. докл. М. : Нумизматическая литература. С. 37–28.
- Переводчикова Е. В., 2008. Золотые оковки сосудов из I Филипповского кургана: к постановке вопроса о месте производства // Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки. Музейні читання : матеріали наукової конференції (12–14 листопада 2007). Київ : Фенікс. С. 64–72.
- Переводчикова Е. В., Таиров А. Д., 2010. Произведения звериного стиля из 1-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 198–212.
- Переводчикова Е. В., 2016. О стилистическом единстве произведений звериного стиля из 1-го Филипповского кургана // Урал-Алтай : через века в будущее : материалы VII Всерос. тюркол. конф. (с междунар. участием), посвящ. 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 220–222.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛИ УНЦ РАН. 280 с.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) : в 2 т. Т. I. М. : ТАУС. 671 с.
- Трейстер М. Ю., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2010. Ахеменидская (?) серебряная рукоять ножа в форме фигуры оленя из Филипповки // Российская археология. № 3. С. 73–85.
- Федоров В. К., 2006. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 46–57.
- Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2007. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 55–62.
- Яблонский Л. Т., 2008. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44152. № 44153. Альбом иллюстраций к отчету.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. кол. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., 2014. Отчет о исследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41778. № 41779. Альбом иллюстраций к отчету.

Яблонский Л. Т., 2016. Новые археологические данные об ахемендских влияниях на Южном Урале // Вестник древней истории. № 3 (76). С. 744–766.

Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии : ираноязычные народы. М. : Восточная литература. 664 с.

REFERENCES

- Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2019a. Materialy k rekonstruktsii zhenskogo pogrebal'nogo kostyuma iz elitnogozahoroneniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Materials for the Reconstruction of the Female Funeral Costume from the Elite Burial of of Southern Ural Early Nomads]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 14-24.
- Anikeeva O.V., Yablonskiy L.T., 2019b. Elementy pogrebal'nogo kostyuma zhricy iz filippovskikh kurganov: materialy k rekonstruktsii [Elements of Priestess Funeral Dress from Filippovka I Burial Ground: Materials to Reconstruction]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppe], no. 1, pp. 12-32.
- Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFIC RAN: catalog, 2018* [The Filippovka Barrows Collections in the Museum of Archaeology and Ethnology of Institute of Ethnological Studies UFC RAS: Catalog]. Ufa, Kitap Publ. 400 p.
- Okorokov K.S., Perevodchikova E.V., 2020. Nahodki 2013 g. v kontekste zverinogo stilya kurgana 1 kurgannogo mogil'nika Filippovka I [The 2013 Finds in the Context of the Animal Style of the Kurgan 1 of the Necropolis Filippovka I]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 28-45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>
- Okorokov K.S. 2020a. Rasshitye biserom rukava zhenskogo kostyuma iz pogrebeniya 2 kurgana 1 nekropolya Filippovka I [Beaded Sleeves of a Female Costume from Burial 2 of Mound 1 of the Necropolis Filippovka I]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya. Materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya»* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Round Table Conference “Archaeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”]. Moscow, IA RAS, pp. 189-202.
- Okorokov K.S. 2020b. Elementy kostyuma v pogrebal'nykh kompleksakh Yuzhnogo Urala [Costume Elements in the Burial Complexes of the Southern Urals]. *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arheologicheskoy nauchnoy konferentsii* [Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages: Materials of the VI Lower Volga International Archaeological Scientific Conference]. Volgograd, VolSU, pp. 126-132.
- Perevodchikova E.V., 2006. O tsvete zolota na okovkakh derevyannykh sosudov iz 1 Filippovskogo kurgana [About the Color of Gold on the Fittings of Wooden Vessels from 1 Filippovskiy Kurgan]. *Gorod i step' v kontaktной evro-aziatskoy zone. III Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000). Tezisy dokladov* [City and Steppe in the Contact Euro-Asian Zone. III International Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of G.A. Fedorov-Davydov (1931–2000). Abstracts of Reports]. Moscow, Numizmaticheskaya literatura Publ., pp. 37-28.
- Perevodchikova E.V., 2008. Zoloty okovki sosudov iz 1 Filippovskogo kurgana: k postanovke voprosa o meste proizvodstva [Golden Fetters of Vessels from the I Filippovka Kurgan: to the Question of the Place of Production]. *Yuvelirne mystetstvo – pohlyad kriz viki. Muzeyni chytannya. Materyali naukovoi konferentsii (12–14 lystopada 2007)* [The Art of Jewellery - Look Through the Ages. Museum Reading. Materials of the Scientific Conferences (November 12-14, 2007)]. Kiev, Fenix Publ., pp. 64-72.
- Perevodchikova E.V., Tairov A.D., 2010. Proizvedeniya zverinogo stilya iz 1-go Filippovskogo kurgana v kontekste iskusstva kochevnikov Yuzhnogo Urala [Pieces of Scythian Animal Style Art from Filippovsky I Kurgan in the Context of the Southern Urals Nomadic Art]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 198-212.
- Perevodchikova E.V., 2016. O stilisticheskom edinstve proizvedeniy zverinogo stilya iz 1-go Filippovskogo kurgana [On the Stylistic Unity of the Animal Style from the 1 Filippovka Kurgan]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee. Materialy VII Vserossiyskoy tyurkologicheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 95-letiyu vidnogo uchenogo-tyurkologa E.R. Tenisheva* [Ural-Altay: Cross the Ages

- to the Future. Proceedings of the All-Russian Turcological Conference (with International Members) to the 95th Anniversary of the Outstanding Turcologist E.R. Tenishev]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 220-222.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Treister M. Yu., Yablonskiy L.T., 2012. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)]. Vol. I. Moscow, TAUS Publ. 671 p.
- Treister M. Yu., Shemahanskaya M.S., Yablonskiy L.T., 2010. Ahemenidskaya (?) serebryanaya rukoyat' nozha v forme figury olenya iz Filippovki [Deer-shaped Achaemenid (?) Silver Knife Handle from Filippovka]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 73-85.
- Fyodorov V.K., 2006. *O prednaznachenii derevyannykh sosudov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala, ukrashennykh dragotsennymi obkladkami* [About the Purpose of Wooden Vessels of the Early Nomads of the Southern Urals, Decorated with Precious Plates]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statey k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 46-57.
- Yablonskiy L.T., Meshcheryakov D.V., 2007. Raskopki «tsarskogo» kurgana v Filippovke (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations of the “royal” Mound at Filippovka (Preliminary Publication)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], pp. 55-62.
- Yablonskiy L.T., 2008. Otchet o raskopkakh kurgana 4 mogil'nika Filippovka 1 na territorii Ilekskogo rajona Orenburgskoy obl. RF v 2006 g. [Report on the Excavation Kurgan 4 of the Filippovka 1 Necropolis on the Territory of the Ilekskiy District of the Orenburg Region of the Russian Federation in 2006]. *Arkhiv IA RAN*, no. R-1, 44152, 44153.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.)*. Katalog kolektsii [Gold of the Sarmatian Leaders. The Elite Necropolis Filippovka 1 (Based on the 2004-2009 Excavations)]. Book 1. Moscow, IA RAS. 231 p.
- Yablonskiy L.T., 2014. Otchet o dosledovanii kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 v 2013 g. [Report on the Completion of the Kurgan 1 of the Filippovka 1 Necropolis in 2013]. *Arkhiv IA RAN*, no. R-1. 41778, 41779.
- Yablonskiy L.T., 2016. Novye arheologicheskie dannye ob akhemenidskikh vliyaniyah na Yuzhnom Urale [New Archaeological Data on the Achaemenid Influence in the Southern Ural Area]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], vol. 76, no. 3, pp. 744-766.
- Yatsenko S.A., 2006. *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [The Costume of Ancient Eurasia: Iranian-Speaking Peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 664 p.

Information About the Authors

Konstantin S. Okorokov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Vyacheslav E. Tregubov, Senior Researcher, Orenburg Gubernatorial Museum of Local History, Sovetskaya St, 28, 46000 Orenburg, Russian Federation, v-tregubov67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2253-3441>

Информация об авторах

Константин Сергеевич Окороков, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Вячеслав Егорович Трегубов, старший научный сотрудник, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, ул. Советская, 28, 46000 г. Оренбург, Российская Федерация, v-tregubov67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2253-3441>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.5>

UDC 903.3

LBC 63.442.7(2)

Submitted: 15.07.2020

Accepted: 27.05.2021

SCYTHIAN BRACELETS AND RINGS WITH PROTRUSIONS FROM THE CEMETERY NEAR GLINOE VILLAGE

Svetlana S. Lysenko

Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Abstract. The article examines bracelets and rings of the La-Tene style from Scythian burials of the cemetery near the Glinoe village, Slobozeya district, on the left bank of the Dniester. Bracelets were found in three burials belonging to different kurgan groups (Glinoe-“Sad”, kurgan 8, burial 5; Glinoe-“Vodovod”, kurgan 16, burial 6; Glinoe, kurgan 71, burial 1). Single rings with protrusions were found in two burials (Glinoe-“Sad”, kurgan 8, burial 2; Glinoe-“Vodovod”, kurgan 7, burial 2). Two chains of double rings and one chain of the triple rings of the La Tene style comes from burial 3 of kurgan 14 of the Glinoe-“Vodovod” cemetery. The author considers the typological attribution of these objects according to existing classification, concerns the issue of their manufacturing and dating, as well as the nature of using. Bracelets with protrusions in the form of rosettes of two, three and four ledges from the Glinoe cemetery were likely produced by lost-wax casting. Taking in account the small number of such bracelets found in the North Black Sea region, it is still difficult to draw an unambiguous conclusion about their local production. All researchers agree on the dating of such bracelets in the second half of the 4th – the beginning of the 3rd centuries BC. The purpose of the items analyzed appears obvious. They were worn by women and children. The dating of rings with single, double and triple protrusions almost matches the dating of bracelets of the same type. They were common in the 4th – the beginning of 3rd centuries BC. There is data allowing to consider those bracelets have been used in complex necklaces.

Key words: Lower Dniester region, Scythian culture, adornments of the of the La-Ten style, bracelets, rings.

Citation. Lysenko S.S., 2021. Skifskie braslety i kol'tsa s vystupami iz mogil'nika u sela Glinoe [Scythian Bracelets and Rings with Protrusions from the Cemetery Near Glinoe Village]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 69-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.5>

УДК 903.3

ББК 63.442.7(2)

Дата поступления статьи: 15.07.2020

Дата принятия статьи: 27.05.2021

СКИФСКИЕ БРАСЛЕТЫ И КОЛЬЦА С ВЫСТУПАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА У СЕЛА ГЛИНОЕ

Светлана Станиславовна Лысенко

Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

Аннотация. Статья посвящена браслетам и кольцам латенского стиля из скифских погребений курганного могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Браслеты обнаружены в трех погребальных комплексах, относящихся к разным курганным группам (Глиное-Сад, кург. 8, погр. 5; Глиное-Водовод, кург. 16, погр. 6; Глиное, кург. 71, погр. 1). Одиночные кольца с выступами найдены в двух погребениях (Глиное-Сад, кург. 8, погр. 2; Глиное-Водовод, кург. 7, погр. 2). Из одного комплекса (Глиное-Водовод, кург. 14, погр. 3) происходят две цепочки из сдвоенных и одна из строенных колец латенского стиля. Автор рассматривает типологическую принадлежность этих вещей по существующим типологиям, касается вопроса их изготовления и датировки, а также характера использования. Глинянские браслеты с выступами в виде розеток из двух, трех и четырех выпуклин изготовлены, видимо, методом литья по восковой модели. А учитывая небольшое количество браслетов такого типа в Северном Причерноморье, на наш взгляд, пока сложно делать однозначный вывод об их местном производстве. Все

исследователи сходятся на датировке таких браслетов второй половиной IV – началом III в. до н.э. Назначение рассматриваемых изделий не оставляет сомнений – их носили на руках женщины и дети. Датировка колец с одинарными, сдвоенными и строенными выступами практически совпадает с датировкой браслетов такого же типа – IV – начало III в. до н.э. Есть данные для того, чтобы говорить об использовании их в сложносоставных ожерельях.

Ключевые слова: Нижнее Поднепровье, скифская культура, украшения латенского стиля, браслеты, кольца.

Цитирование. Лысенко С. С., 2021. Скифские браслеты и кольца с выступами из могильника у села Глиное // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.5>

Введение

Днепровской археологической экспедицией Приднепровского государственного университета много лет велись раскопки скифских курганов у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Могильник состоит из нескольких курганных групп. В погребальных комплексах, относящихся к разным курганным группам, были найдены украшения в виде литых бронзовых колец с выступами на наружной стороне. Выступы отлиты вместе с изделием и могут быть одинарными, сдвоенными, строенными и счетверенными. Расположены выступы (или группы выступов) на равном удалении друг от друга. Изделия с такими выступами обычно относят к украшениям латенского стиля (или типа). Выступающие элементы исследователи называют по-разному – выступы, шишечки, шарики, выпуклины и т. д. Образованную из этих элементов группу называют гроздью, пирамидкой или розеткой. На Глинянском могильнике три таких изделия являются браслетами, а остальные – кольцами-подвесками.

Браслеты

Самым большим изделием такого типа здесь оказался браслет из погребения **Глиное-Сад, кург. 8, погр. 5**. Это основное погребение в кургане, отнесенное к скифской культуре. Браслет обнаружен на правом предплечье женщины 40–50 лет [Синика и др., 2018а, с. 84–86, рис. 6,1, 7,1] (рис. 2,4).

Браслет бронзовый, цельнолитой, линзовидный в сечении. С трех сторон украшен группами из четырех уплощенных выступов, скомпонованных ромбом. Диаметр браслета – 7,2 см; внутренний диаметр – 6,2 × 6,5 см. Сечение браслета – 7 × 3 – 7,5 × 5 мм. Общие

*размеры выступов – 2,2 × 1,3 × 1 см (рис. 1,6). Еще один браслет происходит из погребения **Глиное-Водовод, кург. 16, погр. 6**. Погребение скифское, основное для третьей насыпи. Браслет был надет на левую руку ребенка [Синика и др., 2018б, с. 70, рис. 69,1,3] (рис. 2,2).*

Браслет бронзовый цельнолитой, подокруглый в сечении. На почти равном удалении друг от друга на внешней стороне браслета расположены группы приплюснуто-шаровидных шишечек. С двух сторон расположено по три шишечки; с одной – две. Четвертая группа отсутствует из-за явного литейного брака. Возможно, нехватка третьей шишечки на предыдущем выступе тоже связана с литейным браком. Диаметр браслета – 5,1 × 5 см; внутренний диаметр – 3,85 × 4,2 см. Сечение браслета – 5 × 4–5,5 × 5 мм; в месте брака литья – 3 × 4 мм. Общая ширина розеток из шишечек – 1,1 × 1,15 см, диаметры шариков – до 6–7 мм (рис. 1,4).

*Третий браслет найден в погребении **Глиное, кург. 71, погр. 1**. Погребение скифское, основное. Браслет был найден на костях правой руки женщины 15–20 лет [Тельнов и др., 2016, с. 432–437, рис. 245,11].*

Браслет бронзовый цельнолитой, округлый в сечении. На внешней стороне обода на равном расстоянии расположены четыре группы спаренных приплюснуто-шаровидных шишечек (с одной стороны вторая шишечка не долита и на ее месте прослеживается лишь незначительное утолщение). Диаметр браслета 6,58 × 6,22 см; внутренний диаметр 5,72 × 5,33 см. Сечение браслета 4,5 × 4 – 4,8 × 5,2 мм (рис. 1,5).

Браслеты, аналогичные нашим, известны на скифских памятниках Восточной Европы, хотя и не являются массовым материалом. Наиболее близкие аналогии глинянским изделиям – браслеты из Крихана Веке 5/5

[Ciobanu et al., 2019, p. 95, fig. 25, 1, 2] – здесь найдены два браслета этого типа – один с четырьмя розетками из счетверенных выступов, а другой – с тремя розетками из строенных выступов (рис. 3, 1–2). Еще одна похожая пара браслетов была найдена в Окна Сибиулуй: один – с тремя розетками из строенных выступов, другой – с тремя розетками из счетверенных выступов [Glodariu, 1984, p. 66; Zirra, 1971, abb. 3, 11] (рис. 3, 5). Также близок браслет, случайно найденный на могильнике Муригиол [Бужор, 1958, с. 136, рис. 7, 11] – у него тоже три розетки из строенных шариков (рис. 3, 4).

В.Г. Петренко отнесла подобный браслет из совхоза «Красный Перекоп» (23/1) к типу 11 – браслеты латенского типа, выполненные из круглого или сегментовидного в сечении литого стержня, снабженного по наружной поверхности различными выступами [Петренко, 1978, с. 55, табл. 44, 15], подчеркивая, что это редкий тип. Однако к этому типу исследовательница относит, на наш взгляд, совершенно разнотипные браслеты, среди которых только один упомянутый экземпляр близок к глинянским (рис. 3, 3).

Е.С. Нефедова расширяет хронологические рамки латенских изделий и называет их гальштатско-латенскими. Она предлагает более подробную классификацию браслетов гальштатско-латенского круга, выделяя среди них 8 типов. Рассматриваемые нами браслеты она относит к типу 8 – несколько шишечек (от 2 до 5) образуют розетку [Нефедова, 1992, с. 22, рис. 2, 8, 14].

Принято считать доказанным местное производство подобных браслетов в связи с находкой половинки литейной формы в Ольвии [Фурманська, 1958, с. 48; Петренко, 1978, с. 55; Полин, 2014, с. 73] (рис. 5, 3). Но Ольвия была крупным морским торговым центром, поэтому литейная форма могла быть завезена издалека. Кроме того, рассматриваемые нами изделия, видимо, изготовлялись по восковой модели, а не в двусторчатой литейной форме. Да и небольшое количество браслетов такого типа, на наш взгляд, пока не позволяет сделать однозначный вывод об их местном производстве.

В.Г. Петренко датирует выделяемый ею тип 11 второй половиной IV – началом III в. до н.э. [Петренко, 1978, с. 55].

Е.С. Нефедова свой тип 8 относит к тому же времени – IV–III вв. до н.э., но считает, что браслеты гальштатско-латенского круга бытуют довольно длительное время, при этом не слишком сильно меняя форму. Поэтому, собственно, форма браслета не является достаточной для датировки [Нефедова, 1992, с. 27].

С.В. Полин, проанализировав погребальные комплексы, содержавшие подобные браслеты, корректирует датировку Е.С. Нефедовой, ограничивая ее пределами первой половины – третьей четверти IV в. до н.э. [Полин, 2014, с. 73].

В.С. Синика датирует комплексы с рассматриваемыми браслетами так: **Глиное-Водовод, кург. 16, погр. 6** – третья четверть IV в. до н.э. – на основании совокупности амфорной тары (гераклеийской и синопской), в том числе и клейменной, из основного для второй насыпи погребения [Синика и др., 2020, с. 199]; **Глиное-Сад, кург. 8, погр. 5** – последняя четверть IV в. до н.э. – на основании бронзовых наконечников стрел и фибулы фракийского типа из кургана [Синика и др., 2018а, с. 90]; **Глиное, кург. 71, погр. 1** – конец IV – первая четверть III в. до н.э. – на основании клейменной гераклеийской амфоры [Тельнов и др., 2016, с. 965]. Таким образом, все исследователи сходятся на датировке таких браслетов второй половиной IV – началом III в. до н.э.

Функциональное назначение рассматриваемых браслетов не оставляет сомнений. Все три экземпляра из Глинянского могильника были найдены на костях рук женщин и ребенка. Такой же браслет в Крихана Веке 5/5 был надет на руку женского скелета вместе с браслетом другого типа [Ciobanu et al., 2019, p. 95, fig. 23].

Кольца

Одинокое кольцо было найдено в погребении **Глиное-Водовод, кург. 7, погр. 2**. Погребение скифское, впускное. Ребенок 8–9 лет. В норе, у западной стенки ямы, были обнаружены фрагменты *кольца* [Синика и др., 2019, с. 369–372, рис. 4, 3].

Кольцо бронзовое литое, круглое в сечении, с тремя овоидными одинарными выступами. Изделие фрагментировано. Диаметр кольца – около 2,1 см; диаметр внутренний –

до 1,7 см. Сечение – около 2 мм. Размеры выступов: $7 \times 6 \times 5$ мм, $6,5 \times 4,6 \times 3,5$ мм. Третий выступ сохранился частично (рис. 1,7).

Еще одно одиночное кольцо было найдено в погребении **Глиное-Сад, кург. 8, погр. 2**. Погребение скифское, впускное. На раздавленных костях черепа ребенка 6–9 месяцев лежало бронзовое *кольцо* [Синика и др., 2018а, с. 82–84, рис. 4,8] (рис. 2,3).

Кольцо бронзовое, цельнолитое, округло-подовальное в сечении. С трех сторон украшено строеными шишечками. Диаметр кольца – $2,8 \times 2,65$ см. Размеры вместе с выступами – около 3×3 см. Сечение кольца – $2 - 5,4 \times 4$ мм (рис. 1,8).

Цепочки из колец с шишечками были найдены в погребении **Глиное-Водовод, кург. 14, погр. 3**. Погребение скифское, основное. Погребенный (пол не определен, 20–30 лет) лежал вытянуто на спине с разворотом на правый бок. Правая рука была слабо согнута в локте. Кисть левой руки – на крыле таза (рис. 2,1). В целом, инвентарь характерен для женского погребения. В области грудной клетки лежали *строеными кольцами с шишечками*. В районе живота находились *спаренные кольца* такого же типа и севернее левого крыла таза – *еще одна парная цепочка таких колец* [Синика и др., 2018б, с. 39–44, рис. 33,1, 35,8–10].

Двух- и трехзвенные *цепочки* из бронзовых цельнолитых колец с тремя розетками из сдвоенных шишечек по внешнему контуру. Ободок колец подовальный в сечении, местами – скругленно-подромбический, с выделенными внутренней и внешней гранями.

1. *Двухзвенная цепочка* из бронзовых цельнолитых колец обнаружена в заполнении. Длина цепочки – до 4,5 см (рис. 1,1).

– *Кольцо № 1*. Диаметр кольца – $2,25 \times 2,3$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,55 \times 2,65$ см. Сечение кольца – $2 \times 2 - 2,8 \times 3,3$ мм. Размеры шишечек: $2,5 \times 3 - 3 \times 3,5$ мм; толщина – 2,5–3 мм; общая длина – до 7,4–8 мм.

– *Кольцо № 2*. Диаметр кольца – $2,35 \times 2,42$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,57 \times 2,65$ см. Сечение кольца – $2 \times 2,1 - 3,3 \times 4,4$ мм. Размеры шишечек: $3 \times 3,5 - 3,5 \times 4$ мм; толщина – 2–3,1 мм; общая длина – до 8–8,5 мм.

2. *Двухзвенная цепочка* из бронзовых цельнолитых колец обнаружена у поясицы. Длина цепочки – до 4,5 см (рис. 1,2).

– *Кольцо № 1*. Диаметр кольца – $2,25 \times 2,4$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,6 \times 2,9$ см. Сечение кольца – $2,8 \times 2,8 - 3,8 \times 4,5$ мм. Размеры шишечек: $2,5 \times 3,5 - 4,3 \times 5$ мм; толщина – 2,2–4,3 мм; общая длина – до 7,5–8,4 мм.

– *Кольцо № 2*. Диаметр кольца – $2,3 \times 2,4$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,7 \times 3,2$ см. Сечение кольца – $3 \times 3,3 - 4 \times 4,1$ мм. Размеры шишечек: $3,2 \times 4 - 4,3 \times 5$ мм; толщина – 2,5 × 4 мм; общая длина – до 7,5–8,6 мм.

3. *Трехзвенная цепочка* из бронзовых цельнолитых колец обнаружена на груди справа. Длина цепочки – до 6,3 см (рис. 1,3).

– *Кольцо № 1*. Диаметр кольца – $2,25 \times 2,35$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,55 \times 2,7$ см. Сечение кольца – $2,5 \times 2,6 - 3,2 \times 4$ мм. Размеры шишечек: $3 \times 3,4 - 3,5 \times 3,5$ мм; толщина – 3–3,3 мм; общая длина – до 7,4–8 мм.

– *Кольцо № 2*. Диаметр кольца – $2,35 \times 2,38$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,57 \times 2,73$ см. Сечение кольца – $2,7 \times 3 - 3,6 \times 4,7$ мм. Размеры шишечек: $3,3 \times 3,7 - 3,5 \times 4$ мм; толщина – 2,5–3 мм; общая длина – до 8,2–8,6 мм.

– *Кольцо № 3*. Диаметр кольца – $2,3 \times 2,37$ см. Размеры вместе с выступами – около $2,52 \times 2,72$ см. Сечение кольца – $2,6 \times 2,6 - 3 \times 3,9$ мм. Размеры шишечек: $2,6 \times 2,8 - 3,1 \times 3,4$ мм; толщина – 2,6–3,2 мм; общая длина – до 7,8–8,3 мм.

Колечки с шишечками, как одиночные, так и в составе цепочек, встречаются достаточно часто. Правда, существует внешне несколько сходная категория колец с выступами, которая, видимо, относится к деталям конской сбруи (рис. 5,1–2). Отличия состоят в форме выступов и/или их расположении – у колец-подвесок розеточки расположены по внешнему ободу кольца, а у колец из сбруи – на «лицевой» плоскости кольца. Кроме того, часто они снабжены характерными выступами со шляпками (видимо, для направления или фиксации ремешков) [Бидзиля и др., 1977, рис. 15,15,16]. На наших кольцах таких распределительных выступов нет.

Близкой аналогией рассматриваемому кольцу с одинарными выступами является пара колец из погр. 1 кург. 4 у с. Ильинка [Плешивенко, 1991, с. 58, рис. 3,9] (рис. 4,6). В том же кургане, в погр. 4, найдено было одиночное кольцо с тремя розеточками из спаренных выступов [Плешивенко, 1991, с. 68, рис. 9,5] (рис. 4,3). Одиночное кольцо с тройными розеточками находит аналогии в Капитановке, кург. 487, погр. 2 [Петренко, 1967, рис. 25,12] (рис. 4,4), и в Носаках, кург. 4, погр. 3 [Бидзиля и др., 1977, с. 114, рис. 19,12,15] (рис. 4,10–11). Наиболее приближенные географически аналогии найдены: в Чауше, кург. 4, погр. 1, – кольцо с тремя розеточками из сдвоенных шариков [Гудкова и др., 1981, с. 65, табл. LV,5] (рис. 4,5); в Градешке, кург. 7а, погр. 1, – точно такие же кольца образовывали трехзвенную цепочку [Гудкова, Суничук, 1984, с. 73, табл. 135,2–3] (рис. 4,9). Двухзвенная цепочка из таких колец с тремя розеточками также известна из могильника Муригиол [Бужор, 1958, с. 135, рис. 7,18] (рис. 4,7). В Золотой Балке, кург. 13, погр. 5, найдена цепочка из двух колец – одно кольцо с тремя одинарными выступами и другое кольцо – с тремя розетками из строенных шариков и петелькой [Полин, 2014, с. 73–74, рис. 39,3,5] (рис. 4,1–2).

В.Г. Петренко рассматривает такие кольца в категории «серьги», считая, что кольца с выступами подвешивались в виде амулетов к проволочным кольцевидным серьгам типов 27–31. Об этом, по ее мнению, говорят петельки на некоторых из таких колец [Петренко, 1978, с. 38–39, табл. 23, 24, 26,16,23, 27,45]. Однако на сегодняшний день добавилось, как показано выше, много примеров находок таких колец в составе цепочек, а не серег. Самой интересной, на наш взгляд, является цепочка из Кириковки, кург. 12, где между двумя двухзвенными цепочками тоненьким, продетым сквозь нее ремешком крепилась крупная бусина из дымчатого хрустала [Мельник, 1905, с. 715, рис. 119] (рис. 4,8). Данная находка, а также место в погребениях таких цепочек, на наш взгляд, говорят об использовании их в сложносоставных ожерельях.

В.Г. Петренко датирует появление подвесок с выступами в Левобережной лесостепи VI в. до н.э., а наибольшее их распространение – IV–III вв. до н.э. [Петренко, 1978, с. 39].

Могильник в урочище Носаки, где были найдены аналогичные кольца, датируется второй половиной IV в. до н.э. [Бидзиля и др., 1977, с. 64].

С.В. Полин приходит к выводу, что датировка всей группы таких колечек-подвесок Скифии (в частности, колец из Капитановки и Золотой Балки) твердо ограничивается IV в. до н.э. [Полин, 2014, с. 74–75].

По совокупности погребального инвентаря комплекс в Градешке может быть датирован первой половиной III в. до н.э., а погребение в Чауше – IV в. до н.э. (определение В.С. Синики).

В.С. Синика датирует погребение **Глиное-Водовод, кург. 14, погр. 3** второй четвертью IV в. до н.э. на основании совокупности чернолаковой посуды из комплекса [Синика, Тельнов, 2020, с. 13]. Комплекс **Глиное-Сад, кург. 8, погр. 2** датируется последней четвертью IV в. до н.э. на основании бронзовых наконечников стрел и фибулы фракийского типа из кургана [Синика и др., 2018а, с. 90]. А комплекс **Глиное-Водовод, кург. 7, погр. 2** датируется на основании бронзовых наконечников стрел и совокупности данных о погребальном обряде из кургана концом IV – началом III в. до н.э. [Синика и др., 2019, с. 387]. Таким образом, датировка колец с выступами практически совпадает с датировкой браслетов такого же типа – IV – начало III в. до н.э.

Заключительные положения

Глинянские браслеты с выступами в виде розеток из двух, трех и четырех выпуклин изготовлены, видимо, методом литья по восковой модели. Учитывая небольшое количество браслетов такого типа в Северном Причерноморье, на наш взгляд, пока сложно делать однозначный вывод об их местном производстве. Все исследователи сходятся на датировке таких браслетов второй половиной IV – началом III в. до н.э. Назначение рассматриваемых изделий не оставляет сомнений – их надевали на руки женщины и дети.

Датировка колец с одинарными, сдвоенными и строеными выступами практически совпадает с датировкой браслетов такого же типа – IV – начало III в. до н.э. Есть данные, позволяющие говорить об использовании их в сложносоставных ожерельях.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

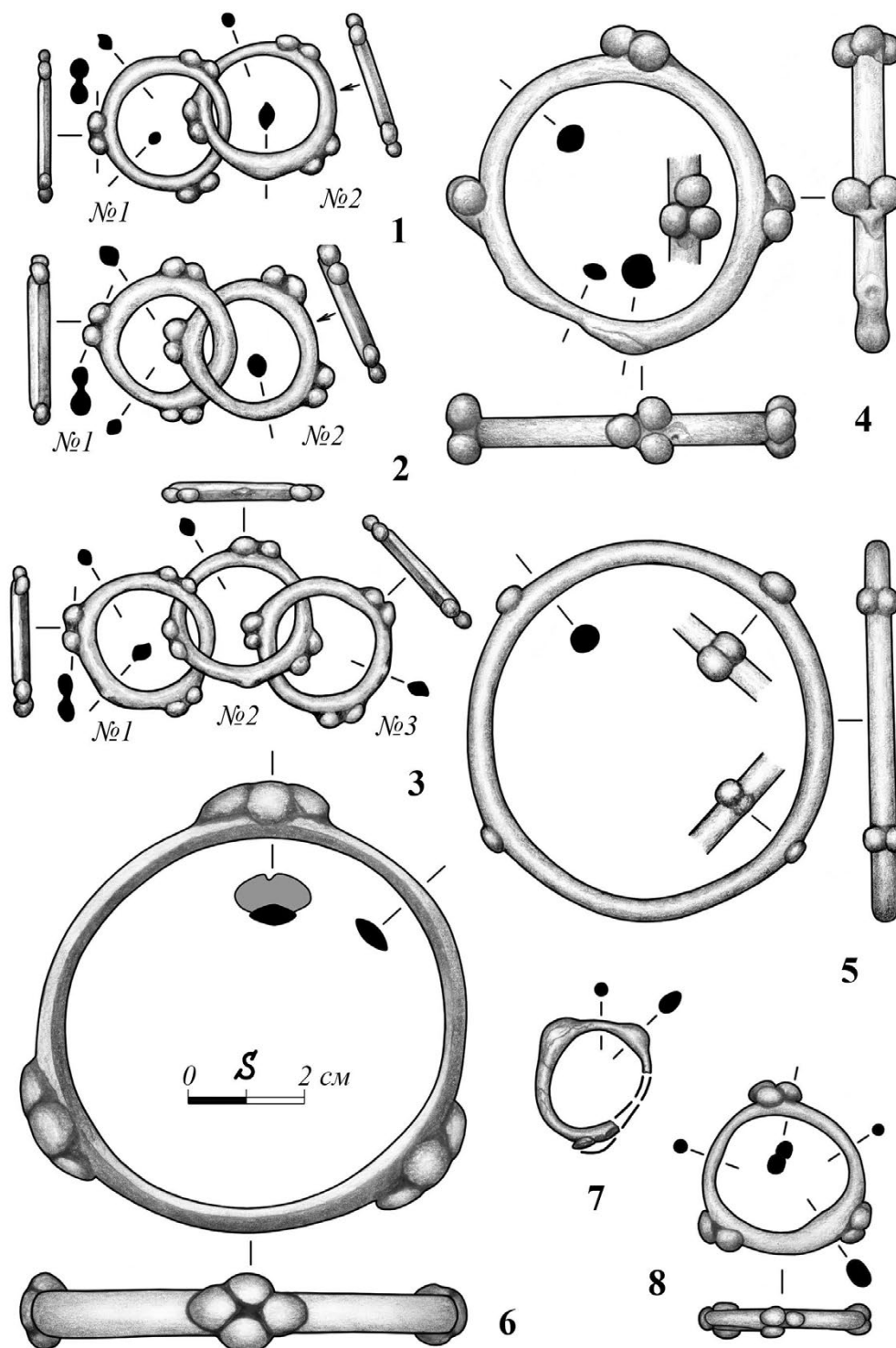

Рис. 1. Кольца и браслеты латенского стиля из погребений Глинянского могильника (рис. С.Д. Лысенко):

- 1-3 – Глиное-Водовод, кург. 14, погр. 3; 4 – Глиное-Водовод, кург. 16, погр. 6;
- 5 – Глиное, кург. 71, погр. 1; 6 – Глиное-Сад, кург. 8, погр. 5;
- 7 – Глиное-Водовод, кург. 7, погр. 2; 8 – Глиное-Сад, кург. 8, погр. 2

Fig. 1. Rings and bracelets of the La-Ten style from the burials of the Glinoe cemetery (figures by S.D. Lysenko):

- 1-3 – Glinoe-Vodovod group, kurgan 14, burial 3; 4 – Glinoe-Vodovod group, kurgan 16, burial 6;
- 5 – Glinoe, kurgan 71, burial 1; 6 – Glinoe-Sad group, kurgan 8, burial 5;
- 7 – Glinoe-Vodovod group, kurgan 7, burial 2; 8 – Glinoe-Sad group, kurgan 8, burial 2

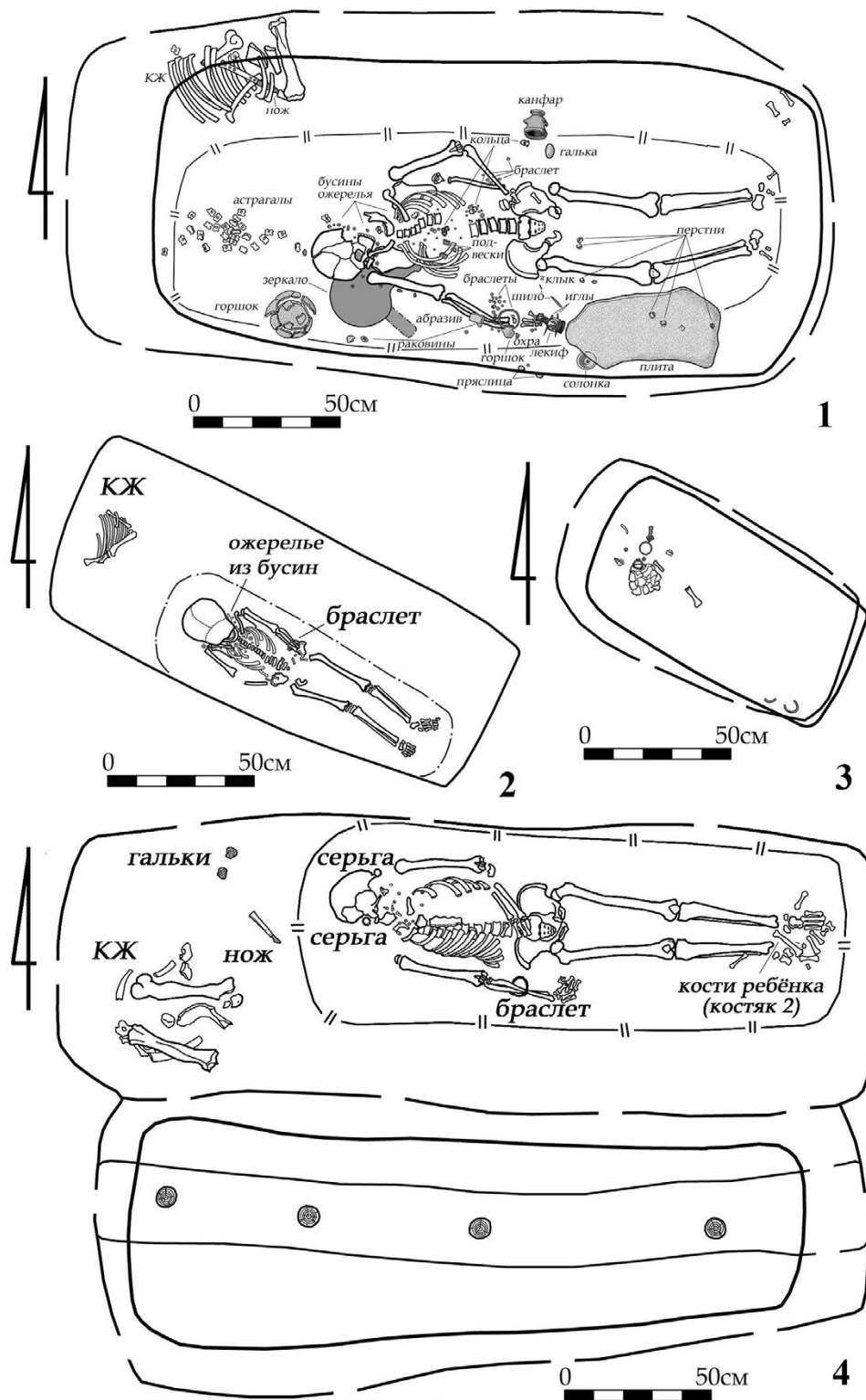

Рис. 2. Планы погребений с браслетами латенского стиля Глинянского могильника (чертежи погребений выполнены С.Н. Разумовым):

- 1 – Глиное-Водовод, кург. 14, погр. 3; 2 – Глиное-Водовод, кург. 16, погр. 6;
3 – Глиное-Сад, кург. 8, погр. 2; 4 – Глиное-Сад, кург. 8, погр. 5

Fig. 2. Plans of the burials with bracelets of the La-Tene style from the Glinoe cemetery (drawings by S.N. Razumov):

- 1 – Glinoe-Vodovod group, kurgan 14, burial 3; 2 – Glinoe-Vodovod group, kurgan 16, burial 6;
3 – Glinoe-Sad group, kurgan 8, burial 2; 4 – Glinoe-Sad group, kurgan 8, burial 5

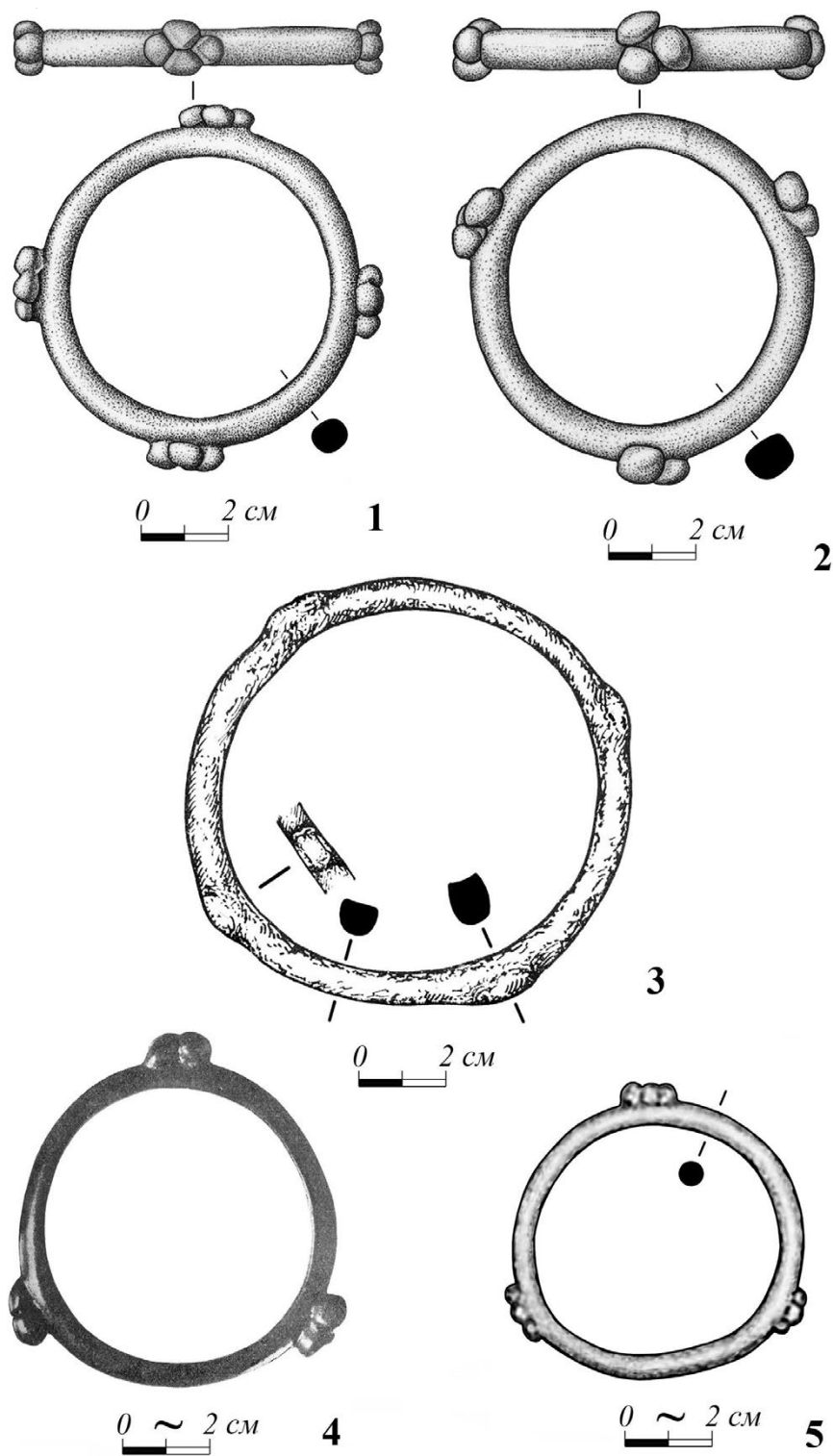

Рис. 3. Браслеты латенского стиля:

- 1–2 – Крихана Веке, кург. 5, погр. 5 (по: [Ciobanu et al., 2019, fig. 25,1]);
 3 – совхоз «Красный Перекоп», кург. 23, погр. 1 (по: [Петренко, 1978, табл. 44,15]);
 4 – Муригиол (по: [Бужор, 1958, рис. 7,11]); 5 – Окна Сибиулуй (по: [Zirra, 1971, abb. 3,11])

Fig. 3. La-Tene style bracelets:

- 1–2 – Krihana-Veke, kurgan 5, burial 5 (after: [Ciobanu et al., 2019, fig. 25,1];
 3 – sovkhos Krasny Perekop, kurgan 23, burial 1 (after: [Petrenko, 1978, tab. 44,15]);
 4 – Murigiol (after: [Bujor, 1958, fig. 7,11]); 5 – Ocna Sibiului (after: [Zirra, 1971, abb. 3,11])

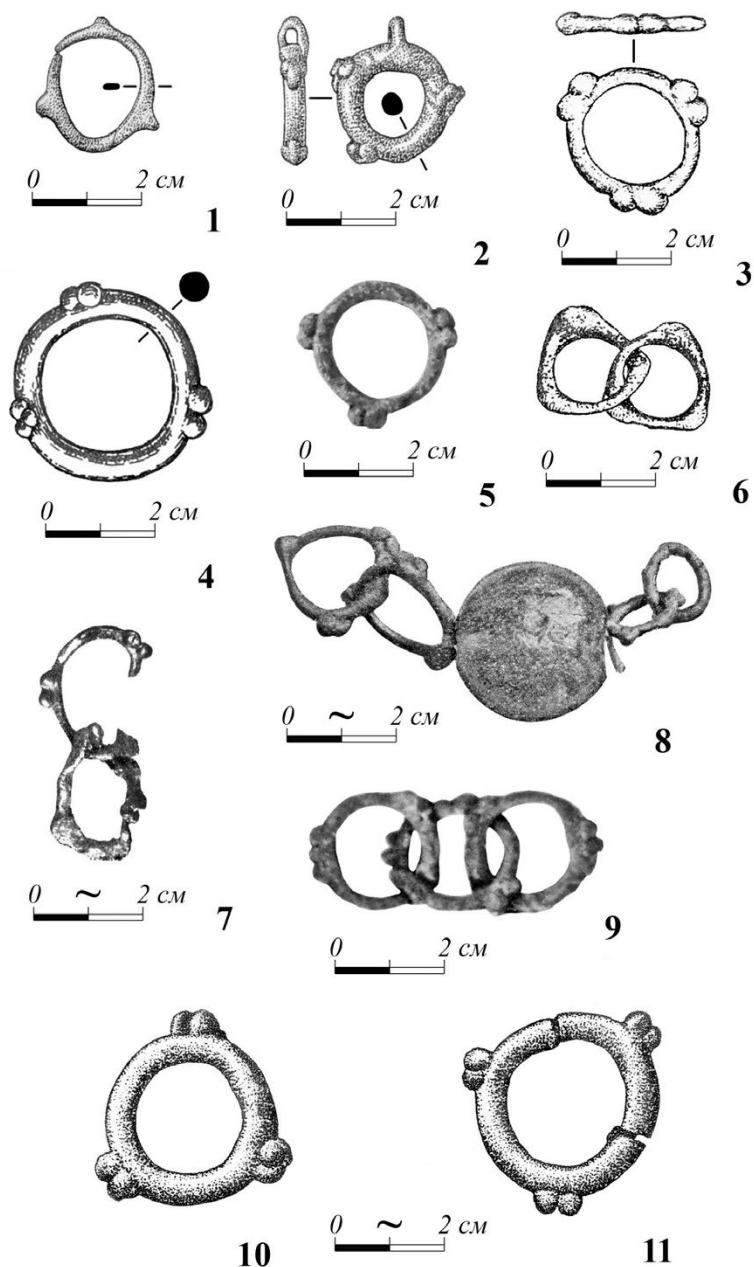

Рис. 4. Кольца латенского стиля:

- 1–2 – Золотая Балка, кург. 13, погр. 5 (по: [Полин, 2014, рис. 39,3]);
 3 – Ильинка, кург. 4, погр. 4 (по: [Плешивенко, 1991, рис. 9,5]);
 4 – Капитановка, кург. 487, погр. 2 (по: [Петренко, 1967, табл. 25,12]);
 5 – Чауш, кург. 4, погр. 1 (по: [Гудкова и др., 1981, табл. LV,5]);
 6 – Ильинка, кург. 4, погр. 1 (по: [Плешивенко, 1991, рис. 3,9]);
 7 – Муригиол (по: [Бужор, 1958, рис. 7,18]); 8 – Кириковка, кург. 12 (по: [Мельник, 1905, рис. 119]);
 9 – Градешка, кург. 7а, погр. 1 (по: [Гудкова, Суничук, 1984, табл. 135,2–3]);
 10–11 – Носаки, кург. 4, погр. 3 (по: [Бидзиля и др., 1977, рис. 19,12,15])

Fig. 4. La-Tene style rings:

- 1–2 – Zolotaya Balka, kurgan 13, burial 5 (after: [Polin, 2014, fig. 39,3]);
 3 – Ilyinka, kurgan 4, burial 4 (after: [Pleshivenko, 1991, fig. 9,5]);
 4 – Kapitanovka, kurgan 487, burial 2 (after: [Petrenko, 1967, tab. 25,12]);
 5 – Chaush, kurgan 4, burial 1 (after: [Gudkova et al., 1981, tab. LV,5]);
 6 – Ilyinka, kurgan 4, burial 1 (after: [Pleshivenko, 1991, fig. 3,9]);
 7 – Murigiol (after: [Bujor, 1958, Fig. 7,18]); 8 – Kirikovka, kurgan 12 (after: [Melnik, 1905, fig. 119]);
 9 – Gradeshka, kurgan 7a, burial 1 (after: [Gudkova, Sunichuk, 1984, tab. 135,2–3]);
 10–11 – Nosaki, kurgan 4, burial 3 (after: [Bidzilya et al., 1977, fig. 19,12,15])

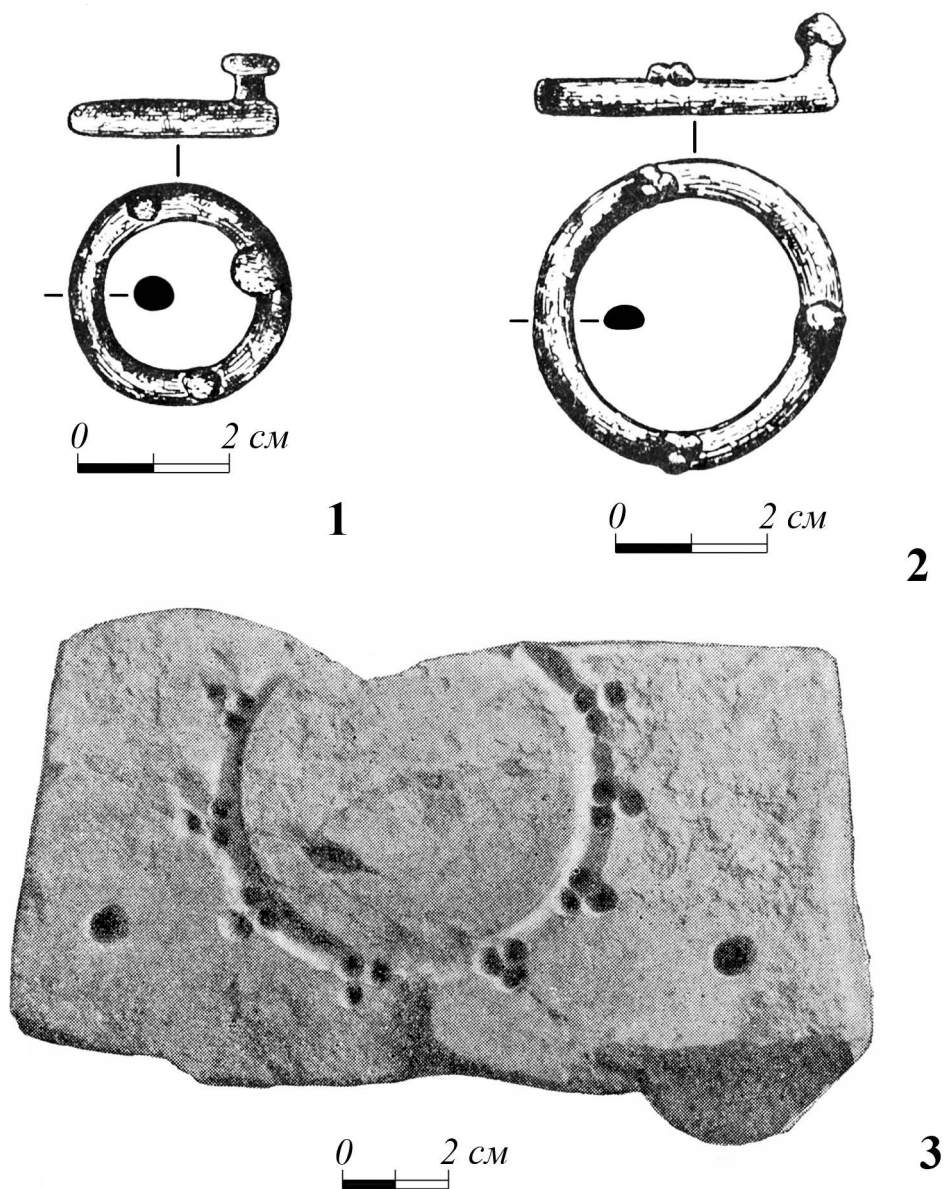

Рис. 5. Упряжные кольца с выступами:

1 – Бобрица, кург. 31 (по: [Петренко, 1967, табл. 25,8]); 2 – Кошеватое, курган (по: [Петренко, 1967, табл. 25,9]);
3 – литейная форма для отливки браслета латенского стиля из Ольвии (по: [Фурманська, 1958, табл. IV,5])

Fig. 5. Rings with protrusions from the horse harness:

1 – Bobritsa, kurgan 31 (after: [Petrenko, 1967, tab. 25,8]); 2 – Koshevatoe, kurgan (after: [Petrenko, 1967, tab. 25,9]);
3 – casting mold for casting bracelets of the La-Tin style from Olbia (after: [Furmanska, 1958, tab. IV,5])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П., 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев : Наукова думка. С. 61–158.
- Бужор Э., 1958. О Гето-дакийской культуре в Муригиоле // *Dacia. Nouvelle série*, Т. II. Bucarest : Institut d'archéologie. С. 125–141.
- Гудкова А. В., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., 1981. Отчет о работе Измаильской новоотроенной экспедиции Института археологии АН УССР в 1981 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1981/1. 94 с., 80 табл.
- Гудкова А. В., Суничук Е. Ф., 1984. Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции 1984 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1984/3а. 123 с., 190 табл.
- Мельник Е., 1905. Дневник раскопок. Курганы близ с. Кириковки // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М. С. 673–743.
- Нефедова Е. С., 1992. К вопросу о браслетах латенского стиля // Проблемы хронологии латена и римского времени. СПб. : Ойум. С. 21–34.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д1–4. М. : Наука. 180 с.
- Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д4–5. М. : Наука. 144 с.
- Плешивенко А. Г., 1991. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев : Наукова думка. С. 53–72.
- Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев : Изд. Олег Филюк. 776 с.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018а. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2. С. 78–93.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Лысенко С. С., Симоненко С. О., 2018б. Отчет о работах Днестровской археологической экспедиции по исследованию курганов у с. Глиное Слободзейского района в 2018 году // Архив Музея археологии Приднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 21. 256 с.
- Синика В. С., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Разумов С. Н., 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье // *Stratum plus*. № 3. С. 365–390.
- Синика В. С., Иващенко М. В., Лысенко С. Д., 2020. Случай синхронизации гераклейской и синопских клейменных амфор в скифском погребальном комплексе IV в. до н. э. на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. № 6. С. 191–202.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2020. Чернолаковые сосуды из скифских погребений IV в. до н. э. в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок 2015, 2016 и 2018 гг.) // *Русин*. № 59. С. 10–20
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : *Stratum plus*. 1096 с.
- Фурманська А.І., 1958. Ливарні форми з розкопок в Ольвії // Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Т. 7. С. 40–60.
- Ciobanu I., Simalcsik A., Bejenaru L., Pîrnău R., Agulnicov S., Popovici S., 2019. Onsiderații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). Campaniaile 2016 și 2017 // *Arheologia preventivă în Republica Moldova*. Vol. IV. Chișinău: Agenția Națională Arheologică. P. 71–118.
- Glodariu I., 1984. „Brățările” cu nodozități Latene târzii // *Dacia. Nouvelle série*. Т. XXI. Bucarest : Institut d'archéologie. P. 63–79.
- Zirra V.I., 1971. Beiträge zur kenntnis deskeltischen Latine in Rumänien // *Dacia. Nouvelle série*. Т. XV. Bucarest : Institut d'archéologie. P. 171–238.

REFERENCES

- Bidzilia V.I., Boltrik Iu.V., Mozolevskiy B.N., Savovskiy I.P., 1977. Kurgannyy mogilnik v urochishche Nosaki [Kurgan Cemetery in the Nosaki Tract]. *Kurgannyye mogilniki Riasnyye Mogily i Nosaki* [Kurgan Cemeteries Riasnyye Mogily and Nosaki]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 61–158.

- Buzhor E., 1958. O Geto-dakiiskoy kulture v Murigiol [On the Geto-Dacian Culture in Murigiol]. *Dacia*. Nouvelle série, T. II. Bucarest, Institut d'archéologie, pp. 125-141.
- Gudkova A.V., Dobroliubskiy A.O., Toshchev G.N., Fokeev M.M., 1981. Otchet o rabote Izmailskoy novostrochnoy ekspeditsiy Instituta arkheologii AN USSR v 1981 g. [Report on the Work of the Izmail Newbuilding Expedition of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1981]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, № 1981/1. 94 p., 80 fig.
- Gudkova A.V., Sunichuk E.F., 1984. Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1984 g. [Field Report of the Orlov Kurgan Detachment of the Budzhak Archaeological Expedition in 1984]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, № 1984/3a. 123 p., 190 fig.
- Mel'nik E., 1905. Dnevnik raskopok. Kurgany bliz s. Kirikovki [Excavation Diary. Kurgans near the Kirikovka Village]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 12th Archaeological Congress]. Vol. 1. Moscow, pp. 673-743.
- Nefedova E.S., 1992. K voprosu o brasletakh latenskogo stilya [On the Issue of La-Ten Style Bracelets]. *Problemy khronologii latena i rimskogo vremeni* [Problems of La-Ten and Roman Time Chronology]. Saint-Petersburg, Oium Publ., pp. 21-34.
- Petrenko V.G., 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprovya v V-III vv. do n. e.* [The Right Bank of the Middle Dnieper in the 5th – 3rd Centuries BC.]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-4. Moscow, Nauka Publ. 180 p.
- Petrenko V.G., 1978. *Ukrasheniya Skifii VII-III vv. do n. e.* [Adornments of Scythia of the 7th – 3rd Centuries BC.]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д4-5. Moscow, Nauka Publ. 144 p.
- Pleshivenko A.G., 1991. Skifskiy kurgan u Belozerskogo limana [Scythian Kurgan near Belozersky Estuary]. *Kurgany stepnoy Skifii* [Kurgans of Steppe Scythia]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 53-72.
- Polin S.V., 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogilnik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [Scythian Zolotobalkovskiy Cemetery of the 5th – 4th Centuries BC in the Kherson Region]. Kiev, Izdatel Oleg Filiuk Publ. 776 p.
- Sinika V.S., Telnov N.P., Lysenko S.D., 2018a. Skifskiy kurgan 8 gruppy Sad na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 8 of the "Garden" Group on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 2, pp. 78-93.
- Sinika V.S., Telnov N.P., Razumov S.N., Lysenko S.D., Lysenko S.S., Simonenko S.O., 2018b. Otchet o rabotakh Dnestrovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po issledovaniyu kurganov u s. Glinoe Slobodzeyevskogo rayona v 2018 godu [Report on the Work of the Dniester Archaeological Expedition about the Study the Barrows near the Glinoe Village, Slobodzeyevskiy District in 2018]. *Arkhiv Muzeya arkheologii Pridnestrov'ya PGU im. T.G. Shevchenko*, № 21. 256 p.
- Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P., Razumov S.N., 2019. Skifskiy kurgan 7 gruppy «Vodovod» v Nizhnem Podnestrove [Scythian Barrow 7 of the "Vodovod" Group in the Lower Dniester Region]. *Stratum plus*, no. 3, p. 365-390.
- Sinika V.S., Ivaschenko M.V., Lysenko S.D., 2020. Sluchay sinhronizatsii gerakleyskoy i sinopskih kleymenykh amfor v skifskom pogrebalnom komplekse IV v. do n.e. na Nizhnem Dnestre [The Case of Synchronization of the Heraclea and Sinope Stamped Amphorae in a Scythian Grave of the 4th Century BC from the Lower Dniester]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 191-202.
- Sinika V.S., Telnov N.P., 2020. Chernolakovye sosudy iz skifskikh pogrebeniy IV v. do n. e. v Nizhnem Podnestrov'e (po materialam raskopok 2015, 2016 i 2018 gg.) [Blackglazed Vessels from the Scythian graves of the 4th c. BC in the Lower Dniester (based on excavations in 2015, 2016 and 2018)]. *Rusin*, no. 59, pp. 10-20.
- Telnov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskii mogilnik III-II vv. do n. e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of the 3rd – 2nd Centuries BC near the Glinoe Village]. Tiraspol, Stratum plus. 1096 p.
- Furmanska A.I., 1958. Lyvarni formy z rozkopok v Olvii [Casting Molds from Excavations in Olbia]. *Arkheolohichni pam'iatky URSR* [Archaeological Sites of the Ukrainian SSR]. Vol. 7, pp. 40-60.
- Ciobanu I., Simalcsik A., Bejenaru L., Pîrnău R., Agulnicov S., Popovici S., 2019. Onsiderații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). Campaniile 2016 și 2017. *Arheologia preventivă în Republica Moldova*, vol. IV. Chișinău, Agenția Națională Arheologică, pp. 71-118.
- Glodariu I., 1984. „Brățările” cu nodozități Latene târzii. *Dacia*. Nouvelle série, T. XXI. Bucarest, Institut d'archéologie, pp. 63-79.
- Zirra V.I., 1971. Beiträge zur kenntnis deskeltischen Latine in Rumänien. *Dacia*. Nouvelle série, T. XV. Bucarest, Institut d'archéologie, pp. 171-238.

Information About the Author

Svetlana S. Lysenko, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of the Chalcolithic and the Bronze age, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, prosp. Geroev Stalingrada, 12, 04210 Kiev, Ukraine, aheron2000@yandex.ua, <https://orcid.org/0000-0001-6713-6074>

Информация об авторе

Светлана Станиславовна Лысенко, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела энеолита – бронзового века, Институт археологии Национальной академии наук Украины, просп. Героев Сталинграда, 12, 04210 г. Киев, Украина, aheron2000@yandex.ua, <https://orcid.org/0000-0001-6713-6074>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.6>UDC 94(470).01
LBC 63.3(2)2-9Submitted: 31.03.2021
Accepted: 27.05.2021**ABOUT DETERMINING THE MEANING OF THE ETHNONYMS
“SAUROMATIANS” AND “SARMATIANS”¹****Anatoly S. Skripkin**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The tendency to transfer the early names of peoples to the later inhabitants of same places was characteristic for the historical and geographical genres of ancient literature, regardless of the kinship between them. In that way the ethnonym “Sauromatians” was used to name certain groups of the Eastern European steppes nomads until the first centuries AD, although an analysis of all the sources, including archaeological ones, suggests that Sauromatians cease to exist as an independent ethno political formation since the middle of 4th century BC, perhaps a little earlier. The reason for that was the migration of the South Ural nomads who had occupied the territory that previously belonged to the Sauromatians. Simultaneously with that process, a new ethnonym “Sirmati”, associated with Tanais (Don), appears in the works of ancient authors. The names “Sarmatia” and “Sarmatians” start to be mentioned increasingly since the 3rd century BC in written sources, including epigraphic ones. I believe, that indicates emerging of a new nomadic unity led by the Sarmatians east of the Don, located in the Volga-Ural steppes, existed before the beginning or middle of the 2nd century BC. Its disintegration is associated with the migrations of the first half – middle of the 2nd century BC, with the epicenter in Central Asia. These events led to significant changes in the ethnic composition of the population between Caspian Sea and the Dnieper, recorded by Strabo. Separate ethno-tribal associations were located here: Aors, Siraks, Roksolans, later Yazygs, Alans, with their own history and destiny, but all of them were often continued to be called Sarmatians in written sources. All this should be taken into account by modern researchers, since uncritical approach to the ancient authors often leads to incorrect historical reconstructions.

Key words: Sauromatians, Sirmats, Sarmatians, Yuezhi, Usuns, migrations, ethnopolitical reconstructions.

Citation. Skripkin A.S., 2021. К определению содержания этнонимов «савроматы» и «сарматы» [About Determining the Meaning of the Ethnonyms “Sauromatians” and “Sarmatians”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 82-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.6>

УДК 94(470).01
ББК 63.3(2)2-9Дата поступления статьи: 31.03.2021
Дата принятия статьи: 27.05.2021**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ЭТНОНИМОВ
«САВРОМАТЫ» И «САРМАТЫ»¹****Анатолий Степанович Скрипкин**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Для античной литературы исторического и географического жанра характерной являлась тенденция переноса ранних названий народов на более поздних обитателей этих мест, независимо от степени родства между ними. Так, этноним «савроматы» употреблялся для названия отдельных групп кочевников восточноевропейских степей до первых веков н.э., хотя анализ всей совокупности источников, в том числе и археологических, позволяет утверждать, что с середины IV в. до н.э. (возможно несколько раньше) савроматы прекращают свое существование как самостоятельное этнополитическое образование. Причиной этих событий была миграция южноуральских кочевников, которые занимают территорию, ранее принадлежавшую савроматам. Синхронно в сочинениях античных авторов появляется новое название народа «сирматы», приуроченное к Танаису (Дону). С III в. до н.э. в письменных источниках, в том числе эпиграфических, все чаще начинают упоминаться названия «Сарматия» и «сарматы», что свидетельствовало, как я полагаю, об образовании нового объединения кочевников во главе с сарматами к востоку от Дона, в волго-уральских

степях, просуществовавшего до начала или середины II в. до н.э. Его распад связан с миграциями первой половины – середины II в. до н.э., эпицентром которых была Центральная Азия. Эти события привели к значительным изменениям этнического состава населения от Каспийского моря до Днепра, зафиксированного Страбоном. Здесь разместились отдельные этноплеменные объединения: аорсы, сираки, роксоланы, позже языги, аланы, со своей историей и судьбой, но часто в письменных источниках все они продолжали именоваться сарматами. Все это следует учитывать современным исследователям, поскольку некритическое следование за данными античных авторов часто приводит к неверным историческим реконструкциям.

Ключевые слова: савроматы, сирматы, сарматы, юэчжи, усунь, миграции, этнополитические реконструкции.

Цитирование. Скрипкин А. С., 2021. К определению содержания этнонимов «савроматы» и «сарматы» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 82–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.6>

В истории археологического изучения кочевнических памятников раннего железного века степной части Восточной Европы сложилась достаточно устойчивая терминология: «савроматская культура» (VI–IV вв. до н.э.) и «сарматская культура» (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), причем последняя подразделяется на ряд хронологически последовательных культур (раннесарматская, среднесарматская и позднесарматская). Сама эта терминология предполагает наличие сарматского этноса во всем этом временном промежутке, измеряемом примерно восемью веками.

Археологическое изучение погребальных памятников, относимых ко времени, именуемому сарматским, свидетельствует о существенных изменениях в погребальном обряде на разных этапах, что явилось основанием для выделения трех хронологически последовательных культур. Поскольку погребальный обряд является в определенной мере этническим маркером, есть основания говорить о происходивших изменениях состава кочевого населения на территории, традиционно отводимой сарматам. Изменения этнического состава при переходах от одной сарматской культуры к другой находят подтверждение и в антропологическом материале.

Наименование «сарматы» является экзоэтнонимом, использовавшимся античными авторами, упоминавшими сарматов в различных событиях на протяжении нескольких веков, что создавало впечатление достаточно длительного их пребывания в восточно-европейских степях. Под влиянием античной традиции сложилась и соответствующая археологическая терминология, нашедшая отражение в трех названных выше сарматских культурах.

Я попытаюсь изложить свои соображения о том, как менялось со временем содержание этнонимов «савроматы» и «сарматы» с привлечением письменных и археологических источников, а также данных антропологии. К сказанному хочу добавить, что эта тема в последнее время уже затрагивалась нами [Скрипкин, 2019а, с. 244–252; Скрипкин, Балабанова, 2020, с. 249–258; Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 208–216]. В предлагаемой статье я хочу обобщить ранее изложенное мной и моими коллегами, а также более определенно высказаться по отдельным вопросам рассматриваемой темы, которые не получили полного освещения в предшествующих публикациях.

Начать придется с савроматов, первые и самые полные сведения о которых приводит Геродот. По его данным, савроматы были восточными соседями скифов, владевшими территорией к востоку от Танаиса. По письменным источникам можно определить владения савроматов в меридиональном направлении, с юга на север. Они простирались от территории, занимаемой меотами, до будинов, то есть от районов Восточного Приазовья до лесостепи Среднего Дона. Геродот измерял это расстояние в 15 дней пути. В письменных источниках отсутствуют данные о протяженности территории, занимаемой савроматами, к востоку от Дона. Учитывая, что савроматы были кочевниками, это расстояние должно было быть достаточным для удовлетворения их хозяйственных потребностей.

С активизацией археологических раскопок на территории Поволжья и Южного Приуралья в 20–30-х гг. прошлого века сложилось представление о распространении памятников савроматской (блюменфельдской) культуры

от Волги до Южного Урала включительно [Граков, 1947, с. 100–104, 106–112]. С дальнейшим накоплением археологического материала исследователи стали обращать внимание на имеющиеся различия в погребальном обряде и материальной культуре кочевнических памятников VI–IV вв. до н.э. Поволжья и Южного Приуралья. Специальные исследования, проведенные по этой проблеме, привели к правомерному убеждению в серьезных различиях погребальных памятников двух указанных регионов рассматриваемого времени по археологическим показателям. Эти различия оказались столь существенными, что было высказано мнение, которое в настоящее время поддерживается большинством исследователей, о принадлежности памятников в этих двух районах к разным археологическим культурам [Очир-Горяева, 1989, с. 112–114; Железчиков, 1995, с. 30–32]. Различие культурных традиций между ними шло по нарастающей, особенно очевидными они становятся с какой-то части V в. и в IV в. до н.э.

Идея о принадлежности погребальных памятников VI–IV вв. до н.э. к востоку от Дона савроматам была высказана почти век назад П.Д. Рау [Рау, 1929, S. 60]. Позже К.Ф. Смирнов, определяя археологические памятники этого времени от Дона до Южного Приуралья как оставленные родственными племенами, поместил савроматов Геродота на территории Волго-Донского региона [Смирнов, 1964, с. 191–197]. Погребальные памятники VI–IV вв. до н.э. Волго-Донского междуречья и Заволжья обладают значительным сходством и могут быть отнесены к одной культуре, носителями которой являлись савроматы. В Заволжье территория кочевий савроматов простиралась от низовий Волги до современной Самарской области [Скрипкин, 2009а, с. 29–40].

К отождествлению южноуральских кочевников скифского времени с племенными наименованиями, упоминаемыми в сочинениях античных авторов, обращались многие исследователи. Чаще обсуждались две версии, одна из которых склонна была отождествлять их с исседонами, другая – с даями. Исседонская версия слишком мифологизирована, реальность сведений, лежащих в основе ее доказательств, весьма сомнительна. На мой

взгляд, более убедительной выглядит вторая версия, основанная преимущественно на данных Страбона, изложенных в его труде «География». Страбон полагал, что Каспийское море является заливом океана, соединенного с ним узким проливом. Даев он помещал к востоку от входа в Каспийское море, их соседями был массагеты и саки (География, XI, 7, 1). Массагетов и саков обычно помещают к востоку от Каспийского моря. В этом случае территория обитания даев, ограниченная входом узкого пролива в это море, должна располагаться северней владений упомянутых соседних народов. Анализ среднеазиатских событий, связанных с восточным походом Александра Македонского, и упоминание в них даев (дахов) не исключает возможности включения в зону их обитания территории, располагавшейся к северу от Хорезма и Аральского моря. Исследователями обращалось внимание на то, что в античных источниках (Кл. Птолемей) река Урал называлась Даикс, что предполагало обитание здесь некогда даев [Скрипкин, 2013а, с. 21–25; 2017, с. 44–46]. Из сообщения Страбона следует, что даи возглавляли крупный союз, включающий ряд племен со своими названиями. «Большинство скифов, начиная от Каспийского моря называются даями. <...> Из даев одни называются апарнами, другие – ксанфиями и третьи – писсурами» (География, XI, 8, 1).

Есть основание полагать, что отличающиеся значительным богатством захоронения Филипповского I курганного могильника принадлежали знати племенного союза, возглавляемого даями. Могильник начал исследоваться экспедицией под руководством А.Х. Пшеничнюка (1986–1990 гг.), а с 2004 г. в течение ряда лет был исследован экспедицией Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского. А.Х. Пшеничнюк датировал исследованные им погребальные комплексы могильника рубежом V–IV вв. до н.э., считая, что все они были сооружены в интервале не более 30–50 лет и относились к раннесарматской культуре [Пшеничнюк, 2012, с. 87–89]. Л.Т. Яблонский склонен был датировать могильник Филипповка I в пределах конца V – третьей четверти IV в. до н.э., полагая, что «...типологически он может быть отнесен к памятникам переходного типа от “савромат-

ских» к раннесарматским» [Яблонский, 2017, с. 188–192].

Для погребального обряда филипповских курганов и ряда других могильников Южного Приуралья того же времени было характерным сооружение дромосных могильных ям с коллективными захоронениями, подквадратных ям с диагональным положением умерших, подбойных ям, в которых начинает преобладать южная ориентировка погребенных. В материальной культуре получают распространение глиняные сосуды с тальком в тесте и орнаментальным фризом по верхней части тулова, железные мечи с дугообразным или сломанным под тупым углом перекрестием, большие бронзовые зеркала с широким утолщением края диска, наличие большого количества вещей или их деталей, выполненных в зверином стиле.

Погребальные памятники Волго-Донского региона V в. до н.э. и, видимо, вплоть до середины IV в. до н.э. существенно отличались от южноуральских. Здесь преобладали захоронения в простых удлиненных ямах или широких прямоугольных, иногда с коллективными захоронениями, ориентировка погребенных преобладала головой на запад, реже – на восток. Глиняная посуда была представлена преимущественно лепными горшками простых форм, клинковое оружие – типичное для скифского времени, с сердцевидным или бабочковидным перекрестием.

Очевидное различие в погребальном обряде и материальной культуре археологических памятников Южного Приуралья и Волго-Донского региона в рассматриваемое время должно в определенной мере свидетельствовать о том, что они были оставлены разными кочевыми объединениями с наличием в них разных этнических компонентов. Много раз постулировавшееся родство между ними могло иметь место на уровне отнесения того и другого объединения к ираноязычному населению с возможными диалектными различиями.

Итак, как мне представляется, волгодонские степи с VI в. до н.э. и примерно до середины IV в. до н.э. являлись территорией обитания савроматов, а южноуральские степи занимали даи. С середины IV в. до н.э. (возможно, несколько раньше) отмеченные выше

основные черты археологической культуры южноуральских кочевников начинают распространяться в Поволжье и Подонье. В данном случае речь идет о смещении целого южноуральского культурного пласта на запад в сторону Северного Причерноморья. На Волге и на Дону появляются погребения в дромосных ямах и диагональные захоронения с наличием южной ориентировки погребенных. Мечи, типичные для Южного Приуралья, появляются в Поволжье и на Нижнем Дону, в Нижнем Поволжье распространяется тальковая керамика с типичной южноуральской орнаментацией и те же бронзовые зеркала [Скрипкин, 2009б, с. 171–192; Скрипкин, Ким, 2013, с. 271–280]. Спектральный анализ металлических вещей, в том числе бронзовых наконечников стрел, из дромосного погребения кургана 4 у хут. Сладковский, расположенного к западу от Дона, ближе к Северскому Донцу (то есть на территории, принадлежащей скифам, согласно античной литературной традиции), показал, что почти все они отлиты «из восточного металла, хорошо представлены в памятниках ранних сарматов Южного Приуралья и Поволжья. Выявленные химико-металлургические рецепты в сочетании с типологическими характеристиками, вероятно, могут свидетельствовать об изготовлении их в восточных производственных центрах» [Барцева, 1984, с. 141–148].

Обращает на себя внимание дружинный характер захоронений с выраженными южноуральскими признаками, выявленными на территории Волго-Донского региона, наличие в них клинкового оружия, наконечников стрел и копий. Все это в совокупности должно свидетельствовать о военном характере миграции южноуральских кочевников на Волгу и Дон, да и в сторону Северного Кавказа [Скрипкин, 2010, с. 184–191; Скрипкин, 2015, с. 12–17].

Особый интерес вызывает тот факт, что примерно в это же время в сочинениях античных авторов начинают упоминаться сирматы, нахождение которых приурочено к Дону. Одно из наиболее ранних упоминаний о них, как было установлено, содержится у Эвдокса Книдского, писавшего около 370–365 гг. до н.э. [Мачинский, 1971, с. 42–44]. Информация о сирматах у Эвдокса довольно краткая: «Вблизи Танаиса живут сирматы» (Землеописание,

фр. кн. I). К тому же времени (361–357 гг. до н.э.) [Тохтасев, 2005, с. 291] относится информация о сирматах Псевдо-Скилака: «Сирматы. [За скифами сирматы] народ и река Танаис [которая] составляют границу Азии и Европы» [Описание моря ... , 68]. Последняя локализация сирматов предполагает их обитание к западу от Дона.

Савроматская культура как целостное явление в волго-донских степях существовала до IV в. до н.э. В отдельных случаях ее традиции сохраняются до начала III в. до н.э. в междуречье Волги и Дона [Клепиков, 2007, с. 37–58; Соколов, 2010, с. 29, 30]. В IV в. до н.э. (возможно, в какое-то время его первой половины) на той же территории начинают распространяться кочевнические памятники ярко выраженного южноуральского происхождения. Полагаю, этот процесс следует рассматривать как подчинение всей территории, принадлежащей ранее савроматам письменных источников, новым хозяевам, именуемым сирматами. Подонье было только западным пределом их продвижения.

Из сказанного следует, что сирматы, являясь носителями южноуральских культурных традиций, должны были являться частью племенного объединения, возглавляемого даями. Подтверждением тому, кроме совпадения распространения погребальных памятников в Волго-Донском регионе южноуральского происхождения с появлением в письменных источниках нового этнонима, является утверждение Страбона, отмеченное выше, что под общим именем даев скрывались многие народы, имевшие свои названия, одним из которых могли быть сирматы. В этом отношении представляет интерес упоминание Плинием сирматов, обитавших в Средней Азии у Окса (Естественная история, VI, 48). Археологическими исследованиями в отдельных районах Средней Азии, в том числе и на Амударье (Оксе), выявлены погребальные памятники, обнаруживающие ближайшее сходство с аналогичными южноуральскими. Эта археологическая ситуация с опорой на письменные источники позволяет утверждать об обитании здесь даев (дахов), информация о которых увеличивается со времени вторжения в Среднюю Азию Александра Македонского [Балахванцев, 2005, с. 64–67; 2017, с. 28–41].

Не вдаваясь в детали причин появления здесь даев (они достаточно полно изложены А.С. Балахванцевым), отметим, что их прародиной являлось Южное Пиуралье. Поскольку, согласно Страбону, в состав даев входили отдельные племенные группировки со своими самоназваниями, какая-то их часть, именуемая сирматами, вместе с даями могла попасть в Среднюю Азию и быть засвидетельствованной источником Плиния. Здесь представляет интерес тот факт, что этноним «сирматы», зафиксированный в разных географических районах разными авторами, появляется на выраженном фоне южноуральских археологических инноваций как в погребальном обряде, так и материальной культуре.

Выше я отмечал, что ко времени, близкому к середине IV в. до н.э., савроматская культура в волго-донских степях как единое целое прекращает свое существование. Это, полагаю, должно свидетельствовать и об исчезновении савроматов как самостоятельного политического объединения.

Теперь обратимся к вопросу, когда же в употребление входят этноним «сарматы» и хороним «Сарматия» как территория обитания сарматов. Ранее М.И. Ростовцев считал, что сарматы на Дону появляются в IV в. до н.э. [Ростовцев, 1918, с. 81]. Эта версия наиболее развернуто была изложена Д.А. Мачинским. Анализ письменных и в отдельных случаях археологических источников позволил ему сделать следующий вывод: «...наименования “сирматы”, с одной стороны, и “сарматы”, “Сарматия”, с другой, появляются в источниках почти одновременно, относятся почти к одной и той же территории и чрезвычайно сходны по написанию и звучанию». События, с которыми связано появление этих названий, он относил к концу IV – началу III в. до н.э. [Мачинский, 1971, с. 48, 54].

Однако с этой версией согласились не все исследователи. Я бы мог поддержать идею о том, что сирматы – это первое искаженное название сарматов, ссылаясь на этнографические примеры, свидетельствующие о том, что появление в поле зрения источников нового народа не всегда точно фиксировалось в них его названием [Скрипкин, Балабанова, 2020, с. 250, 251]. При этом, с одной стороны, этноним «сирматы» упоминается в

трех сочинениях, кажется, независимых авторов, что свидетельствует о его устойчивости. С другой стороны, существующие археологические материалы не позволяют предложить напрямую такое отождествление. Дело в том, что этноним «сирматы» соответствует весьма специфической группе памятников, хронологически ограниченных небольшим промежутком времени, примерно серединой – второй половиной IV в. до н.э., и навряд ли они датируются позже. Этот археологический пласт погребальных памятников, протянувшийся от Южного Приуралья до Нижнего Дона, по обряду и материальной культуре соответствует, по Л.Т. Яблонскому, переходному периоду от памятников савроматского времени к памятникам сформировавшейся раннесарматской культуры. Наиболее выразительными признаками этого периода, особенно ярко представленными в Филипповском I и ряде других курганных могильников Южного Приуралья, являются ямы дромосной конструкции, диагональные захоронения, южная ориентировка погребенных, описанный выше тип клинкового оружия, глиняной посуды, бронзовых зеркал и проч. [Яблонский, 2007, с. 26].

По периодизационной схеме южноуральских памятников Л.Т. Яблонского, разработанной с использованием предметов восточного импорта, в третьей четверти IV в. до н.э. происходят существенные изменения в погребальном обряде и материальной культуре. Перестают практиковаться захоронения в дромосных ямах и диагональные погребения, происходит замещение типов керамики, клинкового оружия, бронзовых зеркал [Яблонский, 2017, с. 218–220]. То же самое происходит и в Волго-Донском регионе. В последующее время в волго-уральских степях распространяется достаточно унифицированная единая археологическая культура, наиболее типичными чертами которой являлось: сооружение погребений в простых прямоугольных и подбойных ямах, реже в ямах катакомбной конструкции с южной ориентировкой костяков, обычно по несколько погребений в одном кургане. Для вещей характерно большее разнообразие глиняной посуды, распространение мечей и кинжалов с серповидным навершием, наличие колчаных наборов с бронзовыми и железными наконечниками стрел, бронзовые зеркала

с валиком на обратной стороне диска, редкая встречаемость предметов, выполненных в зверином стиле.

Возникает вопрос, эти два хронологических пласта археологических памятников могли принадлежать одному и тому же народу или это связано с какими-то этническими изменениями на рассматриваемой территории в конце IV в. до н.э. По материалам Южного Приуралья многие исследователи усматривают преемственность в развитии материальной культуры и погребальной обрядности в диапазоне VI–III вв. до н.э. Могильники типа Филипповка I по дате смыкаются с памятниками типа Прохоровка, отождествляемыми со сложившейся раннесарматской культурой [Яблонский, 2017, с. 217]. Антропологический материал из прохоровских курганов свидетельствует о том, что физический тип людей этого могильника не претерпел резких изменений по сравнению с предшествующим населением Южного Приуралья [Яблонский, 2010, с. 90]. Хотя для Южного Приуралья в формировании прохоровской культуры не следует исключать и роль отдельных миграций, например, зауральского населения, в том числе лесостепного, не исключаются контакты с кочевым населением Казахстана и Приаралья [Мошкова, 1974, с. 39–46; Таиров, Гуцалов, 2006, с. 341].

В Волго-Донском регионе южноуральские кочевники не сохранили своей этнической чистоты, судя по сохранению вплоть до начала III в. до н.э. отдельных традиций савроматской культуры. Надо полагать, что какая-то часть прежнего населения вошла в состав нового кочевнического объединения.

Прекращение функционирования Филипповского курганного могильника, который я отождествляю с «Геросом» элиты кочевого объединения, возглавляемого даями, полагаю, связано с распадом этого объединения. Это событие, как считал один из его исследователей Л.Т. Яблонский, произошло в третьей четверти IV в. до н.э. В связи с этим возникает еще один вопрос. Миграция южноуральских кочевников, носившая, как я полагаю, военный характер, осуществлялась в рамках политических амбиций племенного союза во главе с даями или по инициативе представителей какой-то его части, предполагаемых

сирматов, поскольку сепаратизм – обычное явление для племенных союзов раннего железного века и средневековья.

Так или иначе, после распада племенного союза даев, интерес собственно даев оказался связан со Средней Азией. Здесь их упоминают письменные источники, они участвуют в индийском походе Александра Македонского, одно из их подразделений было причастно к образованию Парфянского государства [Балахванцев, 2017]. В волго-уральских степях появляется новое этнополитическое объединение. Здесь с конца IV в. и до начала II в. до н.э. сформировалась и существовала единая для всего этого степного пространства археологическая культура, что, по всей вероятности, могло свидетельствовать и о политическом единстве ее населения. Я могу предположить, что именно с этой территорией следует отождествлять первые упоминания о Сарматии, названной по имени племени гегемона, возглавившего племенное объединение кочевников.

Обратимся к письменным источникам, которые уже не однажды находились в поле зрения исследователей. Это сообщение Антигона Каристского (время, близкое к середине III в. до н.э. или начало его второй половины) через промежуточную информацию Каллимаха (310–235 гг. до н.э.) о том, что в сочинении Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н.э.) содержится упоминание о Сарматии, на территории которой находилось озеро с дурным запахом. К рубежу IV–III вв. до н.э. относится сообщение Теофраста о животном таранде, способном менять свой цвет, которое обитало то ли в Скифии, то ли в Сарматии [Мачинский, 1971, с. 46]. Эти сообщения подвергались критическому разбору не только археологов, но и специалистов в области античной филологии.

Сведения о первом упоминании сарматов в античных письменных источниках были проанализированы специалистом в области классической лингвистики С.Р. Тохтасьевым [Тохтасьев, 2005, с. 291–306]. Сопоставив сведения Антигона и Теофраста о Сарматии с другими разновременными источниками, он высказал сомнение в том, что это наименование изначально значилось в их трудах, что оно могло быть результатом позднейших редак-

ций их сочинений. Вместе с тем он высказался в поддержку новой интерпретации Ю.Г. Виноградовым перевода херсонесского декрета о «несении Диониса», в котором присутствует этноним «сарматы» с его узкой датой около 280 г. до н.э. [Виноградов, 1997, с. 104–124]. С.Р. Тохтасьев также высказал свое мнение в отношении известного сообщения Диодора Сицилийского о нападении на Скифию савроматов и превращении ее в пустыню. Это сообщение не раз интерпретировалось исследователями в зависимости от того, какой версии они придерживались по вопросу о времени появления сарматов. Он определенно высказал мнение, что Диодор «использует термин “савроматы” лишь по традиции, в качестве архаизирующего синонима вместо нового “сарматы”» [Тохтасьев, 2005, с. 292]. Это заключение С.Р. Тохтасьева находит подтверждение и в археологическом материале. Как уже излагалось выше, к середине IV в. до н.э. савроматская археологическая культура прекращает свое существование, что предполагает утрату савроматами своего политического единства. Ряд исследователей [Виноградов и др., 1997, с. 6–27], в том числе и С.Р. Тохтасьев, хронологически сообщают Диодора связывают с разрушениями поселений с начала III в. до н.э. на значительной части территории Северного Причерноморья, которые, по их мнению, были актом агрессии сарматов. Кажется, не вызывает возражения сообщение Псевдо-Скимна, со ссылкой на Деметрия Калатийского, о месте обитания сарматов. «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий» (Землеописание, 874–885). Это сообщение, восходящее к Деметрию Калатийскому, С.Р. Тохтасьев относит к самому концу III в. до н.э. Таким образом, анализ письменных источников специалистами в этой области предполагает появление сарматов, по крайней мере, уже с начала III в. до н.э. В этом случае утверждение о том, что наименование «Сарматия» в трудах Антигона, Каллимаха, Теофраста, по крайней мере, если не у всех, то у кого-то из них, не является непременно позднейшей вставкой, а может отражать реальность их времени, поскольку этноним «сарматы» тогда был уже на слуху.

Я полагаю, что область, именуемая в источниках «Сарматией», с III по начало или середину II в. до н.э. располагалась к востоку от Дона и занимала территорию волгоуральских степей. На этой территории была распространена в своем сложившемся виде единая археологическая культура, именуемая раннесарматской, или прохоровской, элементы которой сохраняются до рубежа эр. В указанное время здесь оформилось племенное кочевое объединение, возглавляемое сарматами.

Территория Северного Причерноморья после разгрома Скифии была зоной дестабилизации. Перед сарматами, по всей видимости, не стояла задача быстрее заселения бывших владений скифов и переноса сюда родовых могильников. Политически они вполне могли контролировать какую-то часть причерноморских степей, взимая дань с греческих городов. Показательным в этом случае является пример с саями и их предводителем Саитафарном, упомянутыми в известном ольвийском декрете в честь Протогена. Саи не являлись постоянными соседями Ольвии, но ее жители должны были преподносить дары их вождю в случае появления саев поблизости от города. Существует значительный круг литературы, в которой предпринимались попытки отождествления саев с разными известными народами той эпохи. На мой взгляд, в решении этой проблемы значительную роль играет имя предводителя саев Саитафарна, особенно его составная часть «фарн». Античные авторы сохранили достаточное количество имен скифских правителей, среди которых нет имен с этой составной частью. Достаточно объективным мне представляется мнение Б.А. Литвинского о принадлежности личных имен, включающей составную часть «фарн» сарматам, что связано с почитанием ими культа Фарна. Подтверждением этому является широкое распространение таких имен в городах Северо-Восточного Причерноморья в первые века н.э. в связи с начавшейся их сарматизацией [Литвинский, 1968, с. 69].

Я вполне могу согласиться с В.И. Мордвинцевой в том, что хороним «Сарматия» мог появиться в результате утверждения новых политических партнеров греческих городов в конце III – начале II в. до н.э., причем они не

обязательно должны были поселиться в степях Северного Причерноморья. Им достаточно было осуществлять политический контроль над этой территорией [Мордвинцева, 2015, с. 130]. С единственным уточнением, что такая ситуация могла случиться и раньше, в рамках III в. до н.э.

Теперь о соотношении этнонимов «сарматы» и «савроматы». Античные авторы отождествляли сарматов с их предшественниками савроматами. У Диодора Сицилийского содержится информация о появлении савроматов у Танаиса, по его данным, они были переселены сюда из Мидии скифами. Далее он отмечал, что савроматы «много лет спустя, сделавшись сильнее» напали на Скифию, поголовно истребляя ее население, превратили ее в пустыню (Историческая библиотека, II, 43). Примерно через сто лет эта версия, но уже о происхождении сарматов была повторена Плинием Старшим, который также, помещая сарматов у Танаиса, отметил, что своим происхождением они связаны с мидянами (Естественная история, IV, 19). Тот же Плиний, перечисляя народы к северу от Истра, упоминает сарматов, которые, как он утверждал, по-гречески именуются савроматами. Это не значит, что авторы, писавшие на латыни, называли народ сарматами, а писавшие на древнегреческом их же именовали савроматами. Это свидетельство Плиния следует воспринимать как то, что более ранние авторы греческого происхождения (Геродот, Гиппократ, вероятно, Эфор), являясь современниками савроматов, фиксировали этот народ у Танаиса. К моменту появления латиноязычных авторов здесь уже обитали сарматы. В дальнейшем, независимо от того, на каком языке писались сочинения античных авторов, сарматы отождествлялись с савроматами, хотя последние как самостоятельное этнополитическое объединение давно сошли с исторической арены. Даже когда и сарматы в этом качестве перестали существовать, этноним «савроматы» продолжал использоваться.

Савроматы упоминаются Аппианом в событиях I в. до н.э. в качестве союзников понтийского царя Митридата VI Евпатора в его борьбе против Рима (Митридатовы войны, 15, 19). Кстати, Плиний говорил о савроматах, к которым бежал мятежный Митри-

дат VIII, потерпевший поражение в борьбе за власть в Боспорском царстве (Естественная история, VI. 16, 17). Однако Корнелий Тацит, подробно описавший это событие, произошедшее в середине I в. н.э., свидетельствует, что Митридат сдался аорсам, «припав к коленям Эвнона», их царя (Анналы, XII, 18). Современные исследователи не однажды отмечали упоминание в письменных источниках савроматов на рубеже эр в военных акциях на дунайских рубежах Римской империи [Дзиговский, 2003, с. 80].

Затянувшееся упоминание античными авторами савроматов мне напоминает историю с названием «татары». Первоначально татары обитали у северных границ Китая. Начиная с XII в. их именем китайцы называли и другие народы, в том числе и монголов. Монголы, создав свой племенной союз, истребили татар, поскольку они были виновниками гибели отца Чингисхана, объединителя монголов. По его приказу все татарское население, включая детей выше тележной оси, было уничтожено. После этих событий татары перестали существовать как политическая и этническая единица, но их имя, благодаря китайской письменной традиции, продолжало использоваться по отношению к монголам [Егоров, 1990, с. 7, 8]. Это название для отдельных народов сохранилось до нашего времени в лице поволжских, крымских татар, ничего общего не имеющих со средневековыми татарами, некогда обитавшими у границ Китая.

Во II в. до н.э. на значительной части евразийского степного пространства происходят существенные изменения этнополитического плана. Мне неоднократно приходилось освещать эту тему [Скрипкин, 2000, с. 17–40; 2019б, с. 20–34]. Все началось с событий, связанных с Китаем и его северными соседями хунну (сюнну). В 221 г. до н.э. завершается длительный период политической раздробленности Китая. Правитель царства Цинь Цинь Шихуанди объединяет ряд враждовавших между собой царств в единое государство, приобретшее статус империи. Объединение Китая создало проблемы для их северных соседей кочевников, поскольку отдельным их группировкам осуществлять свои набеги на объединенный Китай стало сложно. Как ре-

акция на объединение Китая, к северу от него формируется крупное племенное объединение, возглавленное хунну, усиление которых происходит с приходом к власти в 209 г. до н.э. Маодуня (Модэ) [Барфилд, 2009, с. 76–82]. Хунну осуществляют военные акции не только против Китая, но и против других своих соседей. Они наносят поражение своим западным соседям, племенному объединению, именуемому в китайских источниках юэчжами, причем борьба с ними у хунну отняла много сил и времени.

Отдельные факты этих событий известны исключительно из китайских источников. Окончательную победу над юэчжами хунну одерживают в 177 г. до н.э. в конце правления шаньюя Модэ. Потерпев поражение, большая часть юэчжей отошла на запад в Джунгарию, вытеснив оттуда саков. В 155 г. до н.э. юэчжи снова терпят поражение от усуней и хунну и через Фергану уходят к берегам Окса (Амударьи) [Гумилев, 1993, с. 56; Восточный Туркестан ... , 1988, с. 235–241]. Долину реки Или в Джунгарии занимают усунь. Исследователи полагают, что под ударами юэчжей пало Греко-Бактрийское царство. Это событие произошло в 145 г. или между 140 и 130 гг. до н.э. [Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68–86; Ставиский, 1977, с. 96].

Менее информативные сведения об отголосках упомянутых событий содержатся у античных авторов, в первую очередь у Страбона, который передает информацию о племенах, отнявших Бактрию у греков, это «...асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарты...» (География, XI, 8, 2). Тохаров многие исследователи отождествляют с юэчжами китайских источников на том основании, что в последующее время Тахаристаном стали именоваться бывшие области Бактрии.

После событий, связанных с падением Греко-Бактрийского царства, на юге Средней Азии появляется ряд крупных курганных могильников, насчитывающих по несколько сотен курганов, оставленных кочевым населением. Так, например, Тулхарский могильник (348 курганов) датируется, в том числе и по монетам, последней третью II в. до н.э. – началом I в. н.э. Другие курганные могильники

(Аруктауский, Кокумский, Бабашовский) возникают во II в. до н.э. Захоронения в этих могильниках по ряду черт материальной культуры и погребального обряда обнаруживают сходство с сарматскими памятниками [Мандельштам, 1972, с. 31–43]. Причем это сходство прослеживается с сарматскими памятниками Волго-Уральского региона II–I вв. до н.э. Оно настолько очевидно, что в одной из ранних своих работ я высказал предположение о том, что какая-то часть сарматов вместе с другими племенами, пришедшими с востока, приняла участие в среднеазиатских событиях второй половины II в. до н.э. [Скрипкин, 1982, с. 49]. О.В. Обельченко на основании раскопанных им в Бухарском оазисе курганных могильников, выявив значительное их сходство с сарматскими памятниками, вообще считал, что Греко-Бактрия была завоевана исключительно сарматами [Обельченко, 1961, с. 174–176].

Однако ситуация здесь выглядела иным образом. Сходство погребальных памятников Средней Азии с сарматскими восточноевропейских степей, как мне это представляется в настоящее время, связано с одним и тем же событием, однонаправленными миграциями кочевого населения из районов Центральной Азии, инициированными агрессивной политикой хунну. Эти миграции в одно и то же время оказали существенное влияние на этническую ситуацию как в Средней Азии, так и в Волго-Уральском регионе.

В погребальных памятниках юга Восточной Европы II–I вв. до н.э., относимых к сарматскому кругу, к настоящему времени выявлена серия вещей, обнаруживающая близкие аналогии в памятниках Центральной Азии. Это различные типы мечей, бронзовые ажурные, решетчатые и гагатовые поясные пряжки, глиняные кубические курильницы, миниатюрные копии котлов, колчанов с луками. Новые явления фиксируются и в погребальном обряде. Получают распространение захоронения в колодах, конструкция которых в отдельных случаях близка колодам, используемым в погребальной практике населения Тувы последних веков до н.э. В отдельных районах Поволжья и Подонья, особенно в Северном Причерноморье, существенно увеличивается процент северной ориентировки по-

гребенных [Симоненко, 2010, с. 392–402; Скрипкин, 2019б, с. 20–34].

Важным аргументом в подтверждение того, что эти инновации в материальной культуре представляют собой результат миграционных процессов, выступают данные антропологических исследований. Изучение репрезентативной выборки краниологического материала, включающей более трех с половиной сотен черепов из погребений II–I вв. до н.э. могильников Нижнего Поволжья, выявило, по сравнению с предыдущим временем, появление нового населения, отличающегося долихокранией [Балабанова, 2010, с. 72; Скрипкин, Балабанова, 2020, с. 254, 255]. Для предшествующего сарматского населения наиболее типичной была брахикрания. Появление новых типов вещей, перечисленных выше, определяют исходные территории этой миграции.

Для нашей темы важную роль играет хронологическая последовательность событий, связанных с произошедшими миграционными процессами. Если исходить из китайских источников, то их начало приходится на 70-е гг. II в. до н.э., а завершение – в Бактрии в 40–30 гг. того же века. Причем, по тем же данным, перемещение мигрантов совершалось по южным территориям от северо-восточных границ Китая через Джунгарию на юг Средней Азии. Письменные источники не дают нам каких-либо сведений о перемещении кочевников от Китая по более северным территориям евразийского степного пространства. Однако есть одна зацепка, связанная уже с территорией Восточной Европы. Я имею в виду сообщение Плиния о переходе Танаиса большим количеством племен, среди которых представляют интерес сатархеи и тагоры (Естественная история, VI. 22). Из контекста труда Плиния следует, что Танаис – это современный Дон. Сатархи, отождествляемые с сатархеями, были известны в Средней Азии, о чем сообщает Солин (Собрание достоверных сведений, XLIX, 7). Перейдя Танаис, они во II в. до н.э. упоминаются в Крыму, в одном из эпиграфических источников, с конца II в. до н.э. [Десятчиков, 1973, с. 131–144; Ольховский, 1981, с. 56]. Исследователи тагоров Плиния отождествляют с тохарами Страбона, принимавшими участие в захвате Греко-Бактрии, а последних с юэчжами китайских

источников [Скрипкин, 2017, с. 161]. Из сказанного, с одной стороны, следует, что появление названных выше инноваций восточного происхождения и появление нового населения в волго-уральских степях по времени должно быть синхронно событиям падения Греко-Бактрийского царства. С другой стороны, мы не должны исключать степной путь смещения кочевнических групп с востока на запад. В этом случае отмеченные изменения в волго-уральских степях могли произойти и несколько раньше финальных событий на территории Бактрии. Агрессивная политика хунну с конца III – начала II в. до н.э. могла спровоцировать и более ранние миграции по степному коридору [Шаров, 2012, с. 396–401]. В.П. Глебов, опираясь на археологические материалы, отмечает увеличение численности нового кочевого населения на Нижнем Дону с «ранней части II в. до н.э.» [Глебов, 2007, с. 69, 70].

В любом случае следует признать, что во II в. до н.э. в степных районах Восточной Европы от Южного Приуралья и до Днепра происходят существенные изменения этнополитического характера. Впервые наиболее полно эти изменения нашли отражение в труде Страбона «География», написание которого он завершил в самом начале I в. н.э.

Страбон родился в малоазийском г. Амасья (ок. 64/63 г. до н.э.), в одно и то же время, когда покончил с собой злейший враг Рима Митридат VI Евпатор, царь Понтийского государства. В одно время Амасья являлась столицей Понтийского государства. Родственники Страбона принадлежали к ближайшему окружению Митридата, который в течение длительного времени вел борьбу с Римом. В качестве союзников он привлекал кочевников, занимавших территории по другую сторону Понта и Кавказа. С конца II в. до н.э. Понтийское царство контролирует Крым. В администрации Митридата была накоплена новейшая информация об обитавших в тех местах народах. Страбон, видимо, имел возможность использовать эту информацию. Он называет ряд новых народов, занявших территории между Каспийским морем и Меотидой, между Танаисом и Борисфеном (Днепром), которые раньше в письменных источниках не фигурировали. Это аорсы, сираки и роксоланы, причем аорсы подразделялись на две са-

мостоятельные группировки: аорсов и верхних аорсов, занимавших разные территории. Страбон уточняет места обитания каждой из них. «Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки – по течению Ахардея, который вытекает с кавказских гор и впадает в Меотиду». Поскольку верхние аорсы отличались многочисленностью, «...они занимали более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря». Западнее, «на равнинах между Танаисом и Борисфеном» Страбон помещал роксолан (География, XI, 5, 8, VI, 3, 17).

Если соотнести расселение этих народов с современной картой, двигаясь с запада на восток, то картина будет выглядеть следующим образом. Территория между Днепром и Доном должна была контролироваться роксоланами, далее за Доном располагались владения аорсов, за ними – верхних аорсов. Ахардей, по течению которого располагались сираки, отождествляется с рекой Кубанью, следовательно, они должны были занимать степные районы Прикубанья. Под «большой частью побережья Каспийского моря», которое занимали верхние аорсы, следует иметь в виду северные районы Прикаспия. Погребальные памятники II–I вв. до н.э. степных районов от Нижнего Дона до Южного Приуралья отличаются значительным единством. Это в определенной мере может свидетельствовать о том, что вся эта территория принадлежала аорсам, от Дона до Волги собственно аорсам, от Волги до Южного Приуралья верхним аорсам. Следует иметь в виду, что все эти народы вели кочевой образ жизни, в связи с чем они могли контролировать огромные территории, включая все свои кочевья.

Особый интерес представляют слова Страбона о том, что аорсы и сираки «являлись, видимо, изгнанниками племен, живущих выше» (География, XI, 5, 8). По моему мнению, это подтверждает миграционный характер образования этих этнополитических объединений. Полагаю, что выдвигаемая ранее версия о появлении сираков на Кубани еще в IV в. до н.э. является несостоятельной. Во-первых, здесь убедительно не прослеживается преемственность археологических памятников на этом достаточно длительном промежутке времени; во-вторых, если бы появ-

ление сираков на Кубани состоялось в IV в. до н.э., то к началу I в. н.э., к моменту завершения написания Страбоном своего труда, они воспринимались бы уже как аборигенное население [Скрипкин, 2013б, с. 385–387].

Таким образом, вся территория между Днепром и Южным Приуральем была распределена между четырьмя кочевническими этнополитическими образованиями, практически граничащими между собой. Они были самостоятельны в политическом отношении, имели своих верховных правителей (царей), их имена называют античные авторы (Страбон, Тацит). Эти кочевнические объединения участвовали в разного рода военных мероприятиях самостоятельно или в качестве чьих-либо союзников. Воевали они и между собой, например, в описанных Тацитом событиях сирако-аорской войны (Анналы, XII, 15–21). Интересен тот факт, что на этнокарте Страбона не нашлось места для самостоятельного объединения, именуемого сарматами. Если раньше Псевдо-Скимн, со ссылкой на Деметрия Калатийского, на рубеже III–II вв. до н.э. к востоку от Дона помещал сарматов, то Страбон на рубеже эр помещает здесь аорсов.

Ситуация с расселением народов, описанная Страбоном, сохранялась, видимо, до начала – середины I в. н.э. Исследователи отмечают первые появления кочевников, которых античные авторы именуют сарматами, у границ Римской империи по Дунаю в конце I в. до н.э. Более массовое их продвижение в этот район относится уже к I в. н.э. [Симоненко, Лобай, 1991, с. 83; Дзиговский, 2003, с. 79–82]. По Тациту, аорсы и сираки еще в 49 г. н.э. принимают участие в борьбе претендентов за власть в Боспорском царстве, основные события которой происходили на его азиатской стороне. Плиний упоминает аорсов и роксоланов в Северо-Западном Причерноморье (Естественная история, IV, 80), но это, скорее всего, уже вторая половина I в. н.э. М.Б. Шукин полагал, что существенный сдвиг кочевников сарматского круга на запад от Днепра происходит в период с 18 по 60–70-е гг. н.э. [Шукин, 2005, с. 63].

Я специально обратился к вопросу о том, до какого времени сохраняется расселение

племен между Днепром и Прикаспием, описанное Страбоном, по следующей причине.

Марком Агриппой (63–12 гг. до н.э.), известным римским деятелем, была составлена карта Римского государства, на которой значилась область под названием «Сарматия», располагавшаяся к востоку от Борисфена (Днепра). Материалы к карте были собраны из различных источников и включены в нее во второй половине I в. до н.э., когда племена к востоку от Борисфена находились на местах, указанных Страбоном. Подсчет размеров Сарматии по данным Агриппы, показывает, что ее территория простиралась от Днепра до Волги и Северного Кавказа [Подосинов, 2002, с. 46, 57, 58]. Как уже отмечалось выше, в это время на всей этой территории не существовало какого-либо объединения кочевников, именуемого сарматами. Возникает вопрос, на каком основании вся эта территория именовалась Сарматией? Совокупность археологических и антропологических данных позволяет воссоздать общую картину формирования кочевого населения донских и волгоуральских степей во II–I вв. до н.э.

Появление нового антропологического типа населения, свидетельствующего о миграции, в значительной мере было характерно для мужского пола, что предполагает ее военный характер. Сохранилась значительная часть прежнего населения, которое вошло в состав новых этнополитических образований, главенствующее положение в которых занимают мигрантские группировки как наиболее пассионарная их часть. Этнонимические названия мигрантов легли в основу вновь образованных кочевнических объединений и во внешнеполитических событиях они стали выступать под своими названиями.

Такая реконструкция находит подтверждение в миграции юэчжей и усуней по более южному пути. Юэчжи, заняв район Семиречья частью изгнали отсюда саков, а часть включили в свой состав. Позже усуней, нанеся поражение юэчжам, заставили их уйти в Бактрию, но часть их, а также саков, вошла в состав усуней. Бань Гу по этому поводу констатировал: «...среди усуней есть потомки сэ и потомки больших юэчжей» [Восточный Туркестан ... , 1988, с. 226]. Такие же процессы происходили и в восточноевропейских степях,

возможно, с другим соотношением этнических компонентов, но закрепились этнонимы миграционного происхождения, что свидетельствовало в свою очередь о политической гегемонии мигрантов в новых объединениях кочевников.

С этими восточными миграциями связан уход с политической арены саков и массагетов, прежних кочевых объединений в Средней Азии. То же самое, видимо, произошло в волго-уральских степях с сарматами. При общей скудности письменных источников среднеазитские события рассматриваемого времени освещены несколько лучше, чем события донского и волго-уральского регионов, что можно объяснить слабой осведомленностью об этих местах античных авторов, продолжавших в своих сочинениях использовать ставшее привычным название обитающих здесь кочевников – сарматы.

Ответ на заданный выше вопрос может быть только один, ситуация с названиями «Сарматия», «сарматы» та же, что и с савроматами. Фактически кочевое объединение, возглавляемое сарматами, прекращает свое существование в какие-то годы первой половины II в. до н.э. или его середины, но античные авторы продолжают употреблять его название. Ярким подтверждением этому является использование наименования «Сарматия» в творческом наследии Клавдия Птолемея, когда уже после повторной, инициированной аланами, миграции с востока, еще раз перекроившей этническую карту степей Восточной Европы, от наследия исторических сарматов практически ничего не осталось. Птолемей, разделив Сарматия на Азиатскую и Европейскую, границы последней расширил до Вислы и Балтийского моря, что должно было включать в ее состав народы, существенно различающиеся между собой.

Я не разделяю выдвигающуюся ранее отдельными исследователями версию о том, что появление сарматов вообще связано с центральноазиатскими миграциями II в. до н.э. Близкие по звучанию этнонимы «савроматы», «сирматы», «сарматы» – восточноевропейского происхождения, они отражали этническую ситуацию, сложившуюся в донских и волго-уральских степях с VI по II в. до н.э. Полагаю, что миграции II в. до н.э., напротив, яви-

лись причиной распада сарматского племенного союза, сформировавшегося в более раннее время.

Представляет интерес наблюдение М.Б. Щукина о том, что сарматский царь Гатал и сарматская царица Амага выступали гарантами безопасности Херсонеса против агрессии со стороны скифов, а появившиеся роксоланы уже являются союзниками скифов в конфликте с Херсонесом [Щукин, 1994, с. 144]. Видимо, сарматы Гатала и Амаги были последними представителями тех сарматов, объединение которых сложилось еще до миграций II в. до н.э. и с начала своего появления находилось во враждебных отношениях со скифами.

Из названных двух упоминаний сарматов Гатала и Амаги хронологическую привязку имеет свидетельство о сарматах Гатала, зафиксированное Полибием в событиях, связанных с заключением договора понтийским царем Фарнаком I с Херсонесом (Всеобщая история, XXV, 2). Традиционно заключение этого договора датировалось 179 г. до н.э., хотя и предпринимались попытки уточнения указанной даты. Этот эпизод был достаточно подробно в свое время проанализирован С.Ю. Сапрыкиным, в результате чего он пришел к выводу об отсутствии «причин отказываться от традиционной даты договора, то есть 179 г.» [Сапрыкин, 1996, с. 24–26]. Позже в пользу омоложения даты этого договора – ближе к середине II в. до н.э. – высказался О.Л. Габелко [Габелко, 2017, с. 47–52]. В силу своей специализации мне сложно высказать свое мнение о дате этого договора, в любом случае она не должна выходить за рамки жизни Фарнака I, а это первая половина II в. до н.э. Следует полагать, что сарматы появились в поле зрения понтийской политики не в момент заключения договора, а гораздо раньше, чтобы заявить о себе и попасть на страницы ответственного документа. К тому же известно, что еще до заключения договора сарматы помогли вернуть Херсонесу земли, отнятые ранее у него скифами [Сапрыкин, 1996, с. 79].

Более четверти века назад я опубликовал небольшую статью под названием «Были ли сарматы сарматами?», которая осталась практически незамеченной, видимо, по той причи-

не, что она была помещена в материалах местных краеведческих чтений [Скрипкин, 1994, с. 42–44]. В статье речь шла о том, что миграции II в. до н.э. привели к появлению новых кочевников с востока, которые не имели прямого отношения к предшествующему сарматскому объединению, утвердившемуся к востоку от Танаиса в более раннее время.

Так что сарматы, нанешие удар по Скифии в III в. до н.э., и кочевники, начавшие заселять территорию бывшей Скифии во II в. до н.э., это разные в значительной мере в этническом и безусловно в политическом отношении племенные объединения. Собственно «сарматы» своим происхождением были связаны с Южным Приуральем и являлись носителями сформировавшейся здесь прохоровской (раннесарматской) культуры. Кочевники, мигрировавшие во II в. до н.э. и достигшие степей Восточной Европы, вышли из центральноазитских регионов. Родство между ними и сарматами могло осуществляться только на уровне принадлежности их к ираноязычным народам, поскольку юэжей и тохаров, одних из основных представителей миграционного процесса II в. до н.э., считают ираноязычными. Однако языки сарматов, аорсов, а затем и аланов, несмотря на их принадлежность к одной языковой семье, в диалектном отношении могли существенно отличаться друг от друга.

Продление сарматской этнонимии до первых веков нашей эры – дань античной нарративной традиции, не отражающей исторической реальности. Это оказало влияние и на археологическую терминологию: сохраняется употребление понятий раннесарматская, среднесарматская, позднесарматская культуры, несмотря на значительные различия в материальной культуре и погребальном обряде, на почти полную смену антропологического типа населения от раннесарматской к позднесарматской культуре [Балабанова, 2007, с. 147–154]. Я не имею в виду абсолютную дискретность сарматских культур, между ними существовала преемственность, о чем мне приходилось неоднократно писать. Практически при формировании каждой сарматской культуры оставалась какая-то часть предшествующего населения, сохранявшая некоторые свои культурные элементы, но вместе с тем явно

обнаруживается доминирование новых культурных традиций, как правило, миграционного происхождения. Происходили существенные изменения этнополитического плана, менялась этническая структура, в которой ведущую роль начинала играть новая племенная группировка, название которой распространялось на все объединение.

Таким образом, с VI по середину IV в. до н.э. к востоку от Дона, включая значительную часть степного Поволжья, занимали племена, именуемые савроматами. Вероятно, еще в конце первой половины IV в. до н.э. начинается захват их территории сирматами, своим происхождением связанными с Южным Приуральем, а в письменных источниках локализуемыми в районе Танаиса (Дона). Однако это не значит, что сирматы занимали исключительно эту территорию. Савроматов письменные источники тоже поселяли на Танаисе, как позже и сарматов. Танаис длительное время для античных авторов был своеобразной границей их осведомленности о землях к востоку от него. Основываясь исключительно на археологических (погребальных) памятниках, на их сходстве, мы можем предполагать, что сирматы контролировали достаточно обширные территории к востоку от Дона. С их появлением связано начало дестабилизации в Северном Причерноморье, они явились своеобразным прологом появления сарматов. Пока сложно определить, как произошло становление племенного объединения, возглавляемого сарматами, но своим происхождением они безусловно связаны с Южным Приуральем. Окончательное оформление их объединения происходит на рубеже IV–III вв. до н.э. или в самом начале III в. до н.э. Просуществовало это объединение вплоть до первой половины II в. до н.э. Это время, когда реально существовало кочевое объединение, именуемое сарматами. Основной территорией его обитания были волго-уральские степи, откуда сарматы совершали набеги на территорию Северного Причерноморья. Античными авторами они часто продолжали именоваться савроматами, поскольку по их представлению занимали ту же территорию.

В первой половине II в. до н.э. или его середине в результате миграционных процессов от Южного Приуралья до Днепра появля-

ется целый ряд новых племенных объединений со своими названиями: аорсы, сираки, роксоланы, позже – языги, аланы. В письменных источниках их продолжали именовать сарматами, поскольку и они появились в тех местах, где раньше обитали сарматы, а зачастую их продолжают называть и савроматами. Это достаточно хорошо обозначенная традиция античной литературы исторического и географического жанра придавать первоначальным названиям конкретных народов со временем расширительное значение по времени и содер-

жанию. Так произошло с этнонимами «савроматы» и «сарматы», а название конкретного народа «скифы» было распространено на все кочевые народы Евразии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-29-01020.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-29-01020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., 2007. Роль миграций в формировании населения савроматской и сарматской культур // Человек в культурной и природной среде : тр. Третьих антропол. чтений к 75-летию со дня рождения акад. В.П. Алексеева. М. : Наука. С. 147–154.
- Балабанова М. А., 2010. Новые данные об антропологическом типе сарматов // Российская археология. № 2. С. 67–77.
- Балахванцев А. С., 2005. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. : происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. СПб. : ИИМК РАН. С. 64–67.
- Балахванцев А. С., 2017. Политическая история ранней Парфии. М. : ИВ РАН. 192 с.
- Барфилд Т., 2009. Опасная граница : кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб. : Факультет филологии и искусства СПбГУ : Нестор-История. 488 с.
- Барцева Т. Б., 1984. Результаты спектрального изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // К. Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука. С. 141–148.
- Бернар П., Абдуллаев К., 1997. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // Российская археология. № 1. С. 68–86.
- Виноградов Ю. Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I2 343 и вторжение сарматов в Скифию // Вестник древней истории. № 3. С. 104–124.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997. Сарматы и гибель Великой Скифии // Донские древности. Вып. 5. Азов : Азовский краеведческий музей. С. 6–27.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, 1988. М. : Наука. 452 с.
- Габелко О. Л., 2017. «... Κατὸς βασιλεὺς Φαρνάκης ἔγει»: еще раз о датировке и интерпретации IOSPE I2.402 // Античные реликвии Херсонеса : Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь : ИП Бровко А.А. С. 47–52.
- Глебов В. П., 2007. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 59–82.
- Граков Б. Н., 1947. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. № 3. С. 100–121.
- Гумилев Л. Н., 1993. Хунну. Степная трилогия. СПб. : Тайм-аут : КОМПАСС. 222 с.
- Десятчиков Ю. М., 1973. Сатархи // Вестник древней истории. № 1. С. 131–144.
- Дзиговский А. Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса : Гермес. 240 с.
- Егоров В. Л., 1990. Золотая Орда : мифы и реальность. М. : Знание. 62 с.
- Железчиков Б. Ф., 1995. Население степей Южного Урала в середине I тысячелетия до н.э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Ч. V., кн. 2. Челябинск : Изд-во Челябинский гос. ун-т. С. 30–32.

- Клепиков В. М., 2007. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 37–58.
- Литвинский Б. А., 1968. Кангойско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе : Дониш. 120 с.
- Мандельштам А. М., 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М. ; Л. 51 с.
- Мачинский Д. А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13. С. 30–54.
- Мордвинцева В. И., 2015. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье // Вестник древней истории. № 1. С. 109–135.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 51 с.
- Обельченко О.В., 1961. Лявндакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР. С. 92–176.
- Ольховский В. С., 1981. Население Крыма по данным античных авторов // Советская археология. № 3. С. 52–65.
- Очир-Горяева М. А., 1989. Савроматы и савроматская культура // Скифия и Боспор : археол. материалы к конф. памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск : Музей истории донского казачества . С. 112–114.
- Подосинов А. В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции : тексты, пер., коммент. М. : Индрик. 488 с.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ. 280 с.
- Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР. № 37. Петроград. 102 с.
- Сапрыкин С. Ю., 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров Причерноморья. М. : Наука. 348 с.
- Симоненко А. В., 2010. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 392–402.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. до н.э. Киев : Наукова думка. 112 с.
- Скрипкин А. С., 1982. Азиатская Сарматия во II–IV вв. (некоторые проблемы исследования) // Советская археология. № 2. С. 43–55.
- Скрипкин А. С., 1994. Были ли сарматы сарматами? // Вопросы краеведения : материалы V краевед. чтений, посвящ. 80-летию Волгогр. обл. краевед. музея. Волгоград : Перемена. С. 42–44.
- Скрипкин А. С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. С. 17–40.
- Скрипкин А. С., 2009а. Савроматы Геродота // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 29–40.
- Скрипкин А. С., 2009б. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. С. 171–192.
- Скрипкин А. С., 2010. К событиям V в. до н.э. на восточных границах Причерноморской Скифии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС. С. 184–191.
- Скрипкин А.С., 2013а. Версии об этнической принадлежности кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 13. С. 21–25.
- Скрипкин А. С., 2013б. О времени появления сираков на Кубани // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : материалы конф. Краснодар : Эконвест. С. 385–387.
- Скрипкин А. С., 2015. Об этническом составе армии Арифарна в Боспорском конфликте конца IV в. до н.э. // Крым в войнах России : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–21 октября 2015 г.). Ростов н/Д : ЮИЦ РАН. С. 12–17.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.

- Скрипкин А. С., 2019а. О времени появления сарматов и культурной принадлежности сарматских памятников II–I вв. до н.э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: Салта ЛДТ. С. 244–252.
- Скрипкин А. С., 2019б. Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н.э. (восточный инновации, факты, причины, последствия) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 1. С. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>.
- Скрипкин А. С., Балабанова М. А., 2020. Все сарматы да сарматы // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. № 1 (3). Воронеж : Научная книга. С. 249–258.
- Скрипкин А. С., Ким М. Г., 2013. Новоузенские курганы (к проблеме миграции южноуральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV в. до н.э.) // Археология Восточно-Европейских степей. Вып. 10. Саратов : СГУ. С. 271–280.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М., 2020. Археологические памятники II – I вв. до н.э. Нижнего Поволжья и некоторые этнические проблемы сарматской истории // Археология і давня історія України. Вип. 3 (36). С. 214–222.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 379 с.
- Соколов П. М., 2010. Савроматская археологическая культура Нижнего Поволжья : проблемы хронологии и периодизации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала. 32 с.
- Ставиский Б. Я., 1977. Кушанская Бактрия : проблемы истории и культуры. М. : Наука. 296 с.
- Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю., 2006. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск : ООО ЦИКР. С. 312–365.
- Тохтасьев С. Р., 2005. Sauromatae – Sarmatae – Sarmatae // Херсонесский сборник. Вып. XIV. С. 291–306.
- Шаров О. В., 2012. Центральная Азия и миграционные процессы в Европейской Сарматии на рубеже эр : возможности исторической интерпретации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : Периферия. С. 396–401.
- Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. : Фарн. 323 с.
- Щукин М. Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб. : Филологический факультет СПбГУ. 576 с.
- Яблонский Л. Т., 2007. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности ранне-сарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 4–34.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 384 с.
- Яблонский Л. Т., 2017. На востоке скифской ойкумены. М. : Грифон. 400 с.
- Rau P., 1929. Graber fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skyphischen Pfeilspitzen. Pokrowsk. 112 s.

REFERENCES

- Balabanova M.A., 2007. Rol' migratsiy v formirovanii naseleniya savromatskoy i Sarmatianskoy kul'tur [The Role of Migrations in the Formation of the Population of the Sauromat and Sarmatian Cultures]. *Chelovek v kul'turnoy i prirodnoy srede: Trudy Tret'ih antropologicheskikh chteniy k 75-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.P. Alekseeva* [Man in the Cultural and Natural Environment : Proceedings of the Third Anthropological Readings on the 75th Anniversary of the Birth of Academician V.P. Alekseeva]. Moscow, Nauka Publ., pp. 147-154.
- Balabanova M.A., 2010. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 67-77.
- Balakhvantsev A.S., 2005. Sredneaziatskie dahi v IV–II vv. do n.e.: proiskhozhdenie, hronologiya i lokalizatsiya [Central Asian Dakhs in the IV-II Centuries BC: Origin, Chronology and Localization]. *Tsentral'naya Aziya ot Ahemenidov do Timuridov: arheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.*,

- posvyasch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo* [Central Asia from Achaemenids to Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Markovich Belenitsky]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 64-67.
- Balakhvantsev A.S., 2017. *Politicheskaya istoriya ranney Parfii* [Political History of Early Parthia]. Moscow, IOS RAS. 192 p.
- Barfield T., 2009. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. – 1757 g.n.e.)* [The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China (221 BC to AD 1757)]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts SPbSU, Nestor-Istoriya Publ. 488 p.
- Bartseva T.B., 1984. Rezul'taty spektral'nogo izucheniya metallicheskih veschey iz kurgana 4 u hut. Sladkovskiy [Results of a Spectral Study of Metal Objects from kurgan 4 near the farm Sladkovskiy]. *K.F. Smirnov. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gosподstva v Skifii* [Sarmatians and the Approval of Their Political Dominance in Scythia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 141-148.
- Bernar P., Abdullaev K., 1997. Nomady na granitse Baktrii (k voprosu etnicheskoy i kul'turnoy identifikatsii) [Nomads at the Border of Bactria (to the Question of Ethnic and Cultural Identification)]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 68-86.
- Vinogradov Yu.G., 1997. Hersonesskiy dekret o «nesenii Dionisa» IOSPE I2 343 i vtorzhenie sarmatov v Skifiyu [The Chersonesian Decree on «Carrying Dionysos» IOSPE I2 343 and the Sarmatian Invasion to Scythia]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 104-124.
- Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K., Rogov E.Ya., 1997. Sarmaty i gibel' Velikoy Skifii [Sarmatians and the Fall of Great Scythia]. *Donskie Drevnosti* [Don Antiquities], iss. 5. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 6-27.
- Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Ocherki istorii* [East Turkestan in Antiquity and Early Middle Ages. History Essays], 1988. Moscow, Nauka Publ. 452 p.
- Gabelko O.L., 2017. «...Katōs basileūs Pharnākēs āgei»: esche raz o datirovke i interpretatsii IOSPE II 402 [“...Katōs basileūs Pharnākēs āgei”: Once Again About Dating and Interpretation IOSPE II 402]. *Antichnye relikvii Hersonesa: Otkrytiya, Nahodki, Teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Antique Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the International Scientific Conference]. Sevastopol, IP Brovko Publ., pp. 47-52.
- Glebov V.P., 2007. Spetsifika stanovleniya ranneSarmatianskoy kul'tury na Nizhnem Donu [The Specifics of the Formation of Early Sarmatian Culture in the Lower Don]. *Regional'nye osobennosti ranneSarmatianskoy kul'tury. Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture. Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. II. Volgograd, VolSU, pp. 59-82.
- Grakov B.N., 1947. GÝNAIKOKRATOU MENOI (Perezhitki matriarhata u sarmatov) [GÝNAIKOKRATOU MENOI (Remnants of Matriarchy Among the Sarmatians)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 100-121.
- Gumilev L.N., 1993. *Hunnu. Stepnaya trilogiya* [Huns. Steppes Trilogy]. Saint Petersburg, Taym-aut – Kompas Publ. 222 p.
- Desyatchikov Yu.M., 1973. Satarhi [The Satarchae]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 131-144.
- Dzigovskiy A.N., 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskih zemel'* [Essays on the History of the Sarmatians of the Carpathian-Dnieper Lands]. Odessa, Germess Publ. 240 p.
- Egorov V.L., 1990. *Zolotaya Orda: mify i real'nost'* [Golden Horde. Myths and Reality]. Moscow, Znanie Publ. 62 p.
- Zhelezchikov B.F., 1995. Naselenie stepey Yuzhnogo Urala v seredine I tysyacheletiya do n.e. [Population of the Steppes of the Southern Urals in the Middle of the 1st millennium BC]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya. Materialy konferentsii* [Russia and the East: Problems of Interaction. Conference Materials]. Part. V, book. 2. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, pp. 30-32.
- Klepikov V.M., 2007. Formirovaniye ranneSarmatianskoy kul'tury v Nizhnem Povolzh'e [Formation of Early Sarmatian Culture in the Lower Volga Region]. *Regional'nye osobennosti ranneSarmatianskoy kul'tury. Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture. Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. II. Volgograd, VolSU, pp. 37-58.

- Litvinskiy B.A., 1968. *Kangyuysko-Sarmatianskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii)* [Kangyui-Sarmatian Farn (to the Historical and Cultural Ties of the Tribes of Southern Russia and Central Asia)]. Dushanbe, Donish Publ. 120 p.
- Mandel'shtam A.M., 1972. *Istoriya skotovodcheskih plemen i rannih kochevnikov na yuge Sredney Azii: avtoref. dis. ... doc. ist. nauk* [History of Pastoralist Tribes and Early Nomads in the South of Central Asia. Doc. hist. sci. abs. diss.]. Moscow; Leningrad. 51 p.
- Machinskiy D.A., 1971. O vremeni pervogo aktivnogo vystupleniya sarmatov v Podneprov'e po svidetel'stvam antichnyh pis'mennyh istochnikov [About the Time of the First Active Performance of the Sarmatians in the Dnieper Region According to the Evidence of Ancient Written Sources]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers], iss. 13, pp. 30-54.
- Mordvintseva V.I., 2015. Sarmaty, Sarmatiya i Severnoe Prichernomor'e [Sarmatia, the Sarmatians and the North Pontic Area]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 109-135.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie ranneSarmatianskoy (prohorovskoy) kul'tury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 51 p.
- Obel'chenko O.V., 1961. Lyavandakskiy mogil'nik [Lyavandakskiy Cemetery]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan], iss. 2. Tashkent, AS Uzbekistan SSR, pp. 92-176.
- Ol'hovskiy V.S., 1981. Naselenie Kryma po dannym antichnyh avtorov [Classical Authors on the Population of the Crimea]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 52-65.
- Ochir-Goryaeva M.A., 1989. Savromaty i savromatskaya kul'tura [Sauromatians and Sarmatian Culture]. *Skifiya i Bospor: Arheologicheskie materialy k konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovtseva* [Scythia and Bosphorus. Archaeological Materials for the Conference in Memory of Academician M.I. Rostovtsev]. Novocherkassk, Museum of Don Cossacks History, pp. 112-114.
- Podosinov A.V., 2002. *Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii: Teksty, perevody, kommentarii* [Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition: Texts, Translations, Commentaries]. Moscow, Indrik Publ. 488 c.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC. 280 p.
- Rostovtsev M.I., 1918. *Kurgannye nahodki Orenburgskoy oblasti epohi rannego i pozdnego ellinizma* [Kurgan Finds of the Orenburg Region of the Era of Early and Late Hellenism]. Materialy po arkheologii Rossii, no. 37. Petrograd. 102 p.
- Saprykin S.Yu., 1996. *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov Prichernomor'ya* [The Pontic Kingdom. The State of the Greeks and the Black Sea Barbarians]. Moscow, Nauka Publ. 348 c.
- Simonenko A.V., 2010. «Gunno-sarmaty» (k postanovke problemy) [“Hunno-Sarmatians” (to the problem statement)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 392-402.
- Simonenko A.V., Lobay B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. do n.e.* [Sarmatians of the North-Western Black Sea Region in the 1st Century BC]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 112 p.
- Skripkin A.S., 1982. Aziatskaya Sarmatiya vo II–IV vv. (nekotorye problemy issledovaniya) [2nd–4th Century Asian Sarmatia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 43-55.
- Skripkin A.S., 1994. Byli li sarmaty sarmatami? [Were the Sarmatians Sarmatians?]. *Voprosy kraevedeniya. Materialy V kraevedcheskih chteniy, posvyaschennyh 80-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Local history Issues. Materials of the 5th Local History Readings Dedicated to the 80th Anniversary of the Volgograd Regional Local History Museum]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 42-44.
- Skripkin A.S., 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New Aspects in the Investigation of the History of Sarmatian Material Culture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 17-40.
- Skripkin A.S., 2009a. Savromaty Gerodota [Sauromatians of Herodotus]. *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths and Sarmatians Between the Volga and Danube]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts SPbSU, pp. 29-40.
- Skripkin A.S., 2009b. Problemy etnicheskoy istorii Nizhnego Dona v IV v. do n.e. i nekotorye voprosy ranney istorii sarmatov [Problems of Ethnic History of Lower Don in the 4th century BC and Some Approaches to the Early History of Sarmatians]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 10, pp. 171-192.

- Skripkin A.S., 2010. K sobytiyam V v. do n.e. na vostochnyh granitsah Prichernomorskoj Skifii [To the Events of the 5th Century BC on the Eastern Borders of the Black Sea Scythia]. *Arheologiya i paleoantropologiya evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 184-191.
- Skripkin A.S., 2013a. Versii ob etnicheskoj prinadlezhnosti kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifskogo vremeni [Theories about the Ethnicity of the South Urals Nomads of the Scythian Epoch]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 13, pp. 21-25.
- Skripkin A.S., 2013b. O vremeni poyavleniya sirakov na Kubani [About the Time of the Appearance of Siraks in the Kuban]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: materialy konf* [Sixth International Kuban Archaeological Conference: Materials of the Conf.]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., pp. 385-387.
- Skripkin A.S., 2015. Ob etnicheskom sostave armii Arifarna v Bosporskom konflikte kontsa IV v. do n.e. [On the Ethnic Composition of the Arifarn Army in the Bosphorus Conflict at the End of the 4th Century BC]. *Krym v voynah Rossii: materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (Rostov-na-Donu, 19-21 oktyabrya 2015 g.)* [Crimea in the Wars of Russia: Materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-na-Donu, October 19-21, 2015)]. Rostov-na-Donu, SSC RAS, pp. 12-17.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Skripkin A.S., 2019a. O vremeni poyavleniya sarmatov i kul'turnoy prinadlezhnosti Sarmatianskih pamyatnikov II–I vv. do n.e. [About the Time of Sarmatian Appearance and the Cultural Interpretation of Sarmatian Sites in II – I Centuries BC]. *Krym v Sarmatianskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoj konferentsii «Problemy Sarmatianskoj arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol, Salta LTD, pp. 244-252.
- Skripkin A.S., 2019b. Kochevoy mir yuga Vostochnoy Evropy vo II-I vv. do n.e. (vostochnyy innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya) [The Nomadic World of the South of Eastern Europe in the 2nd - 1st Centuries BC (Eastern Innovations, Facts, Causes and Consequences)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 1, pp. 20-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>.
- Skripkin A.S., Balabanova M.A., 2020. Vse sarmaty da sarmaty [Over and over Sarmatians]. *Arheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians], no. 1 (3). Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 249-258.
- Skripkin A.S., Kim M.G., 2013. Novouzenskie kurgany (k probleme migratsii yuzhnoural'skih kochevnikov v Nizhnee Povolzh'e v IV v. do n.e.) [Novouzensk kurgans (on the problem of migration of South Ural nomads to the Lower Volga region in the 4th century BC)]. *Arheologiya Vostochno-Evropejskih stepej* [Archaeology of the East European Steppe], iss. 10. Saratov, SSU, pp. 271-280.
- Skripkin A.S., Klepikov V.M., 2020. Arheologicheskie pamyatniki II–I vv. do n.e. Nizhnego Povolzh'ya i nekotorye etnicheskie problemy Sarmatianskoj istorii [Archaeological Sites of the Lower Volga Region of the 2nd - 1st Centuries BC and some Ethnic Issues of the Sarmatians]. *Arkheologiya i davnaya ystoriya Ukrainy* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], iss. 3 (36), pp. 214-222.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 379 p.
- Sokolov P.M., 2010. *Savromatskaya arheologicheskaya kul'tura Nizhnego Povolzh'ya: problemy hronologii i periodizatsii: avtoref. .... dis. kand. nauk* [Sauromat Archaeological Culture of the Lower Volga Region: Problems of Chronology and Periodization. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Makhachkala. 32 p.
- Staviskiy B.Ya., 1977. *Kushanskaya Baktriya: problemy istorii i kul'tury* [Kushan Bactria: Problems of History and Culture]. Moscow, Nauka Publ. 296 p.
- Tairov A.D., Gutsalov S.Yu., 2006. Etnokul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v VII–II vv. do n.e. [Ethnocultural Processes in the South Urals in the 7th - 2nd Centuries BC]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the South Urals. Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Centre of Historical-Culture Reconstructions, pp. 312-365.
- Tokhtas'ev S.R., 2005. Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae. *Hersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], iss. XIV, pp. 291-306.

- Sharov O.V., 2012. Tsentral'naya Aziya i migratsionnye protsessy v Evropeyskoy Sarmatii na rubezhe er: vozmozhnosti istoricheskoy interpretatsii [Central Asia and Migration Processes in European Sarmatia at the Turn of the Era: Possibilities of Historical Interpretation]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchenoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arheologa Mihaila Petrovicha Gryaznova* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations: Materials of the International Scientific Conference dedicated 110th anniversary of the birth of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov]. Book 2. Saint Petersburg, Periferiya Publ., pp. 396-401.
- Shchukin M.B., 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyitiy III v. do n. e. – I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the Turn of the Era. The Experience of Historical and Archaeological Reconstruction of Political Events in the 3rd Century BC - I Century AD in Eastern and Central Europe]. Saint Petersburg, Farn Publ. 323 p.
- Shchukin M.B., 2005. *Gotskiy put' (goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura)* [Gothic Route (Goths, Rome and Chernyakhov Culture)]. Saint Petersburg, faculty of Philology SPbSU. 576 p.
- Yablonskiy L.T., 2007. Problema hronologii i tipologizatsii Sarmatianskih kul'tur na sovremennom etape ih izucheniya (v svete noveyshih materialov iz Yuzhnogo Priural'ya) [The Problem of Chronology and Typology of Sarmatian Cultures at the Present Stage of Their Study (in the Light of the Latest Materials from the Southern Urals)]. *Regional'nye osobennosti ranneSarmatianskoy kul'tury. Materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture. Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. II. Volgograd, VolSU, pp. 4-34.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prohorovka. U istokov Sarmatianskoy arheologii* [Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology]. Moscow, Taus Publ. 384 p.
- Yablonskiy L.T., 2017. *Na vostoke skifskoy oykumeny* [In the East of the Scythian Oikumene]. Moscow, Grifon Publ. 400 p.
- Rau P., 1929. *Graber fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skyphischen Pfeilspitzen*. Pokrowsk. 112 s.

Information About the Author

Anatoly S. Skripkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anatoly.skripkin@volsu.ru, anatoly.skripkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>

Информация об авторе

Анатолий Степанович Скрипкин, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, anatoly.skripkin@volsu.ru, anatoly.skripkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.7>

UDC 930.26(270+571)
LBC 63.48(2)

Submitted: 07.02.2021
Accepted: 27.05.2021

SWORDS AND DAGGERS WITHOUT A METAL POMMEL FROM THE MEOTIAN SITES OF THE RIGHT BANK OF THE KUBAN

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Artem V. Kondratenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to typology and chronology of swords and daggers without a metal pommel from the Maeotian cemeteries of the right bank of the Kuban. We took into account 57 pieces of this type of weapon from closed complexes. In this paper, we use the typological scheme of A.M. Khazanov, developed on the materials of the Sarmatian armament. The Maeotian swords and daggers of mentioned group are divided into three types: 1 – swords and daggers with a rain-guard; 2 – swords and daggers without a rain-guard, the blade and the hilt make an obtuse angle; 3 – swords and daggers without rain-guards, the blade and the hilt make a right angle. Metal tangs of hilts differ by shape and size; thus they are divided into two variants: “a” – rectangular or triangular; “b” – a long pin. The swords of the “a” variant had wooden overlays on the handles, sometimes fastened with rivets or winding, and the handles of the “b” variant swords were mounted on a tang. Chronological dating of the burials indicates that bladed weapon of this type appears among the Maeotians of the Kuban right bank in the beginning of the 1st cent. AD and remains there until the middle of the 3rd cent. AD. And the main time of its use is the 1–2 cent. A.D. Swords and daggers of all types from Maeotian assemblages have existed at the same time, just like ones from the Sarmatian burials of the Lower Volga region. But, unlike the Sarmatian sites with no predominance of any particular sword type, the Maeotians show clear advantage of type 2 blades.

Key words: Kuban region, Maeotians, burial ground, sword, dagger, typology, chronology.

Citation. Limberis N. Yu., Marchenko I.I., Kondratenko A.V., 2021. Mechi i kinzhalы bez metallicheskogo navershiya iz meotских pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Swords and Daggers Without a Metal Pommel from the Meotian Sites of the Right Bank of the Kuban]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 103-152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.7>

УДК 930.26(270+571)
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 07.02.2021
Дата принятия статьи: 27.05.2021

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ БЕЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО НАВЕРШИЯ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Артем Викторович Кондратенко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена типологии и хронологии мечей и кинжалов без металлического навершия из меотских грунтовых могильников правобережья Кубани. Нами учтено 57 экземпляров этого вида оружия из закрытых комплексов. В работе мы используем типологическую схему А.М. Хазанова, разработанную на материалах сарматского вооружения. Меотские мечи и кинжалы этого отдела относятся к трем типам: тип 1 – мечи и кинжалы с перекрестием; тип 2 – мечи и кинжалы без перекрестья, клинок которых переходит в черенок под тупым углом; тип 3 – мечи и кинжалы без перекрестья, клинок которых переходит в черенок под прямым углом. Металлические черенки рукоятей отличаются формой и размерами и разделены на два варианта: «а» – прямоугольные или треугольные; «б» – длинный штырь. Мечи варианта «а» имели деревянные накладки на рукояти, которые иногда крепились с помощью заклепки или обмотки, а рукояти мечей варианта «б» насаживались на штырь. Хронологическая атрибуция погребений показывает, что клинковое оружие этого типа появляется у меотов правобережья Кубани в начале I в. н.э. и бытует вплоть до середины III в. н.э. Причем основное время их использования приходится на I–II н.э. Как и в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, в меотских комплексах мечи и кинжалы всех типов синхронны. Но, в отличие от сарматских памятников, где не отмечается преобладание какого-то одного типа мечей, у меотов явное преимущество имели клинки типа 2.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, меч, кинжал, типология, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В., 2021. Мечи и кинжалы без металлического навершия из меотских памятников правобережья Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 103–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.7>

Для меотского клинкового оружия первых веков н.э. характерны мечи без металлического навершия, рукояти которых откопаны вместе с клинком. Существует несколько типологических схем этой категории мечей, основанных на сарматском материале. Нам представляется, что схема, предложенная А.М. Хазановым, работает и в настоящее время, и мы будем, как и большинство исследователей, придерживаться его типологии [Хазанов, 1971, с. 17]. Меотские мечи и кинжалы этого отдела относятся к трем типам. В тип 1 включены мечи и кинжалы с перекрестием. К типу 2 отнесены мечи и кинжалы без перекрестья, клинок которых переходит в черенок под тупым углом, и в тип 3 объединены мечи и кинжалы без перекрестья, клинок которых переходит в черенок под прямым углом. Металлические черенки рукоятей отличаются формой и размерами, поэтому мы предлагаем разделить их на два варианта: прямоугольные или треугольные – «а», длинный штырь – «б». Мечи варианта «а» имели деревянные накладки на рукояти, которые иногда крепились с помощью заклепки или обмотки, скорее всего, кожаными ремешками, а рукояти мечей варианта «б» насаживались на штырь. Возможно, они имели катушкообразную форму, но это только предположение, так как даже тлен от них не дает возможности восстановить форму рукоятей.

Нами учтено 57 экземпляров этого вида оружия из закрытых комплексов меотских грунтовых могильников городищ, расположенных на правобережье Кубани: Старокорсунского № 2 (СК–2), Старокорсунского № 3 (СК–3), хут. Ленина № 1 (Л–1), Спорное (СП), Усть-Лабинского № 2 (УЛ–2), Елизаветинского № 2 (ЕЛ–2), Воронежского № 3, Пашковского № 5 (Пашк.–5), а также Пашковского могильника № 2 (Пашк.–2), относящегося к одноименному городищу № 1. Среди мечей встречаются как длинные (от 75 см до 103 см), так и более короткие (от 45 см до 70 см). Кроме этого, выделяется группа кинжалов, длина которых не превышает 40 см. Размерные характеристики мечей и кинжалов приведены в таблице 1.

Мечи и кинжалы **типа 1** (рис. 1, 4), всего 10 экз. из комплексов Л–1 № 33/1980, № 20/1981, № 359/1981; СК–2 № 326в, № 230з, № 613з; СК–3 № 348, № 504; ЕЛ–2 № 31/1978, № 93/1978. Перекрестья большей части мечей – брусковидные, и только у двух экземпляров – ромбовидные (Л–1 № 33/1980 – железное, СК–2 № 613з – бронзовое с вырезом в верхней части, имитирующее нефритовое).

Мечи **типа 2** (рис. 2), всего 24 экз.: Л–1 № 64/1980, № 138/1981, № 227/1981, № 255/1981, № 289/1981, № 306/1981, № 364/1981, № 377/1981, № 419/1981, № 27/1983; СК–2 № 33в, № 35в, № 325в, № 329в, № 379з, № 482з, № 554з; СК–3 № 13, № 266, № 270, № 294, № 511; СП № 161, Пашк.–5 № 2/1972.

Мечи и кинжалы **типа 3** (рис. 3, 4), всего 16 экз.: Л-1 № 12/1981, № 140/1981, № 174/1981, № 4/1983; СК-2 № 218з, СК-3 № 4, № 64, № 255, № 315, № 338, № 347; СП № 104, УЛ-2 № 81/1938, ЕЛ-2 № 13/2013, № 140/2013; Пашк.-1 № 1.

Есть также несколько экземпляров мечей, тип которых не установлен. Относительно мечей из Вор-3 № 7/1966, № 59/1966, № 172/1967, № 207/1967, УЛ-2 № 13/1931, № 2/1944 известно только по краткой информации из публикаций, полевым фотографиям и отчетам Н.В. Анфимова без рисунков. Также неясен тип меча из погребения Л-1 № 392/1981, так как он был плохой сохранности и разрушился при снятии. Все эти мечи – без перекрестия и, значит, относились либо ко 2-му, либо к 3-му типу.

На наш взгляд, для того чтобы установить время появления и период использования мечей без металлического навершия мечами правобережья Кубани, целесообразно, по возможности, более точно продатировать погребения, в которых они были найдены. Хронология комплексов в большинстве случаев опирается на те предметы инвентаря, которые принято считать относительно надежными хроноиндикаторами, – в основном это бронзовые фибулы разных типов, причем очень немногие из них имеют узкие датировки. Встречаются также импортные стеклянные сосуды, хронология которых для памятников местного населения Прикубанья выглядит достаточно убедительно. Во многих погребениях с мечами нет разработанных хроноиндикаторов, зато присутствуют сероглиняные сосуды, которые в меотских памятниках часто сопровождаются фибулами, зеркалами или другими предметами, имеющими более-менее определенные рамки бытования. По этой причине некоторые типы местной керамики вполне могут служить опорными ориентирами для хронологии комплексов, где нет других датирующих вещей.

Наиболее ранним среди известных в настоящее время меотских комплексов с мечами без металлического навершия является погребение Л-1 № 306, в котором вместе с мечом типа **2а** был найден стеклянный амфориск (рис. 22,7,10), изготовленный в технике песчаного сердечника. Хронология подобных

сосудов из Сиро-Палестинского региона и Египта определяется в пределах II – середины I в. до н.э. [Grose, 1989, p. 170, type III:2A, No. 170], а сосудов поздней кипрской группы – I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [Haues, 1975, p. 15]. В некрополе Самофракия период их бытования первоначально ограничивали периодом правления Августа [Dusenbery, 1967, p. 34–49], позже – временем около 25 г. до н.э. [Dusenbery, 1998, p. 234, 1069–1070, No. S143–24, S144–11, S167–5]. Близкого типа амфориск из Пантикапея Н.З. Кунина отнесла к началу I в. н.э. [Кунина, 1997, с. 253, № 37]. Этим же временем, учитывая формы меотских сероглиняных сосудов, мы датировали погребение № 306 [Лимберис, Марченко, 2003, с. 110–111, № 60; Marčenko, Limberis, 2008, S. 386, Taf. 131, Kat.-Nr. 120].

Меч типа **1а** найден в погребении ЕЛ-2 № 31/1978 (рис. 30) вместе с литыми стеклянными скифосом и чашей, которые позволили нам отнести этот комплекс к первой половине I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 108, 110, 183, № 107,1,2; Marčenko, Limberis, 2008, S. 389, Taf. 195, Kat.-Nr. 188].

Узкую хронологию имеет погребение ЕЛ-2 № 140/2013 с мечом типа **3б**, откуда происходит фибула-брошь без эмали в виде павлина с широким хвостом, украшенным по периметру врезными «глазками». Э. Эттлингер выделила эти броши в тип 46 и датировала второй четвертью – серединой I в. н.э. [Ettlinger, 1973, S. 124]. К этому же времени аналогичные застежки относит В.В. Кропотов [Кропотов, 2010, с. 305].

Погребение Л-1 № 419/1981 с мечом типа **2а** (рис. 27,5–10) ранее было нами широко датировано по ребристой стеклянной чаше Isings 3c/AR 2.3 [Isings, 1957, p. 20–21; Rütli, 1991, S. 40] I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 110, № 64; Marčenko, Limberis, 2008, S. 386, Taf. 128, Kat.-Nr. 125]. Аналогичные чаши, согласно новым исследованиям коллекции стеклянных изделий из лагеря Август, датируются 15–50 гг. [Fünfschilling, 2015, S. 264–265, 684], что позволяет сузить хронологию этого комплекса до второй – третьей четверти I в. н.э.

В погребении ЕЛ-2 № 13/2013 мечу типа **3б** сопутствовала фибула с выпуклой пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приемника

серии I, варианта 2, хронологию которых В.В. Кропотов определяет периодом формирования позднесарматской культуры, то есть «большой частью» II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 212–213]. По наблюдениям В.М. Косяненко, пластинчатые экземпляры с кнопкой на конце приемника из некрополя Кобякова городища относятся к I в. н.э. [Косяненко, 2008, с. 92–93]. Выводы исследовательницы построены на материалах памятника оседлого мотского населения Нижнего Дона, поэтому ее датировка является для нас более предпочтительной. Елизаветинское погребение мы считаем возможным отнести к I в. н.э.

В погребениях СК–2 № 35в с мечом типа **2а** (рис. 13,11) и Л–1 № 289 с кинжалом того же типа (рис. 25,1–4) датирующими находками являются железные бритвы (рис. 13,8; 25,3). Такие бритвы встречены в Старокорсунском могильнике № 2 вместе с лучковыми фибулами группы 4, серии 1 [Кропотов, 2010, с. 68–74]. В погребении СК–2 № 29в была найдена фибула варианта 1, в погребении СК–2 № 139в – варианта 2 и, кроме нее, еще пластинчатая фибула с завитком на конце приемника, что дало нам основание датировать бритвы I в. н.э. Бритвы происходят также из двух комплексов I в. н.э. некрополя городища Спорное (№ 98, 143) с мечами с кольцевидными навершиями [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 206, рис. 1,8, 6,6]. Этим же временем, скорее всего, нужно датировать и комплексы СК–2 № 35в и Л–1 № 289.

В комплект вооружения из погребения СК–2 № 482з вместе с мечом типа **2а** входили наконечник копья и набор наконечников стрел (рис. 17). Наконечник копья с удлинено-ромбовидным пером с прогнутыми краями и длинным уплощенным острием относится к типу III, 4, IV, 1 по нашей классификации. Данный вариант наконечников копий встречается в комплексах второй половины II в. до н.э. и в I–II вв. н.э. Это погребение мы датировали I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 171]. В погребениях Л–3 № 53 и № 58 аналогичным копьям сопутствовали кружки с прямоугольной площадкой и выступом на ручке, основное время бытования которых, вероятнее всего, ограничивается I в. н.э. Среди черешковых наконечников стрел находился один втульчатый, что может указывать на более

раннюю дату, возможно, на начало этого столетия. Не исключено и вторичное использование этого наконечника, так как он имеет очень маленькие размеры, характерные для IV–III вв. до н.э.

Разрушенное в древности погребение Л–1 № 227/1981 с мечом типа **2б** может быть датировано по набору усеченно-биконических бус из глухого голубого стекла, которые Е.М. Алексеева считает характерными для I в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 69, тип 101, рис. 15]. Хотя такие бусы, по нашим наблюдениям, не являются надежным хроноиндикатором, других данных для датировки комплекс не имеет.

Три меча без перекрестия и металлического навершия происходят из погребений четвертой хронологической группы второй половины I в. до н.э. – II в. н.э. Усть-Лабинском могильника № 2. Такие мечи, как считал Н.В. Анфимов, появились на Кубани и Боспоре на рубеже эр и были господствующей формой в первые века н.э. [Анфимов, 1951, с. 202]. Мечи из погребений УЛ–2 № 13/1931 и № 2/1944 относятся к типу **2** или **3**, варианты их неизвестны. Опубликован только рисунок меча типа **3б** из погребения № 81/1938 г., вместе с которым была найдена бронзовая лучковая подвязная фибула, два керамических сосуда и костяная ворворка (рис. 29,1–6) [Анфимов, 1951, с. 197, 198, рис. 18,1,9]. Эту фибулу В.В. Кропотов отнес к серии I, варианту 2 [Кропотов, 2010, с. 72, 89, № 208], что позволяет датировать комплекс второй половиной I – началом II в. н.э.

Погребение ЕЛ–2 № 93/1978 (рис. 29,7–13) с мечом типа **1а** можно датировать по находке бронзовой подвески-«ведерка» в виде полого цилиндра, с петлей для подвешивания [Анфимов, 1984, с. 95, табл. XII,30]. Такие подвески в памятниках Предгорного Крыма относятся к I в. н.э., а в более поздних комплексах они не встречаются [Труфанов, 2009, с. 231, рис. 65,17,20]. Аналогичная подвеска была найдена в погребении СК–3 № 81 вместе с двумя лучковыми подвязными фибулами серии I, варианта 2 и одной застежкой серии IV, варианта 2, что позволяет датировать данный комплекс второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 74, 161]. Таким образом, хронологию елизаветинского погребения с мечом также можно ограни-

чить I в. н.э., возможно, началом следующего столетия.

Особый интерес представляет меч типа **1а** из погребения СК–2 № 613з (рис. 18, 19), который имеет бронзовое литое ромбовидное перекрестие с прямоугольным вырезом сверху и выступом снизу. Длинные мечи с короткими ромбическими перекрестиями из бронзы, железа или нефрита и длинным черенком для рукояти известны в сарматских памятниках Волго-Донских степей и на сопредельных территориях. В.Е. Маслов предлагал разделить мечи с бронзовыми перекрестиями на две группы: с перекрестиями, близкими нефритовым (с вырезом сверху и центральным выступом снизу), и с прямыми, ромбовидными в сечении перекрестиями, не имеющими центрального выступа [Маслов, 1999, с. 221]. А.С. Скрипкин считает, что разделение на две группы по форме перекрестия не имеет большого значения, так как все подобные мечи независимо от материала перекрестий восходят к единой традиции в их изготовлении. Исследователь связывает их распространение в сарматской среде с восточными (китайскими) инновациями. Самые ранние мечи он датирует II–I вв. до н.э., а поздние – II–III вв. н.э. [Скрипкин, 2000, с. 18, 20, 31]. В недавно вышедшей совместной статье А.С. Скрипкин и В.М. Клепиков небезосновательно считают, что мечи с кольцевым навершием и мечи без металлического навершия появляются в данном регионе в результате миграционных процессов, исходной территорией которых были центральноазиатские районы, соседствующие с Китаем [Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 214–215].

По мнению С.И. Безуглова, прототипами мечей с подобными перекрестиями были, безусловно, китайские изделия [Безуглов, 2000, с. 176]. О восточном происхождении таких мечей пишет и А.В. Симоненко [Симоненко, 2010, с. 56]. Новой находкой на правом берегу Нижнего Подонья является меч с бронзовым перекрестием без выреза из погребения 3 кургана 7 могильника «Попов-1», которое авторы публикации относят «к самому концу раннесарматского периода» и датируют временем, «близким к рубежу эр» [Кропотов, Скворцов, 2020, с. 352–354, рис. 5].

Для Прикубанья мечи с бронзовыми перекрестиями являются уникальными находка-

ми. Кроме меча из Старокорсунского могильника № 2 нам известен еще только один меч из кургана в станице Динской (раскопки Е.А. Ярковой в 1973 г.). Этот сарматский комплекс датируется I в. до н.э. На основании сохранности фрагментов клинка и не очень качественного полевого чертежа меч был отнесен к коротким [Марченко, 1996, с. 56, рис. 96,2]. Однако не исключено, что меч из Динской мог быть и длинным.

Погребению СК–2 № 613з нами была посвящена специальная статья [Лимберис, Марченко, 2012, с. 144–154]. Вместе с мечом в этом богатом комплексе найдена конская узда с набором серебряных фаларов: большим нагрудным в виде чаши, двумя наплечными, украшенными вихревой розеткой, и девятью малыми в виде львиных масок. В комплект упряжи входило семь пар железных удил. Найдены также железный кинжал без металлического навершия и перекрестия (тип **3а**), ножи, мелкие детали портупейного набора (бронзовые и железные подвески, пряжки, зажимы) и украшения (золотой браслет, бронзовый перстень). Анализ инвентаря позволил нам датировать этот комплекс второй половиной I – началом II в. н.э. На основании краниометрических данных была установлена сарматская принадлежность погребенного [Лимберис, Марченко, 2012, с. 144, 154]. Поэтому меч из старокорсунского комплекса можно считать сарматским по принадлежности.

В погребении СК–3 № 347 (рис. 11, 1–5) с мечом типа **3а** хроноиндикаторами являются лучковая подвязная фибула серии I, варианта 3 первой половины – середины II в. н.э. [Амброз, 1966, с. 49–50; Кропотов, 2010, с. 74–75] и стеклянный бальзамарий формы AR 129, который датируется временем Тиберия–Траяна и, вероятно, позже, а в абсолютных датах – с 20–70/80 гг. до 100 г. н.э. [Rütti, 1991, S. 52, Abb. 35; Fünfschilling, 2015, S. 403, Formentafel 3]. На Боспоре такие бальзамарии (тип I, 2, A) встречаются в основном в комплексах первой половины I в. н.э. и реже – в более поздних [Кунина, Сорокина, 1972, с. 157, рис. 1]. Эти находки позволили нам отнести данный комплекс ко второй половине I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 115, № 96; Marčenko, Limberis, 2008, S. 388, Taf. 181, Kat.-Nr. 173].

В комплексе СК–3 № 4 (рис. 5, 1–6) вместе с кинжалом типа **3a** найдена фибула типа Альмгрен 69 [Almgren, 1923, S. 34, Fig. 69], по которой мы первоначально датировали комплекс второй половиной I в. н.э. [Marčenko, Limberis, 2008, S. 387, Taf. 158, Kat.-Nr. 151]. В лагере Август соответствующий тип датируется второй четвертью – концом I в. н.э. [Riha, 1994, Typ 2.9, Taf. 78]. В.В. Кропотов отнес такие застежки к форме I сильно профилированных фибул с расширенной головкой. Автор отмечает, что западноевропейская схема развития не всегда находит подтверждение в древностях Свободной Европы (Словении и Дакии), где такие фибулы датируются концом I – началом II в. н.э. и, опираясь на три находки из Крыма и Нижнего Дона, предлагает датировать этот тип застежек периодом формирования позднесарматской культуры, то есть «большой частью II в. н.э.» [Кропотов, 2010, с. 257–259]. Для уточнения датировки фибул Альмгрен 69 следует обратиться к комплексам вещей из погребений, на которые ссылается автор. В могиле № 82 (первая камера подбоя) Неаполя Скифского нет вещей, которые могли бы скорректировать дату застежки. Во второй камере (могила 85) найдены сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке II серии, лучковая I серии, варианта 3 и смычковая. Причем в обеих камерах совершались подзахоронения. У нас нет оснований считать одновременными эти две могилы, как полагает В.В. Кропотов [Кропотов, 2010, с. 262, № 16]. Да и сам исследователь этого памятника Э.А. Сымонович считал их разновременными и могилу 85 датировал I в. н.э. [Сымонович, 1983, с. 70–72]. Во втором комплексе (разрушенное погребение из Левенцовского карьера г. Ростов-на-Дону), кроме фибулы этого типа, было найдено орнаментированное зеркало-подвеска с боковым ушком. Такие зеркала, как сейчас установлено, встречаются и в I в. н.э. [Косяненко, 2008, с. 84–104, 108–117; Лимберис, Марченко, 2018, с. 214, рис. 9]. Автор публикации датировала этот комплекс концом I в. н.э. [Косяненко, 1989, с. 59–61, рис. 1, 17, 18]. В третьем комплексе (могила 25 могильника у с. Красная Заря), который приводит В.В. Кропотов, встречены две лучковые подвязные фибулы серии I, варианта 2, по которым авторы публикации да-

тировали это погребение второй половиной I в. н.э. [Волошинов и др., 2007, с. 303–307, рис. 1, 25, 4, 19, 5]. Таким образом, говорить о большом запаздывании фибул типа Альмгрен 69 нет оснований. Учитывая время появления их в Дакии, погребение СК–3 № 4, вероятно, может относиться к концу I – началу II в. н.э.

В погребениях СК–3 № 13 с мечом типа **2b** (рис. 6, 3–9), № 64 с кинжалом типа **3a** (рис. 7, 1–5), № 270 с мечом типа **2a** (рис. 8, 1–7), № 338 с мечом типа **3a** (рис. 9, 1–8), Л–1 № 364/1981 с мечом типа **2a** (рис. 26, 6–12) также были встречены одинаковые лучковые подвязные фибулы серии I, варианта 3, традиционная датировка которых – первая половина – середина II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 74–75]. Однако в погребении Л–1 № 364 присутствовал также стеклянный бальзамарий типа Isings 28b/AR 130.2, на основании которого хронология комплекса ранее была нами определена в пределах второй половины I – начала II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 114, 181, рис. 27, № 62; Marčenko, Limberis, 2008, S. 386, Taf. 133, Kat.-Nr. 122]. Уточненная хронология сосудов формы AR 130.2 в настоящее время ограничивается 50–100/120 гг. н.э. [Rütti, 1991, S. 52; Fünfschilling, 2015, S. 404, Formentafel 3]. Учитывая хронологию фибулы, комплекс Л–1 № 364 теперь предлагается датировать началом II в. н.э.

В погребении СК–3 № 511 с мечом типа **2b** (рис. 10, 6–9) найдены удила с колесовидными псалиями, овальные петли которых приварены к ступице псалия. Колесовидные псалии с круглыми приваренными петлями присутствуют в погребении СК–2 613з второй половины I – начала II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 153, рис. 3, 4, 5, 8, 9]. Другой датировочной находкой является пластинчатое колечко с пуансонным орнаментом. Такие украшения часто встречаются в меотских погребениях с лучковыми подвязными фибулами серии I, 1–3 вариантов. На этом основании датировку погребения можно ограничить I – первой половиной II в. н.э.

В погребении Л–1 № 377/1981 (рис. 24, 4–9) вместе с кинжалом типа **2a** был найден сероглиняный кувшин, который по некоторым характерным морфологическим признакам (валикообразный кольцевой поддон, ручка с продольным ребром) тяготеет к I в. до н.э.

Набор бус в основном состоит из типов, появившихся еще в эллинистическую эпоху и продолжавших бытовать в римское время. Только две янтарные дисковидные бусины относятся к типу, зародившемуся в I в. н.э. и получившему распространение в более поздний период [Алексеева, 1978, с. 24, тип 11]. Эти скудные хронологические данные все же позволяют датировать погребение I в. н.э.

Погребение Л-1 № 359/1981 (рис. 26, 1-5) с мечом типа 1а сопровождалось сероглиняным кувшином и красноглиняной чашей с двумя ручками. Аналогичный кувшин происходит из комплекса СК-2 № 28в, который датируется по стеклянному скифосу типа ШБ, варианта 2 первой половиной I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2019б, с. 236-238]. Форма чаши, продолжающая традиции чернолаковой позднеэллинистической и раннеримской керамики [Rotroff, 1997, p. 119, fig. 23, No. 403, 404; Robinson, 1959, p. 10, 13-14, F29-32; Thompson, 1934, p. 370, 372, fig. 58, D17], весьма близка краснолаковому сосуду боспорского производства из погребения № 78 Цемдолинского некрополя, которое датируется по чаше и набору бус второй половиной I – началом II в. н.э. [Малышев, 2008, с. 115, 142, рис. 107, 78]. Хронология погребения Л-1 № 359/1981, скорее всего, не выходит за рамки I в. н.э.

В разрушенном погребении Л-1 № 392/1981 вместе с мечом неустановленного типа 2/3 находилось три красноглиняных сосуда (рис. 27, 1-4). Наличие красноглиняной керамики выглядит несколько странным для местных погребений первых веков н.э., но формы характерны для сероглиняных сосудов этого времени. Особенно показателен тип шаровидного горшочка без выделенного горла: такие сосуды являются частыми находками в погребениях, в том числе сопровождавшихся зеркалами-подвесками без орнамента. Аналогичные сероглиняные горшочки присутствуют в четвертой хронологической группе Усть-Лабинского могильника № 2 [Анфимов, 1951, рис. 17, 8, 9], причем один из них был найден в погребении УЛ-2 № 81/1938 с мечом типа 3б, которое по бронзовой лучковой подвязной фибуле серии I, варианта 2 было датировано нами второй половиной I – началом II в. н.э. (обоснование его датировки см. выше). Хронологию же погребения

Л-1 № 392/1981, вероятно, можно ограничить I в. н.э.

Общая морфология кувшина со сливом из комплекса СК-2 № 325в с мечом типа 2а (рис. 11, 6-14) указывает на I в. до н.э. – I в. н.э. Горло и тулово этого сосуда раскрашены вертикальными полосами белой краски. Такой прием орнаментации характерен для керамики I-II в. н.э. В этом же погребении были найдены две бронзовые проволочные петельки с перевитым стержнем и маленькая бронзовая пряжка с заклепкой на рамке. Аналогичные предметы присутствуют среди многочисленного инвентаря в богатом комплексе СК-2 № 613з второй половины I – начала II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 153, 154, рис. 5, 19, 22, 25]. Пряжка такой же конструкции была встречена и в узко датирующемся по римской фибуле погребении Ел.-2 № 140/2013 второй четверти – середины I в. н.э. (см. выше обоснование его датировки). Принимая во внимание тип кувшина, погребение СК-2 № 325в, скорее всего, нужно отнести к I в. н.э.

Близкий кувшин со сливом и миска с острым выступающим венчиком сопутствовали кинжалу типа 3а в погребении СК-2 № 218з (рис. 14, 1-5). Подобные кувшины были встречены в погребениях СК-3 № 237, СК-3 № 392 вместе с лучковыми подвязными фибулами серии I, вариантов 2 и 3, и застежкой с завитком на конце приемника. Миска из погребения СК-2 № 218з находит многочисленные параллели в комплексах с кружками с выделенным в основании горлом. Таким образом, по типам сероглиняных сосудов погребение СК-2 № 218з можно датировать I – первой половиной II в. н.э.

К этому же периоду, скорее всего, относится и ограбленное в древности погребение СК-2 № 554з (рис. 16, 1-3), где, кроме такого же короткого кинжала типа 2а, сохранилась только бронзовая пряжка с железным язычком.

Из погребения СК-2 № 33в (рис. 12) с мечом типа 2а происходит сероглиняный кувшин с сильно стилизованной зооморфной ручкой. В погребении СП № 125 аналогичному кувшину сопутствовали меч с кольцевым навершием и другой инвентарь I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 206, рис. 2]. Такие же

кувшины были найдены в погребениях СК–2 № 273з и 630з вместе с лучковыми подвязными фибулами серии I, варианта 3. Еще один кувшин этой формы, но с ручкой, имитирующей бронзовый шарнир, – с лучковой подвязной фибулой этой же серии, варианта 2, – в погребении СК–2 № 284з. Эти находки дают нам основание датировать подобные кувшины, как и погребение СК–2 № 33в, I – первой половиной II в. н.э.

В комплексе Л–1 № 20/1981 (рис. 23, I–5) вместе с кинжалом типа **1a** найден сероглиняный кувшин с приземистым биконическим туловом и высоким цилиндрическим горлом. Кувшин такой же формы происходит из погребения СК–3 № 207, которое по стеклянному бальзамарию типа Isings 28b/AR 130.2 и лучковой подвязной фибуле серии I, варианта 3 ранее мы датировали второй половиной I – началом II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 114, 182, рис. 31, № 85; Marčenko, Limberis, 2008, S. 388, Taf. 168, Kat.-Nr. 161]. Принимая во внимание общепринятую широкую датировку фибул 3 варианта [Кропотов, 2010, с. 75], дату комплекса СК–3 № 207 (см. также датировку погребения Л–1 № 364), скорее всего, следует сузить до начала II в. н.э., а комплекс Л–1 № 20/1981 датировать первой половиной – серединой II в. н.э.

В погребениях СК–2 № 326в (рис. 16, 4–8) и СК–3 № 348 (рис. 7, 6–12) вместе с кинжалами типа **1a** были найдены кружки практически одинаковой конической формы. Комплекс СК–3 № 348 по лучковой подвязной фибуле серии I, варианта 2 и браслету с шишечками на концах датируется второй половиной I – началом II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 427, рис. 2, 17, 18]. Коническим кружкам в меотских погребениях сопутствуют фибулы типа «Авцисса» (СК–2 № 53в; ЕЛ–2 № 45/2013) с кнопкой на конце приемника и стеклянные бальзамарии (СК–3 № 216, СК–3 № 251) I в. н.э. [Marčenko, Limberis, 2008, S. 387, 388, Taf. 145, 169, Kat.-Nr. 140, 162]. Приведенные аналогии дают возможность датировать эти кружки, как и комплексы, в которых они встречаются, I – началом II в. н.э.

В комплексах Л–1 № 138/1981 с мечом типа **2a** (рис. 21, 5–9) и № 4/1983 с мечом типа **3a** (рис. 22, I–4) присутствуют кружки с прямоугольной площадкой и выступом на ручке

(см. также погребения СК–2 № 35в и Л–1 № 289/1981 с железными бритвами и кружками этой формы). Погребения с такими кружками могут быть датированы по совместным находкам неорнаментированных зеркал-подвесок с умбоном в центре (СК–2 № 272з, 372з; Л–1, № 271/11981), широкое распространение, которых в Прикубанье приходится на I в. н.э. [Марченко, 1996, с. 23–25, рис. 5].

В погребении СК–2 № 329в (рис. 15, 6–11) с мечом типа **2a** была найдена кружка с «мешковидным» туловом и отогнутым краем. Кружки этой формы встречены в комплексах Л–1 № 228/1981 с фибулой типа «Авцисса» и неорнаментированным зеркалом-подвеской с умбоном в центре [Marčenko, Limberis, 2008, S. 387, 388, Taf. 127, Kat.-Nr. 115], и в ЕЛ–2 № 164/2013 – с таким же зеркалом. Это позволяет датировать погребение СК–2 № 329 I в. н.э.

В погребении СК–3 № 504 с мечом типа **1a** (рис. 10, I–5) найдена кружка с овальным туловом и коротким горлом, выделенным в основании валиком. Аналогичная кружка из упоминавшегося уже комплекса СК–3 № 13 с мечом типа **2b** сопровождалась лучковой подвязной фибулой I серии, варианта 3, которые часто встречаются с кружками этой формы (СК–2 № 57в, 58в; СК–3 № 12, 18, 203, 290, 439, 373, 428, 494, 512 и др.). В других известных нам комплексах подобным кружкам сопутствовали фибулы I серии, варианта 2 (ЕЛ–2 № 103/2013; СК–3 № 233; СК–2 № 304в) и мелкие застежки с пластинчатой спинкой и завитком на конце приемника (СК–3 № 204, 203). Аналогии дают нам возможность датировать этот тип кружек, как и погребение СК–3 № 504, I – первой половиной II в. н.э.

В погребении Л–1 № 255/1981 (рис. 25, 5–8) вместе с такой кружкой и кинжалом типа **2a** присутствовала часть фибулы с выпуклой пластинчатой спинкой, которая может относиться к одному из двух типов – с завитком или кнопкой на конце приемника, – что также позволяет датировать данный комплекс I – первой половиной II в. н.э.

Кружки с округло-биконическим туловом и широким коротким цилиндрическим горлом, выделенным в основании узким выступом или желобком, происходят из погребений СК–2 № 230з с кинжалом типа **1a** (рис. 14, 6–12),

СК–3 № 255 с мечом типа **3а** (рис. 8,8–12) и СК–3 № 266 с кинжалом типа **2а** (рис. 5,7–14). Такие кружки широко представлены в меотских памятниках совместно с фибулами разных типов: пластинчатыми с завитком на конце приемника (Л–1 № 255/1981, СК–2 № 145з, СК–3 № 245, 317), лучковыми подвязными I серии, варианта 2 (СК–2 № 134з, СК–3 № 14), варианта 3 (СК–3 № 36, 211, 446, 452), сильнопрофилированными с бусинами и пластинчатой спинкой (СК–2 № 263, 285з, СК–3 № 2, 274, 478). Опираясь на хронологию комплексов с этими кружками, мы можем широко датировать погребения СК–2 № 230з и СК–3 № 255 I–II вв. н.э., возможно, и началом III в. н.э.

Уточнить дату погребения СК–3 № 266 (рис. 5,7–10) позволяет прямая стратиграфия. Его частично перекрывало погребение № 265, в котором были найдены стеклянные канфары типа Isings 28a/b и чаша Zarte Rippenschale аметистового стекла (рис. 5,8,10). Данное погребение мы датировали второй – третьей четвертями I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2003, с. 109, 113, 186; Mačenko, Limberis, 2008, S. 388, Taf. 172, Kat.-Nr. 165]. В связи с этим хронология комплекса № 266 может быть ограничена последней четвертью I – началом III в. н.э.

В погребении СК–3 № 315 (рис. 9,9–11) вместе с мечом типа **3а** найдена сероглиняная миска с сильно загнутым бортиком и слегка прогнутыми стенками, форма которой не характерна для меотской керамики, но часто встречается в центрально-предкавказских памятниках, где такие миски датируются I – началом II в. н.э. [Абрамова, 1993, с. 142, рис. 55,3].

Погребения Л–1 № 33/1980 (рис. 20,1–6) с мечом типа **1а** (с ромбовидным в сечении перекрестием), Л–1 № 64/1980 (рис. 21,1–4), СК–2 № 379з (рис. 15,1–5), СК–3 № 294 (рис. 6,1,2) с мечами типа **2а**, Л–1 № 12/1980, Л–1 № 140/1981 (рис. 23,6–10), Л–1 № 174/1981 (рис. 24,1–3) с мечами и кинжалом типа **3а** по сероглиняной меотской керамике можно датировать только широко – в пределах I–II вв. н.э.

В могильнике Воронежского городища № 3 в четырех погребениях (№ 7, 59, 172, 207), которые Н.В. Анфимов отнес к хронологической группе I–II вв. н.э., были найдены мечи типа **2** или **3** (определить форму рукояти по

фотографиям из отчета нельзя) размерами от 83 до 100 см. Из погребения № 59 происходит также нож с кольцевым навершием [Анфимов, 1967, с. 36, 71; Анфимов, 1968, с. 67]. Такой же нож был встречен в комплексе СП № 98 I в. н.э. вместе с мечом с кольцевым навершием и сероглиняной керамикой этого времени [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 207, рис. 1,15]. Еще один нож происходит из погребения СК–2 № 32в, которое было датировано нами I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 167]. Таким образом, ножи с кольцевым навершием в настоящее время нужно датировать в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. Датировка же воронежского погребения № 59 может быть ограничена I в. н.э. Остальные погребения с мечами из Воронежского некрополя можно, вслед за Н.В. Анфимовым, датировать I–II вв. н.э.

В погребении № 2/1972 Пашковского могильника № 5 был найден меч типа **2б**. В отчете Н.В. Анфимова это погребение датировано I–II вв. н.э. [Анфимов, 1973, с. 14, рис. на стр. 17].

Катакомба № 1, исследованная на Пашковском могильнике № 2 (рис. 31), кроме меча типа **3б**, содержала разнообразный и весьма информативный инвентарь, характерный для представителя меото-сарматского всаднического сословия: кинжал, наконечник копья, серп, удила с колесовидными псалиями, детали портупейного снаряжения, обувные железные пряжки и бронзовую фибулу с фигурной обмоткой. Фибула, которая является опорной находкой для датировки катакомбы, относится к варианту 4 серии I, широко распространенному в позднесарматское время на юге Восточной Европы [Амброз, 1966, с. 50, 51; Кропотов, 2010, с. 77, 80]. Анализ инвентаря позволил определить хронологический диапазон погребения в пределах конца II – середины III в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2015, с. 131–133, рис. 1, 2].

Этим же периодом по находке аналогичной фибулы датируется и погребение Л–1 № 27/1983 с мечом типа **2а** (рис. 20,7–11).

В богатом катакомбном погребении СП № 161 (рис. 28) вместе с мечом типа **2а** присутствовал многочисленный инвентарь: наконечник копья, удила с колесовидными псалиями, серп, бронзовые и серебряные пряжки и

другие детали портупейного набора, серебряные гривна, браслет и проч. Уникальной находкой является железный умбон от щита, вероятно, представляющий собой модификацию западноевропейских типов таких изделий. Хронология комплекса, опирающаяся на совокупные датировки предметов инвентаря, определяется серединой III в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2013, с. 106–113].

В погребении СП № 104, кроме меча типа **3а** (рис. 3,5), не было другого инвентаря, поэтому придется удовлетвориться общей хронологией мечей без металлического навершия (I – середина III в. н.э.).

Определенной закономерности в положении мечей в погребении не прослеживается. Чаще меч располагался вдоль левой ноги или руки, реже справа. В ряде случаев меч лежал острием в сторону черепа (Л–1 № 227/1981 г., СК–2 № 270, УЛ–2 № 81/1938 г.). Иногда меч укладывался на туловище слева (СК–2 № 483з) или справа (СК–2 № 379з). В погребениях Л–1 № 64/1981 г. и СК–3 № 511 мечи были преднамеренно согнуты.

В погребениях меотских «всадников», которые сопровождалась захоронениями лошадей или только наборами конской узды, в основном были встречены длинные мечи (СК–3 № 315, 338, 347, 511; Пашк.–2 № 1; СП № 161; СК–2 № 33в, 613з; ЕЛ–2 № 13), и лишь в захоронениях СК–3 № 504 и Л–1 № 138/1981 – короткие. Кинжалы встречены, главным образом, в погребениях без лошадей или узды. Единственный комплекс, где сочетались меч (тип **1а**) и кинжал (тип **3а**) – это богатое погребение всадника СК–2 613з.

В некоторых погребениях рядом с рукоятками или клинками мечей лежали бусины из камня (Л–1 № 12/1981, СК–2 № 325в, Пашк.–2 № 1) или янтаря (Л–1 № 377/1981, СП № 161/2003), а также плоские костяные «ворворки» – округлые или прямоугольные (Л–1 № 33/1980, СК–2 № 35в, УЛ–2 № 81/1938).

Н.В. Анфимов отмечал, что меч из комплекса УЛ–2 № 81/1938 имел полусферическое костяное навершие, изготовленное из головки бедренной кости животного [Анфимов, 1951, с. 197, рис. 17,19]. Диаметр этого изделия – менее 2 см. Трудно представить навершие таких размеров. Очевидно, этот предмет использовался как деталь портупейи.

Дисковидная бусина (диаметр – 2,5 см) из меловой породы лежала на мече в катакомбе № 1 Пашковского могильника № 2 рядом с маленькой стеклянной бусиной и бронзовой портупейной пряжкой. Местоположение и размеры меловой бусины вряд ли позволяют рассматривать ее как навершие [Лимберис, Марченко, 2015, с. 132, рис. 2,1–3].

В погребении СП № 161/2003 крупная янтарная биконическая бусина (диаметр – 4,5 см) была найдена под правым крылом таза (примерно у середины клинка меча) и, скорее всего, также имеет отношение к портупейному набору, связанному с мечом [Лимберис, Марченко, 2013, с. 112].

По мнению С.И. Безуглова, крупные бусины при длинных сарматских мечах служили деталями застежек портупейных ремней и фиксаторами ножен [Безуглов, 2000, с. 172, 177–178]. А.В. Иванов считает, что бусины, расположенные у клинков мечей, являлись навершиями, а нахождение их не у верхнего конца рукоятки свидетельствует о ритуальном умерщвлении меча [Иванов, 2008, с. 76–77]. В качестве аргумента своей гипотезы автор указывает на находку в погребении № 12 могильника городища № 1 хут. Ленина халцедоновой бусины [Иванов, 2008, с. 79]. Но малый диаметр (2,5 см) этой бусины вряд ли позволяет считать ее навершием. Местоположение бусины рядом с рукоятью меча, скорее, свидетельствует о том, что она имеет отношение к портупейному набору. Второй пример, который приводит А.В. Иванов, ссылаясь на находку в погребении СК–2 35в «каменного полусферического навершия» [Иванов, 2008, с. 78], также противоречит действительности. Здесь следует уточнить, что это не каменное и не полусферическое изделие, а костяная квадратная «ворворка» (рис. 13,2). Как уже говорилось, такие изделия встречаются не только с мечами без металлического навершия, но и с мечами с кольцевидными навершиями.

Если говорить о преднамеренном умерщвлении мечей, то в связи с этим обрядом стоит рассматривать лишь случаи положения в погребения преднамеренно согнутых клинков (Л–1 № 64/1980, СК–3 № 511). Что касается собственно наверший, пока нам известен всего один достоверный пример из погре-

бения СК–3 № 511, где расколотое плоское халцедоновое навершие диаметром 5,9 см лежало у нижней части клинка (рис. 10,6,7).

В погребениях, сопровождавшихся бусинами и «ворворками» железные скобы на мечях отсутствовали. В таких случаях, отмеченных для сарматских мечей, С.И. Безуглов гипотетично допускает наличие на ножнах деревянных скоб [Безуглов, 2000, с. 178]. Наличие же металлических скоб было зафиксировано только в погребении СК–2 613з (рис. 19,2,3). К деревянным ножнам меча на расстоянии 52 см от конца рукояти крепилась пластинчатая железная скоба. Вторая скоба, согнутая из узкой пластины с заостренными концами, была найдена под мечом, ближе к перекрестию [Лимберис, Марченко, 2012, с. 147, 152, рис. 4,2,3]. В погребении УЛ–2 № 81/1938 на поясничных позвонках человека был найден железный крючок, который, по предположению Н.В. Анфимова, мог служить для подвешивания меча [Анфимов, 1951, с. 197].

Хронологическая атрибуция погребений с мечами без металлического навершия показывает, что это клинковое оружие появля-

ется у меотов правобережья Кубани в начале I в. н.э. и бытует вплоть до середины III в. н.э. Причем к третьему столетию пока можно отнести всего 3 экземпляра. Как и в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, в меотских комплексах мечи и кинжалы всех типов синхронны [Кривошеев, 2007, с. 66, 67]. Но, в отличие от сарматских памятников, где не отмечается преобладание какого-то одного типа мечей, у меотов явное преимущество имели клинки типа 2 (табл. 1).

Как уже отмечалось, мечи без металлического навершия у сармат появляются значительно раньше, чем у меотов, – во II–I вв. до н.э. Однако меотские воины заимствовали этот вид оружия у кочевников лишь в начале I в. н.э. Меоты быстро наладили собственное производство мечей по сарматским образцам, так как имели собственную высокоразвитую металлообрабатывающую базу, и могли обеспечивать не только свои потребности, но и поставлять оружие кочевникам. Меч с бронзовым перекрестием из сарматского погребения СК–2 № 613з, по всей видимости, имеет восточное происхождение.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Мечи и кинжалы без металлического навершия (размерные характеристики и датировка)

Table 1. Swords and daggers without metal pommel (dimensional characteristics and dating)

№ п/п	№ погр.	Длина меча (см)	Длина клинка	Ширина клинка	Длина рукояти	Ширина рукояти	Тип	Датировка					
								I в. н.э.		II в. н.э.		III в. н.э.	
		1/2	2/2	1/2	2/2	1/2	2/2						
Могильник Старокорсунского городища № 3													
1	4/1986	39,4	33,4	–	6	2,8	3а						
2	13/1986	86,2	72,7	3,3	13,5	–	2б						
3	64/1986	25,9	19,4	2,4	6,5	1,7	3а						
4	255/1989	84,5 * ≈87	74,8 * ≈77,3	4	9,7	–	3а						
5	266/1989	22,5	19,2	2,8	3,3	–	2а						
6	270/1989	81	–	4	–	–	–						
7	294/1989	88,6	80,5	4,5	8,1	–	2а						
8	315/1989	87,8	76,1	5,7	11,7	–	3а						
9	338/1989	93,4	77,2	4,4	16,2	–	3а						
10	347/1989	84,6	77,6	4,5	7	–	3а						
11	348/1989	33,5	26,9	3,2	6,6	–	1а						
12	504/1990	48,1	40,8	4	7,3	–	1а						
13	511/1990	108	93,5	3,2	14,5	–	2б						
Могильник Воронежского городища № 3													
14	7/1966	100	–	–	–	–	2/3						
15	59/1966	95	–	–	–	–	2/3						
16	172/1967	100	–	–	–	–	2/3						
17	207/1967	83	–	–	–	–	2/3						
Могильник Пашковского городища № 5													
18	2/1972	100	–	–	–	–	2б						
Могильник № 2 Пашковского городища № 1													
19	1/2012	103,2	82,2	4,6	21	1,5	3б						
Могильник городища № 1 хут. Ленина													
20	33/1980	69,2	58,1	3,4	11,1	1,5	1а						
21	64/1980	67	59	3,1	8	1,2	2а						
22	12/1981	71,5	62	5,5	9,5	2,1	3а						
23	20/1981	32 * ≈34,5	25,5 * ≈28	3,9	6,5 *	1,9	1а						
24	138/1981	56 *	53 *	5,1	3 *	–	2а						
25	140/1981	34,5 *	32,5 *	4	2 *	–	3а						
26	174/1981	37,5	30	3,5	7,5	1,5	3а						
27	227/1981	63,5 * ≈66,2	56,5 * ≈59,2	4	7 *	–	2б						
28	255/1981	39	36,2	3,5	2,8	–	2а						
29	289/1981	35,5	30	4	5,5	–	2а						
30	306/1981	69	60	3	6 *	–	2а						
31	359/1981	49,5 * ≈53,5	41,5 * ≈45,5	3	8	–	1а						
32	364/1981	18 *	11,5 *	3,3	6,5 *	1,3	2а						
33	377/1981	35,5 *	25,7 *	3,3	7,8 *	–	2а						
34	392/1981	≈77	≈75,1	2,8	1,9 *	–	2/3						
35	419/1981	39 *	38 *	3,8	1 *	–	2а						
36	4/1983	40 * ≈47,6	30 * ≈38,6	3,7	9	1,9	3а						
37	27/1983	63 * ≈73	50,5 * ≈60,5	4,5	10,5 * ≈12,5	–	2а						

Примечание. * – сохранившаяся длина; ≈ – восстановленная длина.

Note. * – preserved length; ≈ – recovered length.

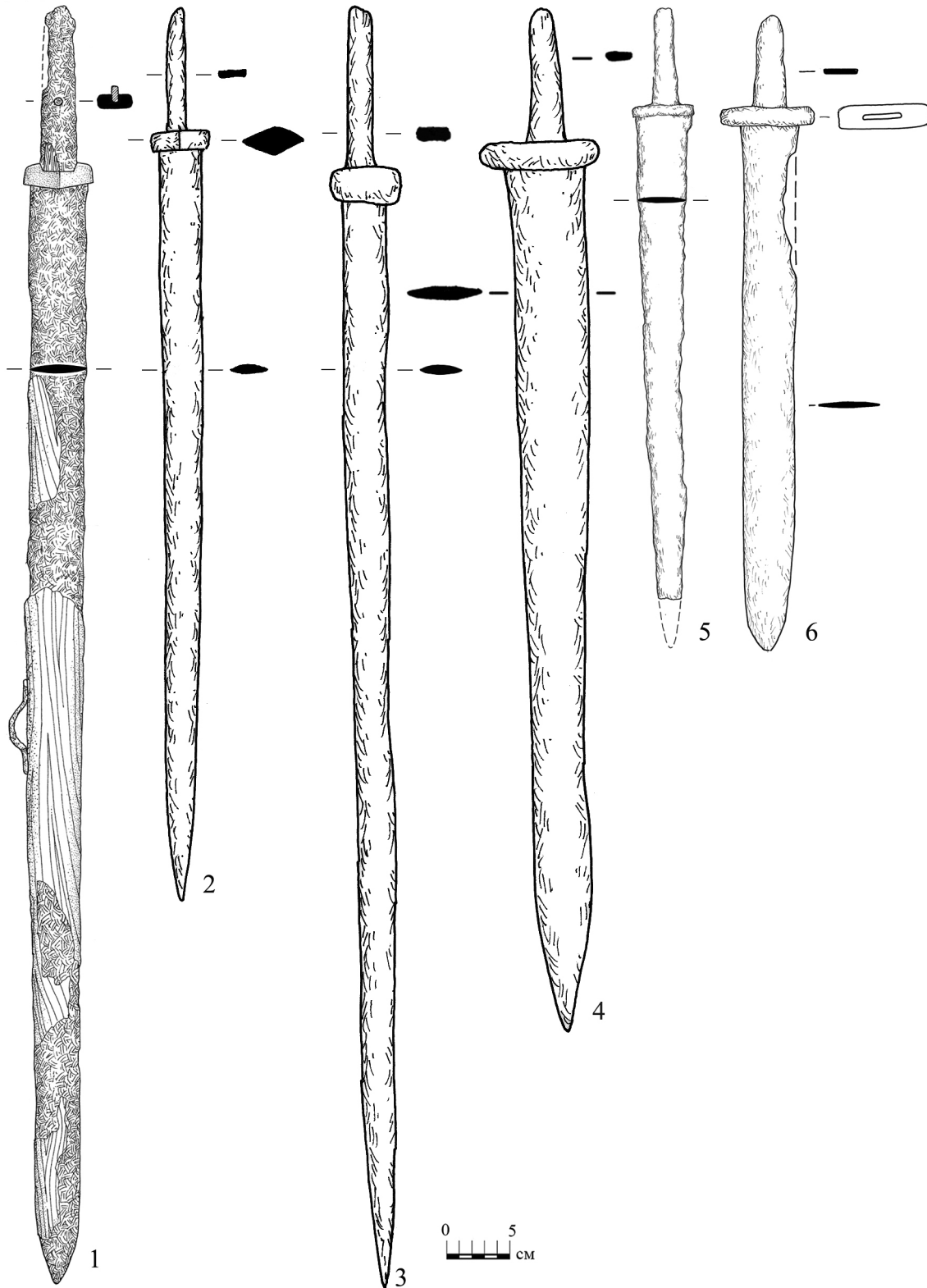

Рис. 1. Меотские мечи без металлического навершия (тип 1):

1 – СК-2 № 613з; 2 – Л-1 № 33/1980; 3 – ЕЛ-2 № 93/1978;
4 – ЕЛ-2 № 31/1978; 5 – Л-1 № 359/1981; 6 – СК-3 № 504

Fig. 1. Maeotian swords without the metal top (type 1):

1 – Starokorsunskaya-2, No. 613з; 2 – Lenin-1, No. 33/1980; 3 – Elisavetinskaya-2, No. 93/1978;
4 – Elisavetinskaya-2, No. 31/1978; 5 – Lenin-1, No. 359/1981; 6 – Starokorsunskaya-3, No. 504

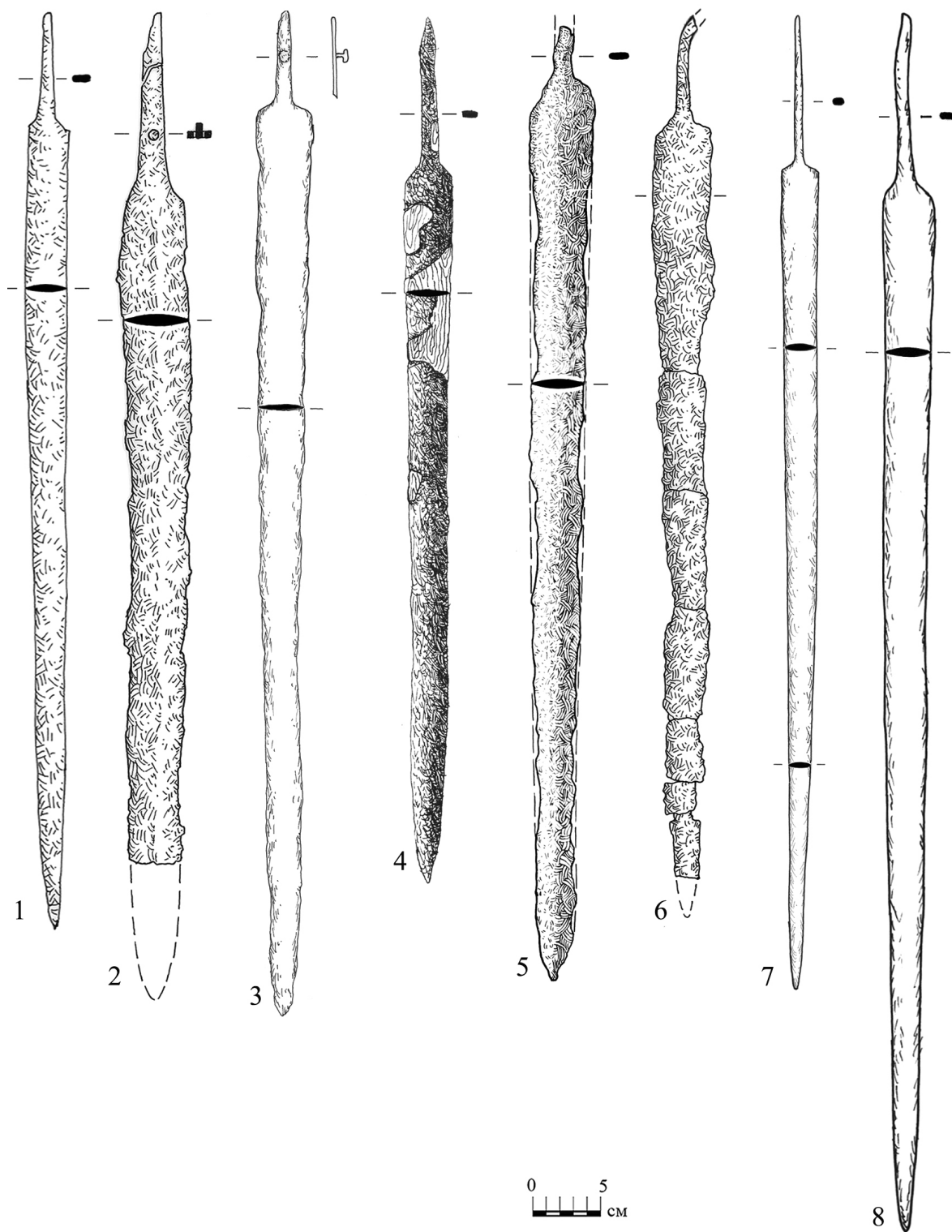

Рис. 2. Меотские мечи без металлического навершия (тип 2)

Вариант «а»: 1 – Л-1 № 64/1980; 2 – Л-1 № 27/1983; 3 – СК-3 № 294; 4 – СК-2 № 35в; 5 – СК-2 № 379з.

Вариант «б»: 6 – Л-1 № 227; 7 – СК-3 № 13; 8 – СК-3 № 511

Fig. 2. Maeotian swords without the metal top (type 2)

Variant "a": 1 – Lenin-1, No. 64/1980; 2 – Lenin-1, No. 27/1983; 3 – Starokorsunskaya-3, No. 294;
4 – Starokorsunskaya-2, No. 35в; 5 – Starokorsunskaya-2, No. 379з.

Variant "b": 6 – Lenin-1, No. 227; 7 – Starokorsunskaya-3, No. 13; 8 – Starokorsunskaya-3, No. 511

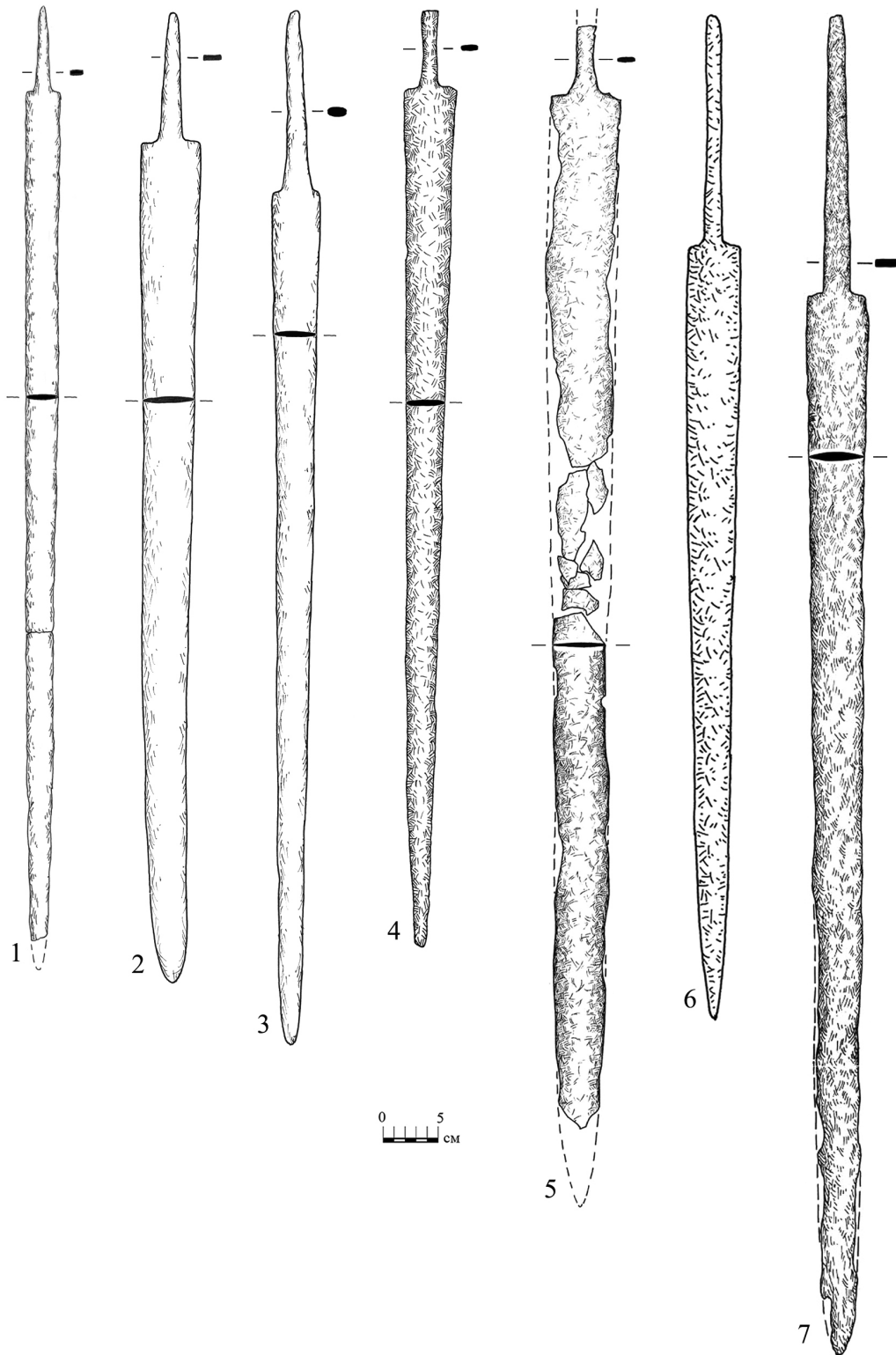

Рис. 3. Меотские мечи без металлического навершия (тип 3)

Вариант «а»: 1 – СК-3 № 255; 2 – СК-3 № 315; 3 – СК-3 № 338; 4 – СК-3 № 347; 5 – СП № 104.

Вариант «б»: 6 – УЛ-2 № 81/1938; 7 – Пашк.-2 № 1

Fig. 3. Maeotian swords without the metal top (type 3)

Variant "a": 1 – Starokorsunskaya-3, No. 255; 2 – Starokorsunskaya-3, No. 315; 3 – Starokorsunskaya-3, No. 338;
4 – Starokorsunskaya-3, No. 347; 5 – Spornoye, No. 104.

Variant "b": 6 – Us't-Labinsk-2, No. 81/1938; 7 – Pashkovskaya-2, No. 1

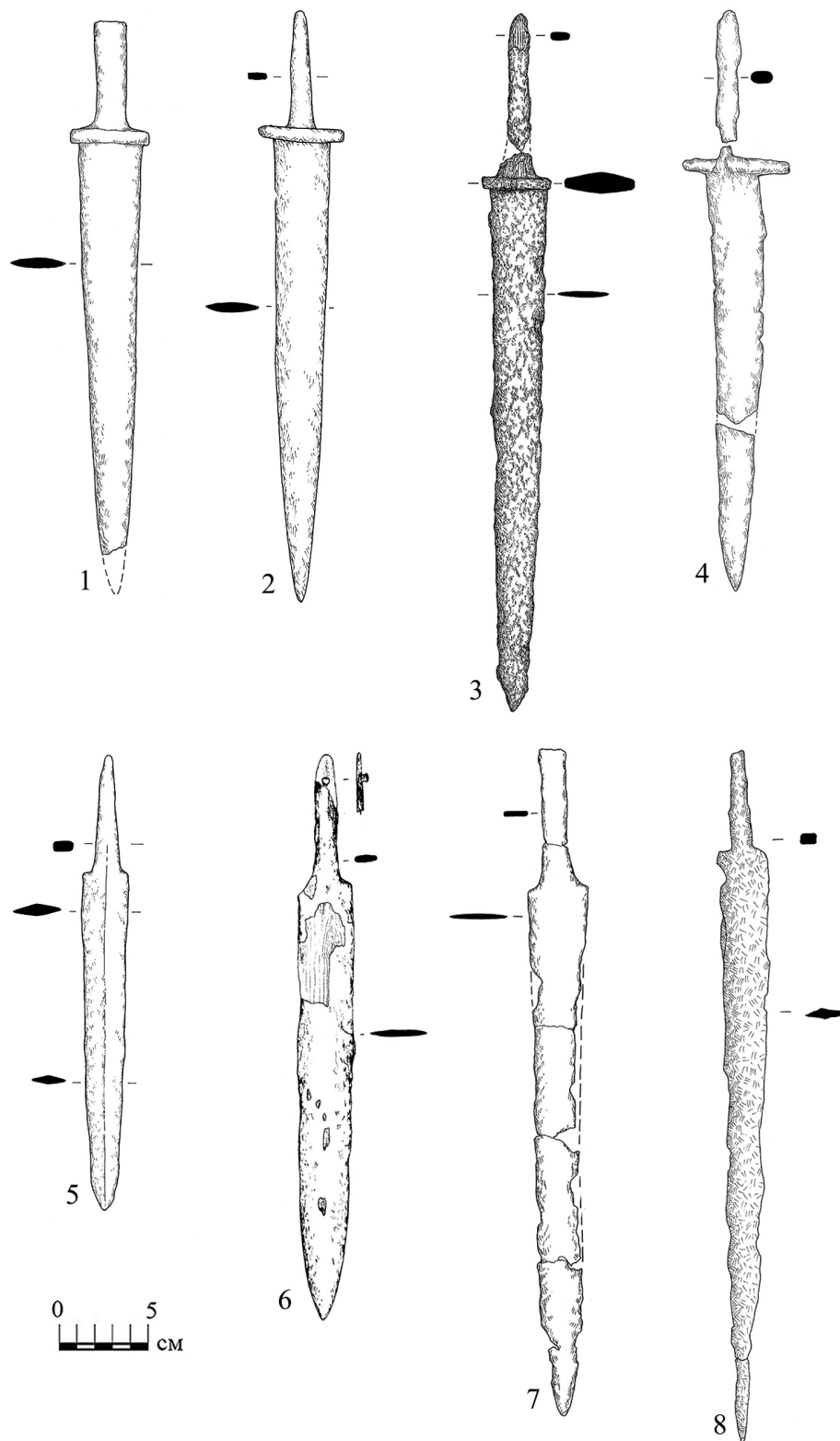

Рис. 4. Меотские кинжалы без металлического навершия

Тип 1: 1 – Л-1 № 20/1980; 2 – СК-3 № 348; 3 – СК-2 № 326в; 4 – СК-2 230з. *Тип 3:* 5 – СК-3 № 64; 6 – СК-2 218з; 7 – Л-1 № 184/1981; 8 – СК-3 № 4

Fig. 4. Maeotian daggers without the metal top

Type 1: 1 – Lenin-1, No. 20/1980; 2 – Starokorsunskaya-3, No. 348; 3 – Starokorsunskaya-2, No. 326в; 4 – Starokorsunskaya-2, No. 230з. *Type 3:* 5 – Starokorsunskaya-3, No. 64; 6 – Starokorsunskaya-2, No. 218з; 7 – Lenin-1, No. 184/1981; 8 – Starokorsunskaya-3, No. 4

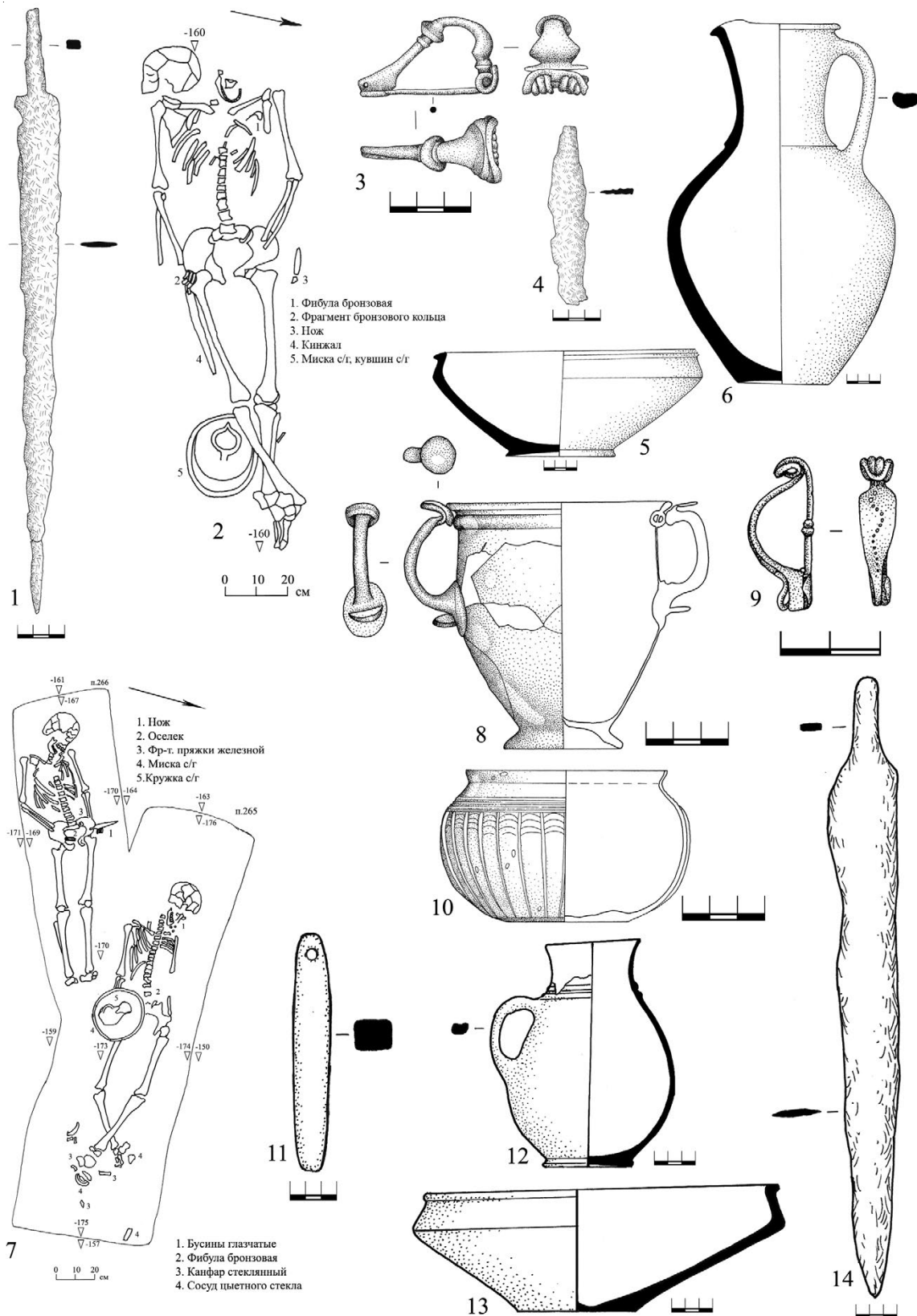

Рис. 5. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1-6 – погребение № 4; 7-10 – погребение № 265; 11-14 погребение № 266

Fig. 5. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1-6 – burial No. 4; 7-10 – burial No. 265; 11-14 – burial No. 266

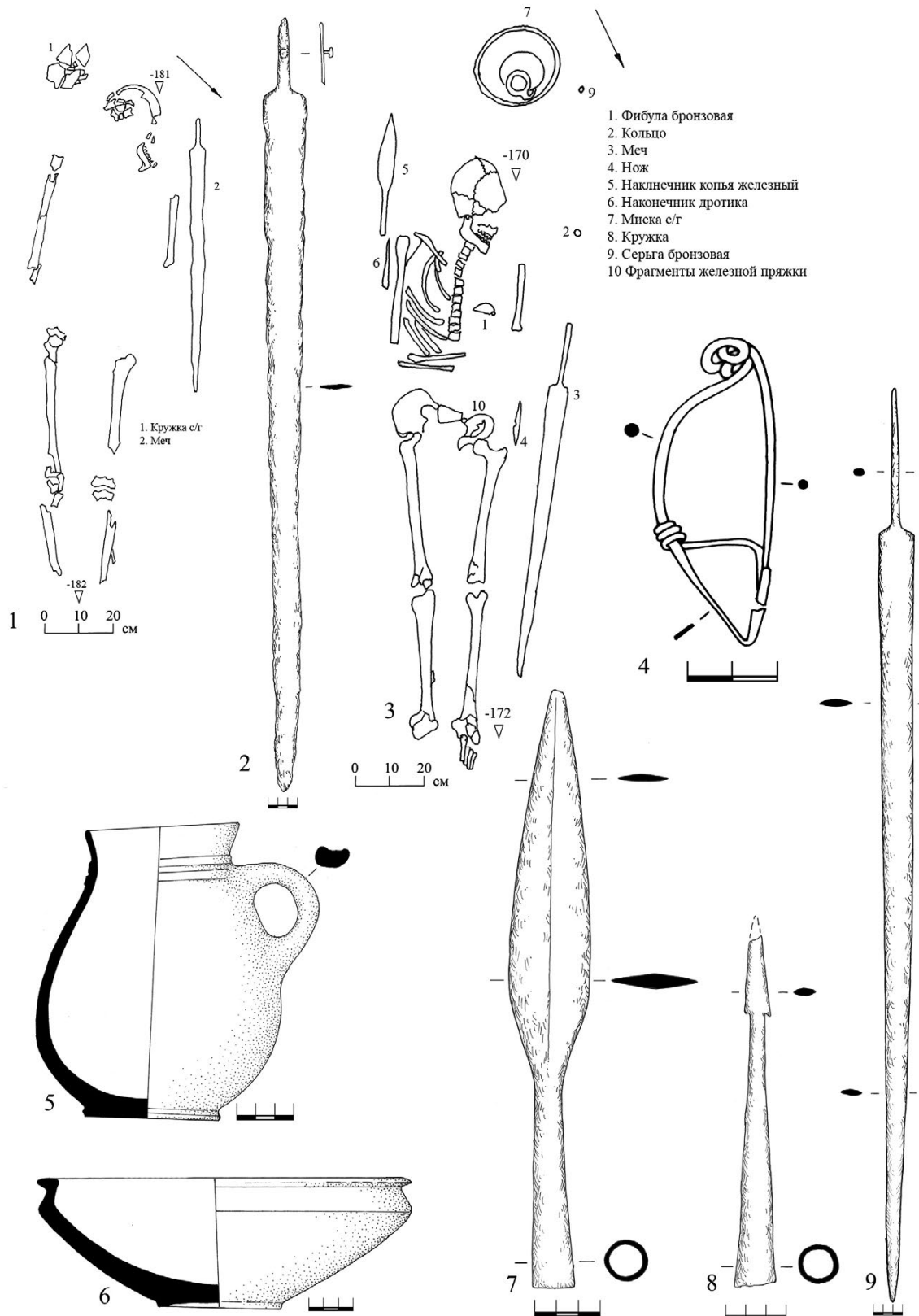

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1–2 – погребение № 294; 3–9 – погребение № 13

Fig. 6. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1–2 – burial No. 294; 3–9 – burial No. 13

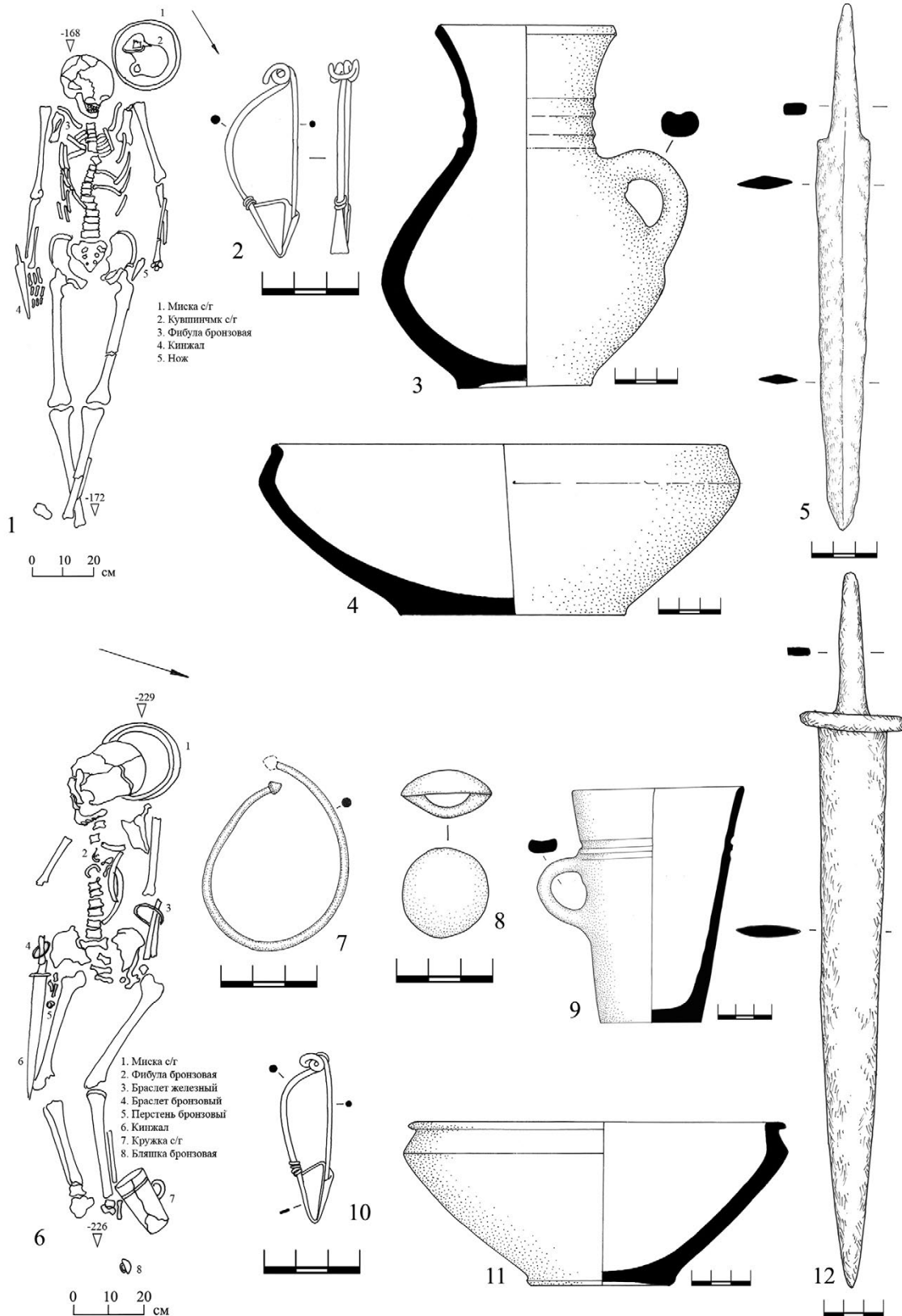

Рис. 7. Могилиник Старокорсунского городища № 3:

1–5 – погребение № 64; 6–12 – погребение № 348

Fig. 7. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1–5 – burial No. 64; 6–12 – burial No. 348

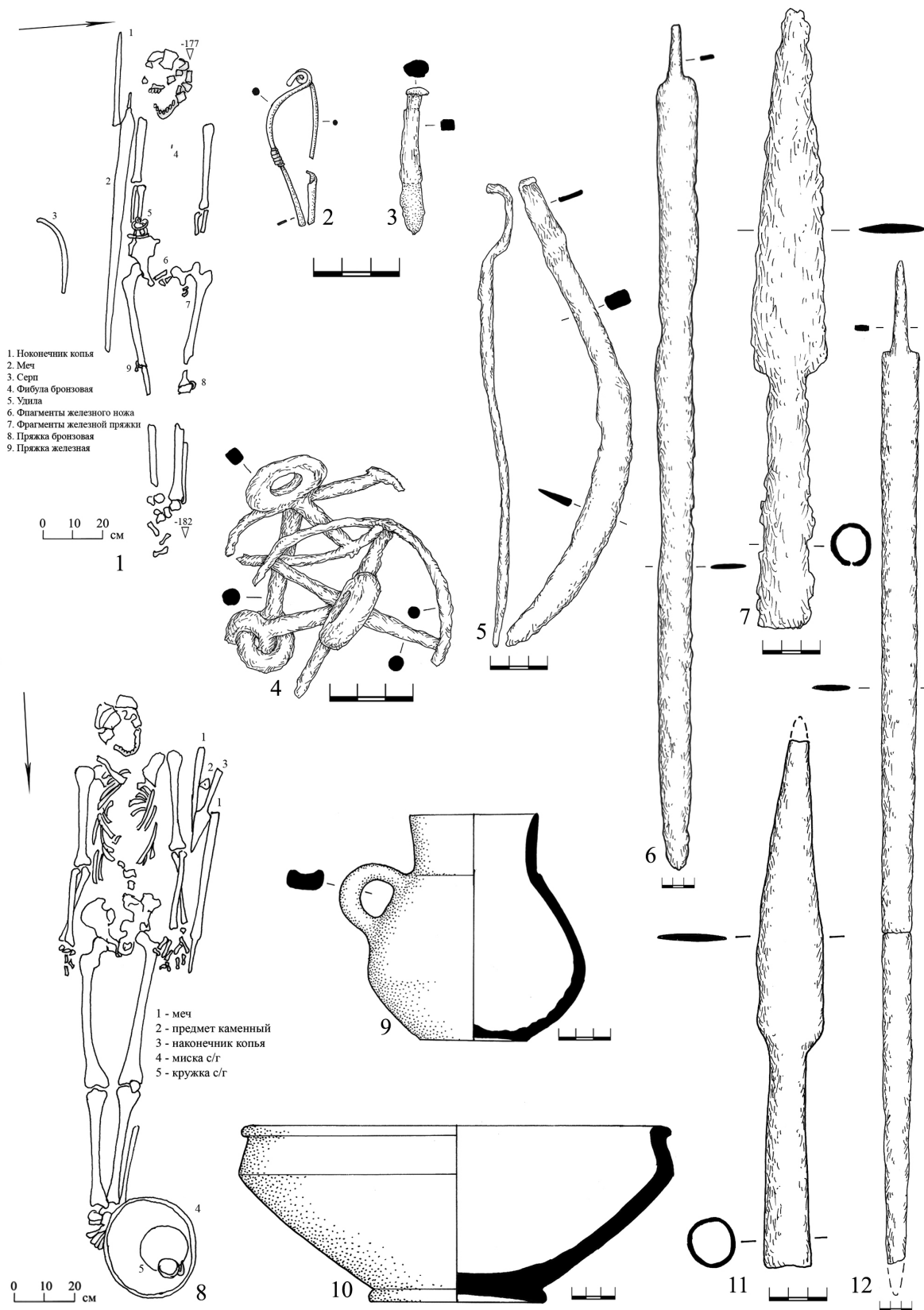

Рис. 8. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1–7 – погребение № 270; 8–12 – погребение № 255

Fig. 8. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1–7 – burial No. 270; 8–12 – burial No. 255

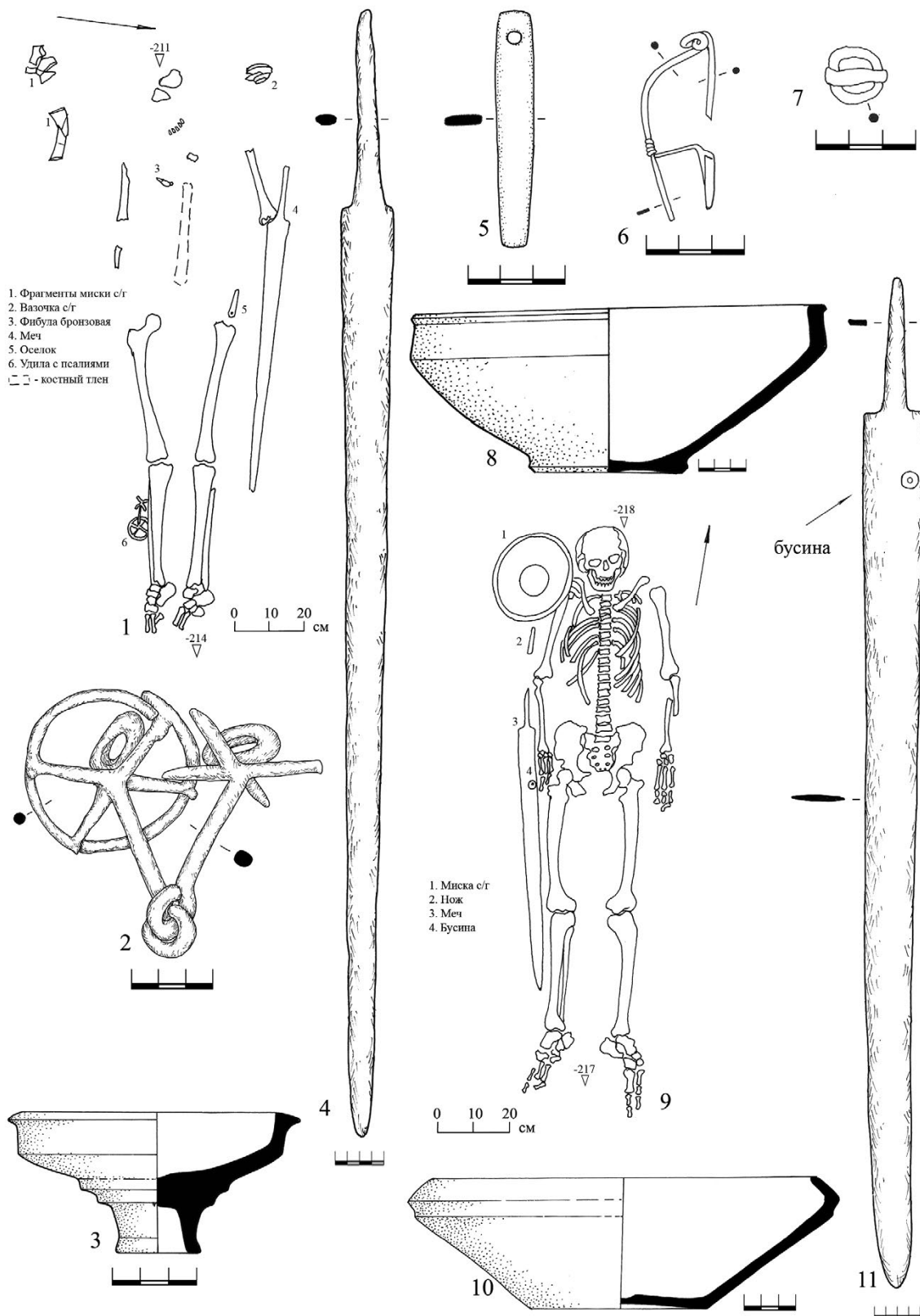

Рис. 9. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1-8 – погребение № 338; 9-11 – погребение № 315

Fig. 9. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1-8 – burial No. 338; 9-11 – burial No. 315

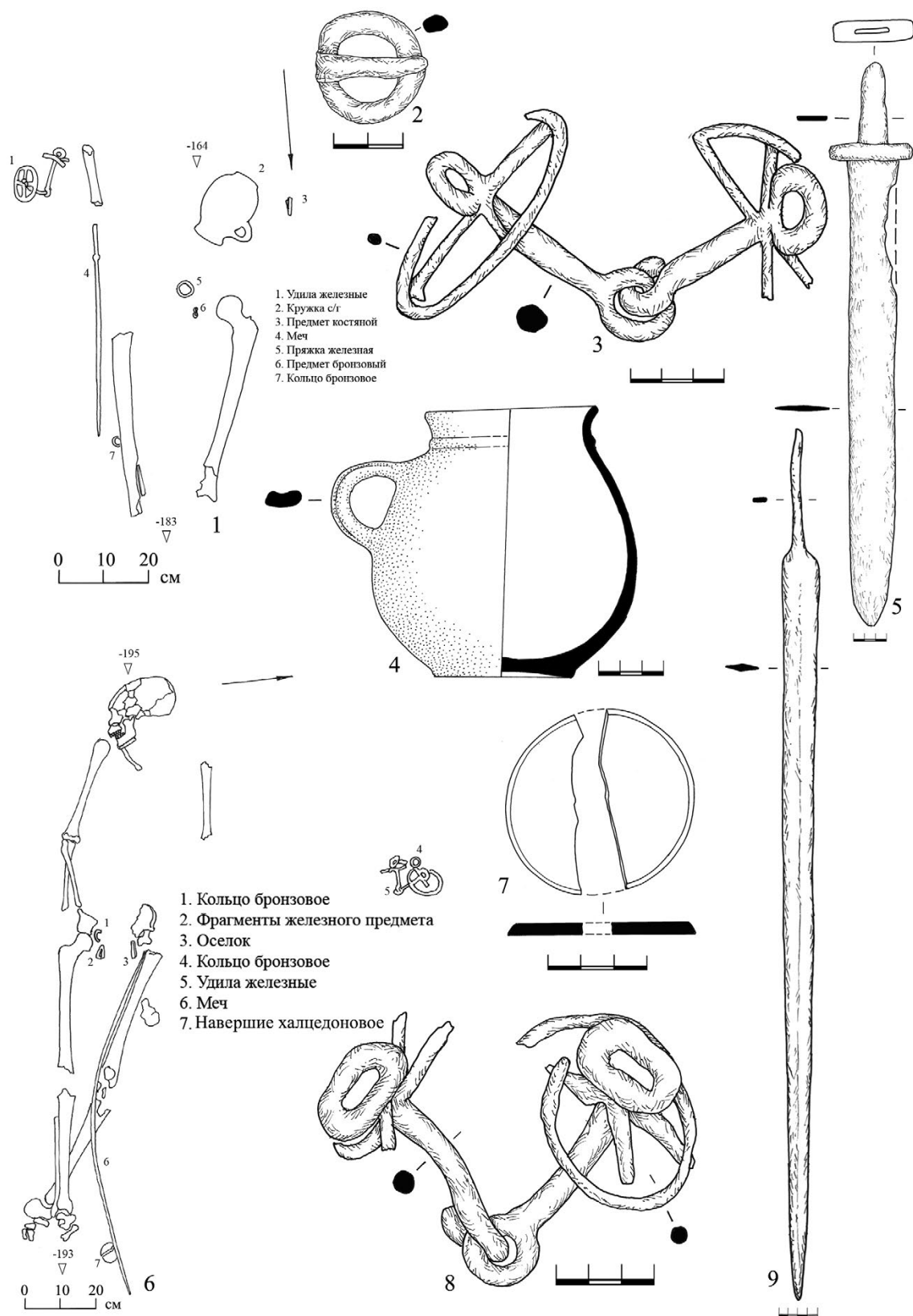

Рис. 10. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1–5 – погребение № 504; 6–9 – погребение № 511

Fig. 10. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3:

1–5 – burial No. 504; 6–9 – burial No. 511

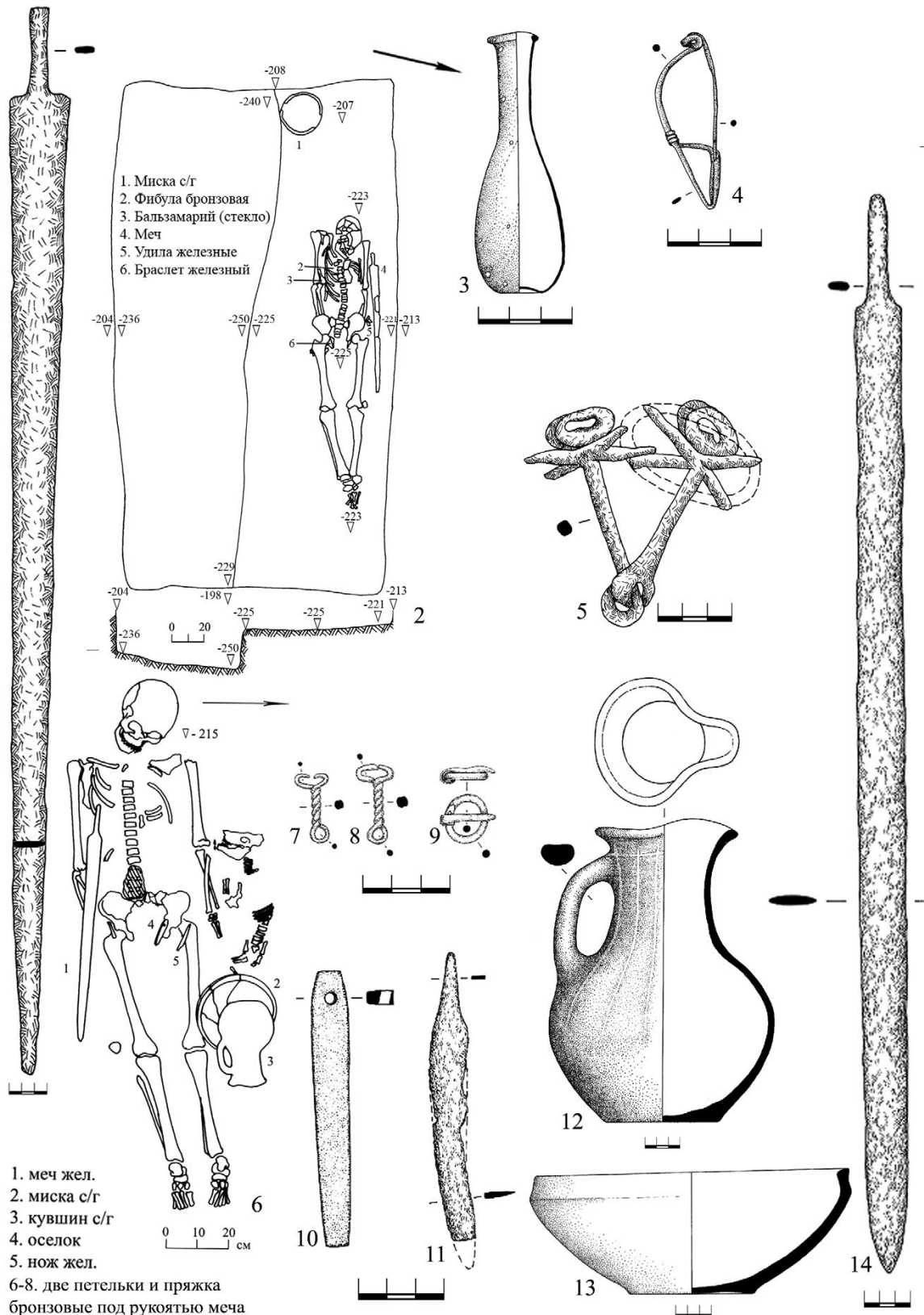

Рис. 11: 1-5 – Могильник Старокорсунского городища № 3, погребение № 347;
 6-14 – Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 325в
 Fig. 11: 1-5 – Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 3, burial No. 347;
 6-14 – Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 325в

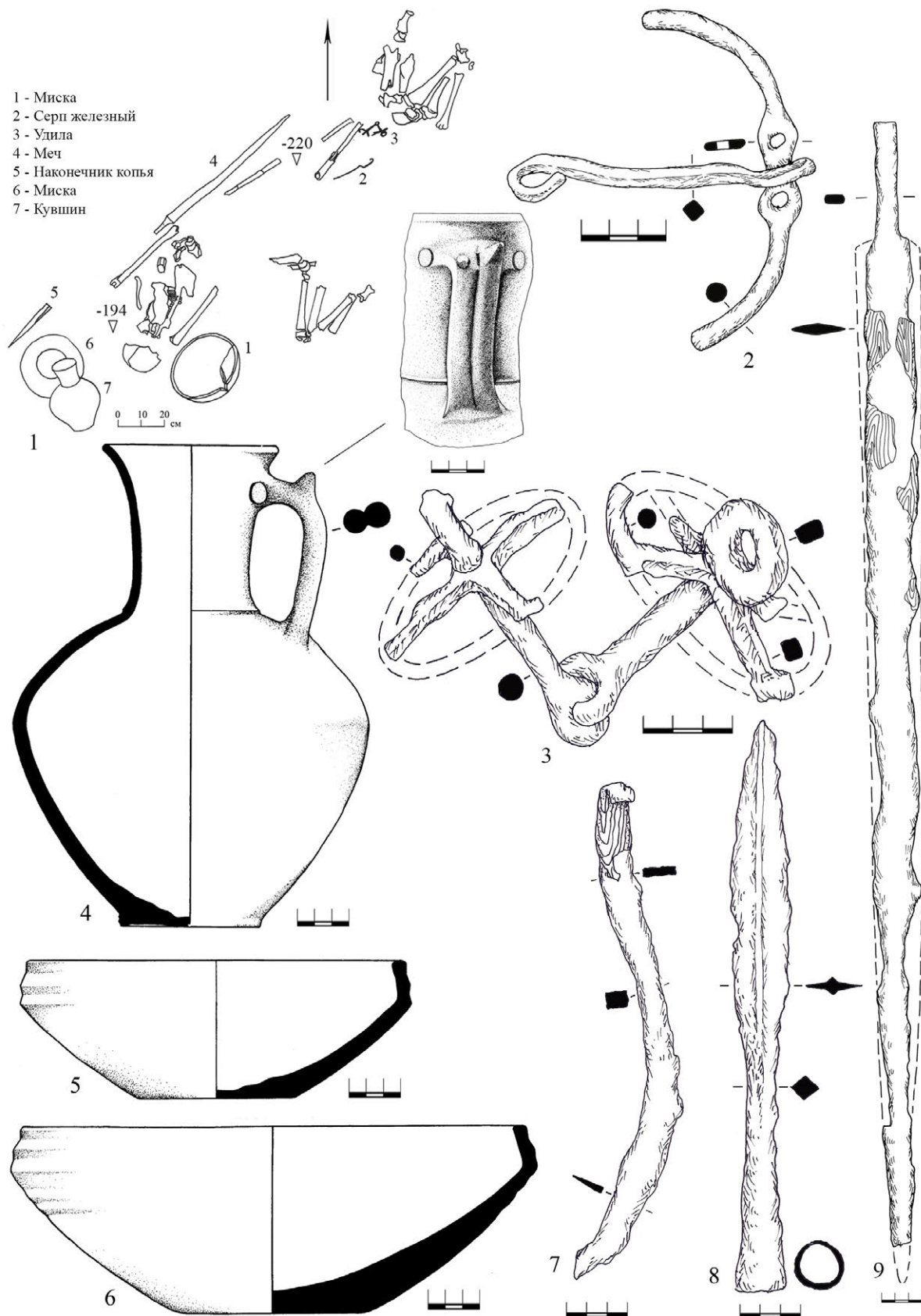

Рис. 12. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 33в
 Fig. 12. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 33v

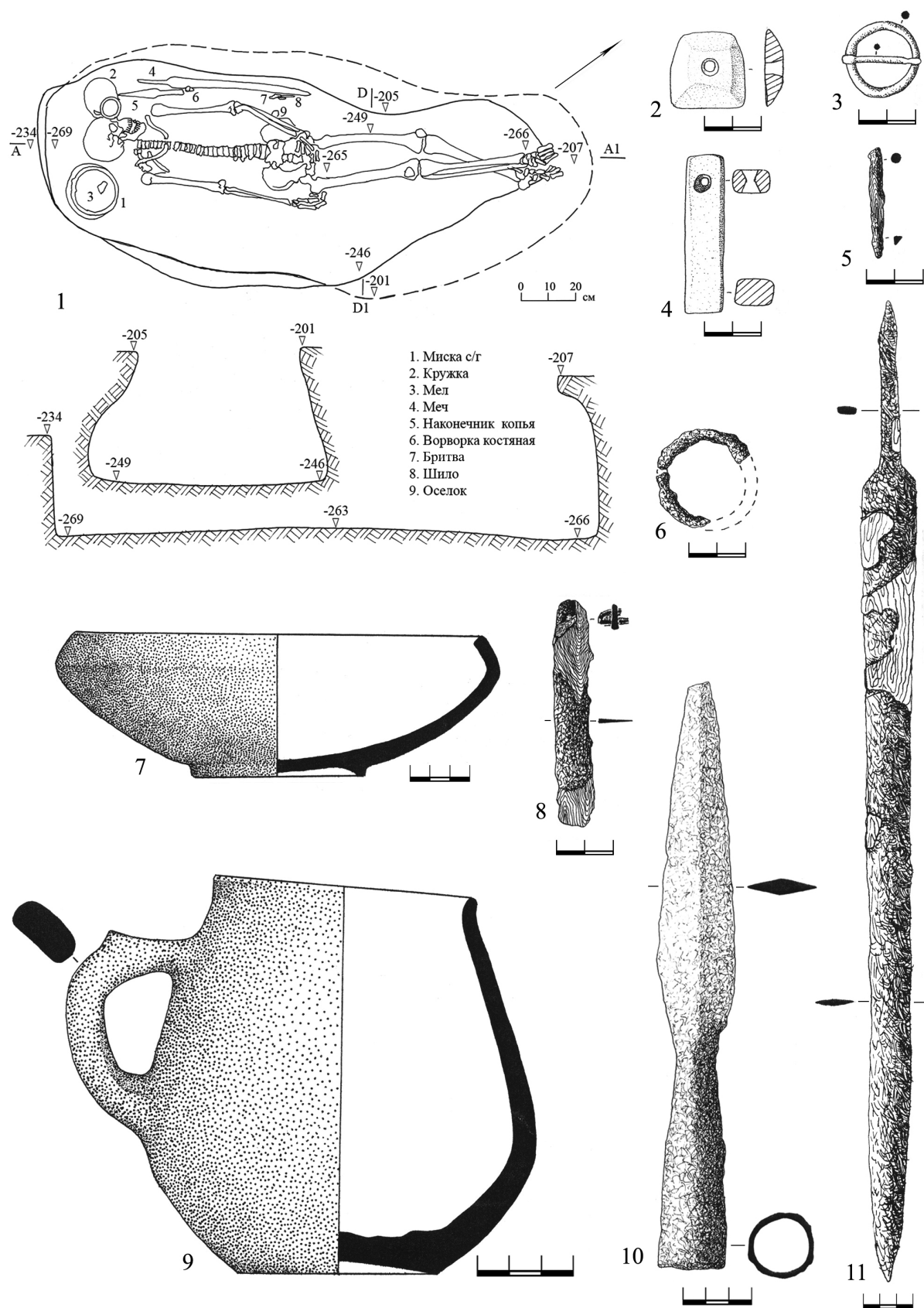

Рис. 13. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 35в
Fig. 13. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 35в

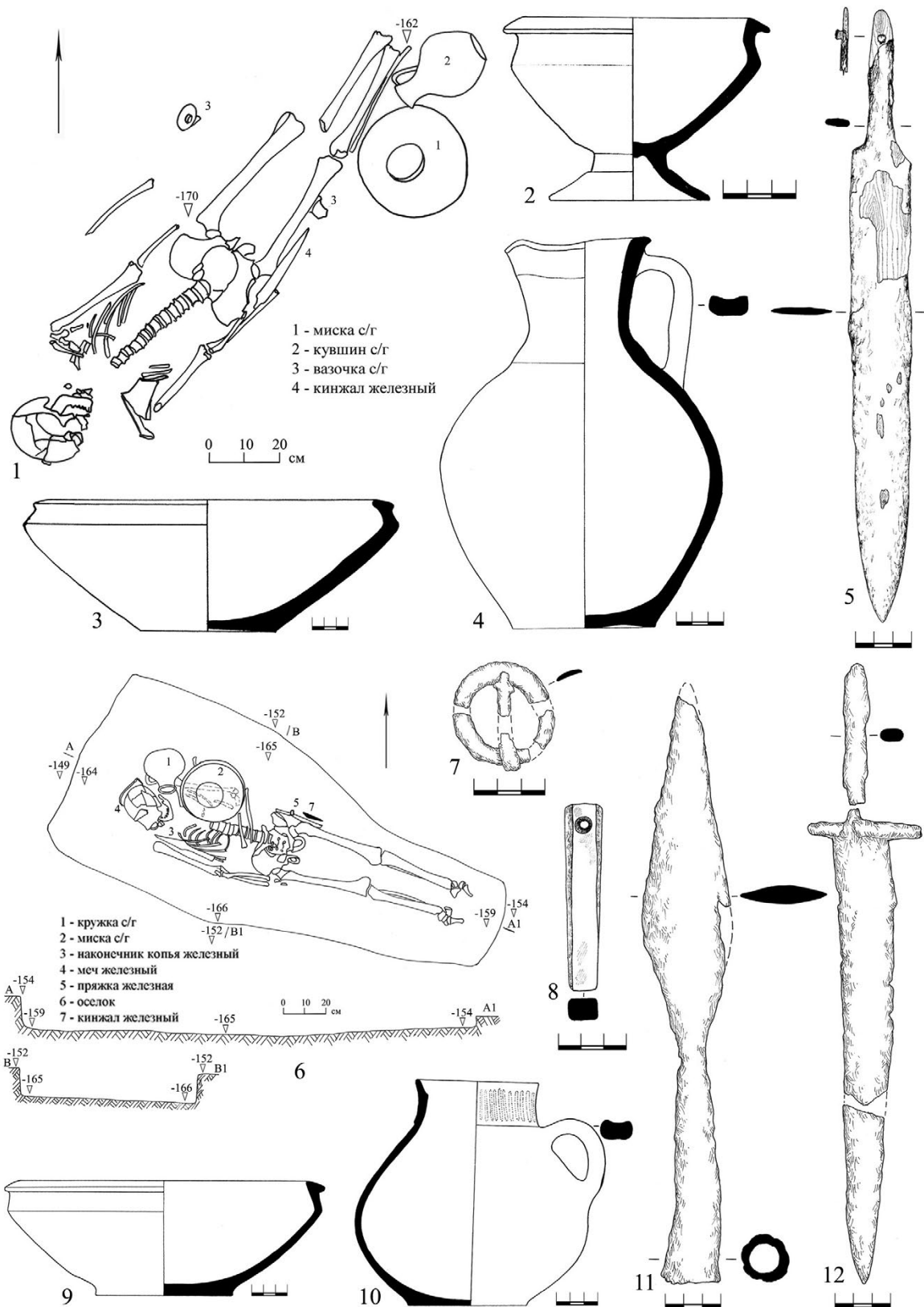

Рис. 14. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1–5 – погребение № 218з; 6–12 – погребение № 230з

Fig. 14. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2:

1–5 – burial No. 218з; 6–12 – burial No. 230з

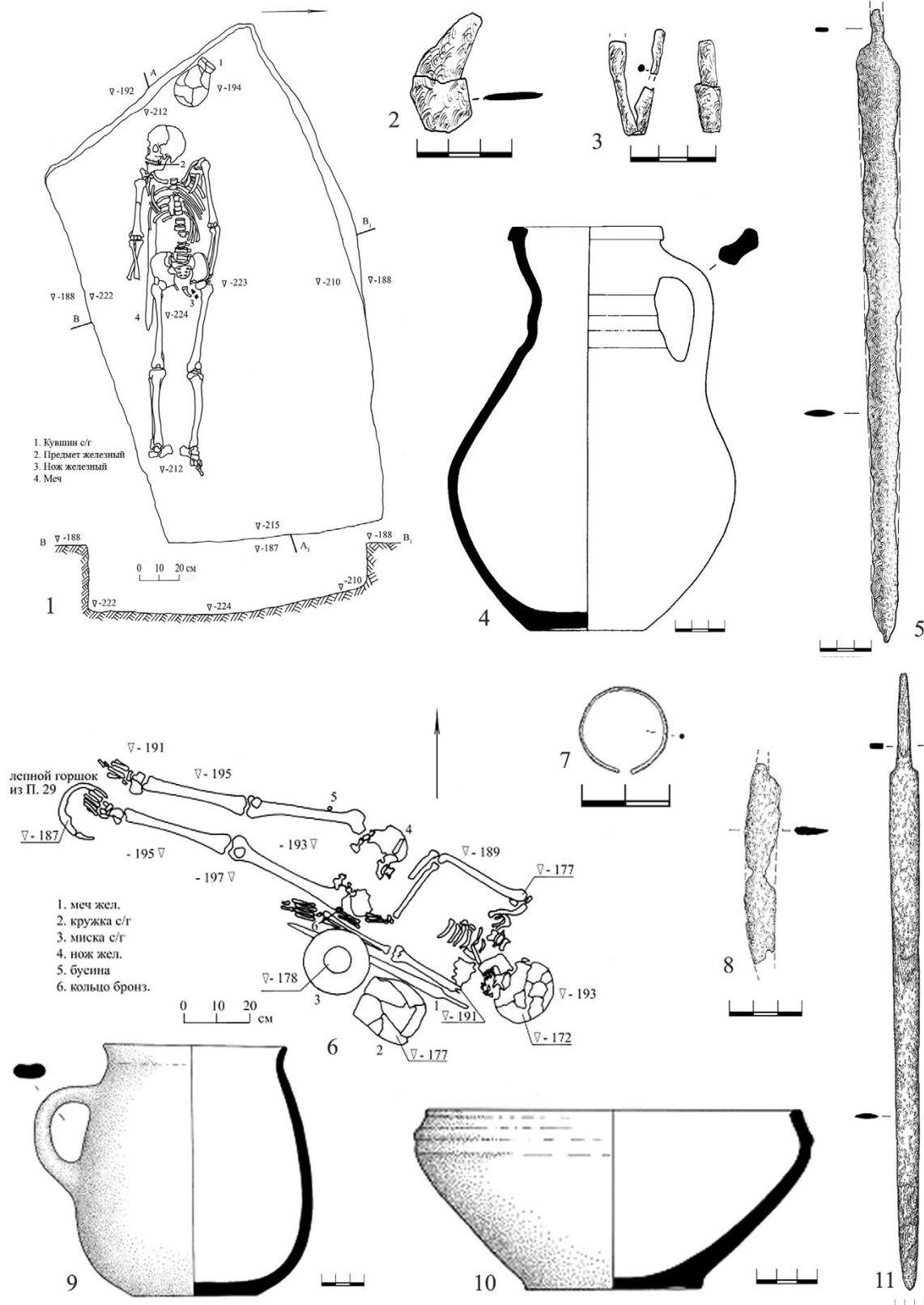

Рис. 15. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1–5 – погребение № 379з; 6–11 – погребение № 329в

Fig. 15. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2:

1–5 – burial No. 379z; 6–11 – burial No. 329b

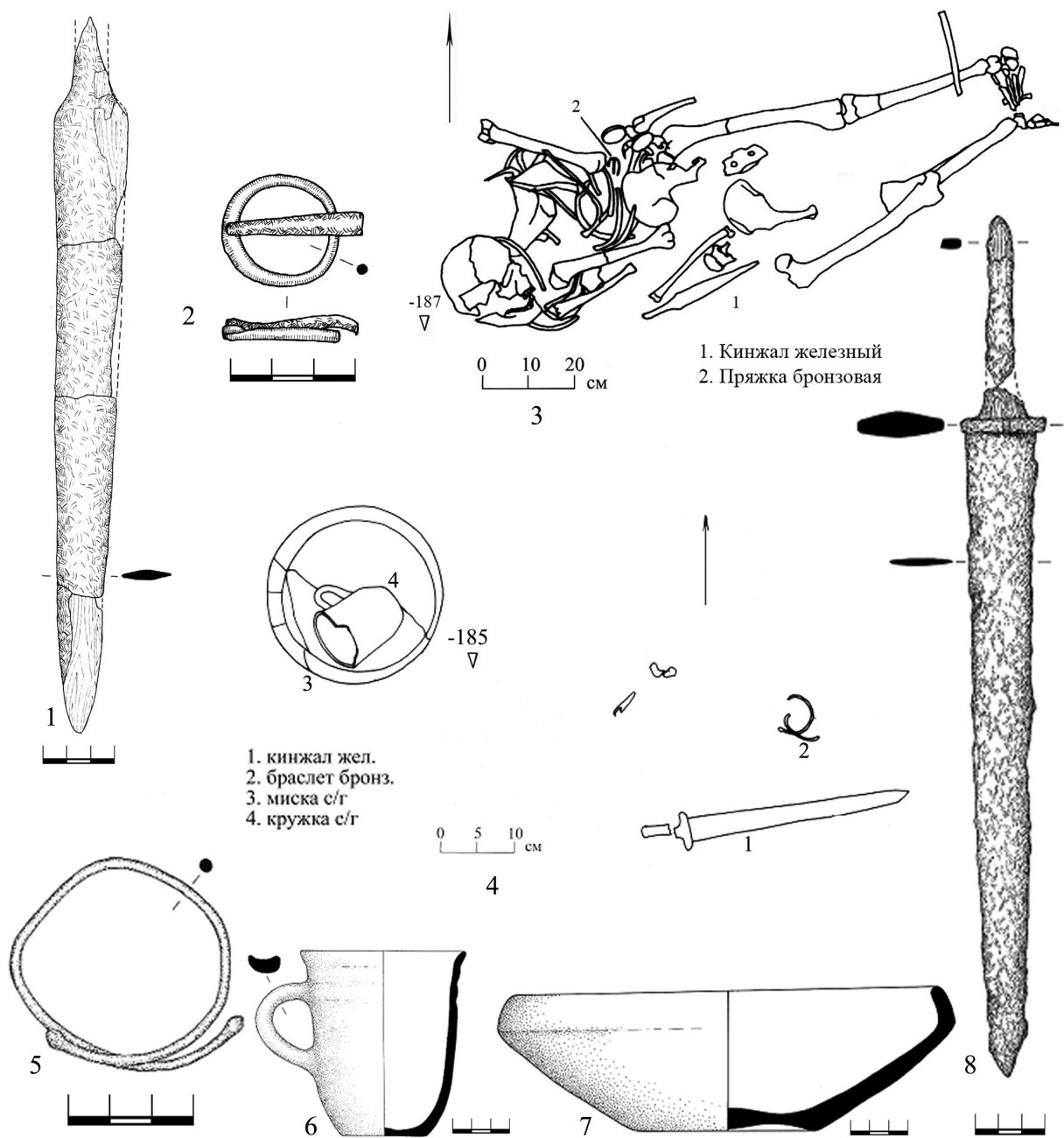

Рис. 16. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1-3 – погребение № 554з; 4-8 – погребение № 326в

Fig. 16. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2:

1-3 – burial No. 554з; 4-8 – burial No. 326в

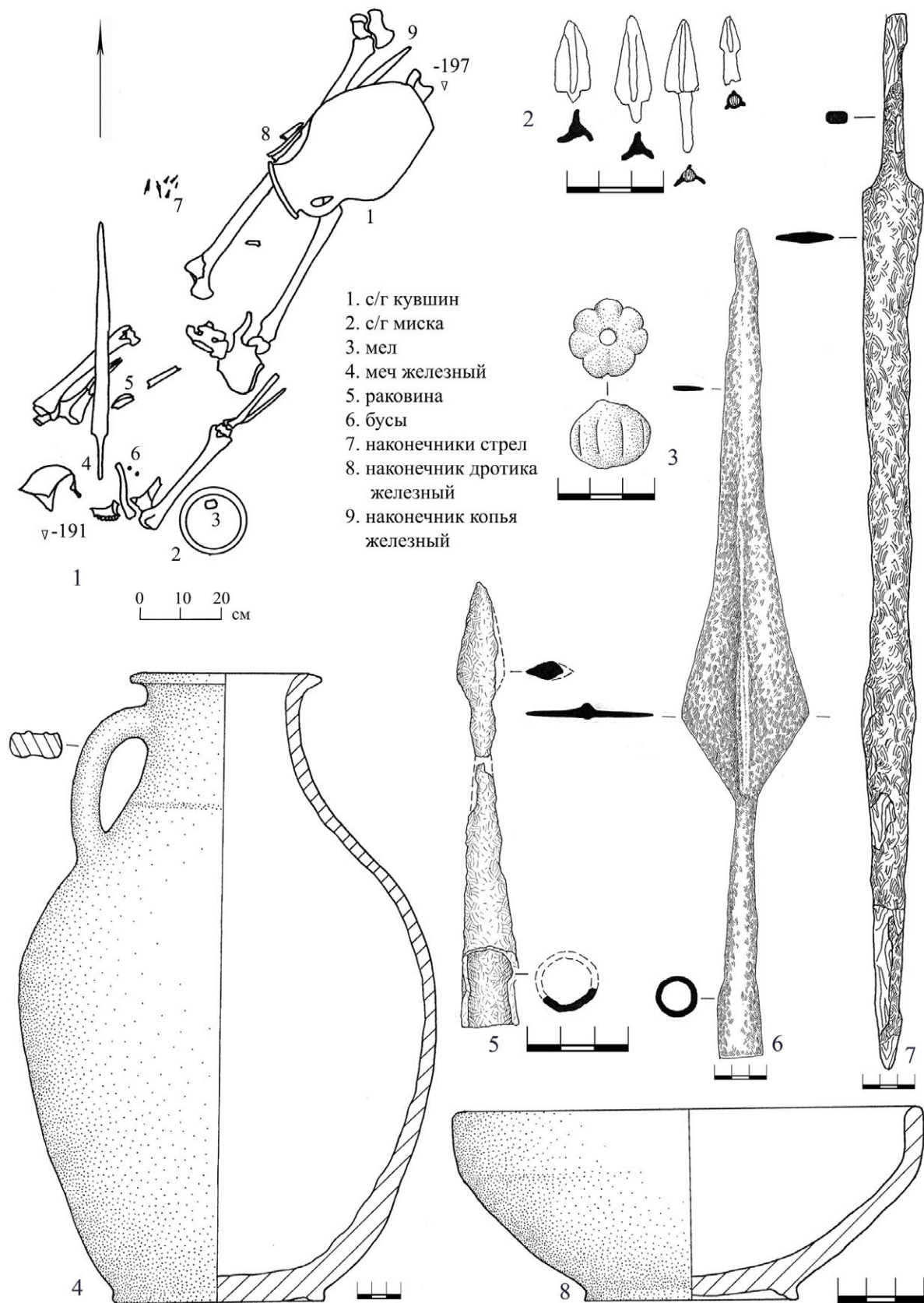

Рис. 17. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 482з
 Fig. 17. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 482z

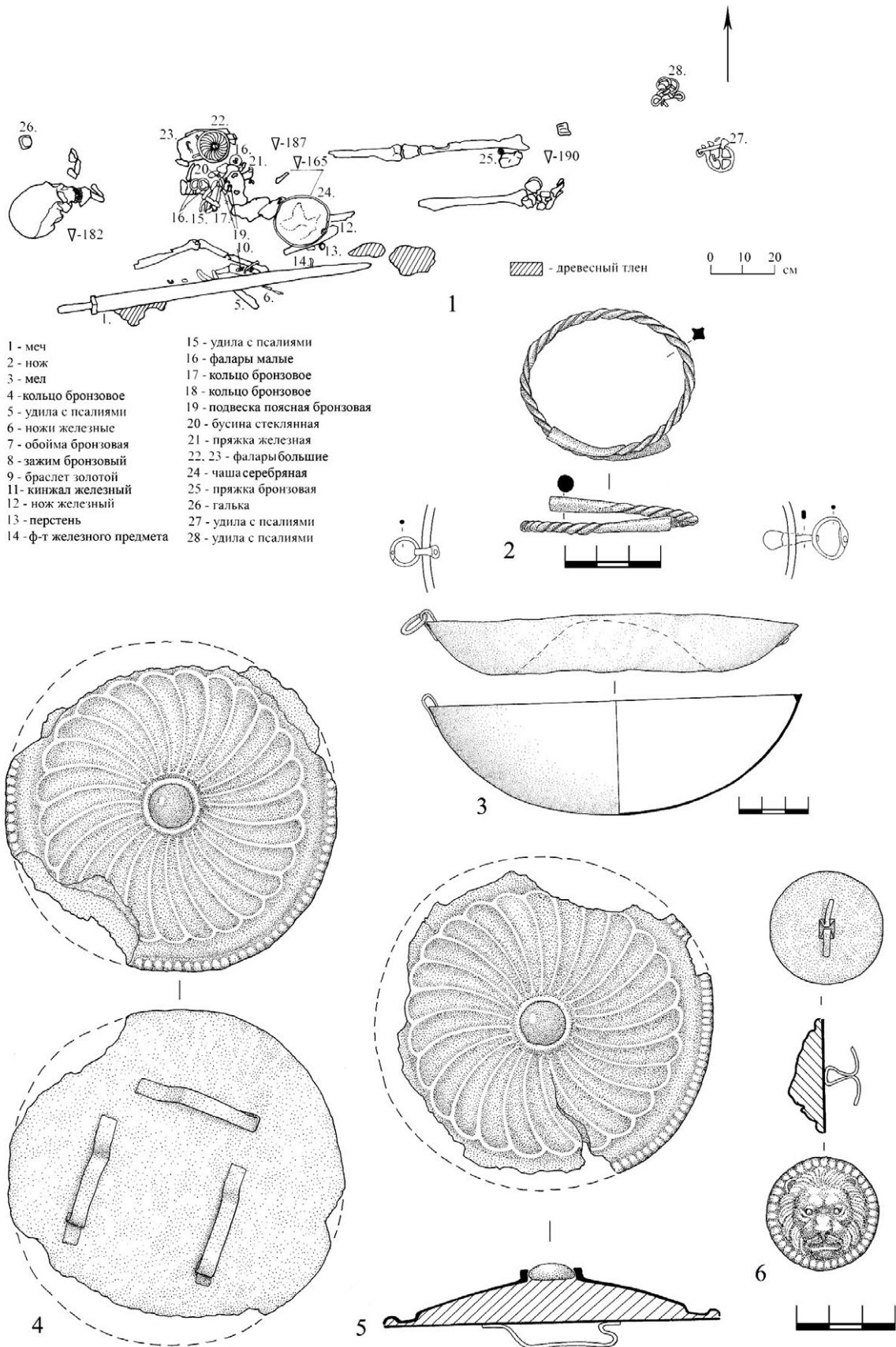

Рис. 18. Могилиник Старокорсунского городища № 2, погребение № 613з
Fig. 18. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 613з

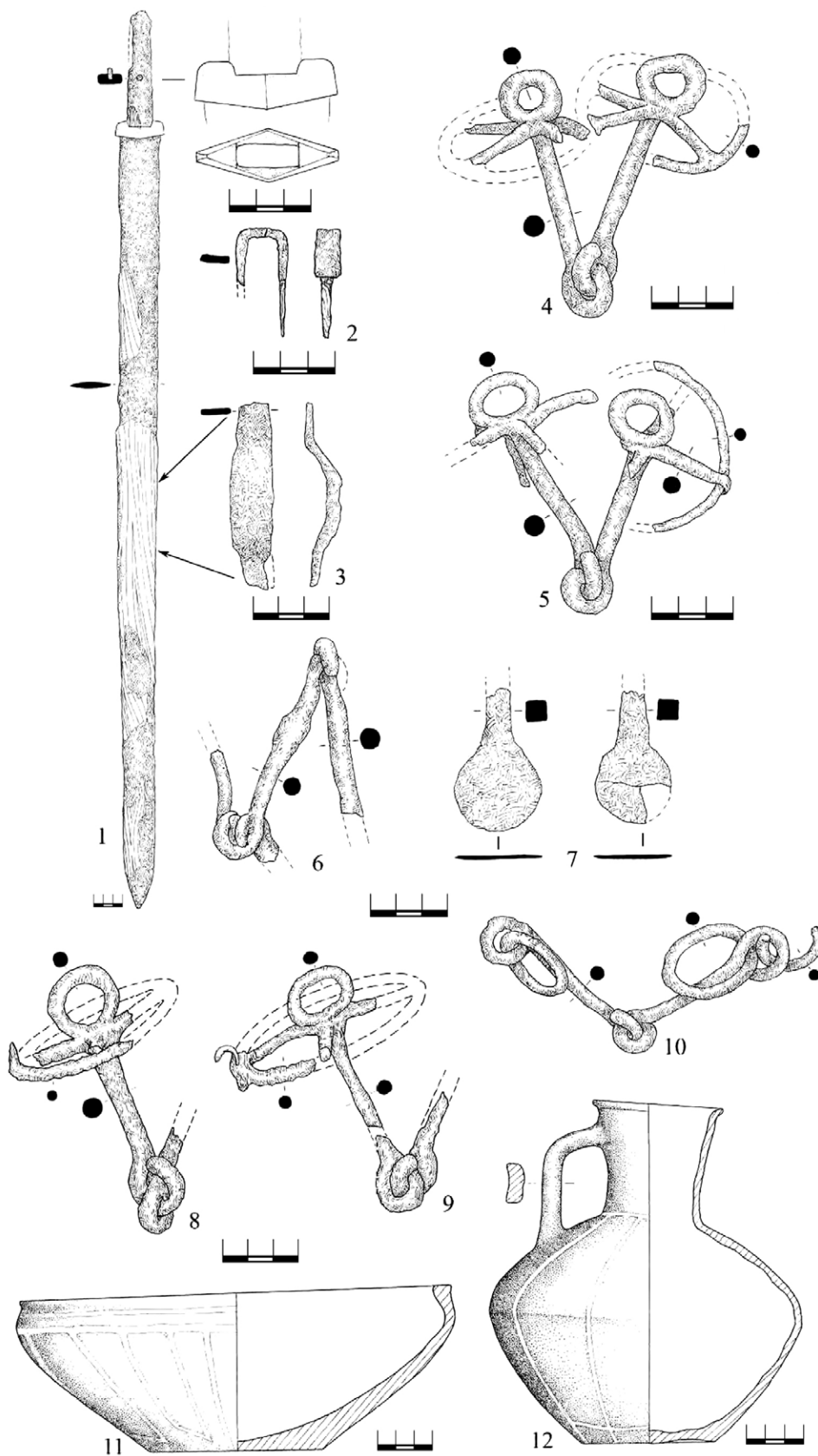

Рис. 19. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 613з
Fig. 19. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement No. 2, burial No. 613z

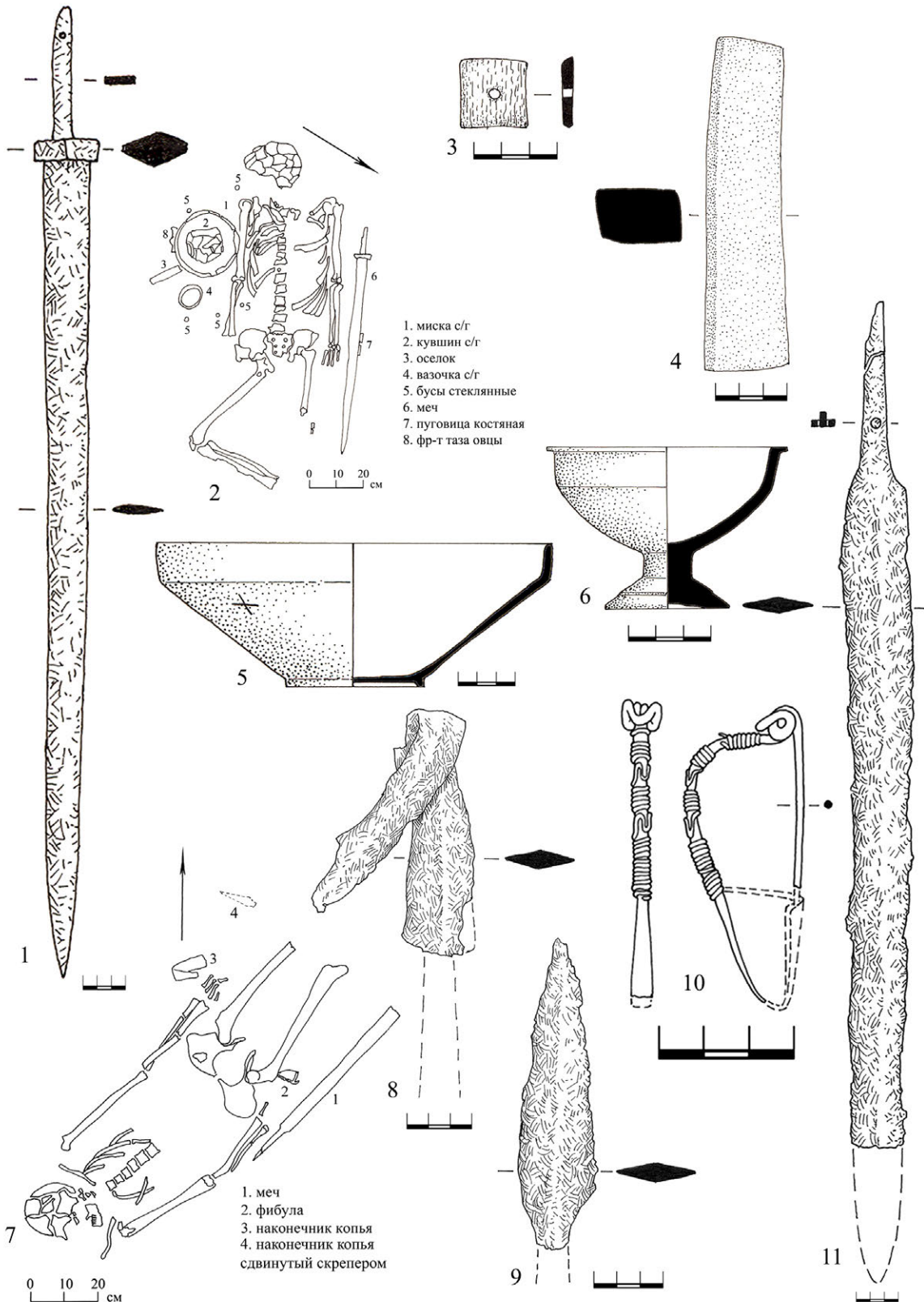

Рис. 20. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
 1–6 – погребение № 33/1980; 7–11 – погребение № 27/1983

Fig. 20. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
 1–6 – burial No. 33/1980; 7–11 – burial No. 27/1983

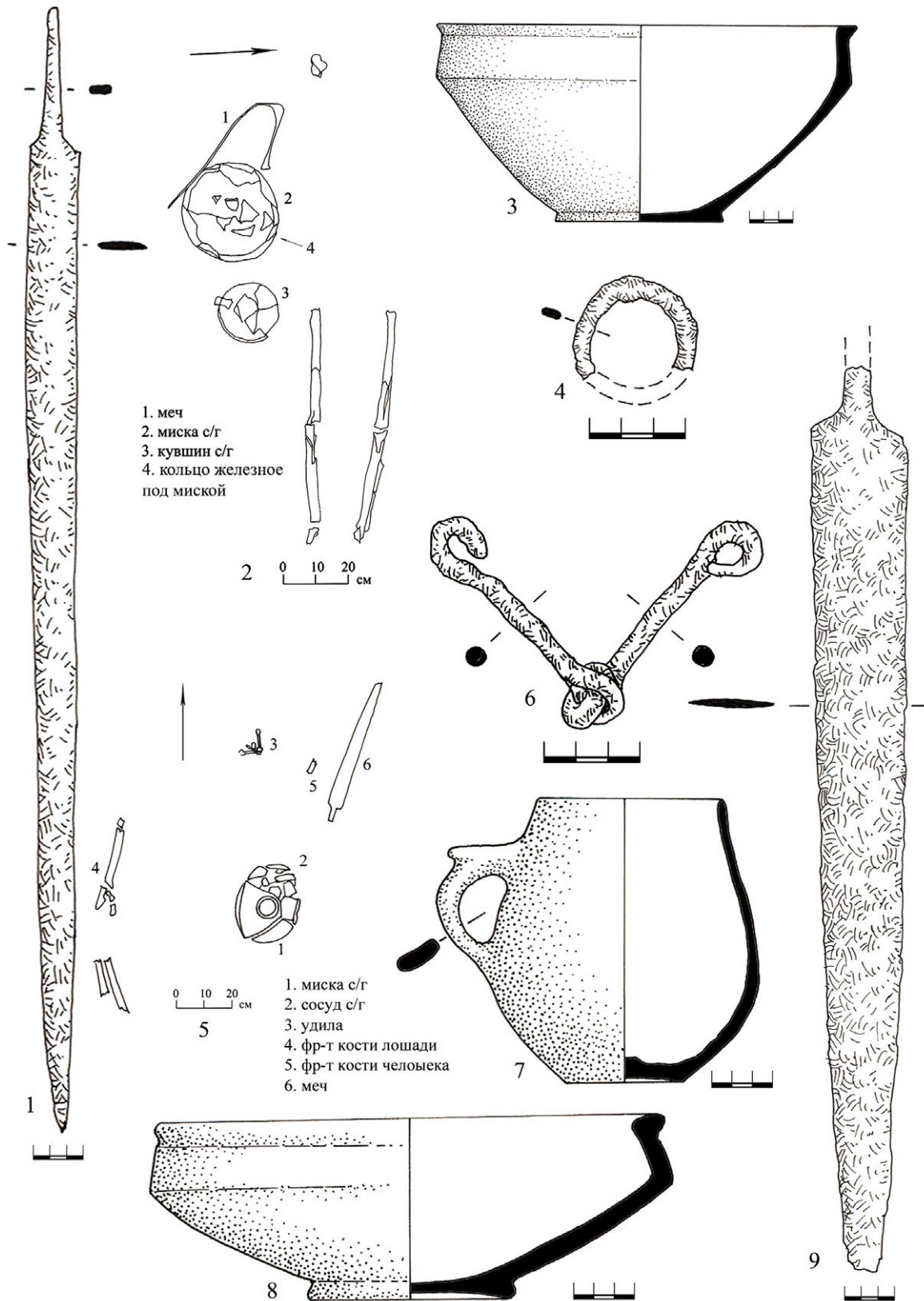

Рис. 21. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
1–4 – погребение № 64/1980; 5–9 – погребение № 138/1981

Fig. 21. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
1–4 – burial No. 64/1980; 5–9 – burial No. 138/1981

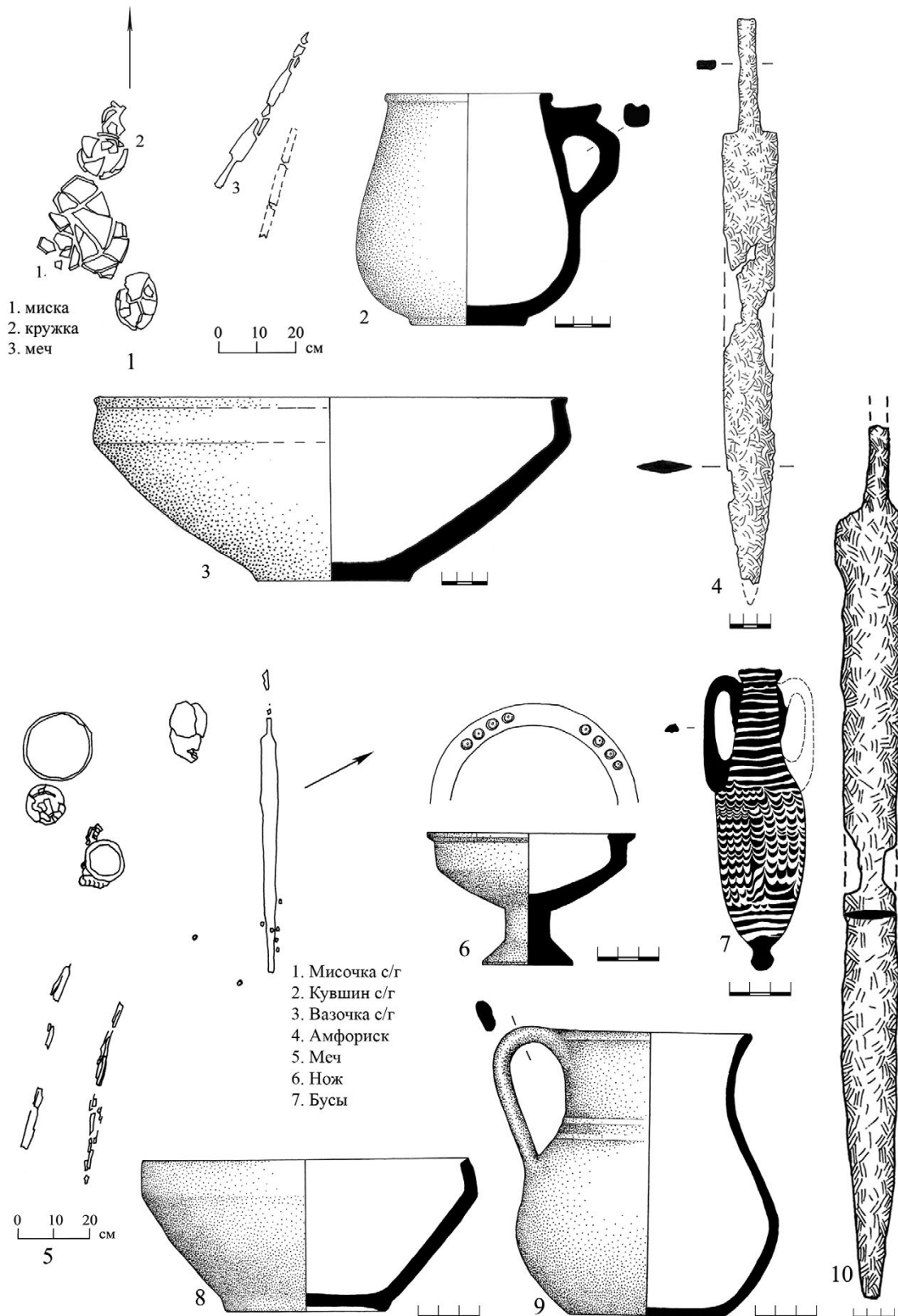

Рис. 22. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
1–4 – погребение № 4/1983; 5–10 – погребение № 306/1981
Fig. 22. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
1–4 – burial No. 4/1983; 5–10 – burial No. 306/1981

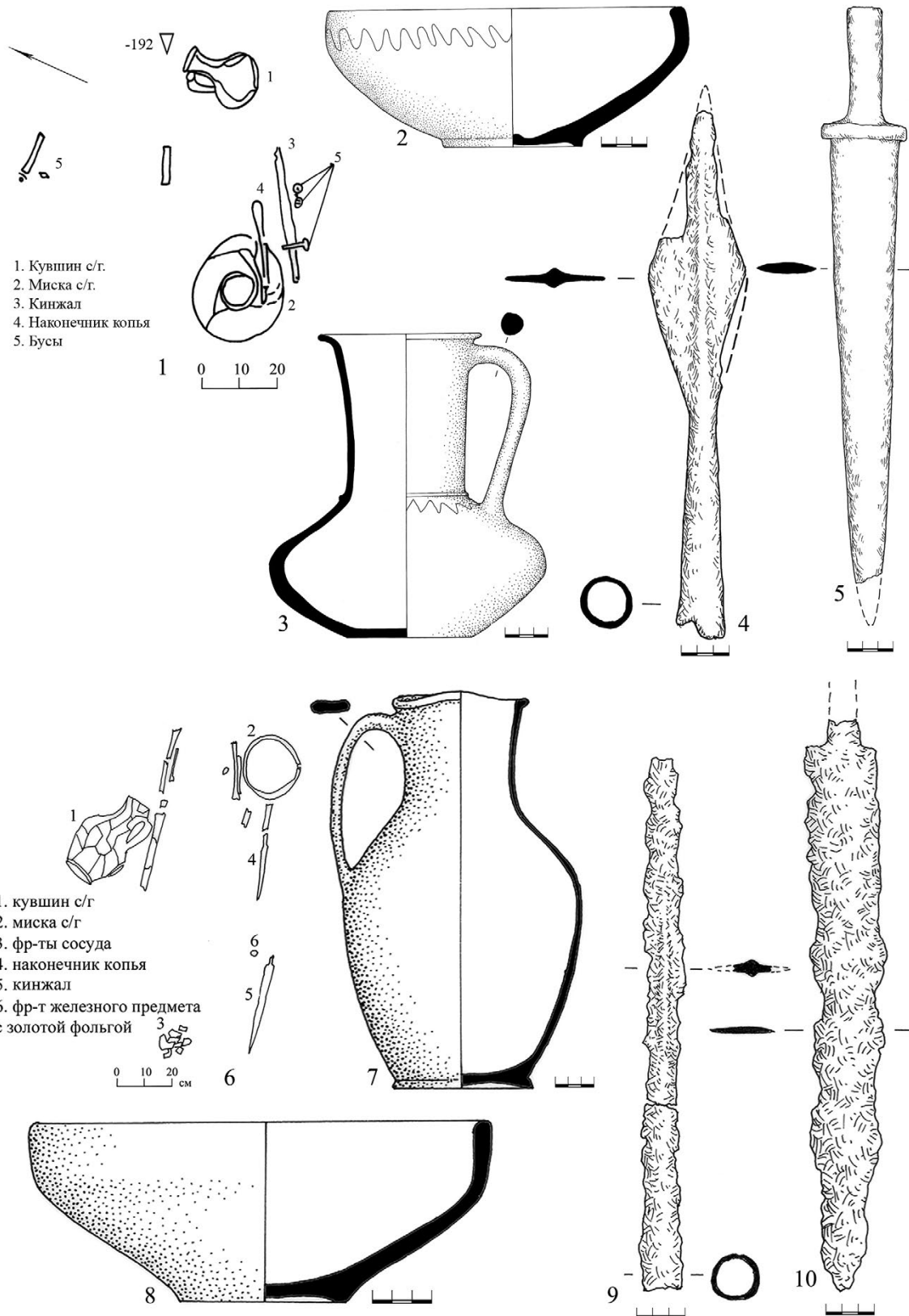

Рис. 23. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
1-5 – погребение № 20/1981; 6-10 – погребение № 140/1981

Fig. 23. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
1-5 – burial No. 20/1981; 6-10 – burial No. 140/1981

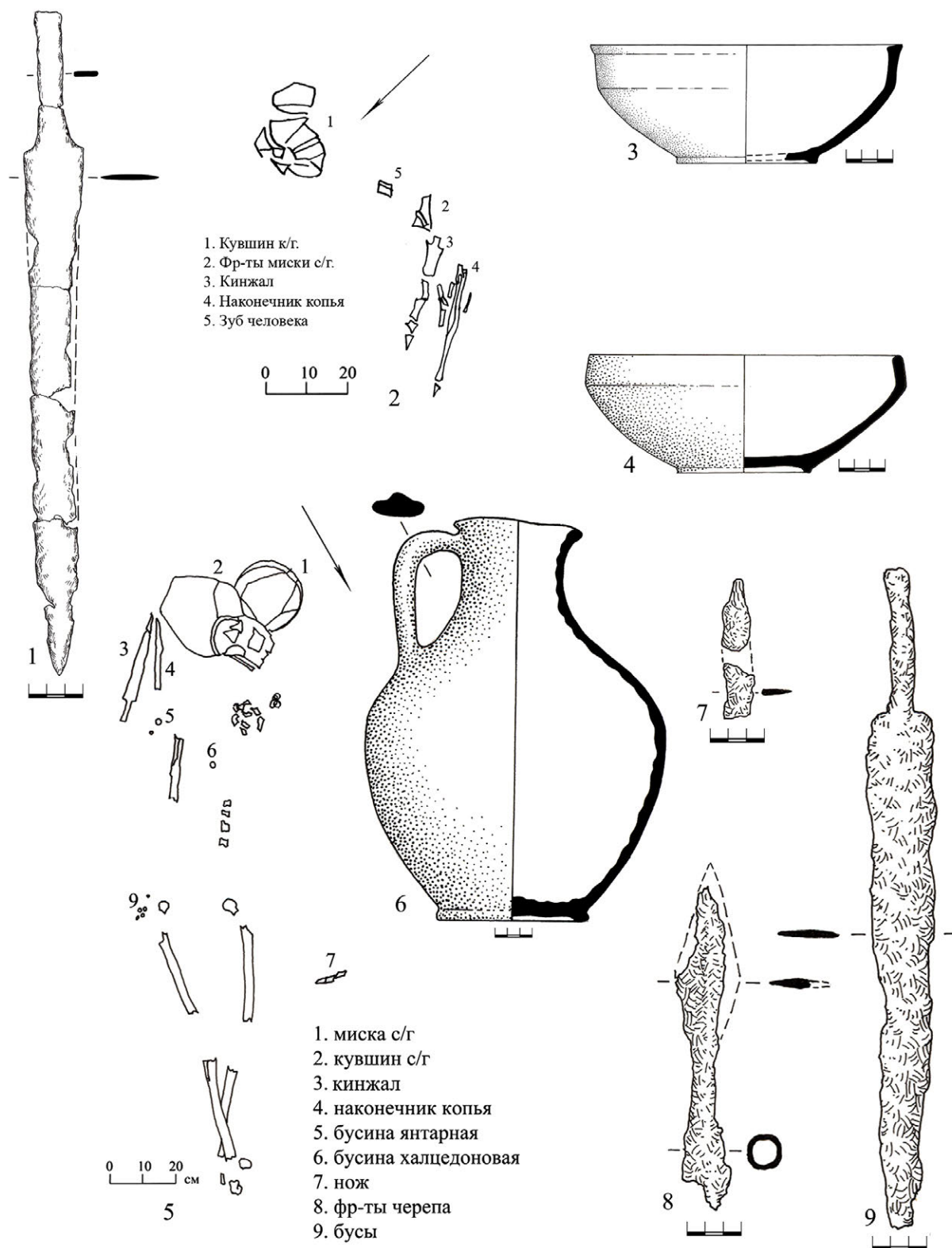

Рис. 24. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
1–3 – погребение № 174/1981; 4–9 – погребение № 377/1981

Fig. 24. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
1–3 – burial No. 174/1981; 4–9 – burial No. 377/1981

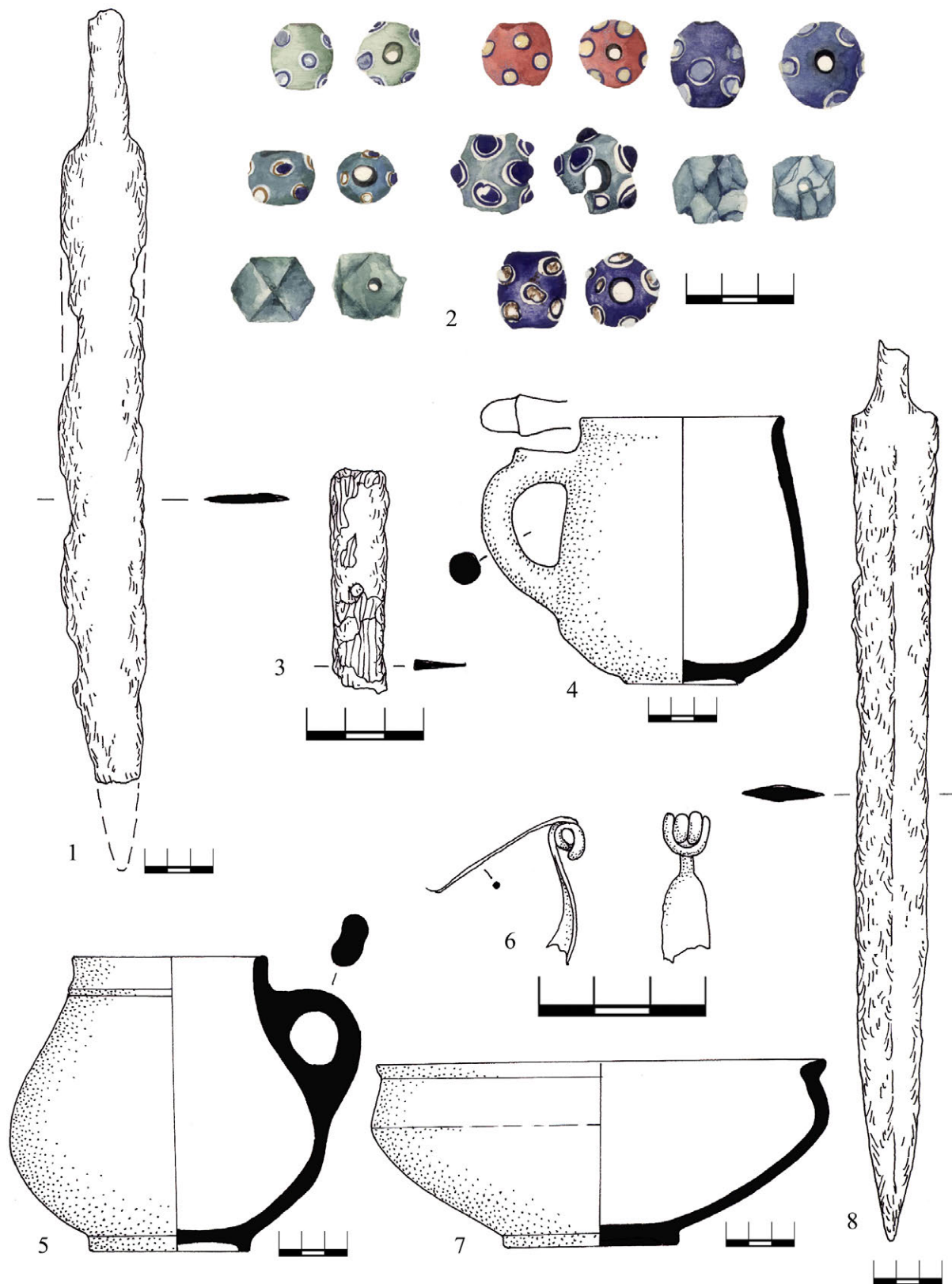

Рис. 25. Могильник городища № 1 хут. Ленина:
 1–4 – погребение № 289/1981; 5–8 – погребение № 255/1981

Fig. 25. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:
 1–4 – burial No. 289/1981; 5–8 – burial No. 255/1981

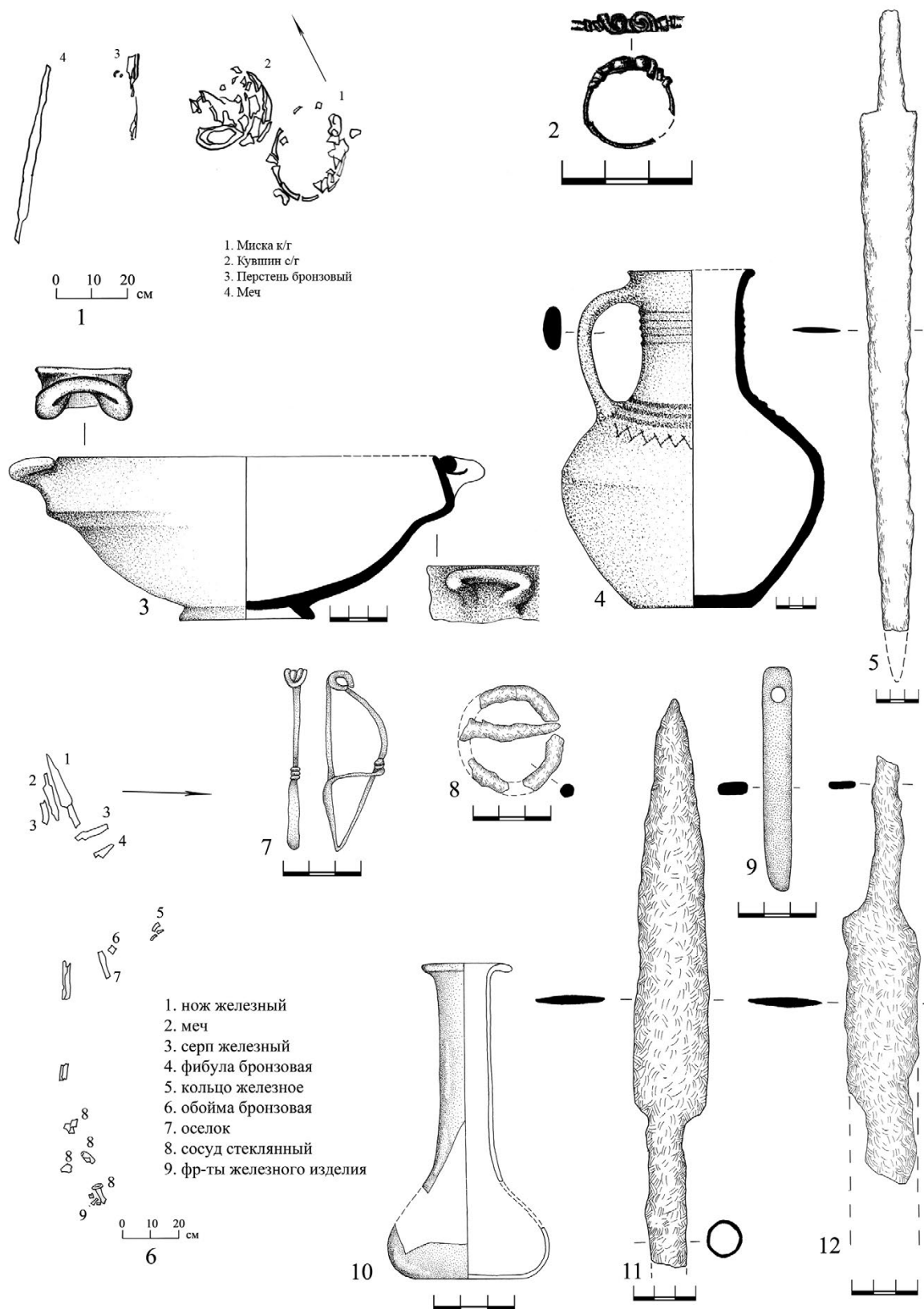

Рис. 26. Могильник городища № 1 хут. Ленина:

1–5 – погребение № 359/1981; 6–12 – погребение № 364/1981

Fig. 26. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:

1–5 – burial No. 359/1981; 6–12 – burial No. 364/1981

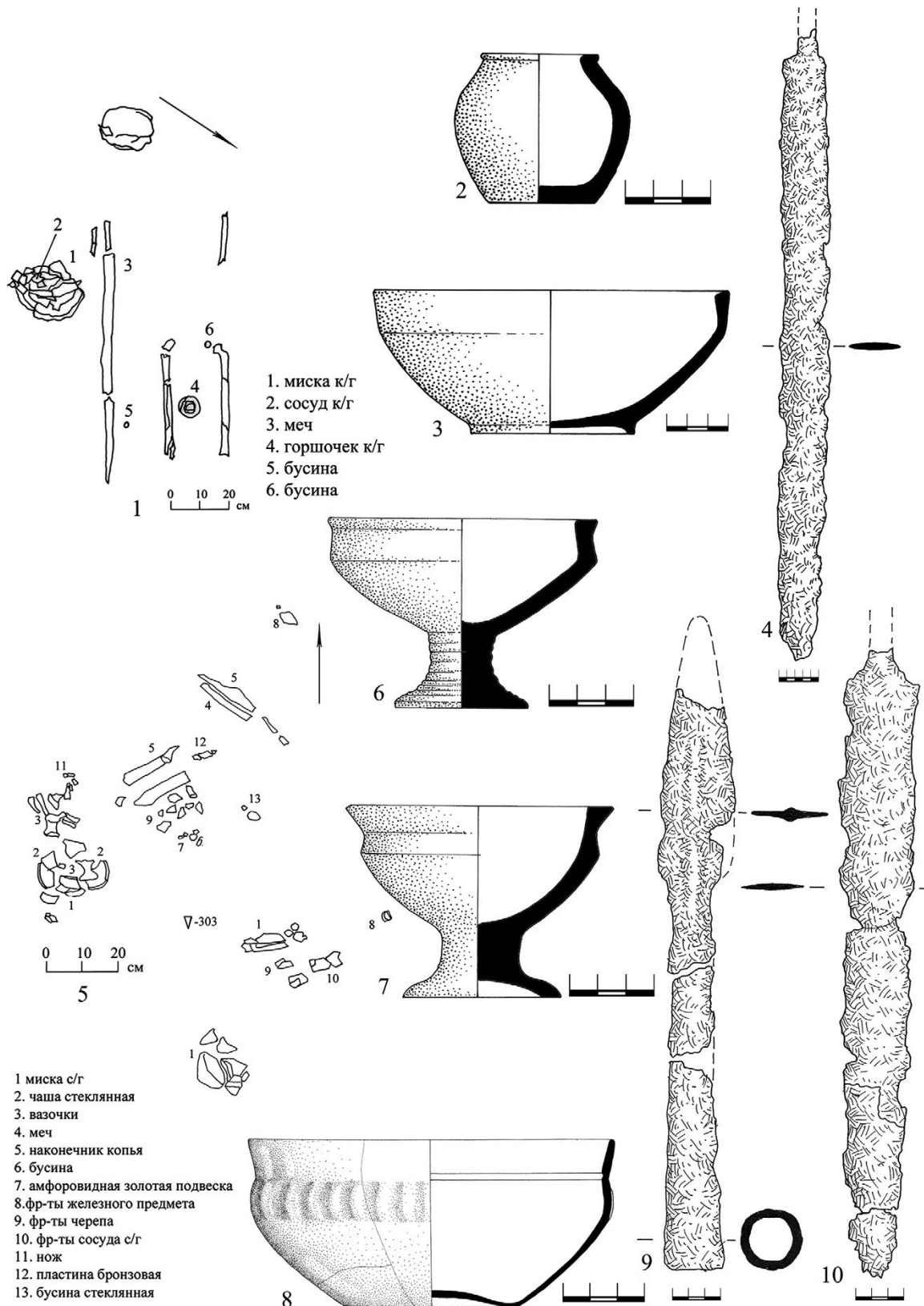

Рис. 27. Могильник городища № 1 хут. Ленина:

1-4 – погребение № 392/1981; 5-10 – погребение № 419/1981

Fig. 27. Burial ground of the Lenin No. 1 settlement:

1-4 – burial No. 392/1981; 5-10 – burial No. 419/1981

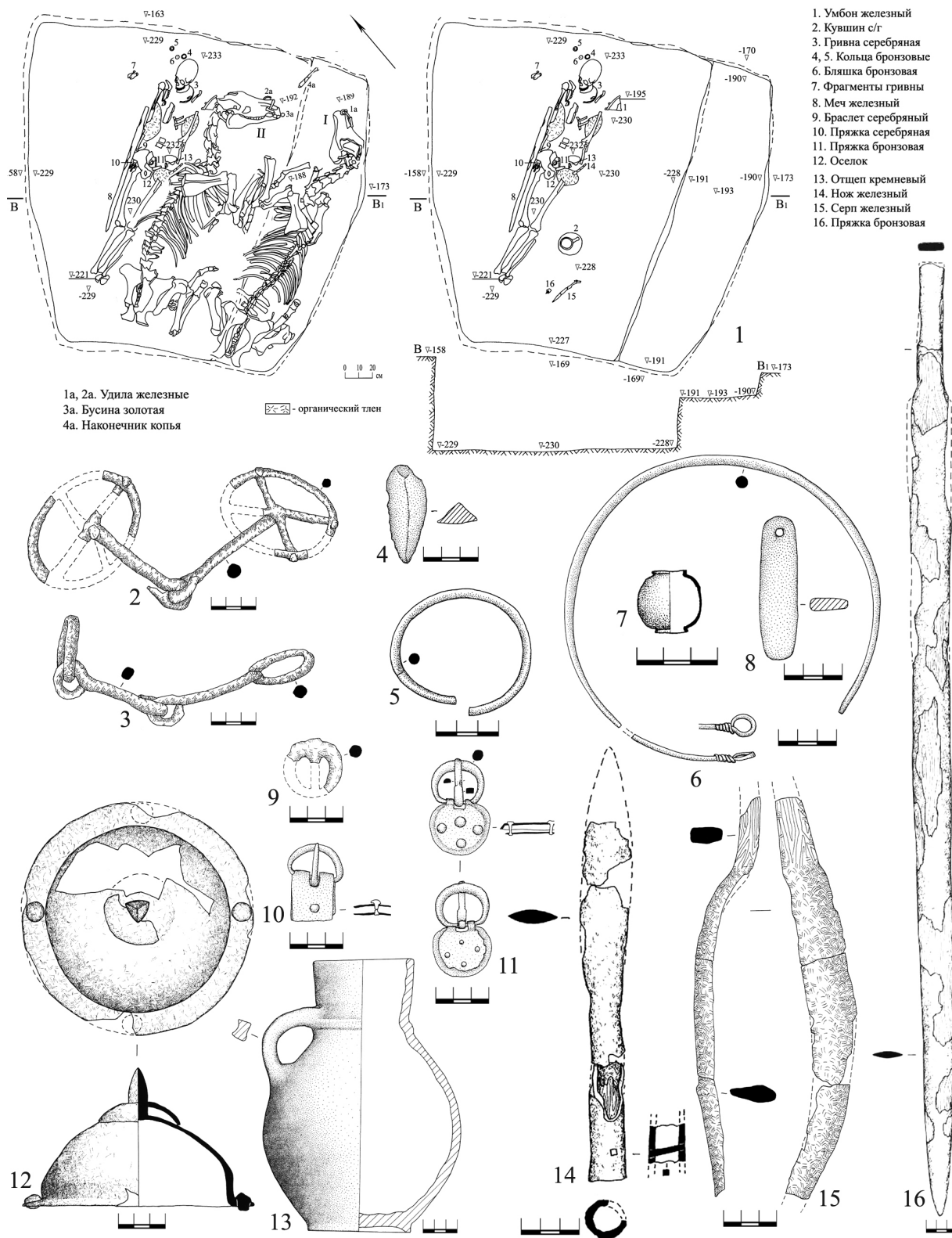

Рис. 28. Могильник городища Спорное, погребение № 161
 Fig. 28. Burial ground of the Spornoye settlement, burial No. 161

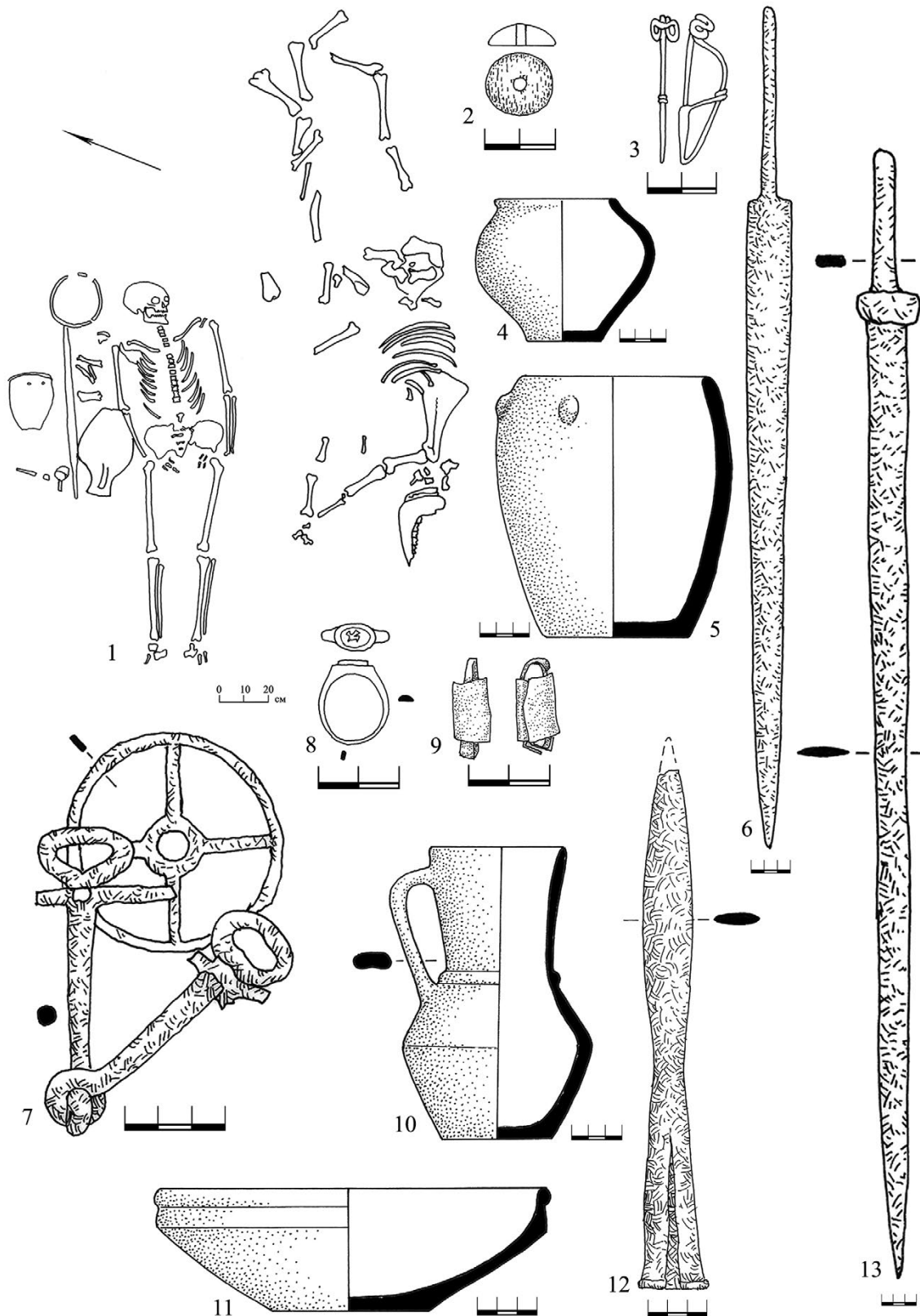

Рис. 29: 1–6 – Могильник Усть-Лабинского городища № 2, погребение № 81/1938;
7–13 – Могильник Елизаветинского городища № 2, погребение № 93/1978

Fig. 29: 1–6 – Burial ground of the Us't-Labinsk settlement No. 2, burial No. 81/1938;
7–13 – Burial ground of the Elisavetinskaya settlement No. 2, burial No. 93/1978

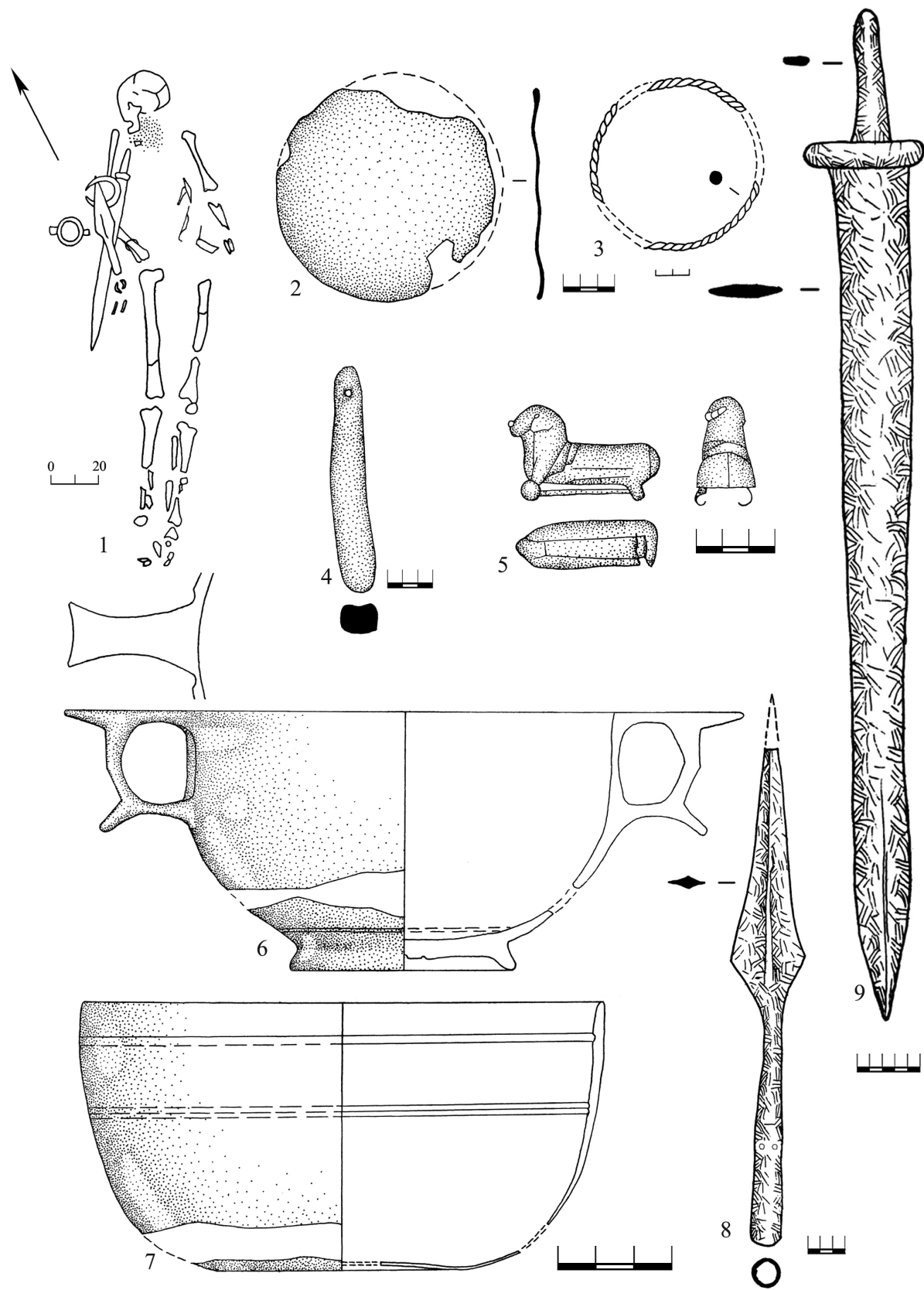

Рис. 30. Могильник Елизаветинского городища № 2, погребение № 31/1978
Fig. 30. Burial ground of the Elisavetinskaya settlement No. 2, burial No. 31/1978

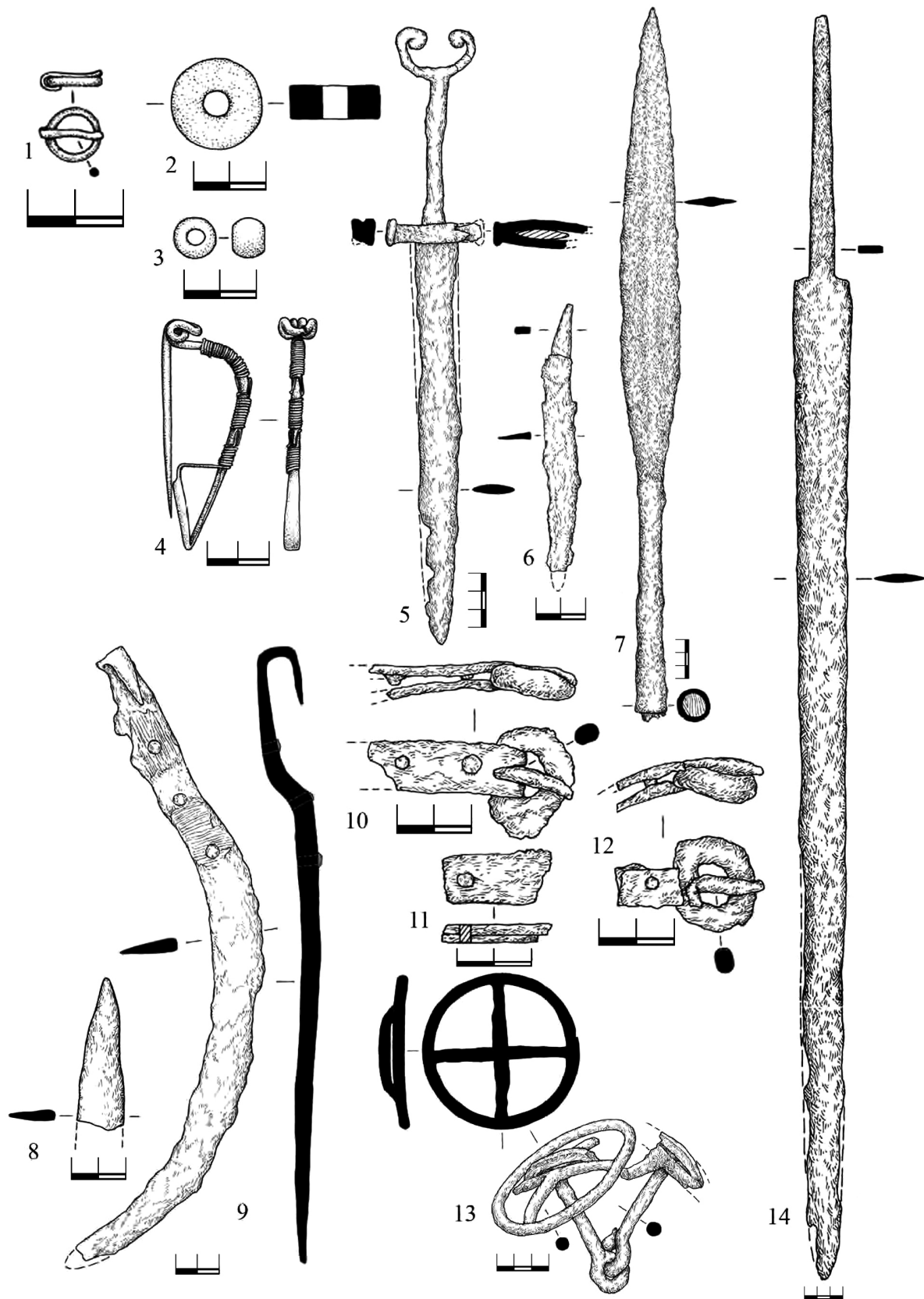

Рис. 31. Могильник № 2 Пашковского городища № 1, погребение № 1
Fig. 31. Burial ground No. 2 of the Pashkovskaya settlement No. 1, burial No. 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. П1–12. М. : Наука. 97 с., 34 табл.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. САИ. Д1–30. М. : Наука. 111 с., 28 табл.
- Анфимов И. Н., 1984. Меотский могильник I–II вв. н.э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 83–114.
- Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии. Вып. 23. М. : Изд-во АН СССР. С. 155–207.
- Анфимов Н. В., 1967. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся в Краснодарском крае в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3806.
- Анфимов Н. В., 1968. Отчет об археологических работах, связанных с охранными мероприятиями, проведенных в 1967 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 3807.
- Анфимов Н. В., 1973. Отчет о раскопках Пашковского 5-го могильника в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6505.
- Безуглов С. И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д : Terra. С. 169–193.
- Волошинов А. А., Масякин В. В., Неневоля И. И., 2007. Два комплекса с римскими импортами из Краснозринского некрополя // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 303–318.
- Иванов А. В., 2008. О длинных мечах без металлического перекрестия и навершия (по материалам меотских памятников Кубани) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 9. Армавир : Армавирский государственный педагогический университет. С. 75–84.
- Косьяненко В. М., 1989. Новые материалы позднеантичного времени с территории г. Ростов-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 8. Азов : Азовский краеведческий музей. С. 58–62.
- Косьяненко В. М. 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов : Азовский музей-заповедник. 554 с.
- Кривошеев М. В., 2007. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов : региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Южно-Уральский ГУ. С. 65–70.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИА НАНУ ; АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., Скворцов Н. В., 2020. Сарматские погребения из курганного могильника «Попов I» на Дону // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. № 1 (3). Воронеж : Научная книга. С. 351–359.
- Кунина Н. З., 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб. : Государственный Эрмитаж, АРС. 359 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды государственного Эрмитажа. Т. XIII. С. 146–177.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. № 3. Краснодар : КубГУ. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. № 6. Краснодар : КубГУ. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191. С. 141–154.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2013. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья // Stratum plus. № 4. С. 105–115.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2015. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника № 1 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 126–138. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.12>.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани // Stratum plus. № 4. С. 201–218.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019а. Погребения с мечами с кольцевым навершием из могильника меотского городища Спорное // *Stratum plus*. № 4. С. 189–209.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019б. Меотские погребения со стеклянными скифосами зубовского типа // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 18, № 2. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология браслетов с коническими шишечками на концах из меотских памятников Прикубанья // *Археологія і давня історія України*. Вип. 3 (36). С. 423–430.
- Мальшев А. А., 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского могильника*. М. : ИА РАН. С. 136–180.
- Маслов В. Е., 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // *Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову* : архив. материалы, публ., ст. М. : ИА РАН. С. 219–236.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 336 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.
- Скрипкин А. С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 3. С. 17–40.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М., 2020. Археологические памятники II–I вв. до н.э. Нижнего Поволжья и некоторые этнические проблемы сарматов // *Археологія і давня історія України*. Вип. 3 (36). С. 214–222.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев : Наукова думка. 175 с.
- Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–329.
- Хазанов А. И., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 169 с.
- Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek. Bd. 32. Leipzig : Curt Kabitzsch. 254 s.
- Dusenbery E. B., 1967. Ancient Glass from Cemeteries of Samophrace // *Journal of Glass Studies*. Vol. 9. P. 34–49.
- Dusenbery E. B., 1998. Samophrace. II. The necropoleis. The necropoleis and catalogues of burials. Catalogues of Objects by categories. Princeton : Princeton University Press. 1252 p.
- Grose D. F., 1989. Early Ancient Glass : Core-formed, Rod-formed, and Cast Vessels and Objects from Late Bronze Age to the Early Roman Empire, 1600 B.C. to A.D. 50. N. Y. : Hudson Hill Press. 453 p.
- Hayes J. W., 1975. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto : Royal Ontario Museum. 229 p.
- Fünfschilling S., 2015. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst. Bd. 51. August : Museum Augusta Raurica. 711 s.
- Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern : Francke. 198 s.
- Isings C., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Djakarta, Groningen : J.B. Wolters Publ. 183 p.
- Marčenko I. I., Limberis N. Ju., 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz : Philipp von Zabern. S. 265–400, 222 taf.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Forschungen in Augst. Bd. 18. August : Museum Augusta Raurica. 206 s.
- Rotroff S. I., 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey : The American school of classic studies in Athens. 979 p.
- Robinson H. S., 1959. Pottery of the Roman Period chronology. The Athenian Agora. Vol. V. Princeton, New Jersey : The American school of classic studies in Athens. 149 p.
- Rütti B., 1991. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst. Bd. 13. Nr. 1. August : Museum Augusta Raurica. 370 p.
- Thompson H. A., 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery. The American Excavation in the Athenian Agora. Fifth Report // *Hesperia*. Vol. III. No. 4. Athens, The American school of classic studies in Athens. P. 311–480.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. *Central'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Samatian Period (3rd Century BC – 4th Century AD)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Alekseeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads of the Northern Pontic Region]. Svod arkheologicheskikh istochnikov. ГИ–12. Moscow, Nauka Publ. 97 p., 34 tabl.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga Evropejskoj chasti SSSR II v. do n. e. – IV v. n. e.* [Fibulae of the South European Part of USSR 2nd Century BC – 4th Century AD)]. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Д1–30. Moscow, Nauka Publ. 111 p., 28 tabl.
- Anfimov I.N., 1984. Meotskiy mogil'nik I–II vv. n. e. bliz stanitsy Elizavetinskoy [Maeotian Cemetery of the First Centuries AD Near the Village of Elizavetinskaya]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues of Archaeology of Adygea]. Maykop, ARIELH, pp. 83-114.
- Anfimov N.V., 1951. Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Maeotian-Sarmatian Cemetery near the Village of Ust-Labinsk]. *Materialy I issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR], vol. 23, pp. 155-207.
- Anfimov N.V., 1967. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh v Krasnodarskom kraje v 1966 g. [The Report on the Archaeological Research, working in the Krasnodar Territory in 1966]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 3806.
- Anfimov N.V., 1968. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, svyazannykh s okhrannymi meropriyatiyami, provedennykh v 1967 g. [The Report on the Archaeological Works, related to conservation activities, carried out in 1967]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 3807.
- Anfimov N.V., 1973. Otchet o raskopkakh Pashkovskogo 5-go mogil'nika v 1972 g. [The Report on the Excavations of the 5th Pashkovskaya Burial Ground in 1972]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 6505.
- Bezuglov S.I., 2000. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ja) [The late Sarmatian's Swords]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arheologii Dona* [Sarmatians and their Neighbours on the Don. The Don Archaeology: New Materials and its Analysis], iss. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 169-193.
- Voloshinov A.A., Masyakin V.V., Nenevolya I. I., 2007. Dva kompleksa s rimskimi importami iz Krasnozorsinogo nekropolya [Two Complexes with Roman Imports from the Krasnozorsinsk Necropolis]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tavrika]. Simferopol, Universum Publ., pp. 303-318.
- Ivanov A.V., 2008. O dlinnykh mechah bez metallicheskogo perekrestiya i navershiya (po materialam meotskih pamyatnikov Kubani) [On Long Swords Without a Metal Rain-Guard and Top (Based on Materials from the Maeotian Sites of the Kuban)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus], iss. 9. Armavir, Armavir State Pedagogical University, pp. 75-84.
- Kosyanenko V.M., 1989. Novye materialy pozdneantichnogo vremeni s territorii g. Rostov-na-Donu [New Materials of Late Antique Time from the Territory of the City Rostov-on-Don]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don], iss. 8. Azov, The Regional Museum of Azov, pp. 58-62.
- Kosyanenko V.M., 2008. Nekropol' Kobiakova gorodischa (po materialam raskopok 1956–1962 gg.) [Necropolis of the Kobayakov Settlement (on the Materials of 1956–1962)]. *Donskie drevnosti* [The Ancient of the Don], iss. 9. Azov, The Museum-Reserve of Azov. 554 p.
- Krivosheev M.V., 2007. Vooruzhenie pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya [Arming Of The Late Sarmatian Time In The Lower Volga Region]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naja tipologiya i hronologiya. Doklady k VI mezhdunarodnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [The Sarmatians Arming: Regional Typology and Chronology. Reports for the VI International Conference “The Problems of the Sarmatian Archaeology and History”]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 65-70.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., Skvortsov N.V., 2020. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika «Popov I» na Donu [Sarmatian Burials from the Cemetery “Popov I” on the Don]. *Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians], no. 1 (3). Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 351-359.
- Kunina N.Z., 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Antique Glass in the Hermitage Collection]. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum. 359 p.

- Kunina N.Z., Sorokina N.P., 1972. Steklyannye bal'zamarii Bospora [Glass of Balzamai of the Bosporus]. *Trudy gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], vol. XIII, pp. 146-177.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikuban'ya [Late Hellenistic and Roman Glass Vessels from Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani*. [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 3. Krasnodar, Kuban State University, pp. 106-183.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i khronologiya zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of the Iron Spearheads from the Sites of the Kuban River Right Bank]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, Kuban State University, pp. 152-181.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2012. Pogrebenie skifo-sarmatskogo vremeni na nekropole meotskogo gorodishcha [Burial of a Sarmatian Horseman in the Cemetery of a Maeotian Hillfort]. *Evrasia v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Guschinoy* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina]. *Trudy GIM*, vol. 191, pp. 141-154.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2013. Vsadnicheskoe pogrebenie s umbonom iz Srednego Prikuban'ya [The Equestrian Burial with Shield-Boss from Middle Kuban]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 105-115.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2015. Dve katakomby pozdnesarmatskogo vremeni iz Pashkovskogo mogil'nika № 1 [Two Catacombs of Late Sarmatian Time from Pashkovsky Burial Ground No. 2]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (35), pp. 126-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.12>.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I. 2018. Khronologiya ornamentirovannykh zerkal-podvesok s bokovoy ruchkoy iz meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [The Chronology of Ornamented Mirror-Pendants with a Side Handle from Maeotian Burial Grounds in the Right Bank of the Kuban River]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 201-218.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019a. Pogrebeniya s mechami s kol'tsevykh navershiem iz mogil'nika meotskogo gorodishcha Spornoye [Graves with Ring-Topped Swords from the Burial Ground of the Maeotian Fortified Settlement Spornoye]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 189-209.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019b. Meotskie pogrebeniya so steklyannymi skifosami zubovskogo tipa [Maeotian Burials with Glass Skyphos of Zubovsky Type]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 235-244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2020. Khronologiya brasletov s konicheskimi shishechkami na kontsakh iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Chronology of the Arm-rings with Conical Cones at the Ends from the Maeotian Monuments of the Kuban Region]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrayiny* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], vol. 3 (36), pp. 423-430.
- Malyshev A.A., 2008. Pogrebal'nyy inventar' Tsem dolinskogo nekropolya [Grave Goods from the Tsem dolina necropolis]. *Aspurgiane na yugo-vostoke asiatskogo Bospora. Po materialam Tsem dolinskogo nekropolya* [The Aspurgians on The South-East of Bosporus Asiaticus. Materials from the Tsem dolina a Necropolis]. Moscow, IA RAS, pp. 136-180.
- Maslov V.E., 1999. O datirovke izobrazheniy na poyasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika [On the Dating of Images on Belt Plates from the Orlat Burial Ground]. *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian Antiquities. 100 years of B.N. Grakov: Archival Materials, Publications, Articles]. Moscow, IA RAS, pp. 219-236.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraces of the Kuban (Based on the Materials from Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, Kuban State University, 336 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Riders of North Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Historia. 328 p.
- Skripkin A.S., 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New Aspects in the Investigations of the History of Sarmatian Material Culture]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 3, pp. 17-40.
- Skripkin A.S., Klepikov V.M. 2020. Arkheologicheskiye pamiatniki Nizhnego Povolzh'ya II-I vv. do n.e. [Archaeological Sites of the Lower Volga Region of the 2nd–1st Centuries BC and some Ethnic Issues of the

- Sarmatians]. *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], vol. 3 (36), pp. 214-222.
- Symonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (Based on the Materials of the Eastern Cemetery of Scythian Naples)]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 175 p.
- Trufanov A.A., 2009. *Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e.* [Chronology of Cemeteries of Crimean Foothills of the 1st c. BC – 3rd c. AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117-329.
- Khazanov A.I., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 169 p.
- Almgren O., 1923. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Mannus-Bibliothek. Bd. 32. Leihzig, Curt Kabitzsch. 254 S.
- Dusenbery E.B., 1967. Ancient Glass from Cemeteries of Samophrace. *Journal of Glass Studies*, vol. 9, pp. 34-49.
- Dusenbery E.B., 1998. Samophrace. II. The necropoleis. The necropoleis and catalogues of burials. *Catalogues of Objects by categories*. Princeton: Princeton University Press. 1252 p.
- Grose D.F., 1989. *Early Ancient Glass: core-formed, rod-formed, and cast vessels and objects from late Bronze Age to the early Roman Empire, 1600 B.C. to A.D. 50*. New York, Hudson Hill Press. 453 p.
- Hayes J.W., 1975. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto, Royal Ontario Museum. 229 p.
- Fünfschilling S., 2015. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst*. Bd. 51. August : Museum Augusta Raurica. 711 s.
- Ettlinger E., 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern, Francke. 198 s.
- Isings C., 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Djakarta, Groningen. 183 p.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. *Siminenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien*. Mainz, Philipp von Zabern. Bd. 25. S. 265-400, 222 taf.
- Riha E., 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. *Forschungen in Augst*. Bd. 18. August, Museum Augusta Raurica. 206 s.
- Rotroff S.I., 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey, The American school of classic studies in Athens. 979 p.
- Robinson H.S., 1959. *Pottery of the Roman period chronology*. The Athenian Agora. Vol. V. Princeton, New Jersey, The American school of classic studies in Athens. 149 p.
- Rütti B., 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. *Forschungen in Augst*. Bd. 13. Nr. 1. August : Museum Augusta Raurica. 370 p.
- Thompson H.A., 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery. The American Excavation in the Athenian Agora. Fifth report. *Hesperia*. Vol. III. No. 4. Athens, The American school of classic studies in Athens, pp. 311-480.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Artem V. Kondratenko, Junior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, artkondratenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-2673>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Артем Викторович Кондратенко, младший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, artkondratenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-2673>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.8>

UDC 903'1:391.7

LBC 63.442.7(235.7)-417

Submitted: 01.12.2020

Accepted: 27.05.2021

GOLD SETTINGS WITH INLAYS FROM KOSIKA¹

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany

Abstract. The article dwells on the finds in the burial of the Sarmatian skeptuchos of the 1st century BC near Kosika on the Lower Volga of the gold settings, decorated using the cloisonné technique and with inlays of emeralds and glass of different colors. Three of them with inlays in the cloisonné technique, which find parallels among jewelry from the Artyukhov Burial-mound and Asia Minor, are probably dating back to the 2nd century BC, and could originally decorate various objects. 18 other settings are characterized by the absence of loops on the rear or holes for stringing, which excludes their use as elements of necklaces or diadems. These settings find analogies among the finds from the tomb in the Burial-mound A in Karalar in Central Anatolia, in which the Galatian king Sinorix, the father of Deiotaros I (ca. 120–41/40 BC) and the grandfather of Deiotaros II the Younger (Philopator), died in the battle under Philippi in 42 BC, was possibly buried. Like by the settings from Karalar, a significant number of settings from Kosika are decorated with green inlays of emerald and beryl, which were widely used in jewelry of the Late Hellenistic and Early Imperial periods. Along with other unique items from the burial on the Lower Volga, gold settings with inlays, most likely used in the interior decoration of the grave or in the decoration of the bone handle of the ceremonial dagger, emphasize the belonging of the burial to the highest rank of the Sarmatian elite.

Key words: Lower Volga region, Kosika, Bosphorus, Artyukhov Burial-mound, Asia Minor, Galatia, Karalar, settings with inlays, cloisonné, emeralds.

Citation. Treister M. Yu., 2021. Zolotyе kasty so vstavkami iz Kosiki [Gold Settings with Inlays from Kosika]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 153-178. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.8>

УДК 903'1:391.7

ББК 63.442.7(235.7)-417

Дата поступления статьи: 01.12.2020

Дата принятия статьи: 27.05.2021

ЗОЛОТЫЕ КАСТЫ СО ВСТАВКАМИ ИЗ КОСИКИ¹

Михаил Юрьевич Трейстер

Германский археологический институт, г. Берлин, Германия

Аннотация. В статье рассматриваются найденные в погребении сарматского скептуха I в. до н.э. в Косике на Нижней Волге золотые касты, украшенные в технике клуазонне, и касты со вставками изумрудов и стекла разных цветов. Три касты со вставками в технике клуазонне, находящие аналогии среди ювелирных изделий из Артюховского кургана и Малой Азии, вероятно датирующиеся еще II в. до н.э., могли изначально украшать различные предметы. 18 остальных кастов характеризуются отсутствием петель на обороте или отверстий для нанизывания, что исключает их использование как элементов ожерелий или диадем. Эти касты находят аналогии в кастах из погребения в кургане «А» в Караларе в Центральной Анатолии, в котором, возможно, был погребен царь галатов Синорикс, отец Дейотара I (ок. 120–41/40 гг. до н.э.) и дед погибшего при Филиппах в 42 г. до н.э. Дейотара II младшего (Филопатора). Как и среди кастов из Каралара, значительное количество кастов украшены вставками зеленого цвета из изумруда и берилла, которые получили широкое распространение в ювелирных изделиях эпохи позднего эллинизма и Ранней империи. Наряду с другими уникальными предметами из погребения на Нижней Волге золотые касты со вставками, вероятнее всего использованные во внутреннем декоре могилы или в оформлении костяной рукояти парадного кинжала, подчеркивают принадлежность погребения к высшему рангу сарматской элиты.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Косика, Боспор, Артюховский курган, Малая Азия, Галатия, Каралар, касты со вставками, клуазонне, изумруды.

Цитирование. Трейстер М. Ю., 2021. Золотые касты со вставками из Косики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 153–178. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.8>

Введение

Я уже рассматривал найденные в погребении сарматского скептуха I в. до н.э. в Косике на Нижней Волге золотые касты, украшенные в технике клуазонне [Treister, 2004a, p. 192, fig. 2,7–9, p. 202; Cat. Rome, 2005, p. 142–143, nos. 97–99; Трейстер, 2007в, с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 42, № А114.9, табл. 78], и касты со вставками изумрудов и стекла разных цветов [Cat. Rome, 2005, p. 146–147, nos. 107–117]. Всего, как было отмечено в первой публикации комплекса, в выбросе из погребения было обнаружено 17 золотых кастов круглой, овальной и ромбической форм с каменными (зеленого, вишневого и охристого цвета) и стеклянными (фиолетового цвета) вставками, а также «каст на ножке со вставкой бирюзы», предполагающие «наличие крупной золотой основы» [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 147]. Общее количество кастов, включая «каст на ножке» и три каста со вставками в технике клуазонне, – 21 (рис. 1–3).

Касты со вставками в технике клуазонне

Вначале рассмотрим небольшие бляшки, украшенные клуазонами. Основу бляшек образовывали пластины, к которым напаялись вертикально гнутые полоски, образующие внешние вертикальные края. Напаянные внутри каста торцами полоски образовывали гнезда для вставок из стеклянной массы разных цветов (рис. 1, 2,5–7).

На ромбовидной (рис. 1,3, 2,6) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 144, рис. 3,6, с. 147; Treister, 2004a, p. 193, fig. 2,7, p. 212, no. 19b; Cat. Rome, 2005, p. 143, no. 99; Трейстер, 2007в, с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 42, № А114.9, табл. 78]² и одной из круглых бляшек (рис. 1,2, 2,7) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 144, рис. 3,8, с. 147; Treister, 2004a, p. 193, fig. 2,9, p. 212, no. 19a; Cat. Rome, 2005, p. 142, no. 98; Трейстер, 2007в,

с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 42, № А114.9, табл. 78]³ представлены композиции в виде розетт из четырех сердцевидных лепестков с остроконечными листками между ними, чрезвычайно близкие мотивам, выполненным в технике клуазонне на щитках булавки (рис. 4) [Отчет..., 1880, с. 8, № 18, с. 55, табл. I,17; Rosenberg, 1921, S. 37, Figs. 51–52; Jacobsthal, 1956, p. 102, 169, fig. 328; Margulies, 1967, p. 781, pl. 248, H; Максимова, 1979, с. 26 (рис.), 49, 50, № 1, примеч. 128; Higgins, 1980, p. 169, 171, pl. 53F; Despini, 1996, p. 183, fig. 177, p. 256; Kat. Bonn, 1997, S. 205–207, Nr. 103; Cat. Amsterdam, 2004, p. 112, fig. 31; Treister, 2004a, p. 190, fig. 1,9, p. 209, no. 3; Трейстер, 2007в, с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 7, № А6.14, табл. 78; Cat. Malibu, 2007, p. 289, no. 176; Власова, 2010, с. 248, 249, рис. 119; Калашник, 2014, с. 254–255] и перстня [Отчет..., 1880, с. 8, № 14, с. 52, табл. I,13; Rosenberg, 1921, S. 37, Figs. 49–50; Pfeiler-Lippitz, 1972, S. 113, Taf. 36, II; Максимова, 1979, с. 65, 67, № 11, примеч. 212, рис. 19; Higgins, 1980, p. 169, pl. 53D; Despini, 1996, p. 207, fig. 219, p. 268; Treister, 2004a, p. 190, fig. 1,10, p. 209, no. 4; Трейстер, 2007в, с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 7, № А6.16, табл. 78; Власова, 2010, с. 248, 249, рис. 120] из датирующей серединой – третьей четвертью II в. до н.э. гробницы I Артюховского кургана. Вставки щитка перстня из Артюховского кургана утрачены, но сравнение со щитком булавки показывает близость двух предметов, отличающихся принципиально лишь набором цветов вставок в клуазоны в форме сердцевидных лепестков⁴. На пластине щитка булавки из Артюховского кургана они выполнены из стеклянной массы зеленоватого, белого и коричневого цвета (рис. 4,2), на бляшке из Косики – вишневого, коричневого, оранжевого и белого (рис. 1,2, 2,7). В остальном форма бляшки, в том числе волнистый профиль ее края (сопоставимый с формой края вставки щитка булавки), явно предполагает, что она могла использоваться изначально в качестве подобной вставки.

На оборотной стороне бляшки прочерчены две буквы **IZ**, то есть 17 (если вторая буква – ζ) или 18 (если вторая буква – η). Если таким образом было передано именно число, а не сокращение имени – возможно, это маркировка для сборки, поскольку надпись прочерчена на оборотной стороне каста, которая не была видна на готовом изделии. Аналогий маркировке отдельных элементов ювелирных украшений я не знаю, но хорошо известны буквенные маркировки элементов греческих накладок и ручек бронзовых сосудов еще архаического и классического времени, в частности – на кратерах из Вика [Rolley, 2003, p. 107–112, pls. 85, 105] и Требениште [Василев, 1988, с. 101–103, рис. 82–83; Angelini, 2011, p. 99, fig. 12, p. 102, 104, 105, figs. 16–18] и бронзовых ручках сосудов с Афинского акрополя [Tarditi, 2016, p. 21, not. 46, p. 168, nos. 7156, 7130, p. 201, no. 7036, p. 283], а также элементов бронзовых лож позднеэллинистического времени (здесь численные обозначения тремя или четырьмя буквами) [Faust, 1994, S. 588–600, Abb. 26–30, 34–39].

Третья бляшка из Косики, украшенная в технике клуазонне, отличается от них [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 144, рис. 3,7, с. 147; Treister, 2004a, p. 193, fig. 2,8, p. 212, no. 19c; Cat. Rome, 2005, p. 142, no. 97; Трейстер, 2007в, с. 291; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 42, № А114.9, табл. 78]⁵. Ее центральная часть образована двенадцатью узкими сегментами каплевидной и ланцетовидной формы, сгруппированными вокруг маленького центрального гнезда круглой формы. Каждый сегмент, в свою очередь, состоит из клуазонов различной формы и украшен вставками эмали бирюзового, белого и ультрамаринного цвета. Обрамляющий фриз выполнен из чередующихся треугольных и полувальных клуазонов (рис. 1,1, 2,5).

При рассмотрении возможного происхождения бляшек из Косики следует обратить внимание не только на упомянутые выше ювелирные изделия из гробницы I Артюховского кургана, но и на находку ромбовидного медальона с центральной вставкой в форме четырехлепестковой розетты в Самсуне (древнем Амисе) на южном берегу Черного моря, в настоящее время хранящуюся в Лувре. Следует отметить, что на медальоне из Самсу-

на, так же как и на ромбовидной пластине из Косики (рис. 1,3, 2,6), розетка обрамлена тонким кольцом, заполненным белой эмалью, хотя медальон из Самсуна (дл. 2,7 см) крупнее пластины из Косики (дл. 1,7 см) [Rosenberg, 1921, S. 37, Fig. 53; Margulies, 1967, p. 781, pl. 248,F; Higgins, 1980, p. 169; Treister, 2004a, p. 190, fig. 1,8]. Р. Хиггинс не исключал, что подобного рода ювелирные изделия могли изготавливаться в Малой Азии [Higgins, 1980, p. 169].

На оборотной стороне ромбовидной бляшки из Косики (рис. 1,3, 2,6) сохранились смятые три из четырех пластинчатых петель, впаянные в углы, из чего (в том числе и их ориентации) можно предположить, что изначально она могла использоваться в качестве нашивной бляхи или пронизи многорядного ожерелья или крепиться на металлическую пластину, например, диадемы, подобно кастам диадемы из кургана Хохлач (см. ниже). Следы пайки проволоочной петли заметны и на оборотной стороне одной из круглых бляшек (рис. 1,2, 2,7). О том, что изначально рассматриваемые три бляшки из Косики украшали разные предметы, по крайней мере два разных, свидетельствует тот факт, что бляшка инв. № 35544 (рис. 1,2, 2,7) существенно толще остальных.

Касты со вставками стекла, изумрудов и других драгоценных камней

Не менее интересны и касты со вставками из Косики (рис. 2–3). Они имеют, как правило, овальную⁶, реже – округлую⁷ или почти ромбовидную⁸ в плане форму (на их фоне выделяется каст в форме столбика, сужающегося на переходе к головке со вставкой⁹). Основу их образует пластина соответствующей формы. Вертикальные стенки каста образованы согнутой по периметру полоской, нижний край которой, как правило, завальцован на основание и припаян к нему. Вставка фиксируется в гнезде загнутым верхним краем каста, на уровне которого в верхней части припаяна широкая пластина-кольцо, край которой отогнут вниз. У многих кастов верхняя кромка, фиксирующая вставки, обрезана неровно и не обработана. Касты отличаются не только по форме. Бросаются в глаза два округлых каста очень небрежной работы, у ко-

торых вертикальные стенки отогнуты внутрь таким образом, что образуют довольно широкую полосу, при этом в одном случае равные края верхней кромки образуют вырез почти прямоугольной формы, а в другом – почти ромбовидной. В качестве материала для вставок использованы чаще всего стекло различных цветов (8) и изумруд (6), а также гранат (1), алмаз (1), берилл (1), бирюза (1). Есть все основания предполагать, что изначально касты могли относиться к разным предметам.

Касты такой конструкции со вставками из стекла, драгоценных и полудрагоценных камней, в том числе гемм, появляются не позднее II в. до н.э. и используются вплоть до I в. н.э., как правило, для украшения ожерелий, диадем, щитков серег и браслетов [Трейстер, 2007б, с. 276–277, рис. 64,9]. Известны и отдельные находки таких кастов, происходящие как из ограбленных погребений, так и найденные *in situ*. Обычно их считают элементами ожерелий, как в случае с шестью кастами из комплекса ювелирных украшений, происходящих из Палеокастро в Фессалии, хранящегося в Гамбурге и датированного в рамках конца II – I в. до н.э. [Hoffmann, von Claer, 1968, S. 38–39, Nr. 27], семью кастами – из погребения в Ногайчинском кургане середины – второй половины I в. до н.э. [Симоненко, 1993, с. 74, № 23 («пуговицы»); Ščerinskij, 1994, S. 105, Nr. 29; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 73, 74, рис. 8,12; Mordvintseva, Zaitsev, 2003, p. 212, 213, fig. 8,12; Трейстер, 2007а, с. 65; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 53, № А159.11, рис. 18], или диадем, как в случае с шестью кастами из погребения в саркофаге I – начала II в. н.э. в Томах [Kat. Frankfurt. 1994, S. 184–186, Nr. 63.8; Lungu et al., 2012, p. 26, no. 14, pls. III, VI]. Особенностью указанных кастов является наличие элементов крепления в форме проволочных петель (двух или четырех), припаянных на оборотной стороне (Палеокастро, Томы), или отверстий в вертикальных стенках каста (Ногайчинский курган) для протягивания нити.

В отличие от рассмотренных выше, касты, найденные в Косике, характеризует не только их значительно большее количество, но и отсутствие петель на обороте или отверстий для протягивания шнура в вертикальных

стенках каста. Очевидно, что они использовались не как части ожерелья или диадемы. Я также не вижу никаких оснований для предположения, высказанного авторами первой публикации, о том, что они монтировались на крупной золотой основе [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 147]. Касты овальной или прямоугольной формы со вставками граната или разноцветного стекла, использованные в украшении золотых пластин диадемы из кургана Хохлач (четыре – на центральной пластине, четыре и три – на боковых), имели на оборотной стороне припаянные пластинчатые петли, две или четыре, которые вставлялись в прорези на пластинах и фиксировались на оборотной стороне при помощи проволочек [Засецкая, 2011, с. 37–39, № 2, ил. 12–13]. При этом сами касты не были такими высокими, как касты из Косики.

Аналогии из Галатии

Ближайшими параллелями кастам без петель на оборотной стороне или отверстий для нанизывания в вертикальных стенках каста являются находки [Arik, 1934, p. 121, pl. 19, p. 122, 144; Bingöl, 1999, s. 120, no. 124 (с ошибочной датировкой IV в. до н.э.); Rice, 2016, p. 211, 386; Müller-Karpe, 2018, S. 321–325, Abb. 6–8] из курганов «А» и «С» в Караларе [Arik, 1934, p. 102–167; Arik, Coupry, 1935, p. 133–140; Parachaud, 2015, vol. 1, p. 48–49; Rice, 2016, p. 171–237, 383–387], в Галатии, не так далеко от Анкары (в кургане «В» этой группы была найдена надпись Дейотара II младшего (Филопатора) [Arik, 1934, p. 131; Arik, Coupry, 1935, p. 140–151; Mitchell, 1982, no. 188; Strobel, 2002, S. 256; French, 2003, p. 82–83; Coşkun, 2014, S. 143–145; Parachaud, 2015, vol. 1, p. 137–138; vol. 2, p. 88; Rice, 2016, p. 497, fig. 75; Parker, 2018, S. 206; Müller-Karpe, 2018, S. 328, Abb. 2; Regional epigraphic catalogues..., no. 188], погибшего при Филиппах и похороненного здесь ок. 42 г. до н.э.) [Müller-Karpe, 2018, S. 318]. Из 151 предмета ювелирных украшений из Каралара, хранящихся в Музее анатолийских цивилизаций в Анкаре, имеется 17 сохранившихся на сегодняшний день кастов, среди которых есть группа (14) с проволочными петлями (от двух до четырех), припаянными на оборотной стороне [Bingöl, 1999,

s. 120, no. 124, верхний ряд, справа и нижний ряд; Müller-Karpe, 2018, S. 323–324, Abb. 6,5–6,9, 7,4–5, 8,1–12], а есть и касты (3) – без таковых [Bingöl, 1999, s. 120, no. 124, верхний ряд, первый и второй – слева; Müller-Karpe, 2018, S. 323, Abb. 7,1–3] (рис. 5). Поскольку погребения, из которых происходят касты, были ограблены, а сами касты из двух комплексов смешаны, трудно сказать, какие именно были найдены в кургане «С», а какие – в кургане «А» [Müller-Karpe, 2018, S. 321–325, Abb. 6–8]. Тем не менее, зная общее количество золотых изделий, найденных в кургане «С» (21 экз.), и то, что отсюда происходит 8 чисто золотых предметов, то есть без вставок, А. Мюллер-Карпе приходит к выводу о том, что из кургана «С» происходит 13 кастов [Müller-Karpe, 2018, S. 323]. Таким образом, на мой взгляд, есть определенные основания предположить, что в кургане «С» были найдены именно касты с петлями, тогда как касты без петель скорее могут происходить из кургана «А».

Недавно А. Мюллер-Карпе предположил, что в кургане «С», откуда, как он указывает, происходит, вероятно, основная часть таких кастов (точно неизвестно, раскопки 1933 г.), были погребены Дейотар I (ок. 120–41/40 гг. до н.э.) и его супруга Береника [Müller-Karpe, 2018, S. 320]. Это лишь одна из возможных интерпретаций – еще в 1937 г. Ж. Купри предположил, что в кургане «С» мог быть погребен сам Дейотар I по прозвищу Филоромайос [Syme, 1995; Coşkun, 2005; 2013a; Parker, 2018], скончавшийся несколько позже своего сына – в 40 г. до н.э. [Coupury, 1937, p. 88] (эту точку зрения поддержали, пусть и в качестве лишь возможной, и другие исследователи [Coşkun, 2014, S. 144]). Именно в сражении с Дейотаром в ходе своего малоазийского похода 47 г. до н.э. Фарнак II Боспорский, в составе войска которого, как я предположил ранее, был и скептук, погребенный в Косике [Трейстер, 2005, с. 322–330; Treister, 2005, p. 223–240], захватил принадлежавшую ему Малую Армению. Очевидно, однако, что все три кургана связаны между собой и курган «С» также датируется не позднее I в. до н.э. [Rice, 2016, p. 193–194, 236], при этом самым ранним в этой группе является курган «А», который на основании найденных в нем немногочислен-

ных предметов, в частности фибулы [Arik, 1934, p. 122, pl. 9, fig. 18; Caner, 1983, S. 152–153, Nr. 1064, Taf. 60; Strobel, 2002, S. 260, Anm. 82; Rice, 2016, p. 185–186, fig. 64] и унгентария [Arik, 1934, p. 119, 122–123, pl. 13, fig. 19a; Rice, 2016, p. 186–189, 492, fig. 66], может датироваться еще концом II – началом I в. до н.э. [Rice, 2016, p. 189]. Теоретически такой хронологический разрыв между погребениями в кургане «А», с одной стороны, и курганах «В» и «С» – с другой, действительно, мог бы объясняться тем, что в кургане «А» был погребен отец Дейотара I – Синорикс, о котором сообщается в надписи на базе статуи, воздвигнутой афинянами в честь Дейотара [Dittenberger (ed.), 1882, no. 3429; Strobel, 2002, S. 240; Hofeneder, 2004, S. 707, Anm. 11; Coşkun, 2013b, S. 156, Anm. 17; Parker, 2018, S. 191, Anm. 12; Spickermann, 2006].

Ошибка во французском переводе написанной по-турецки части совместной статьи Арика и Купри, опубликованной в «Revue Archéologique» в 1935 г. [Arik, Coupury, 1935, p. 140], привела к тому, что долгое время считалось, что в кургане «А» были найдены части золотой гривны со вставками драгоценных камней. Между тем в опубликованном на турецком языке полном отчете о раскопках речь шла о том, что эти вставки, возможно, относились к диадеме или ожерелью [Arik, 1934, p. 144]. На эту неточность уже обращали внимание [Coşkun, 2014, S. 144–145; Müller-Karpe, 2018, S. 324, Anm. 44].

А. Мюллер-Карпе указал на три каста без петель из Каралара и высказал, на мой взгляд, совершенно справедливое предположение о том, что они не могли являться элементами нательных украшений [Müller-Karpe, 2018, S. 323]. Это высокие овальные касты разных размеров со вставками, которые исследователь предположительно определяет как изумруд, хризопраз и аметист [Müller-Karpe, 2018, S. 323, Abb. 7,1–3]. При общей высоте кастов 0,40–0,45 см, судя по фотографии с масштабом, их нижняя часть с вертикальными стенками, то есть часть каста ниже горизонтального «воротничка», составляет 0,20–0,25 см. Соответственно, эти касты должны были быть впущены в основание на такую глубину. Исследователь предполагает, что касты изначально могли украшать стены

погребальной камеры, вероятнее всего оштукатуренные и, возможно, обтянутые пурпурными тканями [Müller-Karpe, 2018, S. 323–325]. Подобным образом драгоценные камни в бронзовых позолоченных кастах использовались в архитектурном декоре в Риме в императорскую эпоху [Zinc, 2019, p. 28, fig. 26].

**Касты со вставками изумруда
или берилла в ювелирных изделиях
эпохи позднего эллинизма
и ранней Империи**

Касты из Косики, по сравнению с рассмотренными кастами из Каралара, имеют различную высоту. Как и среди кастов из Каралара, значительное количество кастов украшены вставками зеленого цвета из изумруда и берилла. Вставки из этих камней начинают использоваться еще во II в. до н.э., в частности ромбовидный каст со вставкой изумруда или берилла украшает ожерелье из гробницы I Артоховского кургана [Отчет..., 1880, с. 7, № 6, 49, табл. I, 6; Ruxer, Kubszak, 1972, p. 26, 183, pl. V, 1; Максимова, 1979, с. 29, рис. 57, № 5, примеч. 162; Higgins, 1980, pl. 50A; Pfrommer, 1990, S. 92, 262, 328, Nr. TK 106; Despini, 1996, p. 177, fig. 168, p. 253–254; Kat. Bonn, 1997, S. 204–205, Nr. 102; Калашник, 2004, с. 103, рис. 6; 2014, с. 246–247 (берилл); Treister, 2004b, p. 232–235, no. 3, fig. 3; 2006, p. 520, no. 1, fig. 1; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 7, № А6.7 с лит., табл. 21; Cat. Malibu, 2007, p. 288, no. 175 (здесь – изумруд)]. Аналогичный по форме каст, также со вставкой изумруда, происходит из материалов кораблекрушения у расположенного между Пелопоннесом и северо-западным побережьем Крита о. Антикитира [Stassinopoulou, 2012, p. 147, no. 116]. Комплекс находок различных категорий, в том числе амфоры с клеймами (Родос, Эфес, Кос) [Kourkoumelis, 2012, p. 211] и монеты [Tselekas, 2012, p. 218], датируют кораблекрушение временем не позднее середины I в. до н.э., с большой долей вероятности (по монетам) 70–60-ми гг. до н.э. Из этого же комплекса происходит пара серег со щитками, украшенными вставками в кастах, жемчужинами и подвесками – центральные вставки щитков – изумрудные [Jackson, 2010,

p. 181–182, figs. 2, a, b, 3, p. 192; Stassinopoulou, 2012, p. 149–150, no. 119]. Близкая к квадратной (ромбовидной) форме вставка хризопраза, наряду со вставками из этого же материала в трех других кастах, обрамляет центральный медальон ожерелья из погребения в кургане № 10/1979 у хут. Песчаный [Анфимов, 1987, с. 205; 2011, с. 211; Ждановский, 1990, с. 105–106, рис. 35; Delivorrias, 1999, p. 236, fig. 169; Cat. Paris, 2001, p. 171, no. 181 (хризопраз); Treister, 2004b, p. 232–235, no. 3, fig. 3; 2006, p. 520, no. 3, fig. 2; Трейстер, 2007а, с. 63–65; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 71, № А227.4 с лит., табл. 1, 37; Marčenko, Limberis, 2008, S. 338, Nr. 12.2 (берилл), Taf. 18, 2; Мордвинцева и др., 2010, с. 313, № 407, рис. 30, табл. 72, цв. табл. 7], датированного около середины I в. до н.э. [Ждановский, 1990, с. 105–114; Cat. Paris, 2001, p. 168–177] (отметим находку в этом погребении чаши мозаичного стекла [Лимберис, Марченко, 2003, с. 111, 119, № 8, рис. 17; Marčenko, Limberis, 2008, S. 300, 339, Nr. 12.6, Taf. 19, 2], находящую аналогию и в кораблекрушении у о. Антикитира, и на Делосе [Nenna, 1999, p. 46–47, nos. В 74–82, pl. 3]).

Пластины с прямоугольными кастами со вставками из изумруда (?) – щитки серег с головками рыси из клада, обнаруженного на о. Делос в 1964 г. [Hackens, Lévy, 1965, p. 548–552, no. IV, pl. XXI; Pfeiler-Lippitz, 1972, S. 111–112; Zafeiropoulou, 1998, p. 295, no. 257; Hadjidakis, 2003, p. 241, no. 353, p. 431]. Этот клад, найденный «в квартале ювелиров» и состоящий из ювелирных изделий и монет, достаточно надежно датируется или ок. 122, или 88 г. до н.э. [Hackens, Lévy, 1965, p. 533–534]. Прямоугольные касты со вставками изумруда украшают пластинчатые золотые браслеты, которые были найдены в саркофаге в аристократической гробнице в Кочакизларе (в районе Эскишехира в Малой Азии), датирующейся в рамках I в. до н.э. – начала I в. н.э. [Atasoy, 1974, p. 261, 262, no. 18, pl. 52, 5]. Прямоугольная вставка изумруда украшает и щиток одного из найденных здесь перстней [Atasoy, 1974, p. 261, 262, no. 9]. Подобной формы касты со вставками изумруда оформляют и щитки серег с подвесками в виде фигурок эротов, хранящиеся в Музее Бенаки и датированные II–I вв. до н.э. [Segall, 1938, S. 55–

56, Nr. 43, Taf. 16a; Delivorrias, 1999, p. 230–231, no. 81, fig. 165; Jackson, 2010, p. 188–189, fig. 8; 2017, p. 79, fig. 15a, p. 141–142, no. 71].

Отметим, что во всех этих случаях сами касты со вставками изумруда имеют другую конструкцию, самую простую, без воротничка [Трейстер, 2007б, с. 272–273, тип 1, рис. 64, I]. Вставка фиксируется отогнутым внутрь вертикальным краем каста. Лишь упомянутые выше касты ожерелья из Песчаного имеют конструкцию, близкую кастам из Косики и Каралара.

Прямоугольные и овальные вставки изумрудов украшают и браслеты с известным местом происхождения, но с неизвестными обстоятельствами и, соответственно, контекстами – их по стилистическим особенностям датируют I в. н.э., как элементы браслета из Пирея в собрании Музея Бенаки [Segall, 1938, S. 81–82, Nr. 93, Abb. 27; Pfeiler, 1970, S. 47, Abb. 6–7; Cat. Dallas, 1990, p. 64, fig. 44; Delivorrias, 1999, p. 252, no. 92, fig. 180], или I в. до н.э., как пару браслетов, происходящих из Ольвии – в собрании Музея изящных искусств в Бостоне [Deppert-Lippitz, 1985, S. 294, Taf. XXXII; Delivorrias, 1999, p. 253, fig. 181; Cat. New York, 2016, p. 238–239, no. 177]. Другие примеры вставок из изумрудов и подражавшего им стекла зеленого цвета в прямоугольных кастах в ювелирных изделиях позднеэллинистического и раннеимператорского времени уже приводились мною [Treister, 2002, p. 33, notes 58–60].

Плиний Старший (NH XXXVII, 15–20) отмечал, что после алмазов и жемчуга изумруды были наиболее ценными камнями в древности, сообщая также о том, что Александр Македонский запрещал всем, кроме Пирготеля, гравировать свой портрет на изумруде (NH XXXVII, 4) [Krug, 1987, S. 467–471; Galletti, 2006, p. 57–59; Zwierlein-Diehl, 2007, S. 309; Platz-Horster, 2010, p. 187–188], а Плутарх (Лукулл, 3.1) приводит историю, когда царь Птолемей II Сотер в 85 г. до н.э. преподнес Лукуллу «оправленный в золото смарагд огромной цены» [Plantzos, 1999, p. 111]. Считается, что изумруды начали разрабатываться Птолемеями и египетские залежи изумрудов были одним из двух источников изумрудов для Европы и Африки. Страбон (17.1.45) упоминает добычу изумрудов в юго-западной пус-

тыне Египта в 24 г. до н.э. [Shaw et al., 1999, p. 203, 205].

Особенности кастов из Косики и их возможное использование

Если оставить вне поля зрения каст в виде столбика со вставкой бирюзы высотой 1,4 см, явно отличающийся от всех остальных, то общая высота кастов колеблется от 0,29 до 0,72 см, при этом она не всегда коррелирует с размерами самих кастов (так, самые высокими, 0,70–0,72 см, являются касты со вставками изумруда инв. № 35547–35548, размеры которых 1,1 × 0,92 и 0,88 × 0,68 см (рис. 2,8,10)), хотя в целом чем каст крупнее, тем он выше. Глубина кастов ниже «воротничка» колеблется между 0,22 и 0,40 см. Тем самым очевидно, что именно на такую глубину (до 0,4 см) касты были впущены в основу, при этом края «воротничков» были сдвинуты вниз, что обеспечивало их фиксацию, при этом нельзя исключать, что они также были вклеены в основу. Каст в форме столбика со вставкой бирюзы инв. № 45633, судя по его конфигурации, мог быть заглублен на 0,8 см (до перехода) к узкой части, отделяющей головку со вставкой от нижней части каста (рис. 2,4)¹⁰. Соответственно, возникает вопрос: из какого материала могла быть выполнена основа? Мы уже исключили возможность металлической (золотой) основы. Судя по глубине впуска кастов, это вряд ли могла быть основа из ткани или кожи, скорее всего – деревянная или костяная.

Можно предположить, что касты могли украшать деревянные конструкции, на которых крепились расшитый золотыми бляшками и нитями погребальный полог. К этой конструкции могли относиться два выточенных на станке деревянных круглых столбика диаметром ок. 5,0–5,5 см, один из которых сохранился на длину ок. 50 см, с профилированными серебряными обкладками на концах [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 143–145, рис. 3,5].

Каст инв. № 45633 (рис. 2,4) мог использоваться в качестве крючка, вешалки, хотя нельзя исключать, что он мог выполнять функцию шпенька пряжки, подобно украшенным шпенькам фигурных пряжки и наконечника

ремня из Косики [Трейстер, 2018, с. 113, рис. 1,1, 2,1, 3,1,3, 4,1, 8] (круглый и каплевидный касты).

Находку из Косики и близкую ей пряжку из Сибирской коллекции [Rudenko, 1962, S. 15, 50, Taf. II,4; Штейн, 1968; Артамонов, 1973, с. 165, рис. 217; Мордвинцева, 2003, с. 84–85, № 34, рис. 13; Трейстер, 2018, с. 112 с лит.] сближает оформление шпенька каплевидным кастом со вставкой (бирюзы – на пряжке из Сибирской коллекции, граната – на пряжке из Косики). Подобным же каплевидным кастом, также со вставкой бирюзы, оформлен шпенок одной из двух золотых поясных пластин, найденных в Сидоровке [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 48, рис. 27,2; Коруякова, 2006, р. 108, fig. 9,1; Brosseder, 2011, р. 375, 376, fig. 24,13]. Инкрустированные шпеньки со вставками каплевидной формы имелись также у золотых пряжек I в. до н.э. – I в. н.э. из Дальверзин-Тепе (вставка утрачена) [Pougatchenkova, 1978, р. 102, fig. 80; Мордвинцева, 2003, с. 56, рис. 43,7; Abdullaev, 2008, р. 138, fig. 3], Нихавенда (вставка бирюзы на пряжке, хранящейся в Нью-Йорке [Ghirshman, 1962, р. 100, fig. 112 (вверху); Cat. New York, 2000, р. 124–125, no. 95, р. 208]), погребения IV некрополя Тилля-Тепе (бирюза) [Sarianidi, 1985, S. 182–183, Taf. 124, S. 246, Nr. 4.1; Мордвинцева, 2003, с. 21, 83, № 11, рис. 5; Kat. Bonn, 2010, S. 195, 197, Nr. 106; Трейстер, 2018, с. 112 с лит.] и у серебряной пряжки из погребения № 2 кургана № 20/1982 могильника у хут. Новый (стекло темно-коричневого цвета) [Трейстер, 2018, с. 111, рис. 7].

Округлые вставки на шпеньке, как у наконечника пояса из Косики, имеются на пряжках из погребения кургана № 12/1965 у с. Никольского (вставка из стекла) [Засецкая, 1979, с. 111, рис. 22; Мордвинцева, 2003, с. 42, 88, № 58, рис. 22; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 49, № A146.2, рис. 33, табл. 32; Brosseder, 2011, р. 398–401, fig. 47,2, р. 421, list 5, no. 2; Трейстер, 2018, с. 113 с лит., рис. 8] и Порогов (бирюза) [Симоненко, Лобай, 1991, с. 14–18, № 7а–b, рис. 8–9, табл. 11–12; Мордвинцева, 2003, с. 40, 43, 51, 73, 78, 95, № 107, рис. 40; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. II, с. 73, № A234.7, табл. 38, рис. 50; Brosseder, 2011, р. 401, 403, fig. 50,29–30, р. 424, list 9, no. 7; Трейстер, 2018, с. 113 с лит.].

Из рассматриваемого погребения в Косике происходит и костяная пряжка с рельефным изображением совы: в два отверстия на конце ее вставлены золотые заклепки, а в отверстие спереди на рамке – золотой шпенок, по форме близкий рассматриваемому, но без каста со вставкой [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 175, рис. 20,2, с. 176; Трейстер, 2018, с. 113–114, рис. 11].

Другой вариант – украшение кастами или частью из них, например кастами в технике клуазонне, утраченной костяной рукояти найденного в погребении парадного кинжала в ножнах с греческой надписью на перекрестье, датированной по селевкидской эре, который был изготовлен в Малой Азии, возможно – в Коммагене, в 74 г. до н.э. [Белоусов, Трейстер, 2018; Belousov, Treister, 2020]. О том, что рукоять имела изначально костяные обкладки, свидетельствует слой кости, сохранившейся на перекрестье между железной основой рукояти и золотым листом обкладки перекрестья. Подобным образом золотым кастом со вставкой альмандина была украшена деревянная обкладка рукояти меча из позднеантичного погребения некрополя Фанагории [Трейстер, 2015а, с. 174, 175, рис. 42,2, с. 177; 2015б, с. 504, № 191, с. 506–507, табл. 64–65].

Заключение

Проведенный анализ показал, что золотые касты со вставками из Косики имеют различное происхождение и некоторые из них могли изначально использоваться в украшениях ожерелий или щитков булавок. Это касается в первую очередь кастов со вставками в технике клуазонне, которые могут датироваться еще II в. до н.э. Анализ других кастов со вставками из стекла и драгоценных камней, преимущественно изумрудов, вполне подтверждает возможность их датировки в рамках конца II – середины I в. до н.э. Отмечается близость этих кастов находкам из царских галатских гробниц этого времени в Караларе – не исключено, что касты без петель на оборотной стороне происходят из самой ранней гробницы «А», в которой, возможно, был погребен отец Дейотара I – Синорикс. Безусловно, невозможно говорить о какой-то прямой связи между использованием золотых

кастов со вставками в гробнице царя Галатии и сарматского вождя, тем не менее, учитывая чрезвычайную редкость таких предметов и их хронологическую близость, нельзя не обратить внимание на малоазийскую параллель кастов из Косики.

Наряду с другими уникальными предметами из погребения на Нижней Волге [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989; 1993; Dvornitchenko, Fedorov-Davydov, 1994; Treister, 1997, p. 49–74] золотые касты со вставками, вероятнее всего использованные во внутреннем декоре могилы (подобно тому, как золотыми бляхами с изображениями Ахурамазды был, вероятнее всего, оформлен вход в погребальную камеру погребения № 1 царского кургана могильника Филипповка-I в Южном Приуралье [Трейстер, 2012, с. 139–140, табл. I.37–39, табл. I.114–115, П.10, I.3, рис. I.82, П.62,6–8]) или в оформлении костяной рукояти парадного кинжала, подчеркивают принадлежность погребения к высшему рангу сарматской элиты. Об этом же свидетельствуют и другие происходящие из погребения предметы, в том числе антикварные: переднеазиатские цилиндрические печати середины II и середины I тысячелетия до н.э. [Клочков, 1994; Klochkov, 1996; Трейстер, 2019, с. 23–26, рис. 2–3; 2020a]; выполненная в архаическом греко-скифском стиле и переделанная в начале IV в. до н.э. золотая пектораль со сценами терзания [Трейстер, 2020б]; упомянутый выше парадный кинжал в ножнах с греческой надписью [Белоусов, Трейстер, 2018; Belousov, Treister, 2020]; серебряный с позолотой и гравированными фигурными изображениями столовый сервиз, в том числе таз с надписью царя Артевазда, возможно Артевазда II, царя Армении, правившего в 55–34 гг. до н.э. [Трейстер, 1994; 2005; Treister, 2005, p. 223–240]; парадный пояс с уникальными фигурными пряжкой и наконечником ремня с потайными отделениями [Трейстер, 2018].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ, «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер

проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в фондах Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, в которых хранятся рассмотренные в статье касты со вставками, хранителю Э.Р. Чиняковой.

The present publication was made in frames of the project funded by the DFG (German Science Foundation) and the Russian Humanitarian Scientific Foundation “Forms and ways of cultural contacts of the nomads of Asian Sarmatia. Imports in the Sarmatian monuments of the 2nd century BC – 3rd century AD” (FL-334/15-1). The project partner from the Russian side – B.A. Raev. The author expresses his sincere gratitude for the opportunity given to us to work in the depots of Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve, in which the settings discussed in the article are kept: to the curator E.R. Chinyakova.

² Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 35543. Дл. 1,7 см, шир. 1,1 см, толщ. 0,29 см, шир. полоски петли 0,1 см. Вес 0,92 г. Проба 930.

³ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 35542. Дм. 1,0 см, толщ. 0,3 см. Вес 1,26 г. Проба 960.

⁴ К сожалению, ни в одной из многочисленных эрмитажных публикаций не указывается размер щитка булавки, нет масштаба, а приводимые размеры булавки указывают лишь ее длину: в одном случае – 7,7 см [Максимова, 1979, с. 49, примеч. 128], в другом – 15 см [Калашник, 2014, с. 254]. Вызывает сожаление, что в крупнейшем музее России до сих пор измеряют ювелирные украшения с точностью до 1 см (!) Если предположить, что М.И. Максимова приводила длину самой булавки, а Ю.П. Калашник – булавки, щитка и подвесок вместе, тогда, если мы исходим из длины 7,7 см самой булавки, круглая вставка щитка имеет диаметр ок. 0,95–0,96 см, что почти точно соответствует диаметру бляшки из Косики.

⁵ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 35544. Дм. 1,1 см, толщ. 0,41 см. Вес 1,36 г. Проба 950.

⁶ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. 1) Инв. № 35545. 1,2 × 0,9 см, в. 0,7 см. Вес 1,33 г. Проба 950. Алюминий (рис. 3,10); 2) Инв. № 35546. 1,36 × 1,0 см, в. 0,57 см. Вес 1,59 г. Проба 950. Желтое полупрозрачное стекло (рис. 3,7); 3) инв. № 35547. 0,88 × 0,68 см, в. 0,7 см. Вес 0,84 г. Проба 950. Изумруд 1,10 карата (рис. 2,10);

4) Инв. № 35548. $1,1 \times 0,92$ см, в. 0,72 см. Вес 0,75 г. Проба 950. Изумруд 0,90 карата (рис. 2,8); 5) Инв. № 39216. $1,35 \times 1,2$ см, в. 0,56 см. Вес 1,01 г. Проба 850. Темно-коричневое стекло; 6) Инв. № 45638. $0,98 \times 0,88$ см, в. 0,35 см. Вес 0,41 г. Проба 820. Гранат (рис. 3,2); 7) Инв. № 45639. $0,63 \times 0,53$ см, в. 0,33 см. Вес 0,17 г. Проба 910. Изумруд 0,50 карата (рис. 2,2); 8) Инв. № 35549. $1,2 \times 0,99$ см, в. 0,4 см. Вес 0,66 г. Проба 920. Темно-коричневое стекло (рис. 3,8); 9) Инв. № 45634. $1,3 \times 1,0$ см, в. 0,5 см. Вес 0,84. Проба не известна. Фиолетовое стекло (рис. 3,5); 10) Инв. № 45635. $1,3 \times 1,0$ см, в. 0,33 см. Вес и проба не известны. Стекло, цвет не определяется (рис. 3,4).

⁷ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. 1) Инв. № 45640. Дм. 0,63 см, в. 0,29 см. Вес 0,20. Проба 910. Берилл (рис. 2,3); 2) Инв. № 35550. Дм. 1,26 см, в. 0,44 см. Вес и проба не известны, вставка утрачена (рис. 3,6); 3) Инв. № 39215. Дм. 1,1 см, в. 0,42 см. Вес 0,8 г. Проба 583. Зеленое

полупрозрачное стекло (рис. 3,1); 4) Инв. № 39217. Дм. 1,0 см, в. 0,5 см. Вес 0,71 г. Проба 600. Зеленое полупрозрачное стекло (рис. 3,3); 5) Инв. № 45637. $0,5 \times 0,45$ см, в. 0,39 см. Вес 0,26 г. Проба 950. Изумруд 0,30 карата (рис. 2,1).

⁸ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. 1) Инв. № 35551. $0,95 \times 0,82$ см, в. 0,46 см. Вес 0,62 г. Проба 800. Изумруд 1,10 карата (рис. 2,9); 2) Инв. № 45636. $1,0 \times 0,94$ см, в. 0,67 см. Вес 1,01 г. Проба 950. Изумруд 1,20 карата (рис. 2,11).

⁹ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 45633. В. 1,4 см, дм. каста $0,59 \times 0,64$ см, дм. нижнего основания ножки 0,45 см. Вес 3,04 г. Проба 916. Бирюза (рис. 2,4).

¹⁰ Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 45633. В. 1,4 см, дм. каста $0,59 \times 0,64$ см, дм. нижнего основания ножки 0,45 см. Вес 3,04 г. Проба 916. Бирюза.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

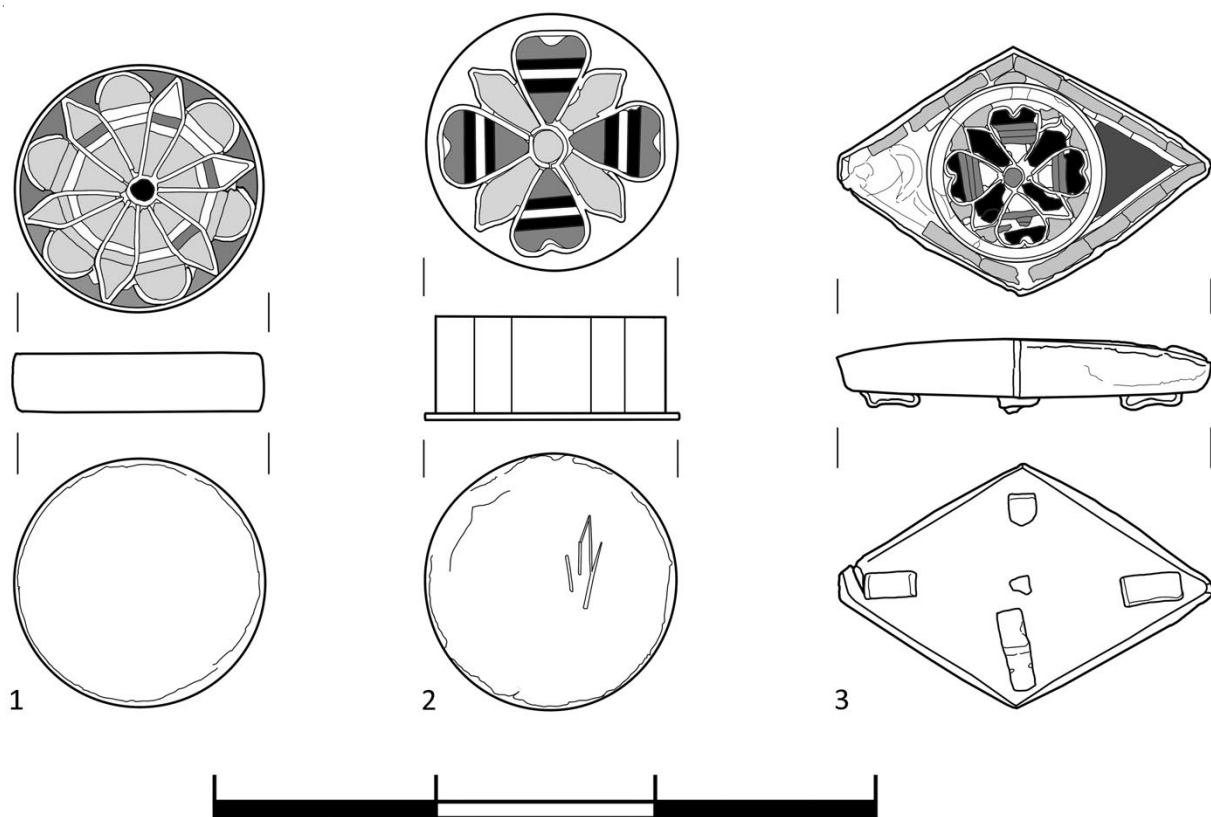

Рис. 1. Косика. Погребение № 1/1984. Золотые касты со вставками в технике клуазонне (Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник).

Рис. Н.Е. Беспалой, 2015:

1 – инв. № 35542; 2 – инв. № 35544; 3 – инв. № 35543

Fig. 1. Kosika. Burial no. 1/1984. Gold settings with inlays in the cloisonné technique (Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve).

Drawings by N.E. Bepalaya, 2015:

1 – inv. no. 35542; 2 – inv. no. 35544; 3 – inv. no. 35543

Рис. 2. Косика. Погребение № 1/1984. Золотые касты со вставками
(Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник).
Фото М.Ю. Трейстера, 2015:

1 – инв. № 45637; 2 – инв. № 45639; 3 – инв. № 45640; 4 – инв. № 45633; 5 – инв. № 35542; 6 – инв. № 35543;
7 – инв. № 35544; 8 – инв. № 35548; 9 – инв. № 35551; 10 – инв. № 35547; 11 – инв. № 45636

Fig. 2. Kosika. Burial no. 1/1984. Gold settings with inlays
(Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve). Photos by M. Treister, 2015:

1 – inv. no. 45637; 2 – inv. no. 45639; 3 – inv. no. 45640; 4 – inv. no. 45633; 5 – inv. no. 35542; 6 – inv. no. 35543;
7 – inv. no. 35544; 8 – inv. no. 35548; 9 – inv. no. 35551; 10 – inv. no. 35547; 11 – inv. no. 45636

Рис. 3. Косика. Погребение № 1/1984. Золотые касты со вставками (Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник). Фото М.Ю. Трейстера, 2015:

1 – инв. № 39215; 2 – инв. № 45638; 3 – инв. № 39217; 4 – инв. № 45635; 5 – инв. № 45634; 6 – инв. № 35550;
7 – инв. № 35546; 8 – инв. № 35549; 9 – инв. № 39216; 10 – инв. № 35545

Fig. 3. Kosika. Burial no. 1/1984. Gold settings with inlays. (Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve). Photos by M. Treister, 2015:

1 – inv. no. 39215; 2 – inv. no. 45638; 3 – inv. no. 39217; 4 – inv. no. 45635; 5 – inv. no. 45634; 6 – inv. no. 35550;
7 – inv. no. 35546; 8 – inv. no. 35549; 9 – inv. no. 39216; 10 – inv. no. 35545

Рис. 4. Артюховский курган. Гробница I. Золотая булавка со щитком в технике клуазонне (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № Арт. 7):

1 – общий вид (по: [Kat. Bonn, 1997, S. 206]); 2 – деталь (по: [Калашник 2014, с. 255])

Fig. 4. Artyukhov Kurgan. Tomb I. Gold pin with a shield decorated in the cloisonné technique (Saint Petersburg, State Hermitage, inv. no. Арт. 7):

1 – general view (after: [Kat. Bonn, 1997, S. 206]); 2 – detail (after: [Kalashnik, 2014, p. 255])

1

2

Рис. 5. Каралар. Курганы «А» и «С». Золотые касты со вставками (Анкара, Музей анатолийских цивилизаций, инв. № 182283):

1 – по: [Bingöl, 1999, s. 120, no. 124]; 2 – по: [Müller-Karpe, 2018, S. 332, Abb. 7]

Fig. 5. Karalar. Kurgans “A” and “C”. Gold settings with inlays (Ankara, Museum of Anatolian Civilizations, inv. no. 182283):

1 – after: [Bingöl, 1999, p. 120, no. 124]; 2 – after: [Müller-Karpe, 2018, S. 332, Abb. 7]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н. В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар : Краснодар. кн. изд-во. 232 с.
- Анфимов Н. В., 2011. Древнее золото Кубани. 2-е изд. Краснодар : Традиция. 268 с.
- Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. М. : Искусство. 280 с.
- Белоусов А. В., Трейстер М. Ю., 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // *Аристей*. Вып. XVIII. С. 92–128.
- Василев В. П., 1988. Бронзови съдове от некропола при Требенище. Разкопки и проучвания. Т. XIX. София : Изд-во на Българската Академия на науките. 124 с.
- Власова Е. В., 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинические и местные // *Античное наследие Кубани*. Т. III. М. : Наука. С. 198–262.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М. : Наука. С. 5–13.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // *Вестник древней истории*. № 3. С. 141–179.
- Ждановский А. М., 1990. Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // *Древние памятники Кубани*. Краснодар : Упр. культуры Краснодар. крайисполкома. С. 102–116.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // *Вестник древней истории*. № 3. С. 61–99.
- Засецкая И. П., 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // *Труды Гос. Эрмитажа*. Вып. XX. С. 87–113.
- Засецкая И. П., 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 328 с.
- Калашник Ю. П., 2004. Два ожерелья из Херсонеса (об эллинистических традициях в римском ювелирном искусстве) // *Эллинистические штудии в Эрмитаже : сб. ст. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского*. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 97–109.
- Калашник Ю. П., 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 278 с.
- Клочков И. С., 1994. Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика // *Вестник древней истории*. № 3. С. 210–217.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 3. С. 106–183.
- Максимова М. И., 1979. Артюховский курган. Ленинград : Искусство. 152 с.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука. 197 с.
- Мордвинцева В. И., 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь : Универсум. 216 с.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье : в 3 т. Симферополь ; Бонн : Тарпан. Т. I – 308 с. ; т. II – 256 с. ; т. III – 206 с.
- Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В., 2010. Сокровища древней Кубани. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Симферополь, Краснодар : Универсум. 448 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1880 г. (Публ. 1882 г.). СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 119 с.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка. 108 с.
- Трейстер М. Ю., 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // *Вестник древней истории*. № 3. С. 172–203.
- Трейстер М. Ю., 2005. Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 322–330.
- Трейстер М. Ю., 2007а. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелир-

- ного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Т. I. Симферополь, Бонн : Тарпан. С. 15–194.
- Трейстер М. Ю., 2007б. Типы накладных пластинчатых кастов, форма, материал и цвет вставок // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Т. I. Симферополь, Бонн : Тарпан. С. 272–287.
- Трейстер М. Ю., 2007в. Клуазонне // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Т. I. Симферополь, Бонн : Тарпан. С. 288–294.
- Трейстер М. Ю., 2012. Ахеменидские ювелирные украшения и украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5, т. 1. М. : Таус. С. 134–167.
- Трейстер М. Ю., 2015а. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 2. М. : Ин-т археологии РАН. С. 77–181.
- Трейстер М. Ю., 2015б. Каталог. Институт археологии РАН // Золото Фанагории. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 2. М. : Ин-т археологии РАН. С. 391–534.
- Трейстер М. Ю., 2018. Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, № 1. С. 108–143. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.6>.
- Трейстер М. Ю., 2019. Скарабеоид из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени) // Российская археология. № 1. С. 20–31. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086960630004111-1>.
- Трейстер М. Ю., 2020а. Ахеменидская цилиндрическая печать из Косики // «Боспорский стадий. Греки и их соседи в Северном Причерноморье античной эпохи (к 70-летию Ю.А. Виноградова)». Археологические вести. Вып. 29. СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН. С. 100–110.
- Трейстер М. Ю., 2020б. Пектораль из Косики // Вестник древней истории. Т. 80, № 2. С. 377–409. DOI: <http://doi.org/10.31857/S032103910009661-0>.
- Штейн В. Ф., 1968. Пряжка с изображением ежей из Сибирской коллекции Эрмитажа // Советская археология. № 2. С. 269–272.
- Abdullaev K. A., 2008. Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?) // Parthica. Т. 10. P. 135–149.
- Angelini M., 2011. Note sulla bronzistica greca arcaica attraverso lo studio delle tecniche di fabbricazione del cratere da Trebenište // Bollettino di archeologia on line. Vol. II, 2011/4. P. 92–124.
- Arik R. O., 1934. Karalar Hafriyatı // Türk Tarih, Arkeologya ve Etnografya Dergisi. Т. 2. P. 102–167.
- Arik R., Coupury J., 1935. Les tumuli de Karalar et la sépulture du roi Déiotaros II // Revue Archéologique. Т. 6. P. 133–151.
- Atasoy S., 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey // American Journal of Archaeology. Vol. 78. P. 255–263.
- Belousov A. V., Treister M., 2020. Inscribed Ceremonial Dagger from Princely Sarmatian Burial near the Village of Kosika in the Lower Volga Region // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 26, no. 1. P. 172–206.
- Bingöl F. R. I., 1999. Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takılar. Ankara : T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Gnl. Müd. 233 s.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology, Bd. 5. Bonn : Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. P. 349–424.
- Caner E., 1983. Fibeln in Anatolien. I. Prähistorische Bronzefunde Abt. XIV, Bd. 8. München : C.H. Beck. 223 S.
- Cat. Amsterdam, 2004. Kalashnik Yu. Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle : Lund Humphries in association with the Hermitage. 127 p.
- Cat. Dallas, 1990. Bromberg A. M. Gold of Greece. Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum. Dallas : Dallas Museum of Art. 112 p.
- Cat. Malibu, 2007. Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles : Getty Publications. 307 p.

- Cat. New York, 2000. The Year One. Art of the Ancient World. East and West. New York : The Metropolitan Museum of Art. 192 p.
- Cat. New York, 2016. Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. The Metropolitan Museum of Art. New Haven, London : The Metropolitan Museum of Art. 368 p.
- Cat. Paris, 2001. L'or des Amazones. Paris : Editions Findakly / Paris musées. 300 p.
- Cat. Rome, 2005. I Tesori della steppa di Astrakhan. Milano : Mondadori Electa. 183 p.
- Coupry J., 1937. A propos des tumuli de Karalar // *Revue archéologique*. T. 9. P. 86–88.
- Coşkun A., 2005. Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana (45 v. Chr.) // *Roms Auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen : Ruprecht. S. 127–154.
- Coşkun A., 2013a. Deiotaros of Galatia // *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, MA : Wiley-Blackwell. P. 1963–1964.
- Coşkun A., 2013b. War der Galaterkönig Deiotaros ein Städtegründer? Neue Vorschläge zu einigen kleinasiatischen Toponymen auf Sin-/Syn- // *Gephyra*. Vol. 10. S. 152–162.
- Coşkun A., 2014. Latène-Artefakte im hellenistischen Kleinasien : ein problematisches Kriterium für die Bestimmung der ethnischen Identität(en) der Galater // *Istanbulur Mitteilungen*. Bd. 64. S. 129–162.
- Delivorrias A., 1999. *Ελληνικά κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Athens : Εκδόσεις Αδάμ / Πέργαμος, Μουσείο Μπενάκη. 510 p.
- Deppert-Lippitz B., 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz : von Zabern. 322 S.
- Despini Ai., 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens : Ekdotiki Athinon. 292 p.
- Dittenberger, W. (ed.), 1882. *Inscriptiones Atticae aetatis romanae. Pars II. Tituli sepulcrales. Tituli memoriales. Fragmenta incerta. Addenda et corrigenda. Indices*. Berlin : Reimer. 193 p.
- Dvornitchenko V. V., Fedorov-Davydov G. A., 1994. Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne // *Les dossiers d'archéologie*. No. 194. P. 66–75.
- Faust S., 1994. *Die Klinen // Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia*. Köln : Rheinland Verlag GmbH. S. 573–606.
- French D. H., 2003. *Roman, Late Roman and Byzantine Inscriptions of Ancyra*. Ankara : Foundation of Museum of Anatolian Civilizations. 223 p.
- Gagetti E., 2006. *Preziose sculture di età ellenistica e romana. Il Filarete*. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano. Vol. 240. Milano : LED Edizioni Universitarie. 712 p.
- Ghirshman R., 1962. *Iran. Parther und Sasaniden*. München : C.H. Beck. 404 S.
- Hackens T., Lévy E., 1965. Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964 // *Bulletin de correspondance hellénique*. T. 89. P. 503–566.
- Hadjidakis P. J., 2003. *Delos*. Athens : Eurobank, Latsis Group, Editions Olkos. 455 p.
- Higgins R. A., 1980. *Greek and Roman Jewellery*. London : Methuen. 243 p.
- Hofeneder A., 2004. Kann man Kamma, die Frau des Galatertetrarchen Sinatos, für die keltische Religion heranziehen? // *Ad Fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag am 15. September 2004*. Wien : Im Eigenverlag der Herausgeber. S. 705–711.
- Hoffmann H., von Claer V., 1968. *Antiker Gold- und Silberschmuck : Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg*. Mainz : von Zabern. 246 S.
- Jackson M. M., 2010. *New Jewellery Evidence from the Antikythera Shipwreck : A Stylistic and Chronological Analysis* // *Bulletin de correspondance hellénique*. T. 134. P. 177–194.
- Jackson M., 2017. *Hellenistic Gold Jewellery in the Benaki Museum, Athens*. Mouseio Benaki 10th Suppl. Athens : Benaki Museum. 176 p.
- Jacobsthal P., 1956. *Greek Pins and their Connections with Europe and Asia*. Oxford : Clarendon Press. 250 p.
- Kat. Bonn, 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn : Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland; Ostfildern : Hatje Cantz Verlag. 267 S.
- Kat. Bonn, 2010. *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn : Kunst- und Ausstellungshalle der BRD. 288 S.
- Kat. Frankfurt, 1994. *Goldhelm. Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit*. Frankfurt : Museum für Vor- und Frühgeschichte, Archäologisches Museum. 257 S.

- Klochkov I. S., 1996. Two Cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 3. P. 38–48.
- Koryakova L., 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World : Research in the Trans-Ural Region // *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York : The Metropolitan Museum of Art. P. 102–113.
- Kourkoumelis D., 2012. Transport Amphorae // *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism*. Exhibition catalogue. Athens : Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum. P. 208–215.
- Krug A., 1987. Nero's Augenglas. Realia zu einer Anekdote // *Archéologie et Médecine, VIIèmes Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire, Antibes 1986*. Antibes : Musée archéologique. P. 459–475.
- Lungu V., Covacef Z., Chera K., 2012. Bijuterii antice din aur dinolecțiile Muzeului de Istorie Națională și. Arheologie Constanța. Bibliotheca Tomitana. Vol. VI. Constanța : Ex Ponto. 147 p.
- Marčenko I.I., Limberis N.J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz : von Zabern. S. 267–400.
- Margulies E., 1967. Cloisonné enamel // *Survey of Persian Art*. Vol. II. Tehran : Persian Art ; London : Oxford University Press ; Tokyo : Teiji Shobo. P. 779–783.
- Mitchell S., 1982. Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor. Vol. 2: The Ankara District : The Inscriptions of North Galatia. Oxford : British Archaeological Reports. 461 p.
- Mordvintseva V. I., Zaitsev Y. P., 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 9. P. 193–257.
- Müller-Karpe A., 2018. Die Juwelen der Königin Berenike. Antiker Schmuck zwischen Raubgrabungen und Wissenschaft // *Festschrift für Heide Froning. Studies in Honour of Heide Froning*. Istanbul : E Yayinlari. S. 313–334.
- Nenna M.-D., 1999. Les Verres. Exploration archéologique de Délos, 37. Paris, Athènes : École Française d'Athènes. 216 p.
- Parachaud K., 2015. Présences "celtiques" en Méditerranée orientale au regard des cultures matérielles de La Tène (Ve-Ier siècle av. n. è.). Vols. 1–2. Université Toulouse – Jean Jaurès. 174 p.
- Parker V., 2018. Deiotarus: zur Karriere eines römischen Klientelkönigs // *Electrum*. Vol. 25. S. 187–208. DOI: <http://doi.org/10.4467/20800909EL.18.009.8929>.
- Pfeiler B., 1970. Römischer Goldschmuck des ersten und zweiten Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden. Mainz : von Zabern. 136 S.
- Pfeiler-Lippitz B., 1972. Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // *Antike Kunst*. Jg. 15, Heft 2. S. 107–119.
- Pfrommer M., 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen : E. Wasmuth. 470 S.
- Plantzos D., 1999. Hellenistic Engraved Gems. Oxford : Clarendon Press. 148 p.
- Platz-Horster G., 2010. Kleine Praser and Chromium-bearing Chalcedonies. About a Small Group of Engraved Gems // *Pallas*. Vol. 83. P. 179–202.
- Pougatchenkova G., 1978. Les trésors de Dalverzine-Tépé. Leningrad : Eid. d'art Aurore. 102 p.
- Regional epigraphic catalogues of Asia Minor II: the Ankara district, the inscriptions of North Galatia. URL: <https://epigraphy.packhum.org/text/267821> (accessed 30.11.2020).
- Rice K. E., 2016. A tomb with a view: Constructing place and identity in the funerary monuments of Hellenistic Anatolia. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill. Chapel Hill. 578 p.
- Rolley C., 2003. Le cratère // *La tombe princière de Vix*. Paris : Picard et Société des amis du musée du Châtillonnais. P. 76–143.
- Rosenberg M., 1921. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Zellenschmelz. Bd. 1–2. Frankfurt : Joseph Baer & Co. 80 S.
- Rudenko S. I., 1962. Die Sibirische Sammlung Peters I. Sammlung archäologischen Quellen D3-9. Moskau, Leningrad : Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. 67 S.
- Ruxer M. S., Kubezak J., 1972. Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warsaw, Poznań : Państwowe Wydawn. Naukowe, Oddział w Poznaniu. 272 p.

- Sarianidi V. I., 1985. Baktrisches Gold. Leningrad : Aurova-Kunstverlag. 264 S.
- Ščepinskij A. A., 1994. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie. Bd. 28. S. 87–106.
- Segall B., 1938. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki. Athen : Museum Benaki. 220 S.
- Shaw I., Bunbury J., Jameson R., 1999. Emerald Mining in Roman and Byzantine Egypt // Journal of Roman Archaeology. Vol. 12. P. 203–215.
- Spickermann W., 2006. “Deiotaros” // Der Neue Pauly, Herausgegeben von: Hubert Cancik, Helmuth Schneider (Antike), Manfred Landfester (Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte). URL : http://dx.doi.org/10.1163/1574-9347_dnp_e313010 (accessed 22.09.2020).
- Stassinopoulou E., 2012. The Golden Jewels and the Silver Vases // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue. Athens : Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum. P. 146–151.
- Strobel K., 2002. Die Staatenbildung bei den kleinasiatischen Galatern. Politisch-historische und kulturelle Prozesse im hellenistischen Zentralanatolien // Brückenland Anatolien? Ursachen, Extensität und Modi des Kulturaustausches zwischen Anatolien und seinen Nachbarn. Tübingen : Attempto. S. 231–293.
- Syme R. 1995. Deiotarus // Syme R. *Anatolica*. Studies in Strabo. Oxford : Clarendon Press. P. 127–136.
- Tarditi C., 2016. Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and the Fifth Centuries BC. Thiasos Monografie. Vol. 7. Roma : Edizioni Quasar. 410 p.
- Treister M. Y., 1997. New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 4. P. 35–100.
- Treister M., 2002. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 8. P. 17–68.
- Treister M. Y., 2004a. Cloisonné-and Champlévé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic – Early Imperial Periods // *Acta Archaeologica*. Vol. 75, no. 2. P. 189–219.
- Treister M. Y., 2004b. Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 10. P. 199–257.
- Treister M., 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School” // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 11, Nos. 3–4. P. 199–255.
- Treister M., 2006. Late Hellenistic Polychrome Necklaces // *Common Ground : Archaeology, Art, Science, and Humanities, Proceedings of the XVI International Congress of Classical Archaeology*. Oxbow Monograph XX. Oxford : Oxbow Books. P. 518–522.
- Tselekas P., 2012. The Coins // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue. Athens : Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum. P. 216–226.
- Zafeiropoulou F., 1998. Δήλος. Μαρτυρίες από τα Μουσειακά εκθέματα. Athens : Εκδόσεις Αδαμ. 304 p.
- Zinc S., 2019. Polychromy, architectural, Greek and Roman // *Oxford Classical Dictionary*. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.8184>.
- Zwierlein-Diehl E., 2007. Antike Gemmen und Ihr Nachleben. Berlin : Walter de Gruyter. 567 S.

REFERENCES

- Anfimov N.V., 1987. *Drevnee zoloto Kubani* [Ancient Gold of Kuban]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 232 p.
- Anfimov N.V., 2011. *Drevnee zoloto Kubani* [Ancient Gold of Kuban]. 2nd ed. Krasnodar, Traditsiya Publ. 268 p.
- Artamonov M.I., 1973. *The Treasures of Saka*. Moscow, Iskusstvo Publ. 280 p.
- Belousov A.V., Treister M. Yu., 2018. Paradnyy kinzhals nadpis'yu iz knyazheskogo sarmatskogo pogrebeniya u s. Kosika v Nizhnem Povolzh'e [The Ceremonial Dagger with the Inscription from the Princely Sarmatian Burial near the Village Kosika in the Lower Volga Region]. *Aristey* [Aristaios], iss. XVIII, pp. 92-128.
- Vasilev V.P., 1988. *Bronzovi sadove ot nekropola pri Trebenishche* [Bronze Vessels from the Necropolis of Trebenishte]. Ausgrabungen und Forschungen, XIX. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences. 124 p.

- Vlasova E.V., 2010. Gosudarstvennyy Ermitazh. Drevnosti ellinskie i mestnye [The State Hermitage. Hellenic and Local Antiquities]. *Antichnoe nasledie Kubani* [The Ancient Heritage of Kuban]. Vol. III. Moscow, Nauka Publ., pp. 198-262.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1989. Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [The Monuments of Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Region]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhd'ey i drevnie goroda Povolzh'ya* [The Treasures of Sarmatian Chieftains and the Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-13.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n.e. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [Sarmatian Burial of Skeptuch of the 1st Century Near the Village of Kosika of the Astrakhan Region]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 141-179.
- Zhdanovskiy A.M., 1990. Novoe pogrebenie kochevnikov sarmatskogo kruga iz Zakuban'ya [A New Burial of the Nomads of Sarmatian Circle in the Transkuban Region]. *Drevnie pamyatniki Kubani* [Ancient Monuments of Kuban]. Krasnodar, Department of Culture of the Krasnodar Regional Executive Committee, pp. 102-116.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2003. «Nogaychinskiy» kurgan v stepmom Krymu [The "Nogaichinsky" Barrow in the Steppe-Land Crimea]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 61-99.
- Zasetskaya I.P., 1979. Savromatskie i sarmatskie pogrebeniya Nikol'skogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e [Sauromatian and Sarmatian Burials of the Nikol'skoe Cemetery in the Lower Volga Region]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], iss. XX, pp. 87-113.
- Zasetskaya I.P., 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad* [The Treasures of Khokhlach Burial-mound. The Novocherkassk Hoard]. Saint Petersburg, The State Hermitage. 328 p.
- Kalashnik Yu.P., 2004. Dva ozherel'ya iz Khersonesa (ob ellinisticheskikh traditsiyakh v rimskom yuvelirnom iskusstve) [Two Necklaces from Chersonessos (about the Hellenistic Traditions in Roman Jewelry Art)]. *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe: sbornik statey. K shestidesyatiletiiu Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo* [Hellenistic Studies in the Hermitage. Collection of articles. On the sixtieth Birthday of Mikhail Borisovich Piotrovskiy]. Saint Petersburg, The State Hermitage, pp. 97-109.
- Kalashnik Yu.P., 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya* [Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Monuments of Antique Jewelry Art from the North Pontic Region]. Saint Petersburg, The State Hermitage. 278 p.
- Klochkov I.S., 1994. Dve tsilindricheskie pechati iz sarmatskogo pogrebeniya u s. Kosika [Two Cylinder Seals From the Sarmatian Grave near Kosika (the Lower Volga)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 210-217.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikuban'ya [Glass Vessels of the Late Hellenistic and Roman Periods from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Investigations on the Archaeology of Kuban], iss. 3, pp. 106-183.
- Maksimova M.I., 1979. *Artyukhovskiy kurgan* [Artyukhov Burial-mound]. Leningrad, Iskusstvo Publ. 152 p.
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V., 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e* [Burial-ground Sidorovka in the Irtysh Basin of Omsk Region]. Novosibirsk, Nauka Publ. 197 p.
- Mordvintseva V.I., 2003. *Polihromnyy zverinyy stil'* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol, Universum Publ. 216 p.
- Mordvintseva V.I., Treister M.Yu., 2007. *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e: v 3 t.* [Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BC – 2nd c. AD). In 3 vols.]. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ. Vol. I. 308 p.; vol. II. 256 p.; vol. III. 206 p.
- Mordvintseva V.I., Khachaturova E.A., Yurchenko T.V., 2010. *Sokrovishcha drevney Kubani* [The Treasures of Ancient Kuban]. Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope [Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Simferopol, Krasnodar, Universum Publ. 448 p.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1880 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1880]. (Published in 1882). Saint Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 119 p.
- Simonenko A.V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians of Tauride]. Kiev, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Simonenko A.V., Lobay B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [The Sarmatians of the North-Western Pontic Area in the 1st Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 108 p.
- Treister M.Yu., 1994. Sarmatskaya shkola khudozhestvennoy torevniki (K otkrytiyu serviza iz Kosiki) [Sarmatian Toreutic School (A Tableware Set from Koika)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 172-203.

- Treister M. Yu., 2005. Sarmatskie voyny Farnaka Bosporskogo (k voprosu ob istoricheskoy interpretatsii pogrebeniya v Kosike) [Sarmatian Warriors of Pharnaces of Bosphorus (to the Question of Historical Interpretation of the Burial in Kosika)]. *Bosporskiy fenomen. Problema sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov* [The Bosphoran Phenomenon. The Problem of the Correlation of the Written and Archaeological Sources]. Saint Petersburg, The State Hermitage, pp. 322-330.
- Treister M. Yu., 2007a. Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellinisticheskaya traditsiya) [Toreutics and Jewelry in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD (Hellenistic Tradition)]. *Mordvintseva V.I., Treister M. Yu. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope* [Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BC – 2nd c. AD) Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., pp. 15-194.
- Treister M. Yu., 2007b. Tipy nakladnykh plastinchatykh kastov, forma, material i tsvet vstavok [The Types of applied Lamellar Settings, the Shape, Material and Colour of the Inlays]. *Mordvintseva V.I., Treister M. Yu. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope* [Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BC – 2nd c. AD) Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., pp. 272-287.
- Treister M. Yu., 2007c. Cloisonné. *Mordvintseva V.I., Treister M. Yu. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope* [Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region (2nd c. BC – 2nd c. AD). Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., pp. 288-294.
- Treister M. Yu., 2012. Akhemenidskie yuvelirnye ukrasheniya i ukrasheniya kostyuma iz dragotsennykh metallov iz Yuzhnogo Priural'ya. Izdeliya akhemenidskogo kruga i mestnye podrazhaniya. Proizvedeniya postakhemenidskoy traditsii [Achaemenid Jewelry and Ornaments of Costume made of Precious Metals from the Southern Urals. Articles of the Achaemenid Circle and Local Imitations. Creations of the Post-Achaemenid Tradition]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.). Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope* [Influences of the Achaemenid Culture in Southern Urals (5th–3rd Centuries BC. Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe]. Iss. 5, vol. 1. Moscow, Taus Publ., pp. 134-167.
- Treister M. Yu., 2015a. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz [The Gold of Phanagoria. Typological, Stylistic and Chronological Analysis]. *Zoloto Fanagorii. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [The Gold of Phanagoria. Materials on the Archaeology and History of Phanagoria]. Vol. 2. Moscow, IARAS, pp. 77-181.
- Treister M. Yu., 2015b. Katalog. Institut arkheologii RAN [Catalogue. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences]. *Zoloto Fanagorii. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [The Gold of Phanagoria. Materials on the Archaeology and History of Phanagoria]. Vol. 2. Moscow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, pp. 391-534.
- Treister M. Yu., 2018. Dragotsennyy poyasnoy nabor iz elitnogo pogrebeniya kochevnika u s. Kosika [A Precious Belt Set from the Nomadic Elite Burial near the Village of Kosika]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 17, no. 1, pp. 108-143. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.6>
- Treister M. Yu., 2019. Skarabeoid iz pogrebeniya № 1 kurgana № 1/2015 mogil'nika Chebotarev-V (o blizhnevostochnykh pechatyakh v pogrebeniyakh srednesarmatskogo vremeni) [A Scaraboid from Burial 1 of Burial-mound 1/2015 of the Chebotarev V Cemetery in the Lower Don Area (About the Near Eastern Seals in the Nomadic Burials of the Middle Sarmatian Period)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 20-31. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086960630004111-1>.
- Treister M. Yu., 2020a. Akhemenidskaya tsilindricheskaya pechat' iz Kosiki [An Achaemenid Cylindrical Seal from Kosika]. «*Bosporskiy stadiy. Greki i ikh sosedi v Severnom Prichernomor'e antichnoy epokhi (k 70-letiyu Yu.A. Vinogradova)*». *Arkheologicheskie vesti* [The Bosphoran Stadium. The Greeks and their Neighbors in the North Pontic Area in the Antiquity era (to the 70th Anniversary of Yu.A. Vinogradov). Archaeological News]. Iss. 29. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 100-110.
- Treister M. Yu., 2020b. Pektoral' iz Kosiki [A Pectoral from Kosika]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], vol. 80, no. 2, pp. 377-409. DOI: <http://doi.org/10.31857/S032103910009661-0>.
- Shtein V.F., 1968. Pryazhka s izobrazheniem ezhey iz Sibirskoy kollektzii Ermitazha [The Buckle with the Images of Hedgehogs from the Siberian Collection of the Hermitage]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 269-272.

- Abdullaev K.A., 2008. Bactrian Gold Buckle with the Contest Between a Hero and a Centaur (Herakles and Nessos?). *Parthica*, vol. 10, pp. 135-149.
- Angelini M., 2011. Note sulla bronzistica greca arcaica attraverso lo studio delle tecniche di fabbricazione del cratere da Trebenište. *Bollettino di archeologia on line*. Vol. II, 2011/4, pp. 92-124.
- Arik R.O., 1934. Karalar Hafriyatı. *Türk Tarih, Arkeologya ve Etnografya Dergisi*, t. 2, pp. 102-167.
- Arik R., Coupury J., 1935. Les tumuli de Karalar et la sépulture du roi Déiôtarios II. *Revue Archéologique*, t. 6, pp. 133-151.
- Atasoy S., 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey. *American Journal of Archaeology*, vol. 78, p. 255-263.
- Belousov A.V., Treister M., 2020. Inscribed Ceremonial Dagger from Princely Sarmatian Burial near the Village of Kosika in the Lower Volga Region. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 26, no. 1, pp. 172-206.
- Bingöl F.R.I., 1999. *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takılar*. Ankara, T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Gnl. Müd. 233 s.
- Brosseder U., 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5. Bonn, Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, pp. 349-424.
- Caner E., 1983. *Fibeln in Anatolien. I. Prähistorische Bronzefunde* Abt. XIV, Bd. 8. München, C.H. Beck. 223 S.
- Cat. Amsterdam 2004. Kalashnik Yu. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle, Lund Humphries in association with the Hermitage. 127 p.
- Cat. Dallas, 1990. Bromberg A.M. *Gold of Greece. Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum*. Dallas, Dallas Museum of Art. 112 p.
- Cat. Malibu, 2007. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles, Getty Publications. 307 p.
- Cat. New York, 2000. *The Year One. Art of the Ancient World. East and West*. New York, The Metropolitan Museum of Art. 192 p.
- Cat. New York, 2016. *Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World*. The Metropolitan Museum of Art. New Haven, London, The Metropolitan Museum of Art. 368 p.
- Cat. Paris, 2001. *L'or des Amazones*. Paris, Editions Findakly / Paris musées. 300 p.
- Cat. Rome, 2005. *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano, Mondadori Electa. 183 p.
- Coupury J., 1937. A propos des tumuli de Karalar. *Revue archéologique*, t. 9, pp. 86-88.
- Coşkun A., 2005. Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana (45 v. Chr.). *Roms Auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen, Ruprecht, S. 127-154.
- Coşkun A., 2013a. Deiôtarios of Galatia. *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, MA, Wiley-Blackwell, pp. 1963-1964.
- Coşkun A., 2013b. War der Galaterkönig Deiôtarios ein Städtegründer? Neue Vorschläge zu einigen kleinasiatischen Toponymen auf Sin-/Syn-. *Gephyra*, vol. 10, S. 152-162.
- Coşkun A., 2014. Latène-Artefakte im hellenistischen Kleinasien: ein problematisches Kriterium für die Bestimmung der ethnischen Identität(en) der Galater. *Istanbuler Mitteilungen*, Bd. 64, S. 129-162.
- Delivorrias A., 1999. *Ελληνικά κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Athens, Εκδόσεις Αδάμ / Πέργαμος, Μουσείο Μπενάκη. 510 p.
- Deppert-Lippitz, B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz, von Zabern. 322 S.
- Despini Ai., 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens, Ekdotiki Athinon. 292 p.
- Dittenberger, W. (ed.), 1882. *Inscriptiones Atticae aetatis romanae. Pars II. Tituli sepulcrales. Tituli memoriales. Fragmenta incerta. Addenda et corrigenda. Indices*. Berlin, Reimer. 193 p.
- Dvornitchenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1994. Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne. *Les dossiers d'archéologie*, no. 194, pp. 66-75.
- Faust S., 1994. Die Klinen. *Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia*. Köln, Rheinland Verlag GmbH, S. 573-606.
- French D.H., 2003. *Roman, Late Roman and Byzantine Inscriptions of Ancyra*. Ankara, Foundation of Museum of Anatolian Civilizations. 223 p.

- Gagetti E., 2006. *Preziose sculture di età ellenistica e romana*. Il Filarete. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano. Vol. 240. Milano, LED Edizioni Universitarie. 712 p.
- Ghirshman R., 1962. *Iran. Parther und Sasaniden*. München, C.H. Beck. 404 S.
- Hackens T., Lévy E., 1965. Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964. *Bulletin de correspondance hellénique*, t. 89, pp. 503-566.
- Hadjidakis P.J., 2003. *Delos*. Athens, Eurobank, Latsis Group, Editions Olkos. 455 p.
- Higgins R.A., 1980. *Greek and Roman Jewellery*. London, Methuen. 243 p.
- Hofeneder A., 2004. Kann man Kamma, die Frau des Galatertetrarchen Sinatos, für die keltische Religion heranziehen? *Ad Fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag am 15. September 2004*. Wien, Im Eigenverlag der Herausgeber, S. 705-711.
- Hoffmann H., von Claer V., 1968. *Antiker Gold- und Silberschmuck: Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg*. Mainz, von Zabern. 246 S.
- Jackson M.M., 2010. New Jewellery Evidence from the Antikythera Shipwreck: A Stylistic and Chronological Analysis. *Bulletin de correspondance hellénique*, t. 134, pp. 177-194.
- Jackson M., 2017. *Hellenistic Gold Jewellery in the Benaki Museum, Athens*. Mouseio Benaki 10th Suppl. Athens, Benaki Museum. 176 p.
- Jacobsthal P., 1956. *Greek Pins and their Connections with Europe and Asia*. Oxford, Clarendon Press. 250 p.
- Kat. Bonn, 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn, Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland; Ostfildern, Hatje Cantz Verlag. 267 S.
- Kat. Bonn, 2010. *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn, Kunst- und Ausstellungshalle der BRD. 288 S.
- Kat. Frankfurt, 1994. *Goldhelm. Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit*. Frankfurt, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Archäologisches Museum. 257 S.
- Klochkov I.S., 1996. Two Cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 3, pp. 38-48.
- Koryakova L., 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, The Metropolitan Museum of Art, pp. 102-113.
- Kourkoumelis D., 2012. *Transport Amphorae. The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue*. Athens, Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum, pp. 208-215.
- Krug A., 1987. Nero's Augenglas. Realia zu einer Anekdote. *Archéologie et Médecine, VIIèmes Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire, Antibes 1986*. Antibes, Musée archéologique, pp. 459-475.
- Lungu V., Covacef Z., Chera K., 2012. *Bijuterii antice din aur din olectiile Muzeului de Istorie Națională și Arheologie Constanța*. Bibliotheca Tomitana Vol. VI. Constanța, Ex Ponto. 147 p.
- Marčenko I.I., Limberis N.J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz, von Zabern, S. 267-400.
- Margulies E., 1967. Cloisonné enamel. *Survey of Persian Art*, vol. II. Tehran, Persian Art; London, Oxford University Press; Tokyo, Teiji Shobo, pp. 779-783.
- Mitchell S., 1982. *Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor. Vol. 2: The Ankara District: The Inscriptions of North Galatia*. Oxford, British Archaeological Reports. 461 p.
- Mordvintseva V.I., Zaitsev Y.P., 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 9, pp. 193-257.
- Müller-Karpe A., 2018. Die Juwelen der Königin Berenike. Antiker Schmuck zwischen Raubgrabungen und Wissenschaft. *Festschrift für Heide Froning. Studies in Honour of Heide Froning*. Istanbul, E Yayinlari, S. 313-334.
- Nenna M.-D., 1999. *Les Verres*. Exploration archéologique de Délos, 37. Paris, Athènes, École Française d'Athènes. 216 p.
- Parachaud K., 2015. *Présences "celtiques" en Méditerranée orientale au regard des cultures matérielles de La Tène (Ve-Ier siècle av. n. è.)*. Vol. 1–2. Université Toulouse – Jean Jaurès. 174 p.

- Parker V., 2018. Deiotarus: zur Karriere eines römischen Klientelkönigs. *Electrum*, vol. 25, S. 187-208. DOI : <http://doi.org/10.4467/20800909EL.18.009.8929>.
- Pfeiler B., 1970. *Römischer Goldschmuck des ersten und zweiten Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden*. Mainz, von Zabern. 136 S.
- Pfeiler-Lippitz B., 1972. Späthellenistische Goldschmiedearbeiten. *Antike Kunst*, Jg. 15, Heft 2, S. 107-119.
- Pfrommer M., 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks* (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen: E. Wasmuth. 470 S.
- Plantzos D., 1999. *Hellenistic Engraved Gems*. Oxford, Clarendon Press. 148 p.
- Platz-Horster G., 2010. *Kleine Praser and Chromium-bearing Chalcedonies. About a Small Group of Engraved Gems. Pallas*, vol. 83, pp. 179-202.
- Pougatchenkova G., 1978. *Les trésors de Dalverzine-Tépé*. Leningrad, Eid. d'art Aurore. 102 p.
- Regional epigraphic catalogues of Asia Minor II: the Ankara district, the inscriptions of North Galatia*. URL: <https://epigraphy.packhum.org/text/267821> (accessed 30.11.2020).
- Rice K.E., 2016. *A Tomb with a View: Constructing Place and Identity in the Funerary Monuments of Hellenistic Anatolia*. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill. Chapel Hill. 578 p.
- Rolley C., 2003. Le cratère. *La tombe princière de Vix*. Paris, Picard et Société des amis du musée du Châtillonais, pp. 76-143.
- Rosenberg M., 1921. *Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Zellenschmelz*. Bd. 1–2. Frankfurt, Joseph Baer & Co. 80 S.
- Rudenko S.I., 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I*. Sammlung archäologischer Quellen D3-9. Moskau, Leningrad, Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. 67 S.
- Ruxer M.S., Kubczak J., 1972. *Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim*. Warsaw, Poznań, Państwowe Wydawn. Naukowe, Oddział w Poznaniu. 272 p.
- Sarianidi V.I., 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad, Aurova-Kunstverlag. 264 S.
- Ščepinskij A.A., 1994. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Zeitschrift für Archäologie*, Bd. 28, S. 87-106.
- Segall B., 1938. *Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki*. Athen, Museum Benaki. 220 S.
- Shaw I., Bunbury J., Jameson R., 1999. Emerald mining in Roman and Byzantine Egypt. *Journal of Roman Archaeology*, vol. 12, p. 203-215.
- Spickermann W., 2006. “Deiotaros”, *Der Neue Pauly*, Herausgegeben von: Hubert Cancik, Helmuth Schneider (Antike), Manfred Landfester (Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte). URL: http://dx.doi.org/10.1163/1574-9347_dnp_e313010 (accessed 22.09.2020).
- Stassinopoulou E., 2012. *The Golden Jewels and the Silver Vases. The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism*. Exhibition catalogue. Athens, Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum, pp. 146-151.
- Strobel K., 2002. Die Staatenbildung bei den kleinasiatischen Galatern. Politisch-historische und kulturelle Prozesse im hellenistischen Zentralanatolien. *Brückenland Anatolien? Ursachen, Extensität und Modi des Kulturaustausches zwischen Anatolien und seinen Nachbarn*. Tübingen, Attempto, S. 231-293.
- Syme R. 1995. Deiotarus. Syme R. *Anatolica. Studies in Strabo*. Oxford, Clarendon Press, pp. 127-136.
- Tarditi C., 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and the Fifth Centuries BC*. Thiasos Monografie. Vol. 7. Roma, Edizioni Quasar. 410 p.
- Treister M.Y., 1997. New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 4, pp. 35-100.
- Treister M., 2002. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 8, pp. 17-68.
- Treister M.Y., 2004a. Cloisonné-and Champlévé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic – Early Imperial Periods. *Acta Archaeologica*, vol. 75, no. 2, pp. 189-219.
- Treister M.Y., 2004b. Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 10, pp. 199-257.

- Treister M., 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School”. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 11, nos. 3–4, pp. 199-255.
- Treister M., 2006. Late Hellenistic Polychrome Necklaces. *Common Ground: Archaeology, Art, Science, and Humanities, Proceedings of the XVI International Congress of Classical Archaeology*. Oxbow Monograph XX. Oxford, Oxbow Books, pp. 518-522.
- Tselekas P., 2012. The Coins. The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue. Athens : Hellenic Ministry of Culture and Tourism – National Archaeological Museum, pp. 216-226.
- Zafeiropoulou F., 1998. *Δήλος. Μαρτυρίες από τα Μουσειακά εκθέματα*. Athens, Εκδοσεις Αδαμ. 304 p.
- Zinc S., 2019. *Polychromy, architectural, Greek and Roman*. Oxford Classical Dictionary. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.8184>.
- Zwierlein-Diehl E., 2007. *Antike Gemmen und Ihr Nachleben*. Berlin, Walter de Gruyter. 567 S.

Information About the Author

Mikhail Yu. Treister, Doctor of Sciences (History), Researcher, German Archaeological Institute, Podbielskiallee, 69–71, 14195 Berlin, Germany, mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Трейстер, доктор исторических наук, научный сотрудник, Германский археологический институт, Подбельскиаллее, 69–71, 14195 г. Берлин, Германия, mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>

UDC 903'1(470.5):903.5

LBC 63.442.7(235.55)-427

Submitted: 08.03.2021

Accepted: 27.05.2021

SMALL GUMAROVO KURGANS OF SCYTHIAN-SARMATIAN TIME AT SOUTH URAL: CHRONOLOGY, FEATURES OF THE FUNERAL RITES AND ISSUES OF CULTURAL ATTRIBUTION

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of the burial rite and chronology of the Gumarovo cemetery, located on the border of the steppe and mountain-steppe zones of the Southern Urals, at the southern tip of the almost completely forested low plateau Zilair (Russia, Orenburg oblast, right bank of the Sakmara River). The cemetery consists of 5 stone kurgans, explored in 1979–1980 by an expedition led by R.B. Ismagilov. A burial of Early Scythian time was revealed in one of the kurgans (the so-called “Bolshoy Gumarovskiy”, “Big Gumarovo”), and immediately became widely known among researchers. The cemetery itself belongs to a later time, also known as “Sauromatian” time. Based on the chronological indicators and simultaneous occurrence of accompanying inventory categories, it is determined that the cemetery dates back to the end of the 5th – beginning of the 4th centuries BC and existed for a very short time. The burial rite features of the Gumarovo kurgans (stone mounds, wide oval graves, sloping walls, circular chamber graves, heads of the deceased oriented to the west and the east) indicate that it belongs to a special “Mugodzharian” group of nomads from the Southern Urals steppes eastern part. The origin of this group of nomads is associated with the migration of the Northern and Central Kazakhstan nomads to the steppes of the Orsk-Ilek interfluvium, i.e. to the west of the Mugodzhari ridge; with their long-lasting interaction with the local population of the Sauromatian (proved by Blumenfeld and East Aral complexes) and Early Sarmatian time; as well as assimilating part of the Early Saka appearance population, which occupied the steppes of the Southern Trans-Urals in the 7th – 6th centuries BC. It is shown that it is the “Mugodzharian” features that make the kurgans in the eastern part of the Southern Urals steppes significantly specific.

Key words: Southern Urals, Mugodzhari ridge, Scythian-Sarmatian time, funeral rite, ethno-cultural diversity.

Citation. Savelev N.S., 2021. Malye Gumarovskie kurgany skifo-sarmatskogo vremeni na Yuzhnom Urale: khronologiya, osobennosti pogrebal'nogo obryada i voprosy kul'turnoy atributsii [Small Gumarovo Kurgans of Scythian-Sarmatian Time at South Ural: Chronology, Features of the Funeral Rites and Issues of Cultural Attribution]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 179-203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>

УДК 903'1(470.5):903.5

ББК 63.442.7(235.55)-427

Дата поступления статьи: 08.03.2021

Дата принятия статьи: 27.05.2021

МАЛЫЕ ГУМАРОВСКИЕ КУРГАНЫ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ХРОНОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Представлен анализ погребального обряда и хронологии Гумаровского курганного могильника, расположенного на границе степной и горно-степной зон Южного Урала, на южной оконечности низкогорного и практически полностью покрытого лесом Зилаирского плато (Россия, Оренбургская область, правый берег р. Сакмара). Могильник состоит из 5 каменных курганов, исследованных в 1979–1980 гг.

экспедицией под руководством Р.Б. Исмагилова. В одном из курганов (так называемом «Большом Гумаровском») выявлено погребение раннескифского времени, сразу же получившее широкую известность у исследователей. Сам могильник относится к более позднему, «савроматскому», времени. На основе хронологических индикаторов и встречаемости категорий сопровождающего инвентаря установлено, что могильник датируется концом V – началом IV вв. до н.э. и существовал очень недолго. Погребальный обряд Гумаровских курганов (каменные насыпи, широкие овальные могильные ямы, наклонные стенки и кольцевые ниши-полуподбои, ориентировка умерших головами на запад и восток) свидетельствует о его принадлежности к особой «мугоджарской» группе кочевников восточной части степей Южного Урала. Происхождение данной группы кочевников связывается с миграцией номадов Северного и Центрального Казахстана в степи Орско-Илекского междуречья, то есть к западу от Мугоджарского хребта, их длительным взаимодействием с местным населением савроматского (блюменфельдский и восточноприаральский комплексы) и раннесарматского времени, а также ассимиляцией части населения раннесакского облика, занимавшего степи Южного Зауралья в VII–VI вв. до н.э. Показано, что именно «мугоджарские» признаки придают значительную специфику памятникам восточной части степей Южного Урала.

Ключевые слова: Южный Урал, Мугоджары, скифо-сарматское время, погребальный обряд, этнокультурное разнообразие.

Цитирование. Савельев Н. С., 2021. Малые Гумаровские курганы скифо-сарматского времени на Южном Урале: хронология, особенности погребального обряда и вопросы культурной атрибуции // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 179–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>

Исследование на рубеже 1970–80-х гг. в одном из курганов могильника около д. Гумарово в Кувандыкском районе Оренбургской области погребения раннескифского (раннесакского) облика [Исмагилов, 1988] сразу же привлекло внимание специалистов и навсегда вписало его в список основных источников по раннему этапу скифской эпохи Евразийского кочевого пояса (см. напр.: [Ольховский, 2000; Чугунов, 2000; Исмагил, 2013]). Нужно отметить и то, что исследованный курган, получивший с легкой руки Р.Б. Исмагилова название Большого Гумаровского, входил в состав могильника с погребениями кочевников немного более поздней, «савроматской» эпохи [Зуев, Исмагилов, 1999; Исмагил, Сунгатов, 2013]. Продолжая предложенный автором исследований формат, все эти курганы могут быть названы «Малыми»¹.

Гумаровский могильник расположен на границе степной и горно-степной зон Южного Урала, на южной оконечности низкогорного Зилаирского плато, к востоку от д. Гумарово, на распаханном пологом мысу правого берега р. Сакмара (рис. 1, I). Район расположения могильника только очень условно может быть назван «Южным Приуральем» (в случае, если под Приуральем понимать территории, примыкающие к р. Урал, что не является верным ни с физико-географической, ни с историко-географической точек зрения [Чибилев, Богданов, 2011; Чибилев, Чибилев, 2012; Савельев, 2011;

2017]), реально же это пограничная территория между Южным Приуральем и Южным Зауральем. Вероятно, даже более важным является то, что могильник находится непосредственно в пределах так называемых «Мугоджарских ворот» – узкого, не более 50–70 км шириной, единственного степного прохода в Уральской горной стране (по крайней мере, единственного от долины р. Чусовая на Среднем Урале до южной оконечности Мугоджар в полупустынях к северу от Аральского моря), соединяющего азиатскую и европейскую части степного пояса.

Могильник представлял из себя вытянутую в широтном направлении компактную цепочку из 4 курганов, расстояние между соседними курганами составляет 5–10 м (рис. 2, A). Не более чем в 5 м к северу от центра цепочки находился курган № 1 (так называемый «Большой»). Как было установлено во время раскопок, его внушительные размеры (высота до разрушения в 1950-е гг. – более 2 м, диаметр – более 23 м) являлись следствием значительной досыпки первоначальной насыпи после совершения явно нерядового захоронения в савроматское время (рис. 2, I). Таким образом, к савроматской эпохе относятся 8 погребений (кург. 1 погр. 1, кург. 2 погр. 3, кург. 3 погр. 1, кург. 4 – погр. 1, кург. 5 погр. 2), из них 3 (кург. 2 погр. 2, кург. 2 погр. 3, кург. 5 погр. 2) являются впускными, то есть немного более поздними по времени.

В отличие от раннескифского погребения, комплексы савроматского времени Гумаровских курганов (даже после их публикации [Зуев, Исмагилов, 1999]) не вызвали какого-либо особого внимания у исследователей. Так, например, Б.Ф. Железчиков при масштабной статистической обработке материалов савроматской эпохи Азиатской Сарматии использовал только материалы из кург. 4 Гумаровского могильника [Железчиков, 1994, с. 70, № 254], находящегося в центре курганной цепочки и мало чем отличающегося от соседних курганов [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 108–109, табл. 8]. С.Ю. Гуцалов, занимаясь кочевническими древностями Орско-Уральского междуречья [Гуцалов, 2004], не использовал эти, новые к тому времени, материалы, вероятно, исключительно по территориальному признаку – Гумаровские курганы удалены от р. Урал на 30 км к северу. Впрочем, и сами авторы публикации, рассматривавшие только отдельные категории инвентаря, в плане культурной атрибуции всего лишь попутно заметили, что могильник относится к савроматской культуре, ничем по инвентарю не выделяясь из числа широко известных памятников этого времени (Пятимары I, Черниговский, Сара, Бесоба) [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 110].

Вероятно, данное положение связано с тем, что с начала 1990-х гг. для большей части специалистов по эпохе ранних кочевников настало время теоретического осмысления, конструирования новых культур, отказа от них, замены существующих схем на концепцию культурно-хронологических горизонтов, отстаивания и опровержения существования хронологических лакун, попыток обосновать наличие «квазивековых» циклов солнечной активности, приводящих к кардинальным этнокультурным перестройкам в кочевом мире, сквозных хронологизаций и проч. (см. напр.: [Яблонский, 2007 и др.; Пшеничнюк, 1995; Васильев, 2004; Таиров, 2007; Таиров, 2015; Таиров, 2016; Берлизов, 2011; Исмагил, Сунгатов, 2011; Исмагил, Сунгатов, 2013; и т. д.]). Во всех этих исканиях сами археологические материалы занимали исключительно подчиненное положение. Работы структурного характера в это время стали больше исключением, чем правилом [Яблонский, 2010; Мышкин, 2012; Мышкин, 2013].

Обращение к опубликованным и неопубликованным [Исмагилов, 1980; Исмагилов, 1981] материалам Гумаровских курганов, в том числе и ознакомление с самой коллекцией² позволяет вернуться к анализу этого могильника и определить его место и место других подобных памятников в общей картине «савроматской» эпохи в центральной части Евразийской степи.

Близость погребального обряда (табл. 1, 2) и сопровождающего инвентаря (табл. 3) позволяют уверенно говорить о существовании могильника в достаточно короткий отрезок времени и захоронении в нем членов родственного коллектива. Все курганы сложены из камня крупного и среднего размера, диаметр кург. 2–5 составляет 10–12 м, высота 0,26–0,51 м, размеры кург. 1 намного большие – диаметр 23 м, высота – более 2 метров³. Курганы 1, 3 и 4 были возведены над единственными центральными погребениями, в кург. 2 и 5 присутствовали также и впускные погребения – в первом их два, во втором – одно. Ни в одном кургане под насыпями каких-либо каменных конструкций не прослежено, только для кург. 1 отмечается, что самые крупные камни (весом до 100 кг) располагались по периферии насыпи, образуя что-то типа крепиды [Исмагилов, 1981, л. 2].

В двух случаях (кург. 1 и 2) вокруг центральных погребений зафиксировано кольцо могильного выкида. В кург. 1 («Большом») внешний диаметр кольцевого валика достигал 12 м, ширина составляла 4–4,5 м, высота – 0,7 метра. В обоих случаях могильные ямы были перекрыты достаточно мощным деревянным накатом, при этом в кург. 1 он фиксировался внутри кольцевого валика, на древнем горизонте, в кург. 2 перекрытие было уложено на вершину кольцевого валика, внешний диаметр которого составлял 5 метров. В кург. 2 перекрытие было полностью сожжено, в кург. 1 на перекрытии, также провалившемся, костер был разведен только в западной его части. Следы провалившегося перекрытия в кург. 1, «..сожженного, вероятно, не полностью, были прослежены вдоль всего края могилы в виде желтоватого тлена мощностью около 0,25 м» [Исмагилов, 1981, л. 3].

Во всех курганах, за исключением кург. 5, под камнями насыпей, на уровне древ-

него горизонта присутствуют различные находки. В кург. 1 это перевернутый круглый жертвенник на трех ножках и бронзовое зеркало (рис. 2,3,5), лежавшие у западного края могильной ямы. Также каменный жертвенник – оваловый с рифленным бортиком и четырьмя короткими ножками – находился в перевернутом виде у восточного края могильной ямы кург. 3 (рис. 4,9), а в центре кургана под камнями найдено несколько фрагментов керамики с примесью талька в тесте. В восточной поле кург. 2 найдены практически полный развал неорнаментированного яйцевидного сосуда с примесью талька в тесте (рис. 3,17), а также несколько фрагментов от другого сосуда, с примесью шамота. В восточной поле кург. 4 найдены разрозненные кости животных.

Всего одна могильная яма из восьми исследованных имеет прямоугольную форму (кург. 2, погр. 2), все остальные – оваловые. Размеры их очень крупные, длина составляет 2,7–3,8 м, ширина для впускных и основных погребений различается: первые значительно более узкие (соотношение длина / ширина составляет 1:1,8 и 1:2,7–3), вторые широкие – их соотношение длина / ширина не превышает 1:1,15–1,5 (табл. 1). Размеры могильной ямы в кург. 1 – 6 × 5,2 м (то есть 1:1,16), глубина – 2,2 м, форма оваловая, близкая ромбической с закругленными углами, то есть от остальных основных погребений могильника она отличается только своими более крупными размерами. Распределение могильных ям по глубинам показывает примерно такую же закономерность: наиболее глубокими являются основные погребения (кург. 1 – 2,2 м; кург. 2, погр. 1 – 1,43 м; кург. 4 – 1,58 м), значительно более мелкими – впускные (кург. 2, погр. 2 – 0,63 м; кург. 2, погр. 3 – 0,7 м). Исключениями являются относительно глубокое впускное погребение в кург. 5 погр. 2 (1,03 м) и два очень мелких основных погребения (кург. 5, погр. 1 – 0,72 м; кург. 3 – 0,4 м). Особенностью последнего является устройство захоронения на уровне материка, то есть могильная яма прорезала только слой погребенной почвы (рис. 4,1,2), фиксация границ и формы ямы стала возможной исключительно благодаря «плотному каменному заполнению» [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 108].

В трех курганах, наряду с рваным камнем, в насыпи и засыпке могил использовалась светлая речная галька. В кург. 1 она в большом количестве встречалась в нижней части заполнения могилы, имела крупные размеры (до 1–2 кг) и была обожжена. В насыпи кург. 4 «среди дикого камня довольно часто встречалась речная светлых тонов галька; ее было больше в центральной части насыпи и особенно в засыпке могилы» [Исмагилов, 1980, л. 8], что сближает ее с погр. 2 в кургане 1. Во впускном погр. 2 кург. 5 «засыпка состоит исключительно из белой речной гальки» [Исмагилов, 1980, л. 10]. В отличие от последнего случая, где можно говорить о преднамеренной забутовке могильной ямы речной галькой, ее попадание в засыпку погр. 2 кург. 1 и погр. 1 кург. 4 может быть связано с обрушением деревянного перекрытия. Так, для кург. 1 Р.Б. Исмагилов прямо отмечает, что «остатки костра вместе с обожженным камнем и речной галькой упали в яму после того, как рухнуло перекрытие» [Исмагилов, 1980]. Та же ситуация зафиксирована и для центрального погр. 1 кург. 2, где речная галька отсутствовала – его засыпка «глинистая в верхней части, включала довольно много угольков и камней и спускалась ко дну ямы не равномерно, а клином, что, очевидно, может объясняться тем, что они попали в яму после обвала сгоревшего, вероятно, перекрытия» [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 107]. В единственном погребении кург. 4, засыпка которого насыщена светлой речной галькой, прослежено такое же «клиновидное» заполнение (рис. 5,1), что может свидетельствовать о наличии над этим погребением такого же провалившегося деревянного перекрытия, не сохранившегося или не зафиксированного при исследованиях⁴. Все эти данные позволяют вполне обоснованно говорить о наличии на перекрытиях погр. 2 кург. 1, погр. 1 кург. 2 и погр. 1 кург. 4 каких-то каменных конструкций типа куч или «пирамидок», в состав которых в двух случаях (кург. 1 и 4) входила светлая речная галька, провалившихся внутрь могильной ямы вследствие сгорания (кург. 1 и 2) или истлевания (кург. 4) дерева.

Особенностью всех могильных ям являются наклонные стенки – достаточно плохо прослеживаемые в неглубоких впускных по-

гребенях кург. 2 (рис. 3, 11, 14) и очень четко фиксируемые в остальных случаях. Центральные погребения кург. 2 и кург. 4, являющиеся после погр. 2 кург. 1 самыми глубокими в могильнике (1,43 и 1,58 м соответственно), в придонной части дополнительно имели кольцевой подбой (полуподбой) шириной около 0,2 м и высотой 0,3 м (рис. 3, 2, 5, 2).

Три погребения (37,5 %) из исследованных восьми являются парными. Во всех случаях погребенные уложены на дно могил (в погр. 2 кург. 1 погребенные лежали на деревянных носилках (?), установленных на «растительном тлене», в кург. 4 – на органической подстилке, в неглубоком погр. 1 кург. 5 какая-либо органика не сохранилась), параллельно друг другу. В погр. 2 кург. 1 погребенные лежали головами на запад, в погребении кург. 4 – головами в противоположные стороны, на запад и восток, в погр. 1 кург. 5 – возможно, также (практически все кости полностью истлели, такое заключение делается на основе размещения погребального инвентаря [Исмагилов, 1980, л. 9; Зуев, Исмагилов, 1999, с. 109]) головами на запад-юго-запад и восток-северо-восток (рис. 6). В целом для всех погребений характерны западная (оба костяка в погр. 2 кург. 1, костяк 1 в кург. 4), западная с небольшим отклонением к югу (впускное погр. 3 кург. 2, центральное в кург. 3 и, вероятно, костяк 1 погр. 1 кург. 5), восточная (центральное погр. 1 кург. 2, костяк 2 центрального погребения в кург. 4) и восточная с небольшим отклонением к северу (костяк 2 погр. 1 кург. 5) ориентировки. Значительное отличие от этой «широтной» нормы имеют два впускных погребения (погр. 2 кург. 2 и погр. 2 кург. 5), в которых умершие (в погр. 2 кург. 2 кости не сохранились) уложены головами к югу с небольшим отклонением к западу.

Близость всех курганов Гумаровского некрополя, четко проявляющаяся в погребальной обрядности, также прослеживается по составу и типам сопроводительного инвентаря. В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов отнесли могильник к периоду, охватывающему конец VI – рубеж V – IV вв. до н.э. [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 110–111], считая, таким образом, что погребения в нем проводились на протяжении более 100 лет. Погребение 2 в кург. 1 (то есть основное «савроматское» в Большом Гума-

ровском кургане) по форме золотых обкладок деревянного сосуда, очень отдаленно напоминающих происходящие из кург. 4 погр. 1 могильника Пятимары I, они отнесли к рубежу VI–V вв. до н.э. К этому же времени – на основании инвентаря, который близок «до полного совпадения некоторых его элементов» находкам в Саре, Черниговском и Бесобе, отнесено и погребение в кург. 3 (рис. 4). Курган 4 и основное погребение кург. 5 на основании типологии и процентного соотношения наконечников стрел отнесены к первой трети V в. до н.э. Центральное погребение кург. 2 также по наконечникам стрел отнесено к середине – третьей четверти V в. до н.э. К еще более позднему времени – рубежу V–IV вв. до н.э. – В.Ю. Зуев и Р.Б. Исмагилов отнесли впускные погребения этого кургана.

Несмотря на некоторую условность любых археологических построений, тем более хронологических, в данном случае авторами произведено равномерное и последовательное распределение комплексов в пределах всего V в. до н.э., немного более раннего и, возможно, немного более позднего времени. Основным датирующим признаком для В.Ю. Зуева и Р.Б. Исмагилова, не учитывая единичных аналогий, здесь стали бронзовые наконечники стрел (133 экз. из 5 комплектов) и в качестве принципиально важного хронологического маркера – наконечники с внутренней втулкой, сводчатой головкой и немного выступающими шипами (тип XII по К.Ф. Смирнову). Соавторы посчитали возможным отнести данный тип исключительно к VI–V вв. до н.э., однако уже К.Ф. Смирнов отмечал, что наиболее ранние наконечники типа XII появляются в VI в. до н.э., достигают своего расцвета в V в. до н.э. и существуют до II в. до н.э., становясь в колчанах IV–II вв. до н.э. достаточно редкими [Смирнов, 1961, с. 50]. С.Ю. Гуцалов также отмечает, что этот тип был достаточно многочисленным и имел распространение с раннескифского времени до III в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 21]. Принципиально важными здесь являются выводы О.И. Куринских, проанализировавшей наконечники стрел, происходящие более чем из 50 раннекочевнических погребений, исследованных около с. Покровка на р. Илек. По ее данным, появление трехлопастных бронзовых наконечников стрел

со сводчатой головкой и внутренней втулкой относится к V в. до н.э. (13,7 %), максимум распространения приходится на конец V – рубеж IV–III вв. до н.э. (65,3 %), а в III в. до н.э., перед окончательным исчезновением, их количество резко снижается (21,0 %) [Куринских, 2011, с. 52–53, рис. 5]. Это не позволяет выделять в гумаровских материалах комплекты наконечников стрел, относящихся к концу VI или первой половине V в. до н.э., то есть даже для V в. до н.э. все они не являются ранними.

Подтверждение поздней (в пределах V в. до н.э.) датировки дает нам зеркало, найденное в кург. 3 (рис. 4,8). У него немного сплюснутый (овальный) диск размерами 15 × 16,6 см; расширяющаяся к основанию ручка длиной 12 см; широкий, треугольного сечения откованный валик, проходящий по краю диска и формирующий центральную, утонченную проковкой, округлую площадку. В ее центре – резной циркульный орнамент в виде круга с вписанной в него шестилепестковой розеткой, края которой объединены вогнутыми дуговидными отрезками. На месте крепления рукояти к диску с обеих сторон зеркало орнаментировано бордюрами из зигзага и арок, выполненными точечными наколами (пунсоном). М.Ю. Трейстер расширение рукояти у основания и наличие на ней пунсонного орнамента на этих, изначально импортных, зеркалах, рассматривает как относительно поздние признаки, сформировавшиеся уже на территории Южного Урала [Трейстер, 2012, с. 126–128]. Одинарная шестилепестковая розетка встречается на зеркалах данного типа, начиная с самых ранних экземпляров (Кырык-Оба II, кург. 15), датированных еще концом VI – первой половиной V в. до н.э. [Гуцалов, 2010, с. 64, рис. 4,13], и вплоть до самых поздних (Переволочан I, кург. 11, погр. 2, 3; Авласово, кург. 3, погр. 2), относимых ко второй половине IV в. до н.э. [Сиротин, 2010, рис. 4,2, 5,2; Сиротин, 2013, с. 166, рис. 3,2]. Особенностью их является нанесение розетки пунсонной техникой. Ближайшей же (и единственной из известных) аналогией резной циркульной розетке из Гумарово является зеркало, происходящее из погр. 1 кург. 4 могильника Сара, датированного рубежом V–IV вв. до н.э. [Федоров, Васильев, 2017, рис. 4]. Также эти экзем-

пляры сближает расширенное основание рукояти – достаточно редкий признак, имеющий, как отмечалось выше, хронологическое значение. Все это позволяет рассматривать зеркало из кург. 3 могильника Гумарово как очень позднее и упрощенное подражание ближневосточным экземплярам (типа кург. 3 Покровки II и кург. 15 Кырык-Обы II), датировка которого может сближаться с саринским экземпляром. Вероятно, не случайно, что расстояние между могильниками Сара и Гумарово по прямой составляет всего 35 км.

Учитывая близость погребального обряда и сопровождающего инвентаря как повторяющегося в разных комплексах по категориям, так и очень близкого по типам (табл. 3), дату, полученную по наконечникам стрел и зеркалу, можно применить ко всему Гумаровскому могильнику и датировать его концом V – началом IV в. до н.э. Ранее его дата в пределах конца V в. до н.э., на основании рассмотренного выше зеркала и типов мечей, синхронизируемых с амфорным материалом Елизаветинского могильника, была предложена В.Н. Васильевым [Васильев, 2004, с. 160].

Выше уже отмечалось, что все курганы Гумаровского могильника отличаются значительной близостью по погребальному обряду. К его характерным чертам относятся сами каменные насыпи, кольцевые валы из выкида, каменные пирамидки-выкладки из белой речной гальки на деревянном перекрытии, обожженность перекрытий, широкие овальные могильные ямы, наклонные стенки и кольцевые ниши-полуподбои, широтная (западная при наличии восточной) ориентировка погребенных, находки под насыпью и т. д. Ранее на основании этих признаков мной было предложено выделить особую «мугоджарскую» группу кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э. Ее происхождение связывалось с достаточно массовой миграцией кочевников Казахстана в степи, лежащие к западу от Мугоджар [Савельев, 2018; Савельев, 2019, с. 42–43]. Дополнительно проведенный анализ погребального обряда по 129 комплексам савромато-раннесарматского времени, в которых наиболее полно представлены выделенные ранее признаки, позволил значительно детализировать данную картину [Савельев, 2021].

В целом вся выборка разделена на 3 группы (курганы земляные, курганы земляные с каменными конструкциями, курганы каменные) (табл. 4). При значительной внешней схожести они различаются представленностью тех или иных признаков (иногда – их полным отсутствием), территориальной приуроченностью и встречаемостью в пределах одних могильников. При этом признаки, статистически характеризующие данные группы, в значительной степени можно считать полярными.

С группой 1 (42 комплекса) максимально связаны широкие овальные ямы, кольцевые полуподбои, широтная ориентировка могильных ям, широтная (западная и в меньшей степени восточная) ориентировка умерших головами. Комплексы группы 1 входят в состав крупных, в том числе и сильно различающихся по погребальному обряду курганных могильников (Новый Кумак, Уркач, Восточно-Курайлинский и др.), но известны и однородные некрополи (Аксай III, Булдухта I, Танаберген II). Территориально данные памятники занимают максимально восточные и южные части ареала расселения ранних кочевников Южного Урала, а единичные погребения присутствуют и в Западном Оренбуржье. Группа 1 близка наиболее широко распространенному типу 1 погребений социальной элиты кочевников Южного Урала VI–V вв. до н.э. [Мышкин, 2013, с. 219–220, рис. 2, прим. 4]. Отличия кроются в овальной форме могильных ям (100 %), наличии кольцевых полуподбоев (33,3 %), ярусных (16,7 %) и диагональных (11,9 %) погребений. В целом можно говорить о том, что группа 1 отличается от стандартных «блюменфельдских» южноуральских традиций именно теми чертами, которые наиболее проявляются в группе 2 – земляных курганах с различными каменными конструкциями.

Группа 2 отличается от предыдущей наличием каменных конструкций (каменное кольцо на древнем горизонте, заполнение могильной ямы, каменная выкладка над могильной ямой, панцирь, квадратная или прямоугольная каменная ограда) и представлена 58 комплексами. Для этой группы максимально характерно кольцо из выкида, следы горения в центре подкурганной площадки и внутри мо-

гильной ямы, широкие овальные ямы, ярусные и диагональные погребения, ориентировка ямы по линии СВ-ЮЗ, юго-западные ориентировки головами умерших, а также ориентировки головой в северный сектор. Памятники группы 2 территориально находятся практически там же, но имеют большее распространение в степной и горно-степной части Южного Зауралья.

Присутствие самих каменных конструкций, двух-, трехкратное снижение удельного веса признаков, характерных для группы 1, такое же двух-, трехкратное увеличение удельного веса ряда признаков, незначительно представленных в группе 1, говорят о совершенно ином происхождении традиций, зафиксированных в курганах группы 2. Ближайшими аналогиями ей являются курганы кочевников Северного Казахстана, происходящие из степной зоны Казахского мелкосопочника от северных склонов Кокчетавской возвышенности до верховьев Ишима (могильники Бектениз, Улубай, Алыпкаш и т. д.) и относящиеся к северному локальному варианту тасмолинской культуры [Хабдулина, 1994, с. 79]. Отличие их от «мугоджарской» группы 2 – в основном в отсутствии широких овальных могильных ям и диагональных погребений, то есть тех признаков, которые присутствуют в группе 1 и могли сформироваться на основе взаимодействия с собственно «савроматским» (блюменфельдским) компонентом в степях между Орью и Илеком.

Группа 3, то есть собственно каменные курганы, представлена 29 комплексами, для которых, наряду с широкими овальными, характерны узкие овальные и неправильно-овальные (так называемые «трапециевидные»), а также прямоугольные ямы, наклонные стенки, ориентация могильных ям меридионально и по линии СЗ-ЮВ, ориентация головой на юг, юго-восток и восток. Курганы этой группы не образуют крупных могильников (за исключением Гумарово, о чем ниже) и в основном разбросаны одиночно с максимальным скоплением в горно-степной зоне Южного Зауралья [Савельев, 2000]. В ряде случаев они входят в состав более крупных гетерогенных могильников (Шаншар, Варна, Шеменевский, Шиликтысай).

Курганы группы 3 близки группе 2 по значительному количеству признаков, однако часть из них представлена минимально (кольцевой валик из выкида, следы горения на подкурганной площадке, ярусные погребения, кольцевые полуподбои, широтная ориентировка могильных ям, ориентировка головой на запад и юго-запад). Вероятно, курганы группы 3 должны рассматриваться как своеобразный этнографический реликт раннесакского населения степной зоны Южного Зауралья [Таиров, 2007, рис. 1], сохранившийся в горно-степной зоне, полосе предгорий и единично в открытой степи как минимум до второй половины – конца IV в. до н.э. [Савельев, 2000, с. 36–37]. Таким образом, группа 3 близка по своему происхождению (но не идентична) с группой 2 и имеет очень малое количество признаков, максимально проявляющихся в группе 1.

По основным признакам погребального обряда Гумаровские курганы относятся к группе 2, отличие заключается только в полностью каменном составе насыпи. Все прочие признаки, в том числе и вхождение пяти однотипных курганов в один некрополь, практически не характерны для группы 3. Учитывая длительное сосуществование в восточной части Южного Урала нескольких различных по своему происхождению групп населения, являющихся носителями совершенно разных погребальных традиций, а также индивидуальных комбинаций проявлений данных традиций в каждом конкретном могильнике, можно уверенно говорить о том, что процессы взаимодействия были устойчивыми и проявлялись в первую очередь на уровне малых семейно-родовых коллективов. Одним из таких некрополей и являлся Гумаровский курганный могильник, в очень ярком виде содержащий признаки, сформировавшиеся в зоне постоянного взаимодействия блюменфельдского и североказахстанского населения, но при этом, вероятно, имеющий черты, сближающие его с предшествующим раннесакским населением Южного Зауралья (каменная насыпь курганов и приуроченность к узкой полосе горно-степной зоны).

Многочисленные аналогии Малым Гумаровским курганам, но проявляющиеся, как правило, отдельными или несколькими призна-

ками, раскиданы по всей территории распространения памятников «мугоджарской» группы (рис. 1), но наиболее они распространены в верховьях р. Илек (могильники Акжар, Восточно-Курайлинский, Имангазы-Карасу и т. д.). Учитывая же наличие каменных насыпей, единственной близкой аналогией им являются I и II Аксеновские курганные могильники на р. Есауловский Аксай (1 100 км к западу-юго-западу от Гумарово и 100 км к юго-западу от Волгограда). Широкие овальные могильные ямы, наклонные стенки, ниши-полуподбои, широтная (западная при наличии восточной) и юго-западная ориентировка умерших, ярусные и диагональные погребения, захоронения «валетом», заполнение могильных ям камнем [Шилов, Очир-Горяева, 1997] – все это повсеместно представлено в мугоджарских памятниках Южного Урала. Наличие же широких прямоугольных и квадратных могильных ям, в том числе и с коллективными погребениями [Шилов, Очир-Горяева, 1997, рис. 4,8, 5,2, 14,1,4], также имеет значительное количество аналогий в восточной части Южного Урала, но уже в «блюменфельдских» памятниках [Смирнов, 1981]. Вероятно, появление этих компактных некрополей на правобережье Дона связано с участием кочевников Южного Урала в военно-политических событиях в Приазовье и Прикубанье V–IV вв. до н.э. и переселением части кочевников далеко на запад [Савельев, 2020].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При таком условном разделении могильника к его «Малой» части необходимо относить и сам «Большой» курган (№ 1), так как грандиозная каменная насыпь была сооружена именно над погребением явно не рядового ранга «савроматского» времени. Курганный насыпи, связанной именно с раннескифским погребением, в процессе исследований зафиксировано не было (об особенностях документирования и интерпретации этого кургана см.: [Ольховский, 2000, с. 269–271]). В то же время данный формат наименования позволяет четко разделять два разновременных комплекса Гумаровского курганного могильника.

² Октябрь 2003 года. Благодарю Е.Ф. Королькову (Государственный Эрмитаж) за предоставленную возможность ознакомления с коллекцией.

³ В момент исследования высота кургана не превышала 1 м [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 105], однако, по данным автора раскопок, насыпь кургана в 1950-е гг. целенаправленно разбиралась для строительства завода в г. Кувандык. «С первого кургана было вывезено не менее 100–150 полуторок обломков дикого камня. <...> К моменту начала раскопок (июль 1980 г.) насыпь кургана представляла из себя неровное каменисто-щебенистое возвышение, местами выровненное до уровня окружающей почвы» [Исмагилов, 1981, л. 1–2].

⁴ Вероятно, причиной полного истлевания дерева перекрытия над этим погребением является крайне малая высота самого кургана, сложенного из камня, – всего 0,26 м, то есть это дерево находилось при постоянном доступе воздуха и влаги, что значительно ускоряло процессы гниения. Курганы 1 и 2, где сохранились следы деревянного перекрытия, имели значительно большую высоту – выше 2 м и 0,51 м, причем во втором случае перекрытие было полностью сожжено.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Гумаровские курганы. Размерные признаки

Table 1. Gumarovo kurgans. Dimensional features

Комплекс	К-н: диаметр, м	К-н: высота, м	М/я: всего	М/я: форма	М/я: длина, м	М/я: ширина, м	М/я: соотношение Д/Ш	М/я: глубина, м *
кург. 1 (погр. 2)	23	2	1	овал	6,0	5,2	1:1,154	2,2
кург. 2	11	0,51	3	–	–	–	–	–
кург. 2, погр. 1	–	–	–	овал	2,75	1,98	1:1,4	1,43
кург. 2, погр. 2	–	–	–	пр/уг	2,7	1,0	1:2,7	0,63
кург. 2, погр. 3	–	–	–	овал	2,7	0,9	1:3	0,7
кург. 3 (погр. 1)	12	0,33	1	овал	3,8	2,5	1:1,5	0,4
кург. 4 (погр. 1)	10	0,26	1	овал	3,23	2,2	1:1,47	1,58
кург. 5	10	0,26	2	–	–	–	–	–
кург. 5, погр. 1	–	–	–	овал	3,15	2,75	1:1,145	0,72
кург. 5, погр. 2	–	–	–	овал	2,97	1,66	1:1,8	1,03

Примечание. * – глубина всех могильных ям приведена от уровня древней поверхности.

Note. * – the depth of all burial pits is estimated from the historical surface level.

Таблица 2. Гумаровские курганы. Сводные данные по погребальному обряду

Table 2. Gumarovo kurgans. Summary of the funeral rite

Комплекс	Насыпь: камень	Кольцевой вал	Перекрытие (сожжено)	Находки на ДГ	Светлая (белая) галька	М/я: овал	М/я: прямоугол.
кург. 1 (погр. 2)	+	+	+	+ *	+	+	–
кург. 2, погр. 1	+	+	+	+ **	–	+	–
кург. 2, погр. 2	–	–	–	–	–	–	+
кург. 2, погр. 3	–	–	–	–	–	+	–
кург. 3	+	–	–	+ ***	–	+	–
кург. 4	+	–	–	+ ****	+	+	–
кург. 5, погр. 1	+	–	–	–	–	+	–
кург. 5, погр. 2	–	–	–	–	+	+	–
Всего, %	100	40	40	80	37,5	87,5	12,5

Примечания. * – зеркало и перевернутый жертвенник – у западного края могильной ямы; ** – в восточной поле – развал яйцевидного сосуда с примесью талька и отдельные фрагменты от сосуда с примесью шамота; *** – перевернутый жертвенник – у восточного края могильной ямы, фрагменты сосуда с примесью талька – в центре подкурганной площадки; **** – разрозненные кости животных – в восточной половине кургана.

Notes. * – a mirror and a flipped-over credence – at the western end of the burial pit; ** – in the western area – complete sherds of an egg-shaped vessel made with the addition of talc and shard fragments of the vessel with the addition of chamotte; *** – a flipped-over credence – at the eastern end of the burial pit, fragments of the vessel with the addition of talc – in the center of the under kurgan ground; **** – separate animal bones – in the eastern part of the kurgan.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Комплекс	М/я: стенки наклонные	М/я: кольцевой подбой	Погр. парное	Голова на Запад (с откл.)	Голова на Восток (с откл.)	Голова на ЮЗ	Голова на ЮЮЗ
кург. 1 (погр. 2)	+	–	+	+	–	–	–
кург. 2, погр. 1	+	+	–	–	+	–	–
кург. 2, погр. 2	+	–	–	–	–	–	+
кург. 2, погр. 3	+	–	–	–	–	+	–
кург. 3	+	–	–	+	–	–	–
кург. 4	+	+	+	+	+	–	–
кург. 5, погр. 1	+	–	+	+	+	–	–
кург. 5, погр. 2	+	–	–	–	–	–	+
Всего, %	100	25	37,5	50	37,5	12,5	25

Таблица 3. Гумаровские курганы. Сопровождающий инвентарь

Table 3. Gumarovo kurgans. Accompanying inventory

Комплекс	Железные шильца	Браслет несомкн.	Жертвенник кам.	Зеркало	Глиняный сосуд	Кости животных	Костяная ложка
кург. 1, погр. 2	–	–	+	+	–	–	–
кург. 2, погр. 1	–	–	–	–	+	+	+
кург. 2, погр. 2	–	–	–	–	+	–	–
кург. 2, погр. 3	–	–	–	–	–	–	–
кург. 3	+	+	+	+	–	–	–
кург. 4, кост. 1	–	–	–	–	–	+	+
кург. 4, кост. 2	–	–	–	–	–	–	–
кург. 5, погр. 1, кост. 1	–	–	–	–	–	–	–
кург. 5, погр. 1, кост. 2	–	–	–	–	–	–	–
кург. 5, погр. 2	+	+	+	+	+	+	–

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Комплекс	Сосуд (дерево)	Нож длинный	Бусы	Бронз. нак. стрел	Меч / кинжал	Поясной крючок	Глиняная курильница
кург. 1, погр. 2	+	–	+	–	–	–	–
кург. 2, погр. 1	+	+	–	+	–	–	–
кург. 2, погр. 2	–	–	–	–	–	–	+
кург. 2, погр. 3	–	–	+	–	–	–	–
кург. 3	–	+	+	+	+	+	+
кург. 4, кост. 1	–	–	–	+	+	+	–
кург. 4, кост. 2	–	–	–	+	+	+	–
кург. 5, погр. 1, кост. 1	–	–	–	+	+	+	–
кург. 5, погр. 1, кост. 2	+	+	–	–	+	+	–
кург. 5, погр. 2	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 4. Мугоджарская группа ранних кочевников Южного Урала. Сводные данные

Table 4. The Mugodzharian group of early nomads of the Southern Urals. Summary data

Признак	ВСЕГО (129), %	Группы, %		
		Группа 1: Земляные (42)	Группа 2: С кам. констр. (58)	Группа 3: Каменные (29)
Основные погребения	86,8	88,1	86,2	86,6
К-ны: земляные (все)	72,9	44,7	90,0	–
К-ны: земля + камень	4,6	–	10,0	–
К-ны: камень	22,5	–	–	X
Камень в конструкции	45,0	–	X	–
К-ны: земляные (без камня)	32,6	X	–	–
Кольцо из выкида	26,4	28,6	31,0	13,8
Горение в ЦК	16,3	11,9	22,4	10,3
М/я овальная, в том числе:	95,4	100	96,6	86,2
широкий	72,4	76,2	73,2	64,0
узкий	12,2	9,5	12,5	16,0
средний	5,7	4,8	7,1	4,0
трапеция	4,9	4,8	3,6	8,0
круглый	4,9	4,8	3,6	8,0
М/я прямоугольная	4,6	0	3,4	13,8
Горение в М/я	4,7	9,5	31	20,7
Погребение ярусное	15,5	16,7	19	6,7
Наклонные стенки	31,8	31,0	29,3	44,8
Погребение диагональное	10,9	11,9	15,5	0
Кольцевой полуподбой	20,9	33,3	15,5	13,8
Заполнение М/я: камень	28,7	–	32,8	62,1
Кам. выкладка над М/я	30,2	–	58,6	17,2
Каменное кольцо	12,5	–	44,8	20,7
Каменная ограда	5,4	–	10,0	–
Панцирь	3,9	–	8,6	–
Ориент. М/я: СВ-ЮЗ	21,7	11,9	32,8	13,8
Ориент. М/я: ЗВ (+ЗСЗ-ВЮВ)	42,6	66,7	31,0	31,0
Ориент. М/я: круглые	4,7	4,8	3,4	6,7
Ориент. М/я: ВСВ-ЗЮЗ	6,2	4,8	6,9	6,7
Ориент. М/я: СЮ	17,8	9,5	19,0	27,6
Ориент. М/я: СЗ-ЮВ	7,0	2,4	6,9	13,8
Ориент. головой: ШИ-РОТН.	49,9	68,8	36,9	38,4
Ориент. головой: З (+ЗЮЗ)	33,3	51,1	28,1	11,5
Ориент. головой: В (+ВСВ)	9,8	13,3	3,5	15,4
Ориент. головой: шир / неопр.	6,8	4,4	5,3	11,5
Ориент. головой: ЮЗ	18,9	17,8	24,6	11,5
Ориент. головой: ЮВ	6,1	8,9	1,8	11,5
Ориент. головой: Ю (+ЮЮВ)	14,4	4,4	19,3	23,1
Ориент. головой: мер / неопр.	2,3	0	3,5	3,8
Ориент. головой: С-сектор	8,3	0	15,9	11,5
Ориент. головой: СВ	3,8	0	5,3	7,7
Ориент. головой: СЗ	3,0	0	5,3	3,8
Ориент. головой: С	1,5	0	3,5	0

Окончание таблицы 4

End of Table 4

Признак	По основным признакам, %						
	Кольцо из выкида (34)	Каменное кольцо (32)	Костер в мог. яме (28)	Голова на юг (21)	Кольцевой полуподбой (27)	Ярусные погр. (20)	Диагональные погр. (14)
Основные погребения	97,0	93,7	100	76,2	92,6	100	85,7
К-ны: земляные (все)	85,3	75,0	75,0	47,6	81,5	85,0	92,9
К-ны: земля + камень	2,9	6,3	3,6	9,5	3,7	5,0	7,1
К-ны: камень	11,8	18,8	21,4	38,1	14,8	10,0	0
Камень в конструкции	52,9	81,3	64,3	42,9	33,3	55,0	64,3
К-ны: земляные (без камня)	32,3	–	14,3	19,0	51,9	35,0	35,7
Кольцо из выкида	X	43,8	50,0	9,5	25,9	20,0	21,4
Горение в ЦК	38,2	28,1	50,0	4,8	25,9	30,0	28,6
М/я овальная, в том числе:	97,0	93,8	96,4	95,2	100	100	100
широкий	84,8	66,7	85,2	55,0	63,0	80,0	100
узкий	3,0	16,7	7,4	35,0	18,5	15,0	0
средний	6,1	6,7	0	5,0	14,8	5,0	0
трапеция	3,0	3,3	3,7	0	0	0	0
круглый	3,0	6,7	3,7	5,0	3,7	0	0
М/я прямоугольная	2,9	6,3	3,6	4,8	0	0	0
Горение в М/я	41,2	28,1	X	23,8	25,9	45,0	42,9
Погребение ярусное	11,8	18,8	32,1	9,5	18,5	X	35,7
Наклонные стенки	32,4	31,3	46,2	28,6	14,8	20,0	28,6
Погребение диагональное	8,8	9,4	21,4	9,5	7,4	25,0	X
Кольцевой полуподбой	20,6	21,9	25,0	19,0	X	25,0	14,3
Заполнение М/я: камень	23,5	40,6	35,7	42,9	29,6	30,0	28,6
Кам. выкладка над М/я	32,4	50,0	53,6	38,1	29,6	55,0	35,7
Каменное кольцо	41,2	X	32,1	28,6	25,9	30,0	21,4
Каменная ограда	0	3,1	10,7	4,8	3,7	15,0	7,1
Панцирь	5,9	6,3	7,1	0	0	5,0	0
Ориент. М/я: СВ-ЮЗ	32,4	37,5	21,4	–	18,5	40,0	21,4
Ориент. М/я: ЗВ (+ЗСЗ-ВЮВ)	50,0	21,9	50,0	–	48,1	45,0	42,9
Ориент. М/я: круглые	2,9	6,3	3,6	4,8	3,7	0	0
Ориент. М/я: ВСВ-ЗЮЗ	5,9	3,1	3,6	–	3,7	0	7,1
Ориент. М/я: СЮ	5,9	18,8	14,3	95,2	14,8	10,0	14,3
Ориент. М/я: СЗ-ЮВ	2,9	13,5	7,1	–	11,1	5,0	14,3
Ориент. головой: ШИ-РОТН.	51,3	25,1	46,9	–	51,7	44,4	38,9
Ориент. головой: З (+ЗЮЗ)	29,7	18,8	28,1	–	37,9	37,0	27,8
Ориент. головой: В (+ВСВ)	10,8	0	9,4	–	13,8	7,4	11,1
Ориент. головой: шир / неопр.	10,8	6,3	9,4	–	0	0	0
Ориент. головой: ЮЗ	29,7	25,0	21,9	–	17,2	33,3	27,8
Ориент. головой: ЮВ	2,7	6,3	6,3	–	6,9	0	11,1
Ориент. головой: Ю (+ЮЮВ)	2,7	18,8	15,6	X	17,2	11,1	5,6
Ориент. головой: мер / неопр.	2,7	3,1	0	–	0	0	0
Ориент. головой: С-сектор	10,8	22,0	9,4	–	6,8	11,1	16,7
Ориент. головой: СВ	2,7	6,3	0	–	3,4	7,4	0
Ориент. головой: СЗ	2,7	9,4	6,3	–	3,4	3,7	11,1
Ориент. головой: С	5,4	6,3	3,1	–	0	0	5,6

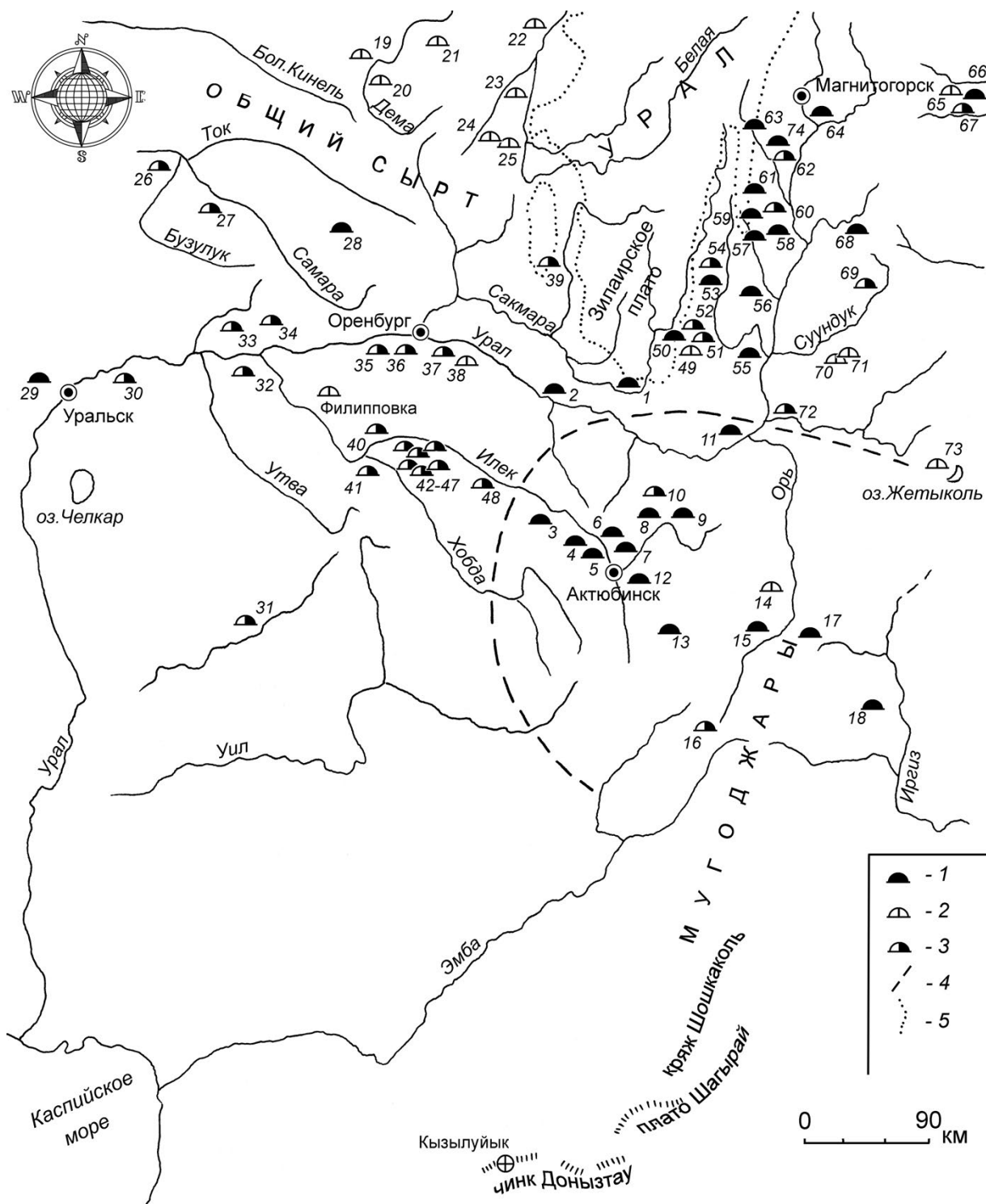

Рис. 1. Памятники ранних кочевников Южного Урала VII/VI – IV/III вв. до н.э.

Условные обозначения: 1 – мугоджарская группа (VII/VI – V вв. до н.э.);

2 – более поздние памятники (IV–III вв. до н.э.) с сохранением мугоджарских элементов;

3 – прочие памятники савроматского времени с присутствием мугоджарских элементов;

4 – границы компактного распространения памятников мугоджарской группы; 5 – современная граница лесной зоны.

Памятники: 1 – Гумарово; 2 – Гирьял; 3 – Целинный; 4 – Танаберген; 5 – Кызылжар; 6 – Восточно-Курайли;

7 – Акжар; 8 – Имангазы-Карасу; 9 – Шаншар; 10 – Шеменевский (Шпаки); 11 – Новотроицкий;

12 – Жаман-Каргала; 13 – Сарытау I; 14 – Матвеевский; 15 – Кудуксай; 16 – Уркач I; 17 – Жанабаз (Урбаз);

18 – Кепир (Жолуткен); 19 – Боголюбовка; 20 – Набережный; 21 – Уязыбашево; 22 – Леканды; 23 – Веселый;

24 – Юрматы; 25 – Загребаловка; 26 – Липовка; 27 – Медведка; 28 – Ивановская дюна; 29 – Белая Гора;

30 – Алебастрово II; 31 – Лебедевка; 32 – Жарсуат I; 33 – Болдырево; 34 – Барышников; 35 – Краснопартизанский;

36 – Нижнепавловка; 37 – Бис-Оба; 38 – Башкирское стойло; 39 – Каскиново; 40 – МаксUTOва землянка; 41 – Покровка; 42 – Мечетсай; 43 – Пятимары I; 44 – Близнецы; 45 – Увак; 46 – Черный Яр; 47 – Тара-Бутак; 48 – Акоба; 49 – Усть-Дергамыш; 50 – Янтышево; 51 – Переволочан I; 52 – Яковлевка; 53 – Юбилейный; 54 – Биш-Уба; 55 – Сагитово III; 56 – Валитово; 57 – Юмаш-Тай; 58 – Комсомол (Ургаза); 59 – Улек-Хазы-1; 60 – Сибай I; 61 – Гадельша; 62 – Альмухаметово; 63 – Давлетшино; 64 – Агаповские Горы; 65 – Елантау; 66 – Кесене; 67 – Варна; 68 – Александровский; 69 – Аландское; 70 – Урус-Кискен-2; 71 – Урус-Кискен-3; 72 – Новый Кумак; 73 – Озерный; 74 – Целинный (Альмухаметово)

Fig. 1. Monuments of the early nomads of the Southern Urals 7th/6th – 4th/3rd centuries BC

- Legend:* 1 – Mugodzharian group (7th/6th – 5th centuries BC);
2 – later sites (4th – 3rd centuries BC) with the Mugodzharian elements preserved;
3 – other sites of the Sauromatian period with the presence of Mugodzharian elements;
4 – boundaries of compact distribution of the Mugodzharian group monuments; 5 – the modern border of the forest zone.
- Necropolis:* 1 – Gumarovo; 2 – Giryal; 3 – Celinnyy; 4 – Tanabergen; 5 – Kyzylzhar; 6 – Vostochno-Kurayli; 7 – Akzhar; 8 – Imangazy-Karasu; 9 – Shanshar; 10 – Shemenevskiy (Shpaki); 11 – Novotroickiy; 12 – Zhaman-Kargala; 13 – Sarytau I; 14 – Matveevskiy; 15 – Kuduksay; 16 – Urkach I; 17 – Zhanabaz (Urbaz); 18 – Kepir (Zholutken); 19 – Bogolyubovka; 20 – Naberezhnyy; 21 – Uyazybashevo; 22 – Lekandy; 23 – Veselyy; 24 – Yurmaty; 25 – Zagrebalovka; 26 – Lipovka; 27 – Medvedka; 28 – Ivanovskaya dyna; 29 – Belaya Gora; 30 – Alebastrovo II; 31 – Lebedevka; 32 – Zharsuat I; 33 – Boldyrevo; 34 – Baryshnikov; 35 – Krasnopartizanskiy; 36 – Nizhnepavlovka; 37 – Bis-Oba; 38 – Bashkirskoe stoylo; 39 – Kaskinovo; 40 – Maksutova zemlyanka; 41 – Pokrovka; 42 – Mechetsay; 43 – Pyatimary I; 44 – Bliznecy; 45 – Uvak; 46 – Chernyy Yar; 47 – Tara-Butak; 48 – Akoba; 49 – Ust-Dergamysh; 50 – Yantyshevo; 51 – Perevolochan I; 52 – Yakovlevka; 53 – Yubileynyy; 54 – Bish-Uba; 55 – Sagitovo III; 56 – Valitovo; 57 – Yumash-Tau; 58 – Komsomol (Urgaza); 59 – Ulek-Hazy-1; 60 – Sibay I; 61 – Gadelsha; 62 – Almuhametovo; 63 – Davletshino; 64 – Agapovskie Gory; 65 – Elantau; 66 – Kesene; 67 – Varna; 68 – Aleksandrovskiy; 69 – Alandskoe; 70 – Urus-Kisken-2; 71 – Urus-Kisken-3; 72 – Novyy Kumak; 73 – Ozernyy; 74 – Celinnyy (Almuhametovo)

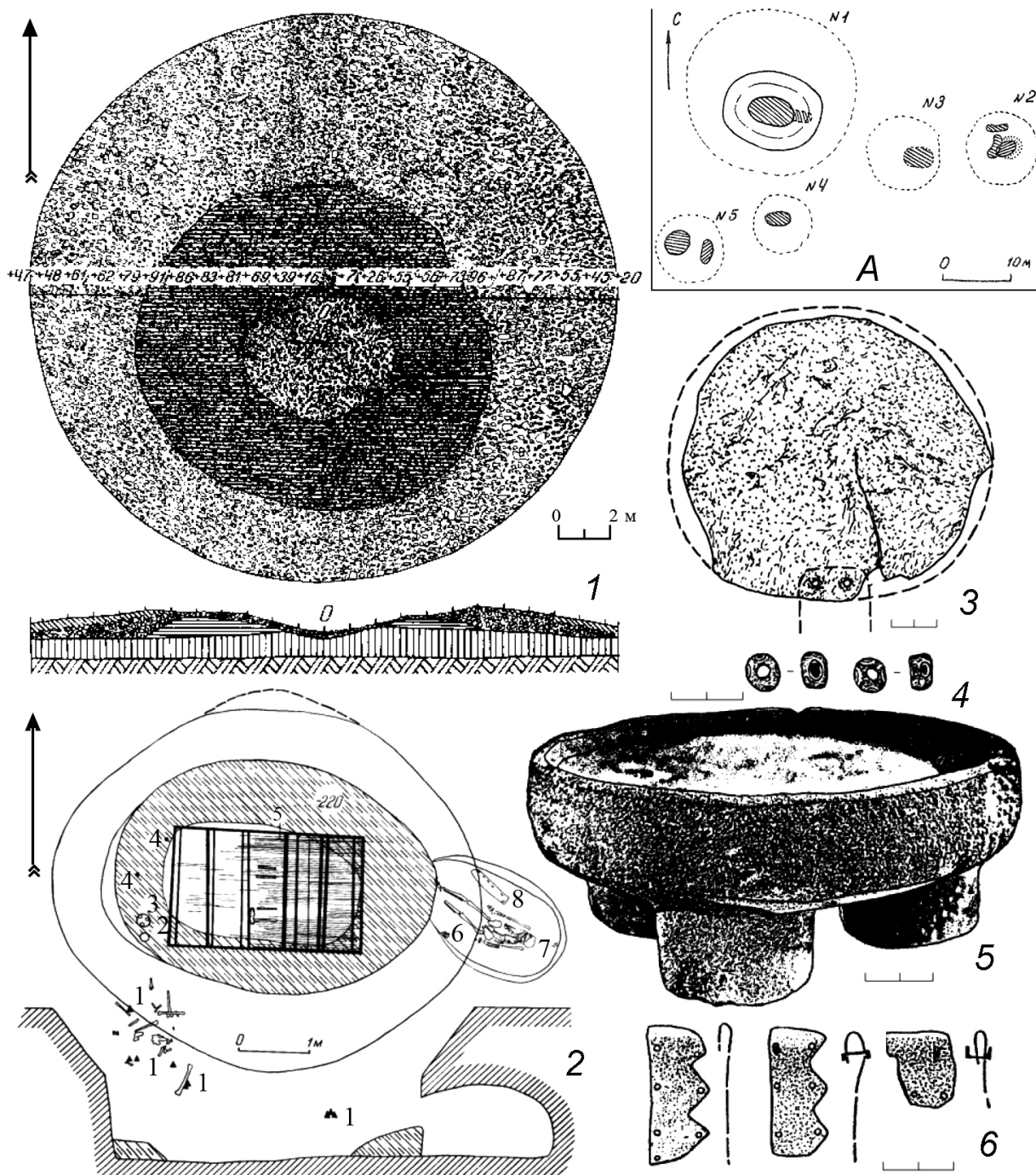

Рис. 2. План Гумаровского курганного могильника (А) и находки из кургана 1:

1 – план кургана; 2 – план основной могильной ямы и бокового погр. № 3 раннескифского времени
 (1 – фрагменты сосуда из разрушенного погребения эпохи бронзы; 2 – зеркало; 3 – жертвенник; 4 – бусы;
 5 – обкладки сосуда; 6–8 – находки из погр. № 3); 3 – бронзовое зеркало; 4 – пастовые бусы;
 5 – каменный жертвенник; 6 – золотые обкладки деревянного сосуда

Fig. 2. Plan of the Gumarovskiy Cemetery (A) and finds from the kurgan 1:

1 – plan of the kurgan; 2 – plan of the main burial pit and side burial No. 3 of the Early Scythian time
 (1 – fragments of a vessel from a destroyed burial of the Bronze Age; 2 – mirror; 3 – altar; 4 – beads;
 5 – vessel lining; 6–8 – finds from burial No. 3); 3 – bronze mirror; 4 – paste beads;
 5 – stone altar; 6 – gold plates of a wooden vessel

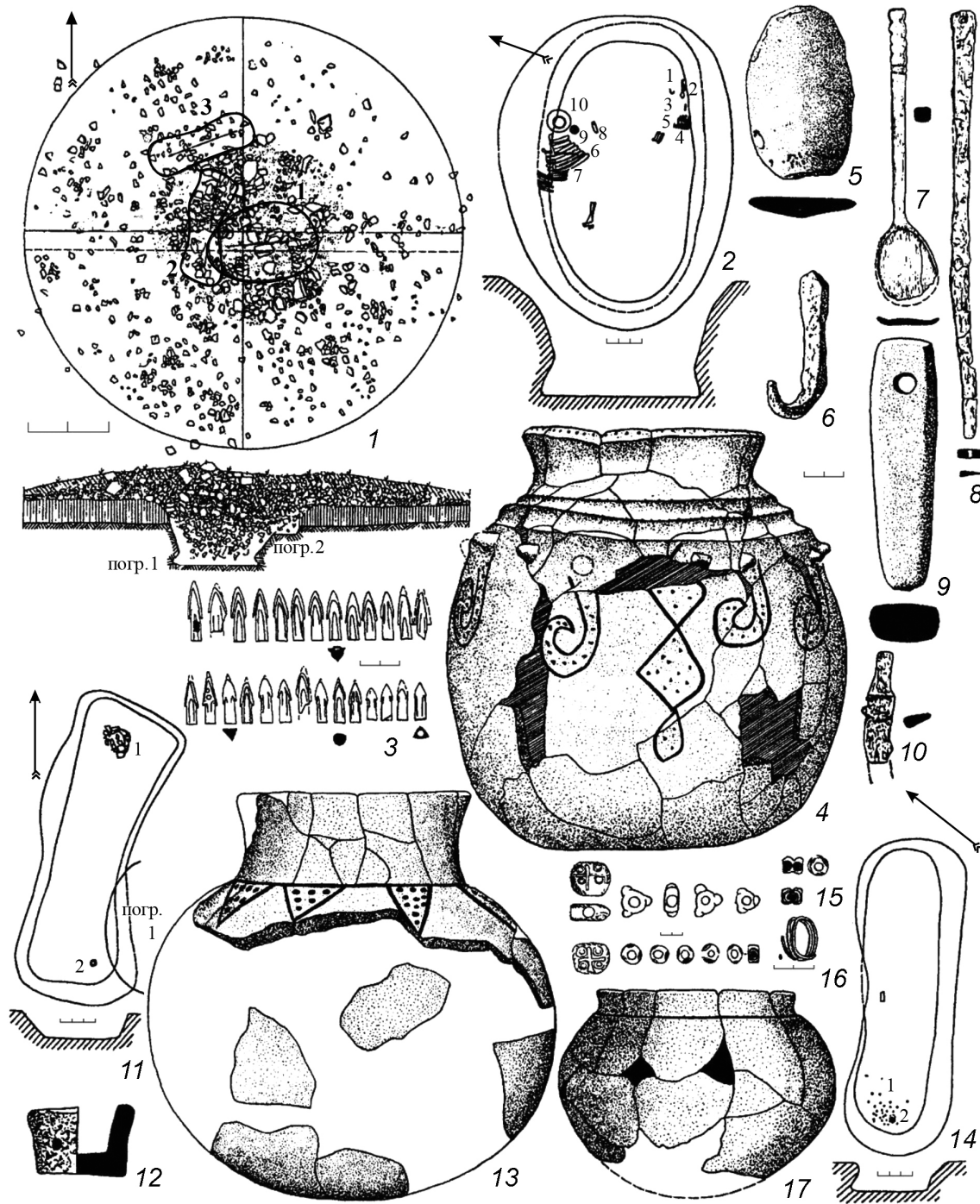

Рис. 3. Гумаровский курганный могильник. Курган 2:

- 1 – план кургана; 2 – погребение 1 (1 – ложка; 2, 6 – ножи; 3 – колчаный крючок; 4 – наконечники стрел; 5 – каменная плитка; 7 – кости овцы; 8 – оселок; 9 – деревянный сосуд; 10 – глиняный сосуд); 3 – бронзовые наконечники стрел; 4 – сосуд; 5 – каменная плитка; 6 – колчаный крючок; 7 – костяная ложка; 8, 10 – железные ножи; 9 – оселок; 11 – погребение 2 (1 – сосуд; 2 – курильница); 12 – глиняная курильница; 13 – глиняный сосуд; 14 – погребение 3 (1 – стеклянные бусы; 2 – каменные брусочки); 15 – бусы; 16 – бронзовая серьга; 17 – глиняный сосуд, найденный под насыпью кургана

Fig. 3. Gumarovski Cemetery. Kurgan 2:

- 1 – plan of the kurgan; 2 – burial 1 (1 – spoon; 2, 6 – knives; 3 – quiver hook; 4 – arrowheads; 5 – stone tiles; 7 – sheep bones; 8 – touchstone; 9 – wooden vessel; 10 – vessel); 3 – bronze arrowheads; 4 – vessel; 5 – stone tiles; 6 – quiver hook; 7 – bone spoon; 8, 10 – iron knives; 9 – touchstone; 11 – burial 2 (1 – vessel; 2 – censer); 12 – clay incense burner; 13 – vessel; 14 – burial 3 (1 – glass beads; 2 – stone blocks); 15 – beads; 16 – bronze earring; 17 – vessel found under the mound

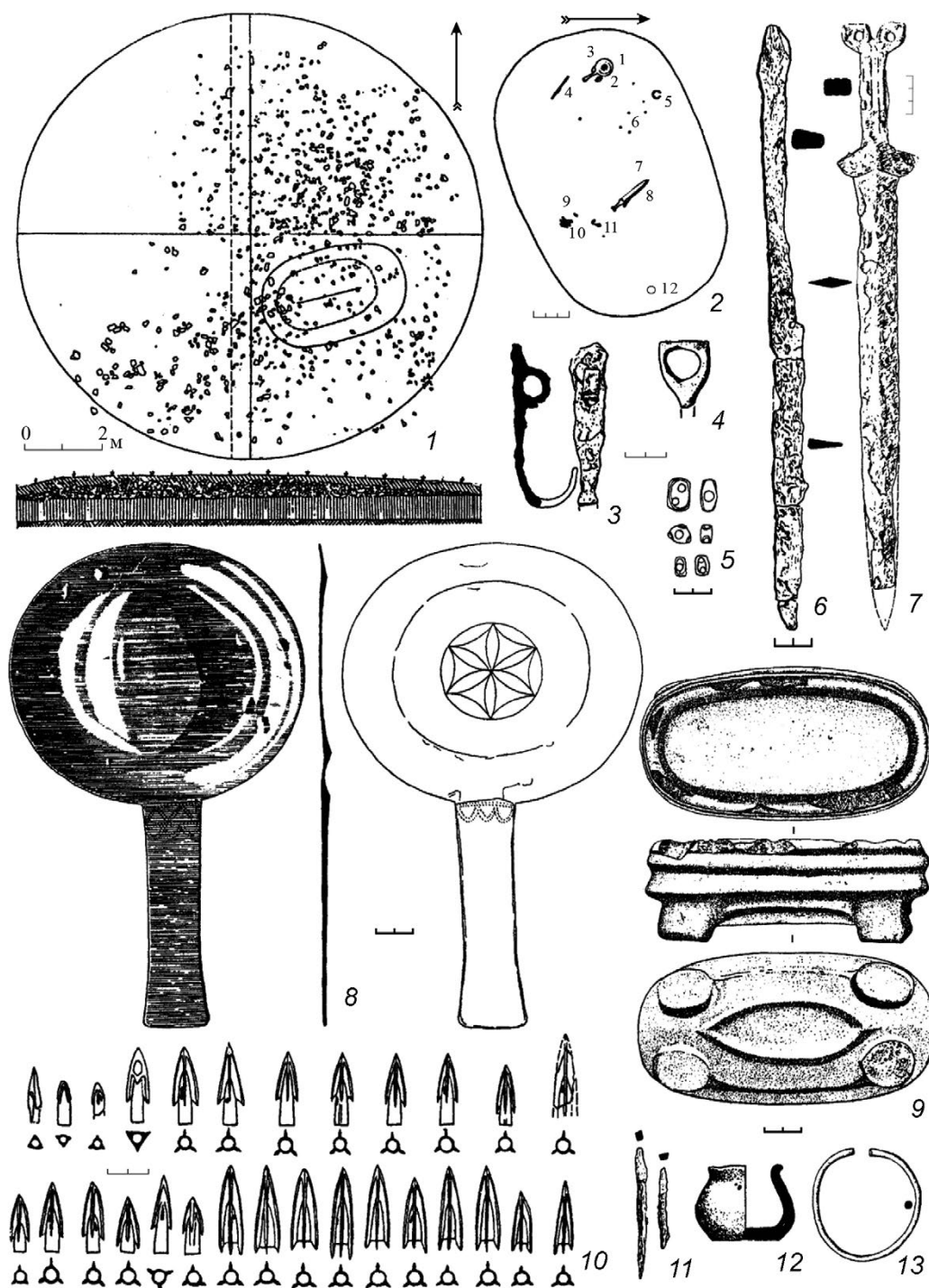

Рис. 4. Гумаровский курганный могильник. Курган 3:

1 – план кургана; 2 – план погребения (1 – зеркало; 2 – раковина; 3 – реальгар; 4 – нож; 5 – браслет; 6 – бусы; 7 – меч; 8 – элемент ножен?; 9 – наконечники стрел; 10 – обломок удила; 11 – колчанный крючок; 12 – глиняный сосудик); 3 – железный колчанный крючок; 4 – обломок бронзовых удила; 5 – бусы; 6 – железный нож; 7 – железный меч; 8 – бронзовое зеркало; 9 – каменный жертвенник; 10 – бронзовые наконечники стрел; 11 – железные шильца; 12 – глиняный сосудик; 13 – серебряный браслет

Fig. 4. Gumarovski Cemetery. Kurgan 3:

1 – plan of the kurgan; 2 – burial plan (1 – mirror; 2 – shell; 3 – realgar; 4 – knife; 5 – bracelet; 6 – beads; 7 – sword; 8 – scabbard element?; 9 – arrowheads; 10 – bit chip; 11 – quiver hook; 12 – vessel); 3 – iron quiver hook; 4 – a piece of bronze bits; 5 – beads; 6 – iron knife; 7 – iron sword; 8 – bronze mirror; 9 – stone altar; 10 – bronze arrowheads; 11 – iron barbs; 12 – vessel; 13 – silver bracelet

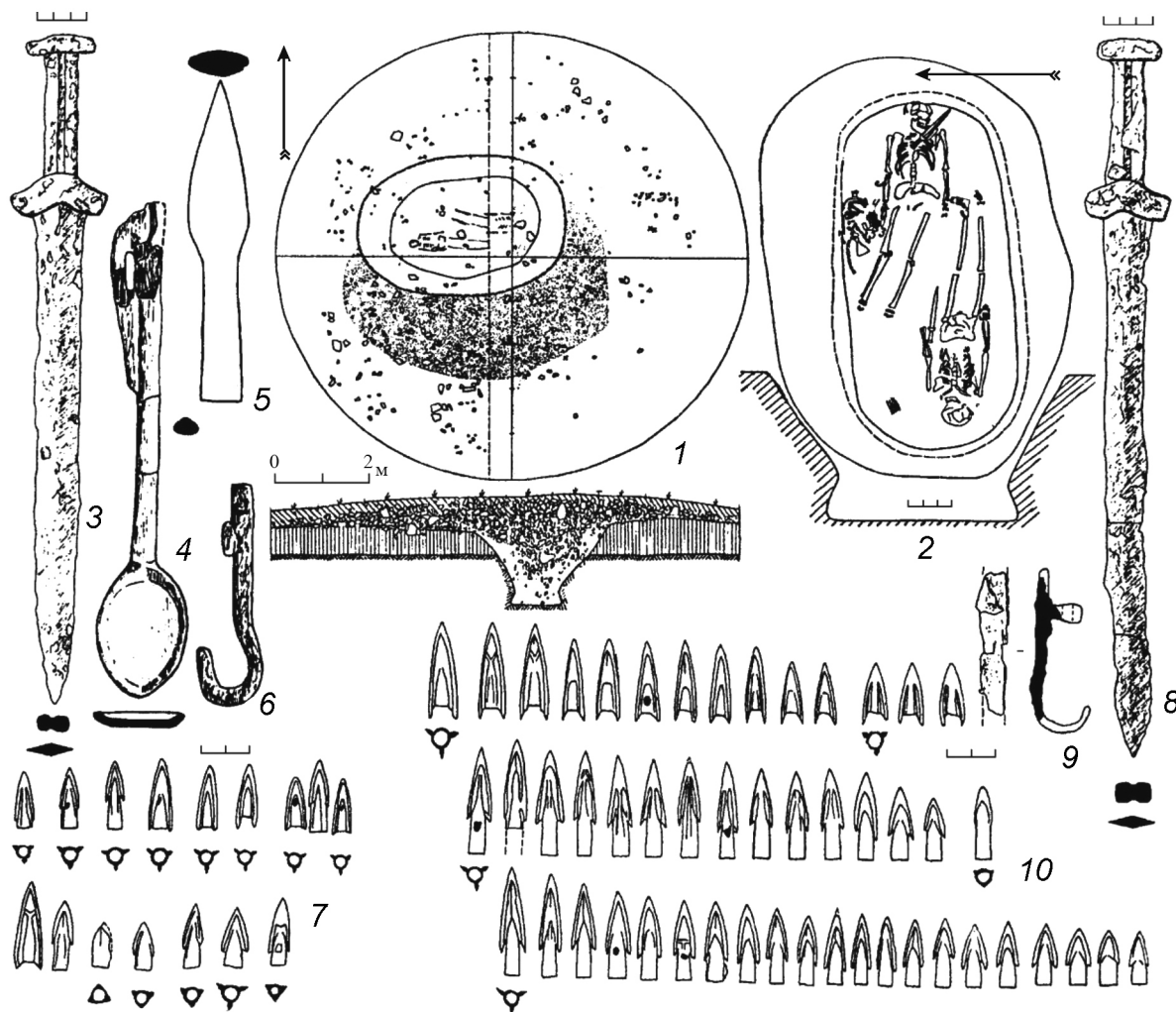

Рис. 5. Гумаровский курганный могильник. Курган 4:

1 – план кургана; 2 – план погребения.

Костяк 1: 3 – железный меч; 4 – костяная ложечка; 5 – железный наконечник копья;
6 – железный колчанный крючок; 7 – бронзовые наконечники стрел.

Костяк 2: 8 – железный меч; 9 – железный колчанный крючок; 10 – бронзовые наконечники стрел

Fig. 5. Gumarovskiy Cemetery. Kurgan 4:

1 – plan of the kurgan; 2 – burial plan.

Skeleton 1: 3 – iron sword; 4 – bone spoon; 5 – iron spearhead; 6 – iron quiver hooks; 7 – bronze arrowheads.

Skeleton 2: 8 – iron sword; 9 – iron quiver hooks; 10 – bronze arrowheads

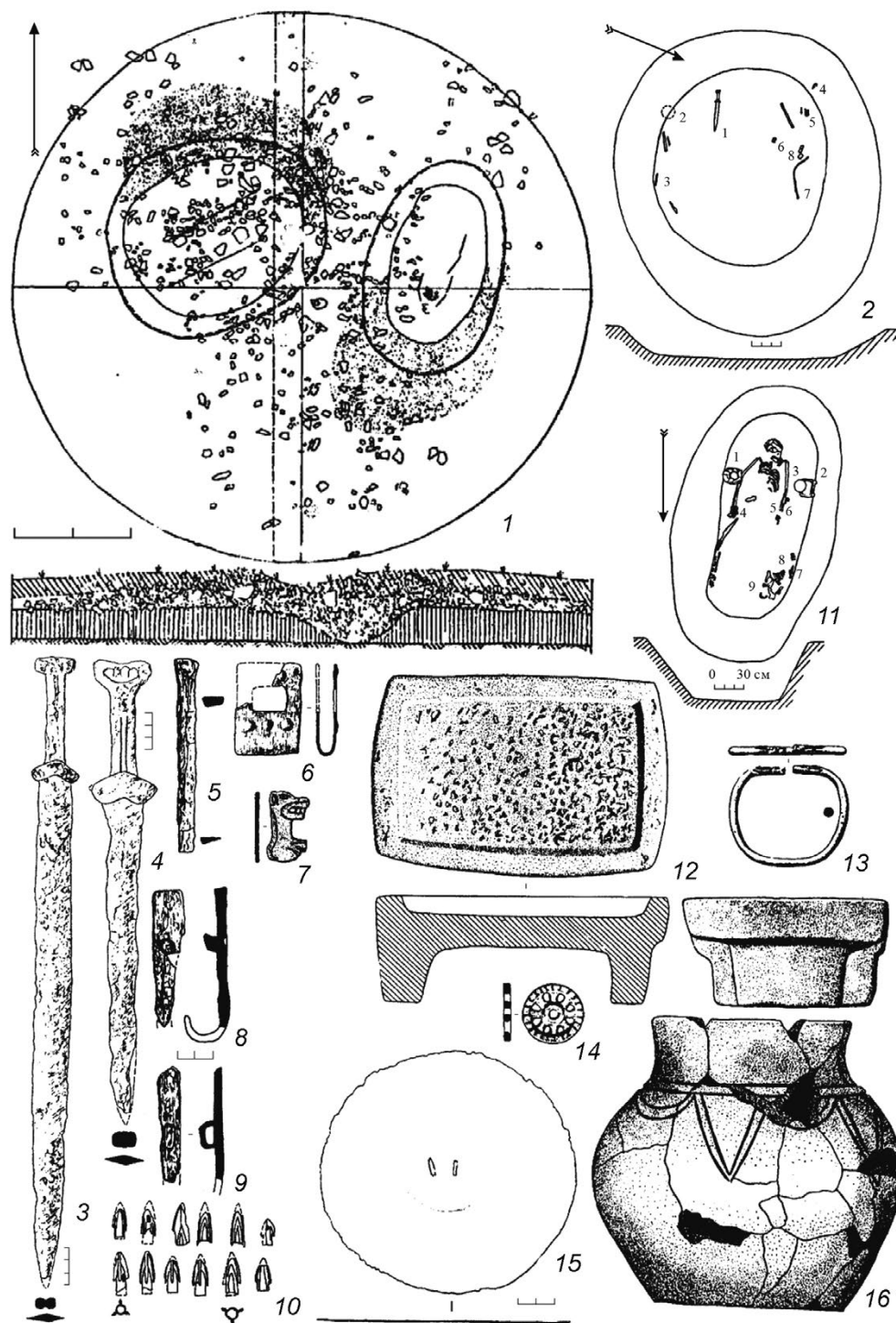

Рис. 6. Гумаровский курганный могильник. Курган 5:

1 – план кургана; 2 – погребение 1 (1, 7 – мечи; 2 – деревянный сосуд; 3 – нож; 4 – колчаный крючок; 5 – наконечники стрел; 6 – бляха; 8 – пряжка); 3, 6–8, 10 – костяк 1; 4–5, 9 – костяк 2; 11 – погребение 2 (1 – сосуд; 2 – жертвенник; 3 – зеркало; 4, 5 – браслеты; 6 – колесико; 7 – ножичек; 8 – кости овцы; 9 – железный предмет); 12 – каменный жертвенник; 13 – серебряный браслет; 14 – бронзовое колесико; 15 – бронзовое зеркало; 16 – глиняный сосуд

Fig. 6. Gumarovskiyy Cemetery. Kurgan 5:

1 – plan of the kurgan; 2 – burial 1 (1, 7 – swords; 2 – wooden vessel; 3 – knife; 4 – quiver hook; 5 – arrowheads; 6 – badge; 8 – buckle); 3, 6–8, 10 – skeleton 1; 4–5, 9 – skeleton 2; 11 – burial 2 (1 – vessel; 2 – altar; 3 – mirror; 4, 5 – bracelets; 6 – wheel; 7 – knife; 8 – sheep bones; 9 – iron object); 12 – stone altar; 13 – silver bracelet; 14 – bronze wheel; 15 – bronze mirror; 16 – vessel

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар : Парабеллум. 320 с.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : ЗКОЦИА. 136 с.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.
- Железчиков Б. Ф., 1994. База данных по погребальному обряду савроматской эпохи // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1 : Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М. : ИА РАН. С. 53–86.
- Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999. Курганы у деревни Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный дом «Димур». С. 105–123.
- Исмагилов Р. Б., 1980. Научный отчет об исследовании Гумаровской курганной группы в 1979 г. Стерлитамак // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.
- Исмагилов Р. Б., 1981. Отчет об исследованиях на Южном Урале и раскопках Гумаровского кургана. Стерлитамак // Архив ИА РАН. Р-1. № 7624.
- Исмагилов Р. Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. С. 29–47.
- Исмагил Р., 2013. Гумаровский могильник в свете эпистолярного жанра // Уфимский археологический вестник. Вып. 13. С. 144–146.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2011. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV в. до н.э. Южного Урала // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 65–79.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники Яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 223 с.
- Куринских О. И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. № 3. С. 42–54.
- Мышкин В. Н., 2012. Конь и сбруя в курганах кочевников скифского времени на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. С. 81–96.
- Мышкин В. Н., 2013. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 1. С. 219–225.
- Ольховский В. С., 2000. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : ГЕОС. С. 252–276.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Савельев Н. С., 2000. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н. С., 2011. На границе Европы и Азии : факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб. : Алетей. С. 11–24.
- Савельев Н. С., 2017. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. № 1. С. 114–129. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.1.19.114.129>.
- Савельев Н. С., 2018. Малые Гумаровские курганы на Южном Урале : возможности культурной атрибуции и ее следствия для этнокультурной карты региона середины I тыс. до н.э. // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии : проблемы, открытия, методики : тез. докл. Междунар. науч. конф. М. : МАКС Пресс. С. 135–137.

- Савельев Н. С., 2019. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50.
- Савельев Н. С., 2020. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. № 3. С. 31–52.
- Савельев Н. С., 2021. Мугоджарская группа ранних кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени // Исторические исследования. № 2. (В печати).
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. № 13. М. : Таус. С. 323–338.
- Сиротин С. В., 2013. Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11(37). Ч. II. С. 163–169.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : АН СССР. 163 с.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : ИИЯЛБФАН СССР. С. 68–90.
- Таиров А. Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. 274 с.
- Таиров А. Д., 2015. Внутренняя Азия и культурные трансформации в степной Евразии I тысячелетия до н.э. // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири : сб. тр. VI Междунар. науч. конф. Т. 3. Хух-Хото. С. 997–1001.
- Таиров А. Д., 2016. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 275–279.
- Трейстер М. Ю., 2012. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья : ближневосточные и южно-азиатские импорты и местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М. : Таус. С. 120–133.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 2017. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 1. С. 54–62.
- Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс. 170 с.
- Чибилев А. А., Богданов С. В., 2011. Граница Европы и Азии: история вопроса, проблема верификации природных и культурно-исторических рубежей // Уральский исторический вестник. № 2 (31). С. 95–105.
- Чибилев А. А., Чибилев Ант. А., 2012. Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14, № 1(6). С. 1660–1665.
- Чугунов К. В., 2000. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул : Изд-во АлтГУ. С. 165–168.
- Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М. : ИА РАН. С. 127–152.
- Яблонский Л. Т., 2007. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности ранне-сарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 4–36.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии // МИАР. № 12. М. : Таус. 384 с.

REFERENCES

- Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [Rhythms of Sarmatia. Sauromato-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the VII Century BC – V Century AD]. Krasnodar, Parabellum Publ. 320 p.

- Vasilev V.N., 2004. K hronologii ranneprohorovskogo kompleksa [Towards Chronology of Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153-172.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII-I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Uralsk, West-Kazakhstan Center of History and Archaeology. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebalnye sooruzheniya mogilnika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazahstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51-66.
- Zhelezchikov B.F., 1994. Baza dannyh po pogrebalnomu obryadu savromatskoy epohi [Database on the Funerary Rite of the Sauromatic Era]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnyh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Savromatskaya epoha (VI–IV vv. do n.e.)* [Statistical Processing of Funerary Monuments of Asian Sarmatia. Sauromatic Era (VI–IV Centuries BC)], iss. 1, Moscow, IARAS, pp. 53-86.
- Zuev V.Yu., Ismagilov R.B., 1999. Kurgany u derevni Gumarovo v Yuzhnom Priuralie [Kurgans near the Village of Gumarovo in the Southern Urals]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 3, Orenburg, Pechatnyy dom «Dimur» Publ., pp. 105-123.
- Ismagilov R.B., 1980. Nauchnyy otchet ob issledovanii Gumarovskoy kurgannoy gruppy v 1979 g. [Scientific Report on the Study of the Gumarovskaya kurgan Group in 1979]. Sterlitamak. *Arkhiv IYal UFIC RAN*.
- Ismagilov R.B., 1981. *Otchet ob issledovaniyah na Yuzhnom Urale i raskopkah Gumarovskogo kurgana* [Report on Research in the Southern Urals and Excavations of the Gumarovskiy Kurgan]. Sterlitamak. *Arkhiv IA RAN*. R–1, no. 7624.
- Ismagilov R.B., 1988. Pogrebenie Bolshogo Gumarovskogo kurgana v Yuzhnom Priuralie i problema proiskhozhdeniya skifskoy kultury [The Burial of the Big Gumarovo Kurgan in the South Urals and the Problem of the Origin of the Scythian Culture]. *Arheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], iss. 29, pp. 29-47.
- Ismagil R., 2013. Gumarovskiy mogilnik v svete epistol'yarnogo zhanra [Gumarovskiy Cemetery in the Light of the Epistolary Genre]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 13, pp. 144-146.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2011. Mogilnik Valit-2 i problema datirovki «shagrenevoy» kultury V–IV v. do n.e. Yuzhnogo Urala [The Cemetery of Valit-2 and the Problem of Dating the “Shagreen” Culture of the V–IV Century BC of the Southern Urals]. *Arheologiya Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy. Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 20-letiy nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 20-letiyu Instituta arheologii im. A.H. Margulana* [Archeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Prospects. Materials of the International Scientific Conference, Dedicated to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th anniversary of the A. H. Margulan Institute of Archaeology], vol. 2. Almaty, A. H. Margulan Institute of Archaeology, pp. 65-79.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. *Pamyatniki Yaitskoy kultury posledney chetverti V–IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaitskaya Culture of the Last Quarter of the V–IV Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belaya reka Publ. 223 p.
- Kurinskiy O.I., 2011. Nakonechniki strel rannih kochevnikov levoberezhnogo Ileka VI–I vv. do n.e. (po materialam mogilnikov u s. Pokrovka) [Arrowheads from the Early Nomads of the Ilek Left Bank, 6th – 1st cc. BC (Based on the Materials from the Burial Grounds near Prokhorovka)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 42-54.
- Myshkin V.N., 2012. Kon i sbruya v kurganah kochevnikov skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [Horse and Harness in the Kurgans of nomads of Scythian Time in the Southern Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 12, pp. 81-96.
- Myshkin V.N., 2013. Tipy pogrebalnogo obryada sotsialnoy elity kochevnikov Samaro-Uralskogo regiona v VI–V vv. do n.e. [Types of Funeral Rites of the Social Elite of the Nomads of the Samara-Ural Region in the VI–V Centuries BC]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 15, no. 1, pp. 219-225.
- Olhovskiy V.S., 2000. Monumentalnaya skulptura kochevnikov Evrazii: problemy istochnikovedeniya [Monumental Sculpture of the Nomads of Eurasia: Problems of Source Study]. *Arheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, Paleoecology and Paleodemography of Eurasia]. Moscow, Geos Publ., pp. 252-276.
- Pshenichnyuk A.H., 1995. Perevolochanskiy mogilnik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.

- Savelev N.S., 2000. Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prohorovskoy kultury [Mounds of Nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 2, pp. 17-48.
- Savelev N.S., 2011. Na granitse Evropy i Azii: faktory geokulturnogo razvitiya Yuzhnogo Urala [On the Border of Europe and Asia: Factors of Geocultural Development of the Southern Urals]. *Antropologiya bashkir* [Anthropology of Bashkirs]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., pp. 11-24.
- Savelev N.S., 2017. O yuzhnoy granitse lesnykh i lesostepnykh kultur na Urale v I tysyacheletii do n.e. [On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures in the Urals in the 1st Millennium BC]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga Region Archaeology], no. 1, pp. 114-129. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.1.19.114.129>.
- Savelev N.S., 2018. Malye Gumarovskie kurgany na Yuzhnom Urale: vozmozhnosti kulturnoy atribucii i ee sledstviya dlya etnokulturnoy karty regiona serediny I tys. do n.e. [Maly Gumarovsky Kurgans in the Southern Urals: the Possibilities of Cultural Attribution and its Consequences for the Ethnocultural Map of the Region in the Middle of the First Millennium BC]. *Novoe v issledovaniyah rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy, otkrytiya, metodiki. Tezisy dokladov Mezhdunar. nauch. konf.* [New Research in the Early Iron Age of Eurasia: Problems, Discoveries, Methods. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 135-137.
- Savelev N.S., 2019. Yuzhnyy Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na kraynem vostokey Evropy [The Southern Urals in the First Millennium BC as a Special Contact Zone in the far East of Europe]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 39-50.
- Savelev N.S., 2020. Skifskaya uzda v lesostepi Yuzhnogo Priuralya: konechnaya tochka zapadnogo impulsa [The Scythians Horse Harness in the Forest-steppe of Southern Cis-Urals: the End Point of the Western Impulse]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 31-52.
- Savelev N.S., 2021. Mugodzarskaya gruppa rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala skifo-sarmatskogo vremeni [Mugodzhar group of early nomads of the Southern Urals of the Scythian-Sarmatian time]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Research], no. 2. (in print).
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogilnika Perevolochan v Zauralskoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Kurgan Cemetery was Perevolochan in Trans-Ural Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyskih stepey i sopredelnykh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii, no. 13. Moscow, Taus Publ., pp. 323-338.
- Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebalnye komplekisy IV v. do n.e. mogilnika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zauralya [Catacomb Burial Complexes of the IV Century BC Cemetery “Avlasovskie Kurgans” from the Southern Trans-Urals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], no. 11 (37), p. II, pp. 163-169.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Sauromatian Armament]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 101. Moscow, AS USSR. 163 p.
- Smirnov K.F., 1981. Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsialnoy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priuralya v skifskoe vremya [Rich Burials and Some Issues of the Social Life of the Nomads of the Southern Urals in the Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and Social Structure of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, IYal BFAN SSSR, pp. 68-90.
- Tairov A.D., 2007. *Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepey v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of Ural-Kazakhstan Steppes in the VII–VI Centuries BC]. Chelyabinsk, SUSU. 274 p.
- Tairov A.D., 2015. Vnutrennyaya Aziya i kulturnye transformatsii v stepnoy Evrazii I tysyacheletiya do n.e. [Inner Asia and Cultural Transformations in Steppe Eurasia of the First Millennium BC]. *Drevnie kultury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykalskoy Sibiri. Sb. tr. VI mezhdunar. nauch. konf.* [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, and Baikal Siberia. Proceedings of the VI International Scientific Conference], vol. 3. Huh-Hoto, pp. 997-1001.
- Tairov A.D., 2016. Yuzhnoe Zauralie v rannesakskoe i savromatskoe vremya [Southern Trans-Urals in the Early Saka and Sauromatian Times]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archeology. Proceedings of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Orenburg, OGPU, pp. 275-279.

- Treister M. Yu., 2012. Bronzovye zerkala iz Yuzhnogo Priuralya: blizhevostochnye i yuzhno-aziatskie importy i mestnye podrazhaniya [Bronze Mirrors from Southern Cis-Urals: Near Middle Eastern and South Asian Import Items and Local Imitations]. *Vliyaniye ahemenidskoy kultury v Yuzhnom Priuralie (V–III vv. do n. e.)* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)], vol. 1. Moscow, Taus Publ., pp. 120-133.
- Fedorov V.K., Vasilev V.N., 2017. Uzdechnyy nabor s blyahami v vide ryb iz kurgana № 4 mogilnika Sara v vostochnom Orenburzhie [Bridle Set with Plaques in the Form of Fish from the Mound no. 4 of the Sara Burial Ground in the Eastern Orenburg Region]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Socialno-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Social and Humanitarian Sciences”], vol. 17, no. 1, pp. 54-62.
- Habdulina M.K., 1994. *Stepnoe Priishimie v epohu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty, Rakurs Publ. 170 p.
- Chibilev A.A., Bogdanov S.V., 2011. Granitsa Evropy i Azii: istoriya voprosa, problema verifikatsii prirodnyh i kulturno-istoricheskikh rubezhov [Border Between Europe and Asia: History of the Issue, the Problem of Verifying Natural and Cultural-Historical Boundaries]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], no. 2(31), pp. 95-105.
- Chibilev A.A., Chibilev Ant.A., 2012. Prirodnoye rayonirovaniye Urala s uchetoм shirotnoy zonal’nosti, vysotnoy poyasnosti i vertikal’noy differenciacii landshaftov [Natural Zoning of the Urals, Taking into Account Latitudinal Zoning, Altitudinal Zonation and Vertical Differentiation of Landscapes]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 14, no. 1 (6), pp. 1660-1665.
- Chugunov K.V., 2000. K voprosu o formirovaniye kolchannogo nabora v vostochnykh regionakh skifskogo mira [On the Formation of the Quiver Set in the Eastern Regions of the Scythian World]. *Sokhraneniye i izucheniye kul’turnogo naslediya Altaya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai], iss. XI. Barnaul, ASU, pp. 165-168.
- Shilov V.P., Ochir-Goryaeva M.A., 1997. Kurgany skifskoy epohi iz mogil’nikov Akseynovskiy-I–II [Kurgans of the Scythian era from the Akseynovsky-I-II Burial Grounds]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy* [Pre-Scythian and Scythian Monuments in Southern Eastern Europe]. Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii, no. 1. Moscow, IA RAN, pp. 127-152.
- Yablonskiy L.T., 2007. Problema hronologii i tipologizatsii sarmatskiy kultur na sovremennom ehtape ih izucheniya (v svete noveyshih materialov iz Yuzhnogo Priuralya) [The Problem of Chronology and Typology of Sarmatian Culture at the Present Stage of Their Study (In the Light of the Latest Materials from the South Urals)]. *Regionalnye osobennosti rannesarmatskoy kul’tury: materialy seminarov Centra izucheniya istorii i kul’tury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture: Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. II. Volgograd, VolSU, pp. 4-36.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arheologii* [Prokhorovka. At the Root of Sarmatian Archaeology]. Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii, no. 12. Moscow, Taus Publ. 384 p.

Information About the Author

Nikita S. Savelev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Research Scientist, Department of Archaeological Research of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Информация об авторе

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.10>

UDC 7.045
LBC 63.400

Submitted: 05.03.2020
Accepted: 27.05.2021

TWO SARMATIAN STONE SLABS WITH TAMGAS IN ODESSA ARCHEOLOGICAL MUSEUM COLLECTIONS

Sergey A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on a series of high-quality photos, new analysis was performed for tamgas along with animal and male images on Sarmatian stone slabs from Kryvyi Rih and from Gorgippia. Both stone slabs were created as a result of natural shape stones edges chipping; both were dug into the ground and functioned as the mini-shrines located, probably, in sacred places or at the settlement entrances. They are similar in size, both painted red and both contain a number of sacrificial recesses at the top (in the sacred numbers 3 or 7). Slab from Kryvyi Rih (Figs. 1–2) depicts large earliest signs (mostly used on territories of Western Ukraine and the “barbarian” parts of Crimea) placed around the head of a god with animal ears (similar to the Ossetian Afsati). The later minor signs include the largest number of the Lower Don and the Central Asia (Kangju, Khorezm) tamgas. Also the signs of the kings found here (the ruler of Khorezm – no. 9, the co-ruler of Tiburius Julius Eupator of Bosphorus – no. 8). The complex of images was in use since the beginning of the 1st until the middle of the 3rd centuries CE. Five hands of different men are depicted in relief on the stone slab from Gorgippia (Fig. 3). There are three hands with goblets for making a contract and a quiver with a belt in front of them (probable heroization motif). There are also a hand raised for prayer and a hand passing a quiver. Those three participants match three tamgas (belonging to the “barbarian” regions of Crimea) and three sacrificial recesses at the top. All the images on the slab were probably made at the same time, shortly after the middle of the 2nd c. CE.

Key words: Sarmatian stone slabs with tamgas, mini-shrines, the 1st – 3rd cc. CE, worship of the God Master of Animals, ritual of making a contract, principles of tamgas placement near zoomorphic and anthropomorphic images.

Citation. Yatsenko S.A., 2021. Dve sarmatskih kamennyh plity s tamgami iz kollektzii Odesskogo arheologicheskogo muzeya [Two Sarmatian Stone Slabs with Tamgas in Odessa Archeological Museum Collections]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 204-216. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.10>

УДК 7.045
ББК 63.400

Дата поступления статьи: 05.03.2020
Дата принятия статьи: 27.05.2021

ДВЕ САРМАТСКИХ КАМЕННЫХ ПЛИТЫ С ТАМГАМИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Сергей Александрович Яценко

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. На основе серии качественных фото дан более корректный анализ тамг, а также зооморфных и мужских изображений на сарматских каменных плитах из Кривого Рога и из Горгиппии. Обе плиты были созданы в результате обкалывания краев у камней природной формы, вкопаны в грунт и являлись мини-святилищами, расположенными, вероятно, в святом месте или у въезда в поселения. Они близки по размерам, окрашены в красный цвет и содержали сверху ряд углублений для жертвоприношений (их количество – священные числа 3 или 7). В Кривом Роге (рис. 1–2) вокруг головы бога с ушами животного (аналогичного осетинскому Афсати) размещены крупные первоначальные знаки, более всего – бытовавших на Западной Украине и в «варварских» частях Крыма, более поздние мелкие знаки включают наибольшее число тамг Нижнего Дона и Центральной Азии (Кангюй, Хорезм). Здесь встречены также знаки царей (правитель Хорезма – № 9, соправитель Тиберия Юлия Эвпатора Боспорского – № 8). Комплекс изображений функционировал с начала I по середину III вв. н.э. На плите из Горгиппии (рис. 3) рельефно изображены пять рук разных мужчин: три руки с бокалами для заключения договора, перед ними – колчан с поясом (мотив героизации?),

а также рука, поднятая для молитвы, и рука, подающая колчан. Трём участникам соответствуют три тамги (они принадлежат «варварским» районам Крыма) и три углубления наверху для жертвоприношений. Все изображения на ней, вероятно, сделаны одновременно, вскоре после середины II в. н.э.

Ключевые слова: сарматские каменные плиты с тамгами, мини-святилища, I–III вв. н.э., поклонение богу Хозяину животных, ритуал заключения договора, принципы размещения тамг у зооморфных и антропоморфных изображений.

Цитирование. Яценко С. А., 2021. Две сарматских каменных плиты с тамгами из коллекции Одесского археологического музея // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 204–216. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.10>

В статье речь пойдет о двух широко известных плитах с сарматскими тамгами, которые неоднократно публиковались [Юргевич, 1889, с. 504–505; Козыренко, 1957, табл. 1, 4; Соломоник, 1959, №№ 31, 43; Яценко, 1992а, рис. 4, 1–2; 2001, с. 68–69, 82, рис. 12], но, увы, с низким качеством фото или немалыми неточностями в прорисовках. Обе плиты, на мой взгляд, важны для понимания ряда аспектов сарматских культур римского времени. Первая из плит происходит из района г. Кривой Рог (Правобережная Украина, бассейн р. Ингулец у нынешней северной границы степной зоны). Она была куплена в 1887 г. Императорским Одесским обществом истории и древностей и вскоре кратко описана одним из руководителей общества, литовским поляком по происхождению, Владиславом Норбертовичем Юргевичем. Другая поступила в музей Общества из Анапы (древней Горгииппии на Азиатском Боспоре). В документации Общества фиксировался район находки каждой плиты (приобретались они на месте), но, его членов, к сожалению, не интересовали специально точное место и обстоятельства находки.

Обе плиты уже давно вмонтированы вертикально в бетонные постаменты для экспонирования в одном из залов Одесского археологического музея. До этого момента Э.И. Соломоник имела возможность наблюдать их нижние выступы-шипы (плиты из Горгииппии это касается лишь частично, так как в 1950-е годы она была вмонтирована иначе, чем сегодня). Плиты имеют следы (к счастью – очень небольшие) их транспортировки на большое расстояние в Одессу (преимущественно горизонтальные легкие царапины, полоски коричневой краски, несколько меток, недавно сделанных тонким стальным лезвием). Несмотря на свободный доступ к ним в экспозиции музея

и их сравнительно небольшие размеры, сфотографировать их в нужном освещении и масштабе и во всех необходимых ракурсах (чтобы были хорошо видны частично стертые, поврежденные или прочерченные тонкими лезвиями знаки и линии) долгое время было невозможным. Несколько лет назад большую серию таких цветных и черно-белых фото подготовила сотрудница музея Елена Борисовна Шевченко, любезно предоставившая их мне. Эта, вынужденно ограниченная по объему и числу иллюстраций статья является лишь *предварительной* публикацией. Однако ряд важных особенностей обоих памятников и часть наблюдений по ним можно представить уже сейчас.

Первой (и довольно сложной) моей задачей было составление на основе множества разноплановых качественных фото корректных прорисовок обеих каменных плит в их основных ракурсах. Это прорисовки являются здесь основным источником. К сожалению, в определении размеров этих двух невеликих плит имеются немалые расхождения в монографии Э.И. Соломоник, в музейных карточках на экспонаты и в сравнительно недавно сделанных Е.И. Шевченко замерах (которым я доверяю в первую очередь). Отдельная проблема – установление формы и размеров нижних «шипов» этих плит: они давно вмурованы в бетонные постаменты. По наиболее раннему замеру Э.И. Соломоник, высота плиты из Горгииппии – 130 см, по недавнему замеру – 110 см, по описанию к карточке экспоната – 107 см.

Со временем бросаются в глаза некоторые важные элементы сходства в оформлении этих, на первых взгляд, совершенно несхожих объектов явно «варварской» работы (между пунктами находок которых – около 800 км тогдашнего дорожного расстояния по

самому короткому маршруту – через Керченский пролив). **1.** *Обе плиты имеют сходные размеры:* высота (вместе с «шипом» для закрепления вертикально в грунте) по Э.И. Соломоник – 120 см (Кривой Рог) и 130 см (Горгиппия); согласно последним замерам, ширина их (максимальная и максимальная), соответственно – 81–47 и 81–47 см (то есть *по ширине они практически идентичны*); толщина, соответственно – 20–16 и 25–15 см; верхняя площадка, соответственно – 20–66 и 20–48 см. Коллег-античников мой вопрос о соответствии этих параметров поздней греко-римской метрологии или локальным боспорским традициям, похоже, застал врасплох. Но, по любезному сообщению С.В. Кашаева (ИИМК РАН) от 03.03.2021, часть плит римского времени из Вышестеблиевской-11 на Тамани по ширине близка 47 см... **2.** *Обе плиты в древности были окрашены красной краской,* как минимум – на отдельных участках (на плите из Кривого Рога ее остатки сохранились визуально на многих участках на торцах и верхней площадке, на плите из Горгиппии – в верхней части). **3.** *Обе плиты выполняли, помимо, прочего, функции так называемых «чашечных камней»:* по верхней кромке плиты, обращенной к лицевой стороне, шел ряд небольших углублений (отчасти подправленных естественных, отчасти выдолбленных) для жертвенных крови, молока или жира: семь ямок на артефакте из Кривого Рога (рис. 2, a–g) и три – на горгиппийском (рис. 3, a–c). В последнем случае в углублениях сохранилась красная краска. В обоих случаях количество ямок составляет священное число (3 или 7). Использовали ли сарматы римского времени «чашечные камни»? Да, конечно. Например, в Буджаке в некрополе рубежа II–III вв. н.э. Хаджидер II группа погребений размещалась полукольцом вокруг своеобразного мини-святилища – «кургана 10» – пустой ямы, вдоль одной из стенок которой был вертикально установлен «чашечный камень» [Яценко, 2018а, с. 226, рис. 5, 1]. **4.** *Обе плиты имели сходный принцип установки:* их поверхность, хотя и весьма грубо, была выровнена со всех сторон (прежде всего – лицевая и тыльная плоскости), что предусматривало регулярный обзор объекта с разных сторон; в грунте они закреплялись с помощью

шипа на глубину около 20 см. **5.** *Одинаков и принцип размещения гравировок:* они отсутствуют на тыльной стороне и на правом (по отношению к зрителю) торце, концентрируются на лицевой стороне; в небольшом числе они есть на верхней площадке (наряду с «чашечными» углублениями) и по одной – на левом торце. **6.** *Скопление изображений на лицевой стороне имеет выраженный композиционный центр с включением живых существ.* С ним связано и размещение сопровождающих знаков-тамг (на изделии из Кривого Рога последние располагались вокруг, что особенно заметно по первоначальным крупным знакам, причем для кругового размещения для многих знаков пришлось поменять их наиболее принятую ориентацию в пространстве; на артефакте из Горгиппии они располагались косой линией влево и вниз от центра, уменьшаясь в размерах).

Думается, обе плиты, в силу важности представленных на них сюжетов, располагались не на кургане (принадлежавшем конкретному лицу или его семье), не на площади грунтового городского некрополя (как могло бы быть в Горгиппии) и не в населенном пункте, а в неких святых местах (у священных источников или роши, природных гротов, на перекрестке дорог, у въезда в город (Горгиппия), на границе племенных территорий (Кривой Рог) и т. п. Почти одновременное размещение на них знаков сарматских кланов с совершенно разных территорий (для чего их представители нередко приезжали издалека) заставляет усомниться в частном или фамильном характере подобных плит со скоплениями разномастных тамг. Убеждает в этом и обзор сюжетных изображений, дающийся ниже.

Методика изучения специфической и многоплановой знаковой системы, какой являются метки идентичности типа «nishan / tamga» (у них насчитывают не менее восьми функций) на сегодня уже достаточно основательно проработана в рамках ряда международных проектов [Peggin et al., 2010; Яценко и др., 2019, с. 8–42]. За последние годы на разных территориях Евразии накоплен и обобщен обширный материал по таким знакам. Все это существенно облегчает мою задачу по анализу тамг на одесских плитах.

Рассмотрим теперь каждую из этих интереснейших известняковых плит поподробнее.

1. Плита из Кривого Рога (Кривий Ріг), инв. № 50750 (рис. 1–2). Основная поверхность плиты имеет форму неправильного овала. В вертикальном сечении это достаточно правильной формы вытянутый прямоугольник. Передняя и задняя плоскости, как и борта, обработаны не пилением, а обкалыванием ненужных деталей. Небольшие сколы есть по левой передней кромке плиты. В центре изображена голова существа, напоминающего лошадь, причем предварительная неудачная проба изображения нижней части личины располагается рядом [Соломоник, 1959, с. 97]. Из ее деталей выделены длинные заостренные уши, круглые глаза и два выступающих нижних зуба-резца, а также странные завитки, идущие от основания челюстей. Действительно, скопления сарматских тамг сопровождаются из животных обычно именно лошадьми [Яценко, 2001, с. 63–64]. Однако вряд ли простая лошадиная голова стала бы центром большой композиции – мини-святилища с не менее чем 48 тамгами. Более вероятной представляется другая версия: речь идет о голове божества с ушами животного, образ которого (Хозяин Животных, вроде позднего осетинского Афсати) известен многим иранским, шире – индоевропейским и иным народам Евразии [Яценко, 1992а, с. 193–194; 1992б, с. 65, рис. 1, 1–3].

Несмотря на не совсем ровные поверхности плиты (лицевую и верхнюю плоскости), почти все тамги разного размера их хозяева постарались нанести на этом сакральном объекте *аккуратно, близко к «печатной» форме*. Исключениями можно считать (лишь отчасти) знаки № 8 и № 17 слева и справа от головы (рис. 2). Это тоже говорит о значении комплекса. Как обычно в таких случаях, знаки никогда не перекрывают друг друга (при тогдашних обычаях это имело бы для инициатора печальные последствия). Не исключено, что к древности относится и один знак, нанесенный красной краской в углублении на левом торце (рис. 1). Интересно, что для нескольких знаков, больших и малых (обычно в верхней части лицевой стороны), перед нанесением каждого из них небольшой участок поверх-

ности в форме полуовала был дополнительно выровнен (№№ 1, 4, 13, 19, 21, 35).

Как уже отмечалось, данное мини-святилище функционировало долго [Яценко, 2001, с. 68–69], и *самые ранние знаки рубежа н.э. – первой половины I в. н.э.* (№ 4, № 17) здесь происходят из весьма удаленных от правобережной днепровской степи районов – Кубани (4/1)¹ и Дона (4/9) (именно их хозяева были в числе первых, специально приходивших к плите для совершения обрядов (молений, клятв и т. п.).

Вокруг изображения головы представлены по кругу наиболее крупные знаки, сделанные, вероятно, в период основного функционирования это сакрального комплекса. Если мы учтем, из каких именно регионов представлены и как размещены эти знаки, мы яснее поймем и характер почитания этого объекта. Отмечу, что из пяти типов тамг (№№ 1, 5, 18, 35, 36), встреченных на плите *дважды* (что, вероятно, означало несколько визитов к плите), либо оба, либо один из них имеют крупный размер. Знаки *среднесарматского времени* господствуют в этом комплексе [Яценко, 2001, с. 68–69], в том числе – среди анализируемых сейчас *крупных*. Интересно и, думается, вполне закономерно их распределение по регионам степной Сарматии: *прежде всего они представляют соседние районы Правобережной Украины*, которые размещены по два по верхнему и по нижнему краям композиции (№№ 1 (дважды), 2, 28; см. 5/84, 5/90, 5/100). Также три знака связаны с «варварскими» районами Крыма (все они расположены рядом, справа от головы: №№ 5, 34, 30; см. 5/14, 5/11; о знаке № 30 из могилы 40 в Битаке см. [Яценко, 2018б, рис. 3, № 1; Яценко и др., 2019, с. 167–168]; он неоднократно встречается в Кангуйской державе на Средней Сырдарье, где в слое на Культобе Туркестанском пока датируется примерно рубежом II–III вв. н.э. [Яценко и др., 2020, рис. 6–2, 90]). Две тамги связаны с Северным Приазовьем (№ 35 – дважды; см. 5/62) и одна – со Средней Кубанью (№ 18; см. 5/55, которая размещена сверху плиты и также – в центре композиции верхней плоскости). Тамг из более удаленных на восток районов (низовьев и верховьев Дона, Центрального и Восточного Предкавказья) среди крупных, главных знаков нет.

Тамги №№ 7, 12, 15, 23, 36 пока нельзя привязать к конкретной территории (то же можно сказать и о двух крупных знаках на верхней плоскости, хотя левый, № 26, изображен на потолке крымской пещеры Ак-Кая-1). Самые поздние крупные знаки позднесарматского времени расположены *справа от изображенной головы*: они представляют, как и самые ранние, более восточные районы: «варварский» Крым (№ 3; см. 6/4) и Боспор (№ 8; см. 6/68). Боспорский образец является... *тамгой сопровителя царя Тиберия Юлия Евнатора* (154 – ок. 173 г. н.э.): последний, как предполагается, мог погибнуть в войне с сарматами.

Обратимся теперь к *малым знакам*, которые явно наносились позже и вписывались в свободные участки. В этой серии знаки №№ 6, 10, 16, 19, 21, 23, 29 пока совершенно неопределимы, уникальны. Малые знаки всегда представлены только в одном экземпляре. Половина из них (6 из 12) относятся к позднесарматскому времени середины II – середины III вв. н.э. Для определимых тамг *распределение представленных по регионам в этой серии выглядит совершенно иным. На первом месте количественно оказываются уже не местные, западноукраинские тамги, а далекие нижнедонские* (4 экз., три из которых поздние); три из них расположены в тесный ряд ниже головы и один над нею: ранний, известный на золотых бляшках (№ 32; см. 5/41), и поздние (№ 24; см. 6/37; № 38; см. 6/30 и 6/33 – упряжь из кургана 1 в Кировском III) [Ильюков, 2000, рис. 19,3]).

Вторая по численности группа (3 экз.) *происходит из куда более дальних государств тогдашней Средней Азии – Хорезма и Кангюя*, с которыми некоторые сарматские группировки были связаны экономически, а с Кангюем также – генетически (после середины I в. н.э.) политически [Яценко и др., 2019, с. 34–39, 61–66]. Обилие идентичных тамг в Сарматии и в Хорезме в римское время было весьма заметным на фоне соседних территорий [Яценко, 2001, с. 87–89]. Один из таких знаков можно считать едва ли не самым большим сюрпризом в изучении этого памятника. *В центре упомянутой ушастой личины* нанесена необычная тамга, не имеющая аналогов в Сарматии (№ 9). *Это знак*

одного из царей Хорезма, ставившего их на монетах, Т.5 по классификации Б.И. Вайнберг [Вайнберг, 1977, табл. 7]. Как мы теперь знаем, торговые интересы позднеантичного Хорезма в сарматском мире обычно не простирались далее Южного Урала. Однако, например, в поздний период функционирования храма Байте III на тогдашнем торговом пути через плато Устюрт (когда в нем присутствуют и высокая доля тамг кланов из разных частей Сарматии, и практически все ранние известные тамги царей Хорезма). При этом в скоплении 3 (то есть в расположенной напротив входа, в «святой святых» храма) *рядом размещены* один из ранних знаков царей Хорезма и знак одного из аристократических кланов Правобережной Украины [Яценко и др., 2019, с. 77, 82, рис. 6, № 177, № 265]. Есть в Байте, кстати, и интересующий нас хорезмийский знак Т.5. Видеть знак одного из царей Хорезма на криворожской личине не более странно, чем обнаружить знак другого, близкого по времени, царя этой страны на кангюйском петроглифе в Жалтырак-Таш, в верховьях р. Талас в кыргызстанском Тянь-Шане, где он вырезан на бедре крылатой собаки [Яценко и др., 2020, рис. 6–9]. Не забудем и о том, что в Хорезме римского времени изображения божества со звериными ушами, например, занимали почетное место в царском дворце, в знаменитом Зале танцующих масок [Топрак-кала, 1984, с. 79–85]. Замечу также, что знак № 1 (доживший на Правобережной Украине до середины III в.) почти идентичен знаку Т.10 на монетах хорезмийского Бивасара рубежа III–IV вв., и то же можно сказать о ранней донской тамге № 13 в связи с самым поздним царем с хорезмийских монет с тамгой Т.14. Знак № 14 имеет точный аналог только в Кангюе эпохи его расцвета и локализуется в его предполагаемом политическом центре в долине р. Арысь [Яценко и др., 2019, с. 164, рис. 1,(8),1]. Второй знак кангюйского происхождения (№ 42) найден на фляге III – начала IV вв. н.э. в крепости Бока-тобе в низовьях Таласа [Яценко и др., 2020, с. 161–162, рис. 6–10]. Этот же знак изображен при вторичном использовании на 3-й стадии нанесения серии тамг (в первой половине III в. н.э.) на плите № 44 по Э.И. Соломоник из Пантикапея [Яценко, 2002, рис. 1,d, № 11] и на амфо-

ре III–IV вв. из Кеп [Емец, 2012, с. 208, № 740]. Все три среднеазиатских тамги относятся к позднему этапу «заполнения» плиты, причем два знака из трех вписаны в узкое пространство внутри личины, то есть – в самом значимом месте композиции.

Два знака происходят из «варварской» части Крыма: ранний № 14 (миска начала II в. из могилы 9 в Битаке) и поздний № 40 (рукоять ножа из могилы 194 в Нейзаце) [Яценко, 2018б, рис. 3, № 4, 11, № 3]. Крымские знаки находятся рядом, примыкая слева к личине. Остальные определяемые мелкие знаки все ранние и представляют регионы по одному экземпляру: местный (Правобережная Украина) № 37 (5/81), № 27 из Северного Приазовья (близкий аналог: 5/61) и № 17 с Европейского Боспора (Семеновка) [Яценко, 2009, рис. 1, I, a, 2]. Напомню, что на левом торце плиты в небольшой углублении сохранившиеся две линии и знак, нанесенные красной краской (рис. 1). Такая тамга известна в скоплении знаков на одной из плит в Танаисе [Яценко, 2001, рис. 22, А, № 1].

2. Плита из Горгиппии, инв. № 50041 (рис. 3). Этот памятник выглядит не менее оригинально. Э.И. Соломоник казался, что вся верхняя часть плиты отбита, так как она была уверена, что здесь должны были изображаться полные фигуры или полуфигуры мужчин. Мысль о том, что здесь представлен обряд побратимства, высказана в 1933 г. П.Н. Шульцем [Соломоник, 1959, с. 76]. Однако реальное знакомство с плитой никоим образом не подтверждает заключения Э.И. Соломоник. В более позднее время слегка пострадал лишь маленький участок у верхнего края внутреннего левого торца. На этом торце сверху имеется небольшое прямоугольное углубление для упора какой-то балки, возможно, сделанное в поздний период. Узкая полоска сколов идет также по краю внешнего торца верхней площади (в левой его половине). Плита, как и предыдущая, не пилилась, а обкалывалась для придания ей нужной (впрочем – весьма аморфной) формы: так, верхний правый угол изначально имел скос вниз. Природный выступ каменной плоскости сужается небольшой ступенькой вдоль основания «шипа». Мастера, как и в Кривом Роге, использовали естественно образовавшуюся поверхность плиты, но здесь они не стали ее спе-

циально выравнивать сзади, и на тыльной стороне осталось несколько довольно крупных природных каверн (по отношению к лицевой стороне – в двух местах ниже правого края верхней площадки, вдоль левой части основания «шипа» и выше этого места). Однако основная плоскость, левый торец и верхняя площадка выглядят достаточно ровными (в нижней правой части основной плоскости есть три небольших каверны). Нет никаких оснований думать, вслед за Э.И. Соломоник, что резчик хотел создать полные фигуры людей; наоборот, здесь изначально *изображались только руки до плеч* без остальных частей тела.

Общая композиция не имеет аналогов и очень интересна, хотя выполнена она примитивно, и говорить о «художественном уровне мастера» просто не приходится. Основные изображения здесь выполнены не гравировкой, а рельефно. Здесь представлены три руки, держащие в руках довольно высокие цилиндрические бокалы или кубки (с алкогольным напитком? с кровью?) (рис. 3, (1)–(3)). Руки (1) и (3) (и соответственно – невидимые нам их хозяева) обращены в сторону центральной из рук (2) (у нее подчеркнут декор бокала в виде каннелюр). Речь идет о заключении некой клятвы или договора. Исследователи в подобных ситуациях обычно ищут параллели в текстах Геродота (Her. IV, 70) и Лукиана (Luc. Tox. 37) [Хазанов, 1972, с. 68]. Однако у Геродота говорится не о побратимстве, а о *соглашении* у скифов. Что касается «скифов» – современников аланов у Лукиана, то описанные их обычаи в целом не соответствуют тому, что мы знаем для скифов у всех других авторов, и я давно полагаю, что под «скифами» здесь скрывается иной этнос. У Лукиана «скифы» действительно совершают обряд побратимства, но пьют кровь из одного сосуда вместе, а не каждый из своего. Вместе с тем, значимо его свидетельство, что важное соглашение у причерноморских кочевников заключали сразу не более трех человек (что мы и видим на горгиппийском рельефе). Замечу, что *и лунок для приношений на верхней плоскости тоже три, столько же и там участников соглашения на основной плоскости плиты*. Кроме рук с бокалами, здесь есть еще две руки, владельцы которых совершают иные действия. Вверху одна такая рука поднята вверх, види-

мо – для молитвы. У другой руки (внизу справа) очень грубо показана только большая кисть, и она протянута к единственному крупному предмету, лежащему (?) перед договаривающимися. Думается, это очень примитивно переданный колчан для стрел с поясом для него (он украшен накладными прямоугольными бляшками). Мотив колчана со стрелами – один из самых частых в искусстве ранних кочевников, и в последнее время он трактуется либо в контексте смерти и представлений о загробном мире, либо в контексте *героизации* [Вергiенко, 2014, с. 36–42]. Именно второй аспект, вероятно, и подразумевается на плите из Анапы.

Очень интересны *тамги* трех участников некоего соглашения. Верхний знак № 1 связан с «варварскими» частями Крыма среднесарматского времени, и встречен там неоднократно (5/11). Следующий крупный знак № 2 один близок синхронному образцу из того же района (5/12), а точная аналогия известна в скоплении знаков на одной из еще не опубликованных плит из Танаиса, найденных в 1993 г. Третий, маленький знак № 3 также происходит из Крыма, но уже позднесарматского времени (6/10). Он же известен на стене склепа 1/1 второй половины II в. н.э. в Старожилково на Европейском Боспоре и принадлежит крупному боспорскому военачальнику (хилиарху-тысячнику), видимо, сарматского происхождения [Яценко, 2009, рис. 1, *II, а, № 11*]. Вероятно, этому малому знаку на периферии плоскости плиты соответствует самая маленькая рука с бокалом в правом углу. Итак, участники соглашения – представители трех кланов из «варварских» районов Крыма, которые (судя по одному позднему знаку) заключили его около второй половины II в. н.э. Думается, все изображения были нанесены одновременно. Однако, кроме этого, здесь гравированы еще две, очень маленькие тамги: на левом торце и на верхней площадке. Знак № 3 на верхней плоскости связан с Европейским Боспором позднесарматского времени (Семёновка, где представлен его зеркальный вариант: см. 6/52). Идентичные же образцы неоднократно представлены в основных тогдашних зонах тамгопользования² в Средней Азии [Яценко, 2001, рис. 28, *№ 158*]. Знак № 4 на торце представлен на глиняном бычке из могилы 312 на Глинице в Керчи [Соломоник, 1959, № 143]

(в этой детской могиле найдены два глиняных бычка, дышло и модель кочевой кибитки на колесах; последняя заполнена игральными костями-альчиками и положена на крышку гроба). Подобные бычки пантикапейского происхождения, начиная с первой половины I в. н.э., судя по недавней датировке этой могилы³, производились короткое время и парами сопровождали модель кочевой повозки. Такой комплекс, вероятно, связан с некой сарматской группой, проникшей в I в. н.э. в боспорскую столицу (ср.: [Яценко, 1994]).

Итак, *все тамги основной поверхности связаны с крымскими «варварами»* (сарматизованными поздними скифами или крымскими сарматами), жившими вне античных государств полуострова, а знаки боковых плоскостей – с синхронными сарматскими кланами, обосновавшимися на Европейском Боспоре. Возникает закономерный вопрос: почему эти плиты в таком случае разместили не в самом Крыму, а вне его, по другую сторону пролива – в Анапе / Горгиппии? Этот вопрос пока остается без ответа. Возможно, речь идет о людях, приехавших туда специально, по важному поводу. В популярные рассказы об обилии древних плит, которые в XIX в. в Причерноморье загружали в корабли в качестве балласта, а потом бросали на месте прибытия, я в данном случае верить пока не склонен (тогда сохранность плиты была бы много хуже).

В целом тщательная фиксация Е.И. Шевченко и внимательное изучение двух замечательных сарматских памятников в одесском музее, с учетом появившихся за последние 20 лет новых публикаций, дает нам дополнительные возможности и позволяет сделать ряд новых, во многом неожиданных выводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и ниже нумерация дается по номеру рисунка и номеру знака в нем по монографии [Яценко, 2001]: рис. 4, № 1 = 4/1 и т. д. Вначале даются номера тамг на одной из изучаемых здесь плит, а затем – ссылка на их аналоги в монографии.

² Современное, международное признанное определение термина «тамгопользование» и его составляющих см. [Яценко и др., 2019, с. 21–22].

³ Любезное сообщение А.М. Бутягина, февраль 2021 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

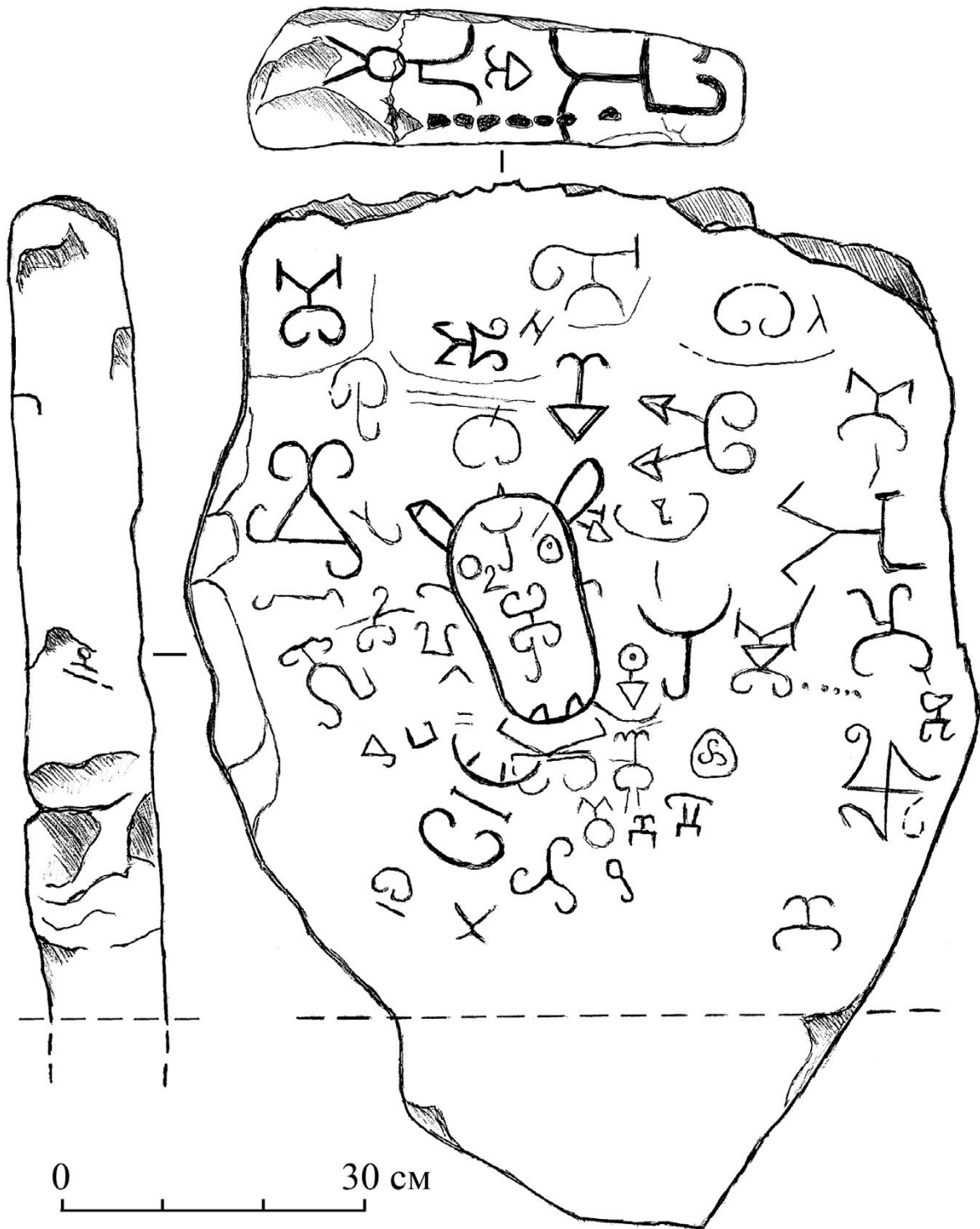

Рис. 1. Плита из Кривого Рога. Покупка 1887 г. Рис. автора
Fig. 1. The stone slab from Kriviy Rih. Purchased in 1887. Author's drawing

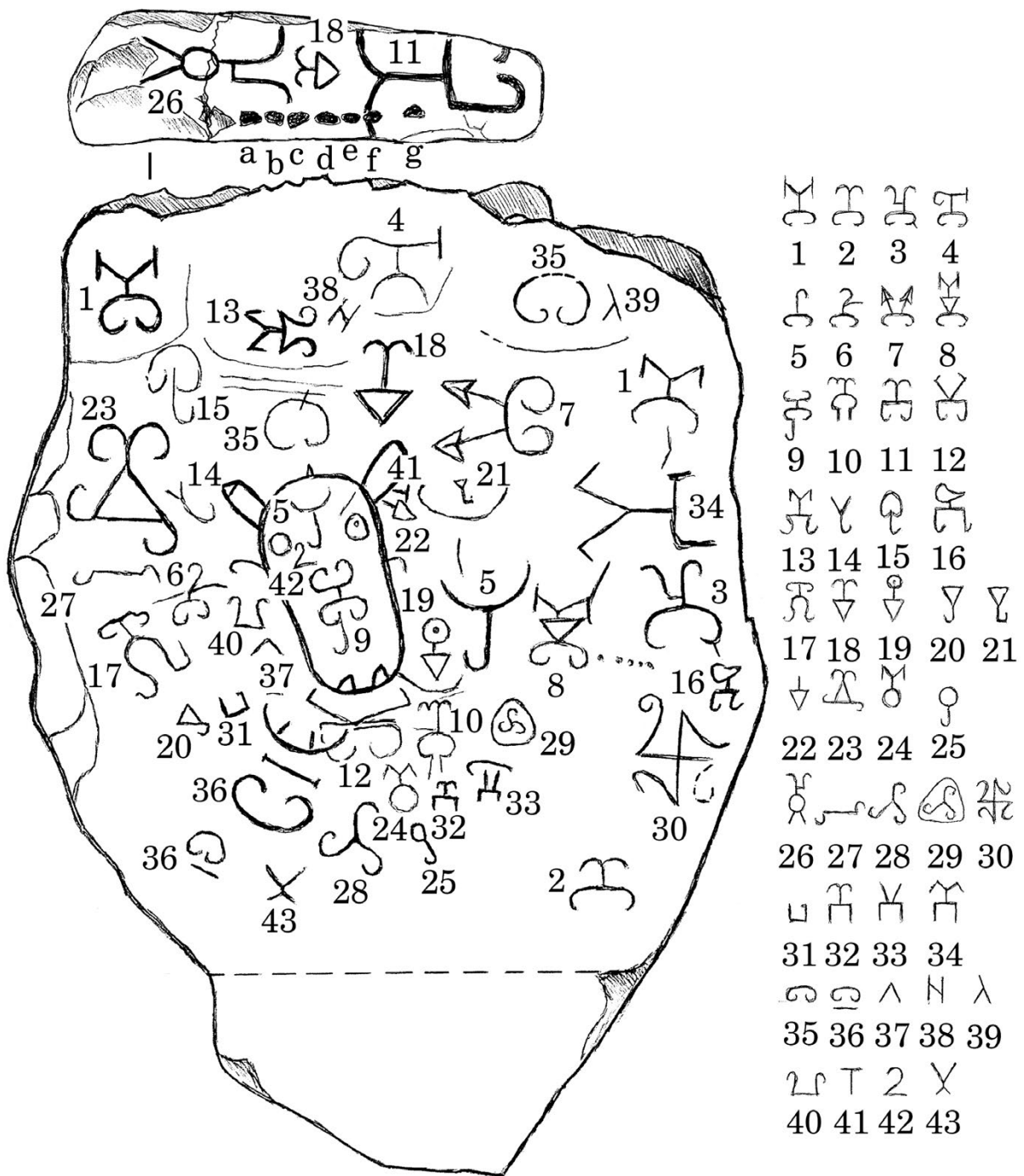

Рис. 2. Плита из Кривого Рога. Нумерация тамг и ямок для жертвоприношений. Рис. автора
 Fig. 2. The stone slab from Kriviy Rih. The numeration of tamgas and small sacrificial recesses. Author's drawing

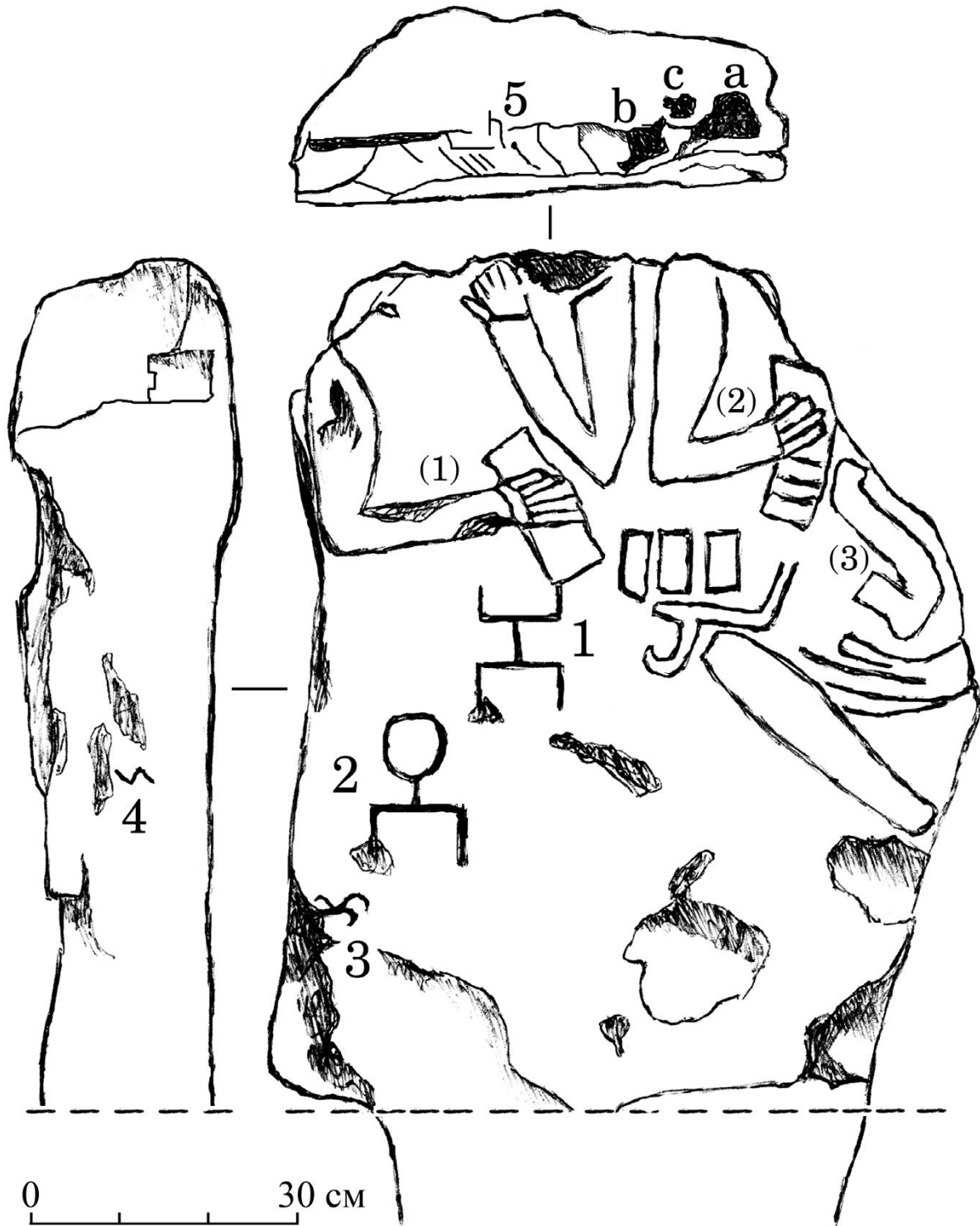

Рис. 3. Плита из Горгиппии / Анапы. Дата покупки неизвестна. Рис. автора
Fig. 3. The stone slab from Anapa / Gorgippia. The purchase date is unknown. Author's drawing

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Вайнберг Б. И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М. : Наука. 194 с.
- Вертієнко Г. В., 2014. Іконографія скіфської есхатології. Київ : Інститут сходознавства НАН України. 224 с.
- Емец И. А., 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М. : Спутник+. 478 с.
- Ильюков Л. С., 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 100–140.
- Козыренко И. И., 1957. Тамги на археологических памятниках Одесского Государственного Археологического музея // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 1. Одесса : Одесский гос. археологический музей. С. 91–96.
- Соломоник Э. И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев : Изд-во АН УССР. 180 с.
- Топрак-кала. Дворец, 1984. М. : Наука. 304 с.
- Хазанов А. М., 1972. Обычай побратимства у скифов // Советская археология. № 3. С. 68–75.
- Юргевич В. Н., 1889. Камень с загадочными знаками, хранящийся в Музее Одесского Общества Истории и Древностей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XV. Одесса. С. 504–505.
- Яценко С. А., 1992а. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ (Alanica – II). Владикавказ, Цхинвал : СО ИГИ. С. 189–214.
- Яценко С. А., 1992б. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ : Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики. С. 64–80.
- Яценко С. А., 1994. Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I–III вв. н.э. // Боспорский сборник. Вып. 4. М. : НИИЦ «Архэ». С. 19–23.
- Яценко С. А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М. : Вост. лит. 190 с.
- Яценко С. А., 2002. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 79–82.
- Яценко С. А., 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I–III вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 13. М. : Институт археологии РАН. С. 539–552.
- Яценко С. А., 2018а. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей. СПб. : ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. С. 224–231.
- Яценко С. А., 2018б. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // Stratum plus. № 6. С. 217–242.
- Яценко С. А., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Табалдыев К. Ш, Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б., 2019. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд : Междунар. ин-т центральноазиат. исслед. 452 с.
- Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С., 2020. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент : ЭЛЭМ. 288 с.
- Perrin O. T., Evans Pim J., Yatsenko S. A., 2010. Mark Studies : An Interdisciplinary Approach // Traditional Marking Systems : A Preliminary Survey. London, Dover : Dunkling Books. P. 7–22.

REFERENCES

- Vainberg B.I., 1977. *Monety drevnego Khorezma* [Coins of the Ancient Khorezm]. Moscow, Nauka Publ. 194 p.
- Vertienko G.V., 2014. *Ikonoografiia skifs'koy eskhatologii* [Iconography of Scythian Eschatology]. Kyiv, Institute of Oriental Studies NAS of Ukraine. 224 p.
- Emets I.A., 2012. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu)* [Graffiti and Dipinti from the Anticities and Settlements of the North Black Sea Region (The Preparatory Materials for Corpus)]. Moscow, Sputnik+ Publ. 478 p.

- Il'yukov L.S., 2000. Pozdensarmatskie kurgany levoberezh'ya reki Sal [The Late Sarmatian Barrows of the Left Bank of Sal River]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbours in Don Basin]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 100-140.
- Kozyrenko I.I., 1957. Tamgi na arkheologicheskikh pamyatnikakh Odesskogo Gosudarstvennogo Arkheologicheskogo muzeya [Tamgas on the Archaeological Artifacts from Odessa State Archaeological Museum]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [The Materials on the Archaeology of the North Black Sea Region], iss. 1. Odessa, Odessa State Archaeological Museum, pp. 91-96.
- Solomonik E.I., 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Signs of the North Black Sea Region]. Kiev, Ukrainian SSR Academy of Sciences. 180 p.
- Toprak-kala. Dvorets* [Toprak-kala. Palace], 1984. Moscow, Nauka Publ. 304 p.
- Khazanov A.M., 1972. Obychay pobratimstva u skifov [The Twinning Tradition of Scythians]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 68-75.
- Yurgevich V.N., 1889. Kamen' s zagadochnymi znakami, khraryashchiisya v Muzee Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei [The Stone with the Mysterious Signs, Stored in the Museum of Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of Odessa Society of the History and Antiquities], vol. XV. Odessa, pp. 504-505.
- Yatsenko S.A., 1992a. Antropomorfnye izobrazheniya Sarmatii [The Anthropomorphic Images of Sarmatia]. *Alany i Kavkaz (Alanica – II)* [Alans and Caucasus (Alanica – II). Collection of Scientific Articles]. Vladikavkaz, Tskhinval, Northern Ossetian Institute of the Humanities Studies, pp. 189-214.
- Yatsenko S.A., 1992b. O priemstvennosti mifologicheskikh obrazov rannikh i srednevekovykh alanov [On the Continuity of Mythological Images of the Early and Medieval Alans]. *Problemy etnografii osetin* [Problems of Ossetians' Ethnology], iss. 2. Vladikavkaz, Northern Ossetian Institute of History, Philology and Economy, pp. 64-80.
- Yatsenko S.A., 1994. Izobrazheniya alanskikh kochevykh kubitok v pograbal'nom rituale bosporskikh gorodov I-III vv. n.e. [The Images of Alanian Nomadic Mobile Houses in the Burial Ritual of Bosporan Cities of the 1st-3rd cc. CE]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection], iss. 4. Moscow, "Arhe" Tsentser, pp. 19-23.
- Yatsenko S.A., 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya* [Tamga-Signs of the Iranian-Speaking Peoples of the Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 190 p.
- Yatsenko S.A., 2002. O posledovatel'nosti naneseniya serii tamg na nadgrobnnye plity iz nekropolya Pantikapeya [On the Sequence of Engraving of Signs on the Tombstones from Panticapaeum Necropolis]. *Bosporskiy fenomen. Pograbal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Chast' 1* [Bosporan Phenomenon. The Burial Monuments and Sanctuaries. Part. 1]. St. Petersburg, Hermitage Museum, pp. 79-82.
- Yatsenko S.A., 2009. Znaki sobtvennosti sarmatskogo oblika (gakk/nishan) v sel'skikh raionakh Bosporskogo tsarstva I-III vv. n.e. [Property Signs of Sarmatian Types (gakk/nishan) in the Rural Regions of Bosphorus Kingdom of the 1st-3rd cc. CE]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of Bosphorus], vol. 13. Moscow, IA RAS, pp. 539-552.
- Yatsenko S.A., 2018a. Vozmozhnosti analiza planigrafii malykh sarmatskikh nekropoley [The Opportunities of Planigraphy Analysis of the Small Sarmatian Necropolises]. *Drevnie nekropoli: pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' i planografiya nekropolei* [Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises]. St. Petersburg, IHMC RAS, Hermitage Museum, pp. 224-231.
- Yatsenko S.A., 2018b. Planografiya znakov-tamg v nekropolyakh osedlogo naseleniya Sarmatii [Planigraphy of the Tamga-Signs in the Necropolises of Sedentary Population of Sarmatia]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 217-242.
- Yatsenko S.A., Rogozhinskii A.E., Smagulov E.A., Tabaldyev K.Sh., Baratov S.R., Ilyasov J.Ya., Babayarov G.B., 2019. *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia*. Samarkand, IICAS. 452 p.
- Yatsenko S.A., Avizova A.K., Torgoev A.I., Saipov A., Kulish A.V., Kitov E.P., Rogozhinskii A.E., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A., Torezhanova H.Zh., Tur S.S., Ivanov S.S., 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuiskogo gosudarstva* [Archaeology and History of Kangju State]. Shymkent, Álém Publ. 288 p.
- Perrin O.T., Evans Pim J., Yatsenko S.A., 2010. Mark Studies: An Interdisciplinary Approach. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London, Dover, Dunkling Books Publ., pp. 7-22.

Information About the Author

Sergey A. Yatsenko, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of the History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russian Federation, sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

Информация об авторе

Сергей Александрович Яценко, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125993 г. Москва, Российская Федерация, sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11>

UDC 903'1(47+57):726.823
LBC 63.442(2)-427

Submitted: 07.03.2021
Accepted: 27.05.2021

A THIRD CENTURY AD BURIAL VAULT WITH MULTIPLE BURIALS AT THE CEMETERY OF OPUSHKI¹

Igor N. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Anastasiya A. Stoyanova

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. The cemetery of Opushki is located at 15 km to the east of modern Simferopol, in the central area of the Crimean foothills. The site has been being excavated since 2003. So far more than 300 graves of various types have been uncovered. They belong to the Late Scythian, Middle Sarmatian, and Late Sarmatian archaeological cultures. There is one cremation complex appeared as a result of the Germanic migration to the Crimea. The complex under present publication belongs to a large group of burial vaults with a short *dromos* (entry corridor) of the Late Roman period; this type of crypts is found in various cemeteries of the Crimean foothills. Burial constructions of this type are associated with the mediaeval Alans' ancestors who migrated to the Crimea from the North Caucasus. Although the earliest crypts featuring *dromos* appeared in the foothill area of the Crimean Peninsula in the first half of the 3rd century AD, most of burials in these constructions were made in the fourth century AD. Burial vault no. 158 has two interesting features. It contains multiple burials typical for the Late Scythian vaults of the 1st and the first half of the 2nd centuries. Such a phenomenon is encountered for the first time in the Late Roman vault. According to the analysis of the grave goods, the complex under study is one of the earliest or even the earliest short-*dromos* vault discovered in the Crimea. It was constructed in the second half (or at the end) of 2nd or very early 3rd century AD and was in use throughout the first half of the 3rd century. The results of research of this burial construction supply new materials for the solution of highly disputable problem of the Crimean vaults with short *dromos* origin and of the reconstruction of ethnic processes in the Crimea in the Late Roman period.

Key words: Crimea, Roman period, Opushki cemetery, burial vault, funeral rite, grave goods, ethnic processes.

Citation. Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2021. Sklep s mnogokratnymi pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A Third Century AD Burial Vault with Multiple Burials at the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 217-250. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11>

УДК 903'1(47+57):726.823
ББК 63.442(2)-427

Дата поступления статьи: 07.03.2021
Дата принятия статьи: 27.05.2021

СКЛЕП С МНОГОКРАТНЫМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ III в. н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ¹

Игорь Николаевич Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Анастасия Анзоровна Стоянова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в центральной части крымских предгорий. Раскопки памятника ведутся с 2003 года. К настоящему времени открыто более 300 разнообразных погребальных сооружений. Они относятся к позднескифской, среднесарматской и позднесарматской культурам. Один комплекс представлен кремацией, появление которой обус-

ловлено продвижением в Крым германцев. Публикуемый комплекс принадлежит большой группе склепов с коротким дромосом позднееримского времени, присутствующих в разных могильниках предгорного Крыма. Такие погребальные сооружения отождествляются с мигрировавшими на полуостров с Северного Кавказа предками средневековых алан. Самые ранние склепы с дромосами появляются в предгорьях полуострова в первой половине III в. н.э., но большинство захоронений в них совершаются в IV в. н.э. Склеп № 158 интересен двумя особенностями. Здесь зафиксирован обряд многократных погребений, типичный для позднескифских склепов I в. до н.э. – первой половины II в. н.э. В склепах позднееримского времени такое явление встречено впервые. Анализ погребального инвентаря свидетельствует, что публикуемый комплекс является одним из самых ранних, если не самым ранним, из раскопанных в Крыму склепов с короткими дромосами. Он был сооружен во второй половине / конце II в. или в самом начале III в. н.э. и использовался в течение первой половины III в. Результаты исследования этого погребального сооружения дают новые материалы, необходимые для решения дискуссионного вопроса о происхождении крымских склепов с короткими дромосами и реконструкции этнических процессов, происходивших в Крыму в позднееримский период.

Ключевые слова: Крым, римский период, могильник Опушки, склеп, погребальный обряд, погребальный инвентарь, этнические процессы.

Цитирование. Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2021. Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 217–250. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11>

Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в центре крымских предгорий. Он с перерывами исследуется с 2003 года. За это время раскопано 318 погребальных сооружений различных типов. Открыты два явно отличающихся друг от друга участка. Один, северный, занят позднескифскими погребальными сооружениями I – первой половины II в. н.э., другой – склепами и подбойными могилами III–IV вв. н.э. В позднескифских склепах вход в погребальную камеру выкапывался непосредственно в короткой стене входной ямы. Камера предназначалась для многократных погребений (иногда более 100), совершенных в несколько ярусов. Входную яму после совершения последнего захоронения обязательно заполняли камнями. Склепы позднего участка иные. Входная яма соединялась с погребальной камерой коротким, длиной 0,3–0,8 м дромосом. В ней в один ярус хоронили, как правило, 4–6 человек. Входная яма камнями не заполнялась.

Ситуация, когда оба типа погребальных сооружений присутствуют на одном могильнике, зафиксирована только в Опушкинском некрополе. В других многочисленных могильниках предгорного Крыма открыты либо позднескифские склепы, либо отличающиеся от них склепы позднееримского времени. Склеп № 158 единственный из раскопанных, где сочетаются элементы позднескифских погребальных обрядов и погребальных обрядов позднееримского времени.

Другая причина опубликовать результаты раскопок склепа заключается в дискуссии о происхождении крымских склепов с короткими дромосами. Высказана гипотеза о миграции в Крым с Северного Кавказа предков средневековых кавказских алан, которые принесли с собой обсуждаемые погребальные сооружения. Она убедила не всех исследователей [Храпунов, 2018а]. Для решения проблемы нужны новые материалы и в первую очередь изучение наиболее ранних склепов нового для Крыма типа. Склеп № 158 из могильника Опушки является одним из самых ранних, если не самым ранним, из раскопанных в Крыму склепов позднееримского времени с короткими дромосами, соединяющими входные ямы и погребальные камеры.

Описание погребального сооружения (рис. 1). Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры – 2,5 × 0,8 м, глубина в материке – 1,6 м, от современной дневной поверхности – 2,3 метра. Пол входной ямы относительно ровный. В ее заполнении найден железный нож (рис. 11,б).

В северной стене входной ямы сделан овальный в плане подбой. Его ширина составляла 0,8 м, длина – не менее 1,7 метра. О длине точно судить нельзя, так как западная часть подбоя, так же как и прилегавший к ней участок входной ямы, уничтожены грабителями. Пол подбоя покрыт угольной подсып-

кой. На ступеньке между подбоем и входной ямой был установлен заклад из плит. От него сохранилась восточная часть, западная разрушена грабителями. Перемещенные грабителями плиты находились в заполнении их шурфа, разрушившего западные части подбоя и входной ямы.

Вход в дромос сделан в восточной стене входной ямы. Он арочной формы, шириной 0,95 м, высотой 0,8 метра. Вход был закрыт многочисленными плитами. Из них *in situ* сохранились только две. Остальные сползли и, располагаясь под различными углами, заполнили прилегающую ко входу часть входной ямы, а также дромос, частично разрушив его южную стенку. В уничтожении южной части дромоса приняли участие и грабители. В результате размеры дромоса можно установить только в направлении с запада на восток, между входной ямой и погребальной камерой. Это расстояние составило 0,4 метра.

Погребальная камера прямоугольная в плане, размером 2,4 × 2,2 метра. Стенки сохранились в высоту на 0,2–0,3 м, выше они осыпались. Длинная ось погребальной камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы.

Погребальная камера была заполнена рухнувшим сводом. Грабители перекопали ее южную часть, приблизительно половину. В месте разграбления заполнение состоит из суглинка рухнувшего свода и включений темной земли. В перекопанном грабителями заполнении найдены два бронзовых браслета (рис. 10,1,2), железная пряжка (рис. 10,8), пять обломков железных ножей (рис. 10,3–7), фрагмент пряслица (рис. 10,9), бусы (рис. 10,10–26), обломки лепного сосуда (рис. 11,1,2).

Пол погребальной камеры расположен на 0,5 м ниже пола дромоса. Переход оформлен в виде ступеньки. Пол погребальной камеры был полностью покрыт угольной подсыпкой.

В камере обнаружены останки не менее 19 погребенных: 11 детей 2–14 лет, 3 мужчины, 4 женщины, пол одного погребенного не установлен².

В южной, разграбленной части погребальной камеры на полу сохранились некоторые человеческие кости, в том числе череп. Они условно названы погребением I (рис. 2,А, 3,А). Несколько костей вместе с несколькими бусинами лежали под плитой размером

0,4 × 0,3 метра. Кроме человеческих костей, обнаружены кости животных, а также краснолаковая миска (рис. 6,6), многочисленные бусы (рис. 9,1–19,25–27), железный нож (рис. 6,1), дисковидный бронзовый предмет (рис. 5,13), украшенный стеклянной вставкой (рис. 5,11), и янтарная подвеска (рис. 5,12).

От детского погребения II, которое с юга примыкало к многочисленным костям, занимавшим северную часть склепа, после разграбления сохранились кости ног (рис. 2,Б). Судя по их положению, погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на запад. Рядом с остатками погребения II, к западу расчищено пятно органического тлена коричневого цвета размером 0,28 × 0,18 метра. На нем лежали бронзовые фибула (рис. 5,2), гривна (рис. 7,8) и несколько бусин (рис. 9,20–24). Между бедренными костями погребения II найдены обломки бронзового (рассыпался) и железного (рис. 7,1) браслетов. На левой бедренной кости лежали два бронзовых браслета (рис. 7,2,3), слева от нее – стержневидный железный предмет с деревянной рукояткой (рис. 5,15).

Северная часть погребальной камеры у стенки была занята костями погребенных, располагавшихся в 4 яруса (рис. 2,Б, 3,А). Большинство костей сдвинуто при подзахоронениях, но некоторые остались в первоначальном положении. Лучше других сохранились погребения III и IV, занимавшие верхний ярус. Оба совершены в вытянутом положении на спине, головами на запад. Левая кисть погребенного III лежала на тазовых костях.

На черепе погребенного III расчищены кость животного и лепной сосуд (рис. 6,7). На месте груди лежали фибула (рис. 5,4), бусина (рис. 9,29) и бронзовая пронизь (рис. 9,28). На левую руку был надет бронзовый браслет (рис. 7,7). На левой бедренной кости лежала бронзовая пряжка (рис. 5,10), между берцовыми костями – железная пряжка (рис. 5,5), бронзовое кольцо (рис. 5,7), кремь (рис. 7,9) и астрагал (рис. 5,14). Найденная под правым плечом погребенного краснолаковая тарелка (рис. 6,3), располагавшийся рядом с черепом краснолаковый кувшин (рис. 6,5), краснолаковая тарелка (рис. 6,4) с ножом (рис. 6,2) под левым плечом, по всей вероятности, относились к погребенным второго яруса. То же

можно сказать о найденной слева от бедренных костей монете (рис. 7,10).

Между погребенными III и IV располагалась бронзовая фибула (рис. 5,1).

В головах погребенного IV лежала обугленная деревянная плашка. На месте его шеи (рис. 9,30–36) и груди (рис. 8,1–5) обнаружены бусы, на тазовых костях – бронзовый браслет с надетым на него перстнем (рис. 5,8,9), на месте левого колена – пряслице (рис. 7,12). На берцовых костях погребенного расчищено 15 рядов бус, вероятно, расшивавших подол платья (рис. 4,В, 8,17–39).

Во втором ярусе, судя по количеству черепов, совершили 10 погребений (V–XIV). Подавляющее большинство костей перемещено при подзахоронениях (рис. 3,Б). Удовлетворительно сохранилось погребение V у самой стенки погребальной камеры, но и оно лишено черепа. Погребение V совершено в вытянутом положении на спине головой на запад. На месте груди сохранились бронзовая пронизь (рис. 8,11) и бусы (рис. 8,12,13). На месте сохранились кости еще от четырех ног погребенных. Их положение также указывает на западную ориентацию захоронений. Из-за перемещения костей невозможно соотнести с тем или иным погребением погребальный инвентарь. Во втором ярусе погребений обнаружены многочисленные бусы (рис. 8,6–10), бронзовое кольцо (рис. 5,3) и два браслета (рис. 7,5,11), один из которых расчищен надетым на лучевые кости, оселок (рис. 5,16).

В третьем ярусе сохранились кости трех погребенных (XV–XVII). На месте зафиксированы расположенные рядом со стенкой погребальной камеры кости ног и таза погребения XVII. Судя по их положению, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на запад (рис. 4,А). Под его берцовыми костями лежал обломок краснолаковой тарелки (рис. 6,8). Отдельные сохранившиеся *in situ* кости других погребенных также указывают на их положение на спине головами на запад. Среди костей обнаружены бусы, которые, возможно, провалились из второго яруса погребений.

В четвертом ярусе, расположенном на полу погребальной камеры, расчищены останки двух подростков (рис. 4,Б). От погребения XIX сохранились только некоторые кости таза

и ног, от погребения XVIII – большая часть костяка, исключая кости ног ниже колен, кисти, часть ребер и др. Оба погребения были совершены в вытянутом положении на спине, головами на запад. Кости ног погребенного XVIII широко расставлены (возможно, смещены при подзахоронениях, но именно ноги, а не кости, до того, как мягкие ткани успели разложиться), у головы лежал плоский камень. На нем найдены пряслице (рис. 7,4) и бронзовая пронизь (рис. 7,6). Бусы обнаружены на месте груди (рис. 8,14–16). Под левой бедренной костью лежал обломок краснолаковой миски, той самой, фрагмент которой оказался в третьем ярусе погребений (рис. 6,8). Между бедренными костями найдено бронзовое кольцо на фаланге пальца (рис. 5,6).

В заполнении погребальной камеры найдены пряслице (рис. 11,4), фибула (рис. 11,3) и бусина (рис. 11,5).

Погребальный инвентарь. Монета (рис. 7,10)³. Серебро. Денарий. Септимий Север. 204 г. н.э.

Л.с.: Бюст бородатого императора в лавровом венке вправо. Вокруг надпись: SEVE(RVS)-PIV(S AVG). Точечный ободок.

О.с.: Гений в рост, влево, правой рукой совершает возлияние из патеры на алтарь слева, в левой руке колоски. Вокруг надпись: P. M. TR. P. X [II COS.] PIP. P. Точечный ободок.

Аналогии: [Mattingly, Sydenham, 1936, p. 117, no. 195]. Однако возможны еще два варианта: 206 г. н.э. [Mattingly, Sydenham, 1936, p. 117, no. 201], с реконструкцией легенды реверса ... P. X. [III COS.]...; 207 г. н.э. [Mattingly, Sydenham, 1936, p. 118, no. 209], с реконструкцией реверса ... P. X. [XV COS.]... .

Сохранность монеты удовлетворительная. Лицевая и оборотная стороны частично затерты, края неровно обрезаны, с выщерблинами. Соотношение осей: 12:1(?).

Краснолаковые сосуды. Миска с усечено-коническим туловом, загнутым внутрь верхним краем, на кольцевом поддоне. Лак ярко-оранжевого цвета покрывает всю внутреннюю поверхность сосуда и верхнюю часть с внешней стороны (рис. 6,6). Найдена на полу в разграбленной части склепа. Подобные миски встречаются иногда в крымских комплексах первой половины III в. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 195, рис. 186,12].

Остальные сосуды найдены в погребениях второго яруса у северной стены погребальной камеры. Две однотипные тарелки с усечено-коническим туловом, вертикальным бортиком, на кольцевом поддоне. Место перехода тулова к бортику оформлено ребром. У одной из них лак темно-коричневого цвета покрывал всю внутреннюю поверхность сосуда и бортик с внешней стороны (рис. 6,4). У другой лак темно-оранжевого цвета, сохранился местами (рис. 6,3). Обе тарелки относятся к Понтийской сигиллате А, соответствуют форме 4.2 Д.В. Журавлева [Журавлев, 2010, с. 46, 47] и типу III–Д–3 А.А. Труфанова [Труфанов, 1997, с. 189]. С датой вторая половина II – первая половина III в. н.э. согласны оба исследователя.

Кувшин одноручный с расширяющимся в нижней части туловом, раструбообразным горлом с отогнутым верхним краем, на кольцевом поддоне. Ручка крепилась к горлу и плечу тулова. Лак темно-коричневого цвета сохранился местами (рис. 6,5). Кувшин более всего похож на сосуды типа 2 по классификации О.В. Шарова [Шаров, 2007, с. 46–49] и форму 39 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 89, 90]. Много таких сосудов обнаружено в крымских комплексах III в. н.э., но в могильнике Дружное они найдены в погребениях IV в. н.э. [Храпунов, 2002, с. 59, 60]. Публикуемый сосуд имеет индивидуальную особенность. Его край отогнут менее резко, чем у всех известных нам экземпляров.

Лепные сосуды представлены двумя одноручными кувшинами с туловом биконической формы. У одного из них слегка отогнутый верхний край (рис. 6,7), у второго верхняя часть отсутствует (рис. 11,1,2). Кувшины подобной формы известны в погребениях предгорного Крыма III–IV вв. н.э. [Власов, 1999, с. 344, рис. 12,10,11; Храпунов, 2002, с. 64, тип LVIII; 2011а, с. 20, рис. 37,3; Суханов, 2020, с. 70, рис. 2,22].

Фибулы. В склепе найдены 5 фибул (одна из них – железная – распалась):

1. Фibuла бронзовая лучковая подвязная одночленная. Найдена в разграбленной части склепа (рис. 5,2). По классификации А.К. Амброза относится к группе 15, серии I, варианту 5 с датой конец II – III в. н.э. [Амброз, 1966, с. 51]. По классификации В.В. Кропотова со-

ответствует застегкам группы 4, серии I, варианту 4 с датой конец II – первая половина III в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 77–80].

2. Фibuла бронзовая лучковая подвязная одночленная. Найдена в верхнем ярусе погребенных в северной части погребальной камеры (рис. 5,4). По классификации А.К. Амброза относится к группе 15, серии I, варианту 4 с датой вторая половина II – возможно, начало III в. н.э. [Амброз, 1966, с. 50, 51]. По классификации В.В. Кропотова соответствует застегкам группы 4, серии I, варианту 4 с датой конец II – первая половина III в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 77–80]. В.В. Кропотов не разделяет варианты 4 и 5 А.К. Амброза. Спинка фибулы обмотана проволокой, но этот признак не считается хронологическим.

3. Фibuла бронзовая лучковая подвязная одночленная. Найдена в верхнем ярусе погребенных в северной части погребальной камеры (рис. 5,1). Отличается от фибул 1 и 2 нижней тетивой. По классификации А.К. Амброза относится к группе 15, серии II («инкерманской»), варианту 1 с датой вторая половина II – III в. н.э. [Амброз, 1966, с. 52]. По классификации В.В. Кропотова соответствует застегкам группы 4, серии II, варианту 4, форме 1 с датой конец II – первая половина III в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 132–136].

4. Фibuла бронзовая лучковая подвязная одночленная с фигурной обмоткой спинки. Найдена в заполнении погребальной камеры (рис. 11,3).

Подробный анализ фибул 4 и 5 вариантов А.К. Амброза с обмоткой спинки, сочетающей кольцевую навивку и серпантин, по нижнедонским материалам предприняли С.И. Безуглов и Л.Ю. Нидзельницкая. Их вывод: такие фибулы датируются концом II – ранней частью III в. н.э. [Безуглов, Нидзельницкая, 2020, с. 245–248]. До проведения специального исследования предварительно можно сказать, что этот вывод вполне согласуется с крымскими материалами.

Пряжки представлены тремя экземплярами. Одна из них бронзовая, с железным язычком (рис. 5,10), две – железные (рис. 5,5, 10,8). Их типы определить проблематично из-за коррозии.

Бронзовая тордированная гривна из круглой в сечении проволоки сопровождала

погребение II в северной части камеры. Один конец гривны раскован, в нем сделано отверстие, второй конец отсутствует, но, вероятнее всего, он был оформлен в виде крючка (рис. 7,8). Соответствует типу 8Б по классификации А.А. Стояновой [Стоянова, 2011а, с. 121]. В крымских памятниках подобные гривны единичны и связаны с комплексами, сформировавшимися не ранее середины III в. н.э. [Храпунов, 2002, с. 41, 68, рис. 95,10; Мыц и др., 2006, с. 157–158, 161, табл. 18,8, 25,9; Гайдукевич, 1959, с. 222–223, рис. 95,1], что позволило отнести эту группу находок к числу немногочисленных для Крыма хроноиндикаторов второй половины III в. н.э. [Стоянова, 2011а, с. 124]. К этому же времени, с возможным заходом в ранний IV в. н.э., относятся редкие находки гривен этого типа в позднесарматских погребениях [Безуглов, Захаров, 1989, с. 56]. Однако новые материалы заставляют расширить эту датировку. Тордированная гривна с аналогичной конструкцией замка сопровождала могилу № 942 Усть-Альминского некрополя. Авторы публикации датировали комплекс второй половиной II – началом III в. н.э. [Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 85–86, рис. 186]. Но скорее всего погребение было совершено в первой половине III в. н.э., так как именно к этому времени относятся все известные в крымских памятниках находки крупных подвесок-лунниц с припаянной петелькой, подобные обнаруженной в могиле № 942 [Пуздровский, Труфанов, 2017а, рис. 186,4; Пуздровский, 2007, с. 152; Стоянова, 2016, с. 135–136]. Стекланный бальзамарий с шаровидным туловом из этого же погребения вряд ли поможет скорректировать дату, но и не противоречит ей: подобные сосуды, но меньших размеров, бытовали в I–II вв. н.э. [Алексеева, Сорокина, 2007, с. 62], а более крупные колбообразные образцы из могильников предгорного Крыма связаны преимущественно с комплексами III–IV вв. н.э. [Пуздровский, 2007, рис. 191,7–9; Шабанов, 2020, с. 395]⁴.

В Крыму известны еще две гривны с замком, оформленным так же, как и в экземпляре из публикуемого склепа, но сделаны они из гладкой, круглой в сечении проволоки (тип 8А) [Стоянова, 2011а, с. 121]. Одна – из могилы 176 могильника Перевальное [Пуздровский,

2007, рис. 125,3]. В этом же комплексе присутствовали бронзовая лучковая подвязная фибула варианта 5 по А.К. Амброзу⁵ и две, превращенные в подвески, боспорские монеты с надчеканкой времени Савромата II (174/5 – 210/11 гг. н.э.) [Труфанов, 2019, с. 576], позволяющие датировать погребение концом II – первой половиной III в. н.э. Вторая гривна найдена в Опушкинском некрополе в могиле № 213⁶. В состав инвентаря входила бронзовая пряжка типа П26 по классификации В.Ю. Малашева [Малашев, 2000, с. 195], два наконечника ремней, один из них фасетированный, подобный наконечнику из могильника Нейзац типа Х/2 [Храпунов, 2008, с. 68, рис. 6,6], другой – без фасеток, близкий по форме типу Н3а [Малашев, 2000, с. 197]. Набор ременной гарнитуры датирует погребение III в. н.э., а краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком формы 4.2 по Д. В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 46–47] позволяет сузить дату комплекса до первой половины столетия. Следовательно, гривны с замком в виде раскованного конца с отверстием и крючком – и гладкие, и тордированные – появляются в Крыму в первой половине III в. н.э., возможно, ближе к середине столетия. Этот вывод подтверждается тем, что в публикуемом склепе гривна сопровождала погребение II вместе с лучковой фибулой 5-го варианта, а само погребение совершено явно позже многоярусных захоронений у северной стенки камеры. Во второй половине III в. н.э. такие украшения распространяются в сарматской степи за пределами полуострова, а с рубежа III – IV вв. н.э. – в рязано-окских могильниках лесостепи [Ахмедов, 2007, с. 142; Белоцерковская, 2007, с. 192, рис. 3,20, 4,3]. Существенно расширяется их количество и ареал в гуннское время [Khrapunov, Kazanski, 2016, S. 370371, fig. 3,2; Мастыкова и др., 2016, с. 18–19, табл. 14; Ставицкий, 2015].

Браслеты. Всего в склепе обнаружено восемь браслетов, один железный (рис. 7,1) и семь бронзовых (рис. 5,8, 7,2,3,5,7,11, 10,1,2). Все они простейших форм, выполнены из круглой или прямоугольной в сечении проволоки, с незамкнутыми, в некоторых случаях утолщенными концами. Находят многочисленные аналогии в синхронных крымских памятниках. Четыре браслета (целым сохранился лишь

один) сопровождали погребение II. По всей видимости, они были надеты на руки ребенка, по два на каждую. Один из браслетов украшала стеклянная бусина (рис. 7,2). На тазовых костях погребенной IV лежал браслет с надетым на обод перстнем (рис. 5,8,9). Соединение браслетов с другими предметами крайне редко фиксируется в крымских погребениях. В Усть-Альминском могильнике и некрополе Совхоз-10 на браслеты были надеты колокольчики [Высотская, 1994, табл. 28,60, 45,6; Стржелецкий и др., 2005, табл. 17,43], в одном из погребений могильника Совхоз-10 – маленькая фибула [Стржелецкий и др., 2005, табл. 7,21], в детском погребении из Опушкинского могильника – пронизь [Стоянова, 2012, рис. 28,3], в склепе из некрополя Тас-Тепе – бусы [Пуздровский и др., 2001, рис. 7,8].

Бронзовый перстень с прямоугольной в сечении шинкой и раскованным овальным щитком, к которой без гнезда прикреплен сердоликовая вставка (рис. 5,9), по форме относится к числу наиболее распространенных в крымских памятниках I–III вв. н.э. [Гавритухин и др., 2020, с. 104, рис. 6,25; Лысенко и др., 2015, с. 311; Высотская, 1994, с. 114–115, рис. 34,12,13; Храпунов, 2011а, с. 43, рис. 45,11,14,15]. На плоской лицевой стороне вставки изображен знак в виде шестилучевой звезды. Две подобные интальи присутствуют на перстнях из Усть-Альминского могильника [Пуздровский, Труфанов, 2017а, рис. 37,4, 206,13]. Звезда с шестью или восьмью лучами на геммах часто сочетается с полумесяцем, причем этот сюжет получает распространение в римское время и как самостоятельное изображение [Максимова, 1957, с. 80, рис. 3,8; Высотская, 1980, с. 100, рис. 1,22,23; Краснодарец, 2019, рис. 1], и как часть более сложной композиции [Неверов, 1979, табл. III,25–27; Cravinho, 2017, p. 226, Pl. 6,21; Spier, 1992, p. 124, no. 327, p. 137, no. 373]. Помимо глиптики, знак в виде звезды, стилистически очень близкий изображенному на публикуемой гемме, в качестве дифферента используется в монетной чеканке Боспора: появляясь на монетах Тиберия Юлия Евпатора, он особенно часто присутствует на монетах Савромата II и Рескупорида II [Анохин, 1986, с. 113–119; Бертье-Делагард, 1911, с. 4–6].

Бусы. Коллекция бус из склепа насчитывает 985 экземпляров. Они сделаны из одноцветного стекла (54 %), многоцветного стекла (0,4 %), стекла с внутренней металлической прокладкой (34 %), гагата (9 %), египетского фаянса (0,1 %), янтаря (0,7 %), камня (1,4 %) и бронзы (0,4 %). Бусы представлены 42 типами. Среди одноцветных стеклянных бус преобладают красные и белые пронизы цилиндрической формы, составляющие почти 79 % украшений из этого материала. Доминирующим типом бус с позолотой являются бусы округлых форм, а среди гагатových – короткоцилиндрический бисер (табл. 1).

Набор бус из публикуемого комплекса существенно отличается от наборов из позднескифских склепов, где и число этих украшений обычно значительно больше, и состав типов совершенно другой (для сравнения см.: [Храпунов и др., 2009, с. 19–32; Храпунов, Стоянова, 2020, с. 93–103; Мульд, Мяскин, 2003, с. 16–20, табл. 1]). Не находит он соответствий и в погребениях IV в. н.э., в которых бусы немногочисленны, а в наборах преобладают мелкие одноцветные округлые бусы из синего и зеленого стекла в сочетании с янтарными украшениями [Хайрединова, 1995, с. 82–83; Стоянова, 2004, с. 303; Храпунов, 2018б, с. 143; Храпунов, 2011б, с. 18–19].

Бусы сопровождали 8 погребенных – одно мужское (погр. III), одно женское (погр. IV), пять детских (погр. I, II, VII, XIII, XVIII, возраст от 3 до 12 лет) и одно погребение индивида старше 20 лет (погр. V, пол не установлен). Рассмотрим индивидуальные наборы, зафиксированные в некоторых из этих погребений.

Погребение XVIII (подросток 12–14 лет). Короткоцилиндрические гагатые пронизы (рис. 8,15) в сочетании с двумя цилиндрическими стеклянными бусинами (рис. 8,16) и гагатовой подвеской (рис. 8,14) составляли небольшое ожерелье. Набор соответствует наборам группы 1, выделенным при изучении женских погребений Нейзацкого могильника [Стоянова, 2011б, с. 119].

Основу ожерелья, расположенного на груди погребенного V, составляли вытянутые, длиной 2,2–4,5 см, цилиндрические пронизы из стекла с внутренней металлической прокладкой (рис. 8,13). Такого размера бусы зафик-

сированы впервые. Известные в античных памятниках и могильниках предгорного Крыма немногочисленные пронизи этого типа не превышают в длину 2,5 см [Алексеева, 1978, с. 30, тип 4; Хайрединова, 1995, с. 72, тип 86; Стоянова, 2004, с. 286, тип 4].

В детском погребении XIII (рис. 8,9,10) и в мужском погребении III (рис. 9,28,29) по 2 крупных бусины – многоцветная стеклянная и бронзовая – лежали рядом в районе грудной клетки. Наличие крупных единичных бусин в мужских погребениях обычно объясняется использованием их в качестве пуговиц. Расположение бус в нашем случае позволяет подтвердить это мнение и реконструировать способ застегивания верхней распашной одежды с помощью таких предметов. По всей видимости, по одной бусине пришивали к каждому краю куртки и при застегивании обе бусины соединяли с помощью шнура. Стоит отметить, что кроме пары бус у обоих погребенных чуть ниже на груди присутствуют фибулы, которые могли служить дополнительной застежкой той же куртки или верхней накидки.

Погребение II, принадлежавшее ребенку 3–4 лет, сопровождалось коротким ожерельем, порядок расположения бус в котором зафиксирован при расчистке. Его основу составляли три крупных предмета: в центре располагалась бусина из халцедона (рис. 9,20), по бокам от нее – бронзовая пронизь (рис. 9,22) и бусина с пятнистым орнаментом (рис. 9,21). Рядом с бронзовой бусиной лежали две небольшие цилиндрические бусины из белого и красного стекла (рис. 9,23,24). Использование бус больших размеров из полихромного стекла, египетского фаянса или гагата в коротких ожерельях, часто в сочетании с разнообразными подвесками, фиксируется в детских погребениях на протяжении всего римского времени [Хайрединова, 1995, с. 80; Стоянова, 2012, рис. 59, 60; Храпунов, 2006, с. 171].

Наиболее многочисленный по количеству бус набор сопровождал погребение IV, принадлежавшее женщине 30–40 лет. Бусы концентрировались в верхней части костяка и в ногах умершей. На шее расчищено, по всей видимости, два коротких ожерелья. В центре одного из них располагалась подвеска в виде мужских гениталий из фаянса (рис. 9,32), от которой в обе стороны отходили пронизи из

стекла с внутренней позолотой (рис. 9,36). Из этих же пронизей, дополненных несколькими гагатовыми (рис. 9,31) и сердоликовыми (рис. 9,35) бусинами, состояло второе ожерелье. Еще одно длинное ожерелье, спускающееся почти до живота умершей, по всей видимости, составляли бусы, расчищенные в район грудной клетки. В него входили гагатовые цилиндрические (рис. 8,1,2) и округлые сердоликовые (рис. 8,3) пронизи, дополненные несколькими янтарными (рис. 8,5) и стеклянными (рис. 8,4). Этот набор можно, так же как и ожерелье в погребении XVIII, отнести к 1-й группе наборов, характерных для женских захоронений Нейзацкого могильника [Стоянова, 2011б, с. 119].

Берцовые кости погребенной практически полностью перекрывали расположенные горизонтальными рядами бусы, среди которых существенно преобладали округлые с металлической прокладкой (рис. 8,30,31) и цилиндрические из красного и белого стекла (рис. 8,17,18). При расчистке погребения удалось зафиксировать не менее 15 рядов длиной около 25 см, плотно прилегающих друг к другу. Некоторые ряды состояли из бус одного типа или цвета (рис. 4,В). Таким же образом бусы располагались под берцовыми костями. Из этого набора сохранилось более 500 экземпляров бус, значительное число бусин рассыпалось при расчистке и снятии костяка. Очевидно, бусами был расшит подол платья. Аналогичные наборы, выделенные в группу 5 [Стоянова, 2011б, с. 120], известны в могильниках Нейзац, Курское, Левадки, Фонтаны, а также в других комплексах Опушкинского некрополя. Во всех случаях они сопровождают женские захоронения, фиксируются на берцовых костях и довольно часто сочетаются в погребении с лучковыми подвязными фибулами 4 и 5 вариантов, а также с фибулами «инкерманской» серии, что позволяет датировать их второй половиной II – первой половиной III в. н.э. [Храпунов и др., 2001, с. 123–128; Стоянова, 2011б, с. 121, 141, табл. 4; Труфанов, 2004, с. 499, рис. 2, с. 507, рис. 8, с. 511, рис. 11]. На этом фоне выделяется набор, найденный в опушкинском склепе № 133: бусы лежали не на костях ног, а рядом с погребенным, в углу гроба; в наборе присутствует около полусотни пронизей и подвесок из гагата;

рядом с бусами лежала стопка монет, самая поздняя из которых – Траяна Деция выпуска 249–251 гг. – свидетельствует о том, что данное погребение не могло быть совершено раньше середины III в., а сам склеп использовался для захоронений в течение второй половины III – начала IV в. [Храпунов, 2020, с. 253, 255]. Стоит отметить, что погребения с рассматриваемыми наборами бус совершались в подбойных или, реже, грунтовых могилах. Опушкинский некрополь – пока единственный памятник, где такие случаи зафиксированы в склепах, причем *in situ*⁷. И наконец, последнее наблюдение, связанное с данным феноменом: за пределами предгорного Крыма такие наборы неизвестны, то есть имеются все основания полагать, что традиция украшения подола платья, нижнего края штанов или голенищ обуви большим числом пронизей определенных типов сложилась именно в крымских предгорьях в середине II в. н.э. и бытовала здесь как минимум сто лет, полностью исчезнув во второй половине III века⁸.

Датировка. Основой для датировки склепа послужили фибулы и монета. В верхнем ярусе погребенных у северной стены погребальной камеры найдены две фибулы второй половины или конца II – первой половины III в. н.э. Ярусом ниже обнаружена монета 204 г. н.э. Ниже располагались еще два яруса погребений без датирующих находок. Следовательно, хоронить в склепе, во всяком случае, в его неразграбленной части, начали во второй половине / конце II или в самом начале III в. н.э. и продолжали в течение первой половины III в. н.э. Такую датировку подтверждают две фибулы, найденные вне стратиграфического контекста.

Время использования двух однотипных краснолаковых тарелок и кувшина, положенных во второй ярус погребенных у северной стены погребальной камеры, а также наборов бус и гривны вполне соответствует датировке по фибулам и монете.

Обращает на себя внимание наличие в склепе всего двух лепных сосудов. Уже давно подмечено, что в погребениях предгорного Крыма III в. н.э. лепные сосуды единичны. В IV в. н.э. их количество многократно возрастает [Храпунов, 2011а, с. 21]⁹.

Склеп № 158 ничем принципиально не отличается от других крымских склепов позднеримского времени. Правда, дромос частично разрушен и прослежен не во всех деталях, но факт его наличия сомнений не вызывает. Вход, сделанный в короткой стене входной ямы, ведет не непосредственно в погребальную камеру, что характерно для позднескифских склепов. Расстояние между входной ямой и погребальной камерой составляет 0,4 метра. Это расстояние соответствует длине дромоса. Обычным для склепов позднеримского времени является наличие подбоя во входной яме. Например, в могильнике Нейзац подбоя зафиксированы в 19 из 87 раскопанных склепов [Мульд, 2016, с. 41]. Есть такие погребальные сооружения и в могильнике Опушки [Храпунов, 2018б]. В позднескифских склепах подбоя в стенах входных ям неизвестны. Угольные подсыпки, вроде тех, что покрывали полы подбоя в стене входной ямы и в погребальной камере, характерны для погребальных сооружений различных типов позднеримского времени [Храпунов, 2011а, с. 21], в том числе открытых (но еще не опубликованных) в могильнике Опушки.

Многоярусные, без прослоек земли между ярусами, погребения – один из самых характерных признаков позднескифской археологической культуры. Он зафиксирован при раскопках всех позднескифских могильников со склепами (см., например: [Сымонович, 1983, с. 28–58; Высотская, 1994, с. 50–55; Храпунов и др., 2009]). В склепах позднеримского времени такой обряд ранее не был известен, за исключением подобного, но не идентичного, случая в могиле № 306 Нейзацкого некрополя [Храпунов, 2011б, с. 5–7]. Обнаруженный в публикуемом склепе погребальный инвентарь состоит из вещей, обычных для всех типов крымских погребальных сооружений первой половины III в. н.э. Он не отражает этнокультурную дифференциацию могильников или отдельных погребений.

Как случилось, что в одном погребальном сооружении сочетались признаки разных археологических культур? Логичным, хоть и умозрительным, кажется следующий ответ на поставленный вопрос. Во второй половине II или в самом начале III в. н.э. в предгорном Крыму появились носители культуры склепов

с короткими дромосами. Они столкнулись с людьми, сохранившими позднескифские погребальные традиции. Мигранты и автохтоны создавали единые коллективы. В результате формировались погребальные обряды, сочетавшие разные по происхождению элементы. Вероятно, носителей позднескифских традиций было не много. Поэтому в синхронных и однотипных склепу № 158 погребальных сооружениях хоронили по новым для предгорного Крыма правилам – в один ярус на полу погребальной камеры. У этой гипотезы есть слабое место. Дело в том, что позднескифские склепы перестали использоваться в первой половине или около середины II в. н.э.¹⁰ Следовательно, между самыми поздними позднескифскими склепами и склепом № 158 из могильника Опушки существует хронологический разрыв, который пока нечем заполнить. Впрочем, если склеп № 158 выкопали во второй половине II в. н.э., что вполне вероятно, хронологический разрыв может оказаться совсем небольшим.

Теоретически возможна и альтернативная гипотеза. Без внешнего влияния жители предгорного Крыма отказались от традиционных для них погребальных сооружений и перешли к строительству склепов с короткими дромосами, кардинально изменив погребальные обряды. Но для доказательства такой гипотезы, кажется, нет ни фактических, ни логических обоснований.

В последние годы опубликованы результаты раскопок, еще более запутывающие ситуацию. В Усть-Альминском позднескифском могильнике, среди множества типичных для позднескифской культуры склепов обнаружилось несколько (№ 734, 801, 871, 888, 907, 1031), имеющих короткий дромос между входной ямой и погребальной камерой. Дромосы совсем небольшие, еще меньше, чем в склепе № 158 Опушкинского могильника. Все остальные элементы погребального обряда, насколько можно судить по разграбленным погребальным сооружениям, типичны для позднескифской культуры. Датируются усть-альминские склепы I в. до н.э. – первой половиной II в. н.э. Лишь в почти начисто разграбленном склепе № 801 обнаружены наконечник ремня и бусы, позволяющие датировать его второй половиной II – первой половиной

III в. н.э.¹¹ [Пуздоровский, Труфанов, 2016, с. 60–63, рис. 122–125; 2017а, с. 38, 39, 48, 61, рис. 83–85, 106, 107, 132; 2017б, с. 8, 9, 63, рис. 3, 4, 131].

Результаты исследования склепа № 158 из могильника Опушки позволяют заключить, что не позже начала III в. н.э. в Крыму появились носители новых погребальных обрядов, включающих строительство склепов с короткими дромосами, иногда с подбоем в стене входной ямы. В подавляющем большинстве случаев погребенных укладывали в один ярус на дно погребальной камеры. Публикуемый склеп является исключением. В нем хоронили, согласно позднескифской традиции, в несколько не разделенных ярусов. На этом основании можно предположить, что мигранты интегрировали какую-то группу людей, сохранивших позднескифские погребальные обряды. Поиски истоков новых для Крыма традиций приводят к единственному более или менее удовлетворительному результату. Склепы с короткими дромосами появились на Северном Кавказе раньше, чем в Крыму, и использовались синхронно с крымскими [Храпунов, 2018а]¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-910003 «Исследования могильника Опушки в Крыму: итоги и перспективы».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-49-910003 “Studies of the Opushki Cemetery in the Crimea: Results and Prospects.”

² Антропологические определения сделаны В.И. Безбородых.

³ Определение и описание монеты сделал Н.И. Храпунов.

⁴ Благодарим С.Б. Шабанова за консультацию по хронологии стеклянного бальзамария.

⁵ Информация о составе инвентаря представлена А.А. Труфановым, за что мы искренне ему признательны.

⁶ Комплекс не опубликован.

⁷ Близкие по составу наборы сопровождали два женских погребения в склепе № 17 Нейзацкого могильника с инвентарем второй половины II – первой половины III в. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 300–308], но количество бус в них значительно уступает наборам этого типа из других комплексов.

⁸ Очень близкие по составу бус наборы имеются только в сарматских памятниках Венгерской

низменности. Появившись, как и в Крыму, в середине II в. н.э., они используются в женском костюме альфельдских сарматов до IV в. включительно (подробнее см.: [Иштванович и др., 2020, с. 37]).

⁹ Не следует, конечно, забывать, что склеп № 158 частично разграблен. В неразграбленном склепе лепных сосудов могло быть больше. Однако лепная керамика – это та категория погребального инвентаря, которая интересовала грабителей в последнюю очередь. Поэтому в разграбленных склепах IV в. н.э., как правило, находится множество целых и разбитых лепных сосудов.

¹⁰ По наблюдениям С.А. Мульда, в могильнике Левадки во многих позднескифских склепах зафиксированы захоронения конца II – первой половины III в. н.э. [Мульд, 2011, с. 99], правда, опубликован пока самый необычный такой комплекс [Мульд, 2011], поэтому трудно понять, что собой представляли данные погребения.

¹¹ В Усть-Альминском могильнике известны и другие случаи, когда в склепах, сооруженных в раннеримское время, во второй половине II – первой половине III в. н.э. совершали новые погребения, иногда сопровождая этот обряд разграблением предшествующих захоронений [Пуздровский, 2014, с. 173; Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 214–215].

¹² В связи с продолжающейся дискуссией о происхождении крымских склепов с короткими

дромосами следует сказать о склепах из Чернореченского могильника. Они раскопаны давно, но до сих пор не привлекали внимания. Сторонники независимого возникновения северокавказских и крымских склепов, перечисляя их отличия, указывали на большее в Крыму количество погребенных и на то, что на Кавказе погребенные лежали вдоль длинной оси погребальной камеры, а в Крыму – поперек [Мошкова, Малашев, 1999, с. 195–197]. В могильнике на Черной речке склепы № 1 и 4 предназначались для одного погребенного, № 3 и 5 – для двух, № 4 – для четырех (остальные склепы разграблены так, что количество погребенных установить нельзя). Во всех без исключения случаях погребенные лежали, как на Северном Кавказе, вдоль длинной оси погребальной камеры [Бабенчиков, 1963, с. 113–119]. Заметим также, что в склепах расположенного неподалеку от Чернореченского могильника Фронтное 3, где хоронили от 1 до 6 человек, зафиксированы оба варианта положения погребенных: и вдоль и поперек длинной оси погребальной камеры [Свиридов, Язиков, 2019, с. 193–195]. Вдоль длинной оси погребальной камеры лежат погребенные (двое взрослых и ребенок) в единственном раскопанном склепе могильника Бельбек III. Входная яма, как у поздних скифов, была забита камнями – единственный такой пример для крымских склепов позднееримского времени [Филиппенко и др., 2016].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Бусы и подвески из склепа № 158

Table 1. Beads and pendants from vault no. 158

№ п/п	Описание типа / № погребения и месторасположение	XVIII, шея	V, шея	XIII, грудь	VII, грудь	IV			III, грудь	II, грудь	I			У южной стенки	Другие места	Всего	Тип *
						шея	грудь	ноги			шея	левая рука	правая рука				
ОДНОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО																	
1	Цилиндрические, глухое красное (рис. 8,6,12,16,18, 9,1,9,12,19,24,26, 10,10)	2	3		5			146		1		14	28	7	83	289	57
2	Цилиндрические, глухое белое (рис. 8,7,17, 9,8,11, 18,23,25, 10,11)				1			68		1		7	11	3	50	137	55
3	Цилиндрическая, прозрачное синие (рис. 8,19)							1								1	68
4	Цилиндрическая, прозрачное темно-лиловое (рис. 8,21)							1								1	59
5	Цилиндрические, прозрачное зеленое (рис. 8,20)							2								2	63
6	Короткоцилиндрическая с косыми торцами, полупрозрачное бирюзовое (рис. 8,24)							1								1	66
7	Призматические, глухое красное (рис. 8,23, 9,13, 10,13)							11				1			8	20	117
8	Бочковидная поперечно сжатая, глухое белое (рис. 10,16)														1	1	21
9	Призматические, прозрачное темно-зеленое (рис. 8,8,22, 9,14,30, 10,17)				1	1		15				1			3	21	120
10	Призматическая, глухое зеленое (рис. 10,12)														1	1	–
11	Призматическая, прозрачное синее (рис. 9,10)											1				1	–
12	Призматические, прозрачное темно-лиловое (рис. 8,26, 10,14)							18				1			4	23	118
13	14-гранные, прозрачное зеленое (рис. 8,33, 10,21)							5							4	9	131

Примечание. * – типы бус даны по классификации Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1975; 1978; 1982].

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ п/п	Описание типа / № погребения и месторасположение	XVIII, шея	V, шея	XIII, грудь	VII, грудь	IV			III, грудь	II, грудь	I			У южной стенки	Другие места	Всего	Тип *
						шея	грудь	ноги			шея	левая рука	правая рука				
ОДНОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО																	
14	14-гранные, прозрачное темно-лиловое (рис. 8,29)							3								3	128
15	14-гранные, полупрозрачное синее (рис. 8,27)							2					2			4	134
16	Бочковидные поперечно сжатые, прозрачное желтое (рис. 8,35)							5								5	23
17	Бочковидные, прозрачное розовое (рис. 8,25, 10,20)							2						1		3	–
18	Шаровидная, прозрачное зеленое (рис. 10,15)													1		1	8
19	В форме параллелепипеда, прозрачное зеленое (рис. 8,28, 10,18)							6						1		7	–
20	В форме плоского диска, полупрозрачное и глухое синее (рис. 9,2,5, 10,22)										1			2		3	75
21	Линзовидные, прозрачное темно-лиловое (рис. 8,4, 10,19)							2						1		3	84
Всего из одноцветного стекла																540	
МНОГОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО																	
22	Бочковидная (рис. 9,21) и шаровидная поперечно сжатые (рис. 8,9) из глухого черного стекла. Украшены мелкими пятнышками из глухого желтого, красного, белого, зеленого и голубого стекла			1						1						2	13
23	Бочковидная из глухого зеленого стекла, украшенная семью глазками, в который центральный диск из прозрачного синего стекла окружен одним кольцом из глухого черного стекла и двумя кольцами из глухого белого стекла (рис. 9,29)								1							1	–

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ п/п	Описание типа / № погребения и месторасположение	XVIII, шея	V, шея	XIII, грудь	VII, грудь	IV			III, грудь	II, грудь	I			У южной стенки	Другие места	Всего	Тип *
						шея	грудь	ноги			шея	левая рука	правая рука				
МНОГОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО																	
24	Шаровидная из сильно иризированной стекла темного цвета. Украшена шестью глазками, в которых центральный диск из темно-синего стекла окружен двумя кольцами из глухого желтого стекла и одним кольцом из синего стекла (рис. 9,33)					1										1	–
Всего из многоцветного стекла																4	
СТЕКЛО С ВНУТРЕННЕЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРОКЛАДКОЙ																	
25	Шаровидные поперечно сжатые (рис. 8,31, 9,17)							114					1			115	16
26	Бочковидная продольно вытянутая с валиком по краям (рис. 10,25)														1	1	22
27	Бочковидные поперечно сжатые и пропорциональные (рис. 8,30, 9,16,27, 10,23)							128					3	8	70	209	3
28	В форме плоских дисков с расположенными по отношению к нему перпендикулярно валиками по краям (рис. 8,38, 9,36)					7		1								8	25
29	Бочковидная поперечно сжатая с ребристой поверхностью (рис. 8,32)							1								1	10
30	Короткоцилиндрическая с рядом бугорков (рис. 8,36)							1								1	15
31	Цилиндрические в виде трубочек (рис. 8,13)		6													6	4
Всего из стекла с внутренней металлической прокладкой																341	
ГАГАТ																	
32	Цилиндрические (рис. 8,1,2,15,39, 9,31,34, 10,24, 11,5)	44				4	22	3							4	77	27
33	Ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий (рис. 10,26)													13	13		37

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Описание типа / № погребения и месторасположение	XVIII, шея	V, шея	XIII, грудь	VII, грудь	IV			III, грудь	II, грудь	I			У южной стенки	Другие места	Всего	Тип *
						шея	грудь	ноги			шея	левая рука	правая рука				
ГАГАТ																	
34	Уплощенная про- низь (рис. 9,6)										1					1	–
35	Подвеска из шлифо- ванного гагата (рис. 8,14)	1														1	–
Всего из гагата																92	
ЕГИПЕТСКИЙ ФАЯНС																	
36	Подвеска бирюзово- го цвета в виде муж- ских гениталий (рис. 9,32)					1										1	90
Всего из египетского фаянса																1	
ЯНТАРЬ																	
37	Восьмерковидной (?) подвески фрагмент (рис. 5,12)													1		1	21
38	Бочковидные попе- речно сжатые (рис. 8,5, 9,7)						4				2					6	5
Всего из янтаря																7	
КАМЕНЬ																	
39	Шаровидные попе- речно сжатые из сердолика, канал от- верстия узкий (рис. 8,3, 9,3,35)					2	10							1		13	2а
40	Шаровидная попе- речно сжатая из халцедона. Камень полупрозрачный, дымчатый. Канал отверстия широкий (рис. 9,20)								1							1	26
Всего из камня																14	
МЕТАЛЛ																	
41	Бочковидная про- дольно вытянутая, украшена продоль- ными насечками, бронза (рис. 9,22)								1							1	12
42	Бочковидные литые с широким каналом отверстия, бронза (рис. 8,10,11, 9,28)		1	1				1								3	2
Всего из металла																4	
Общее количество бус		47	10	2	7	16	38	534	2	5	4	23	47	250	985		

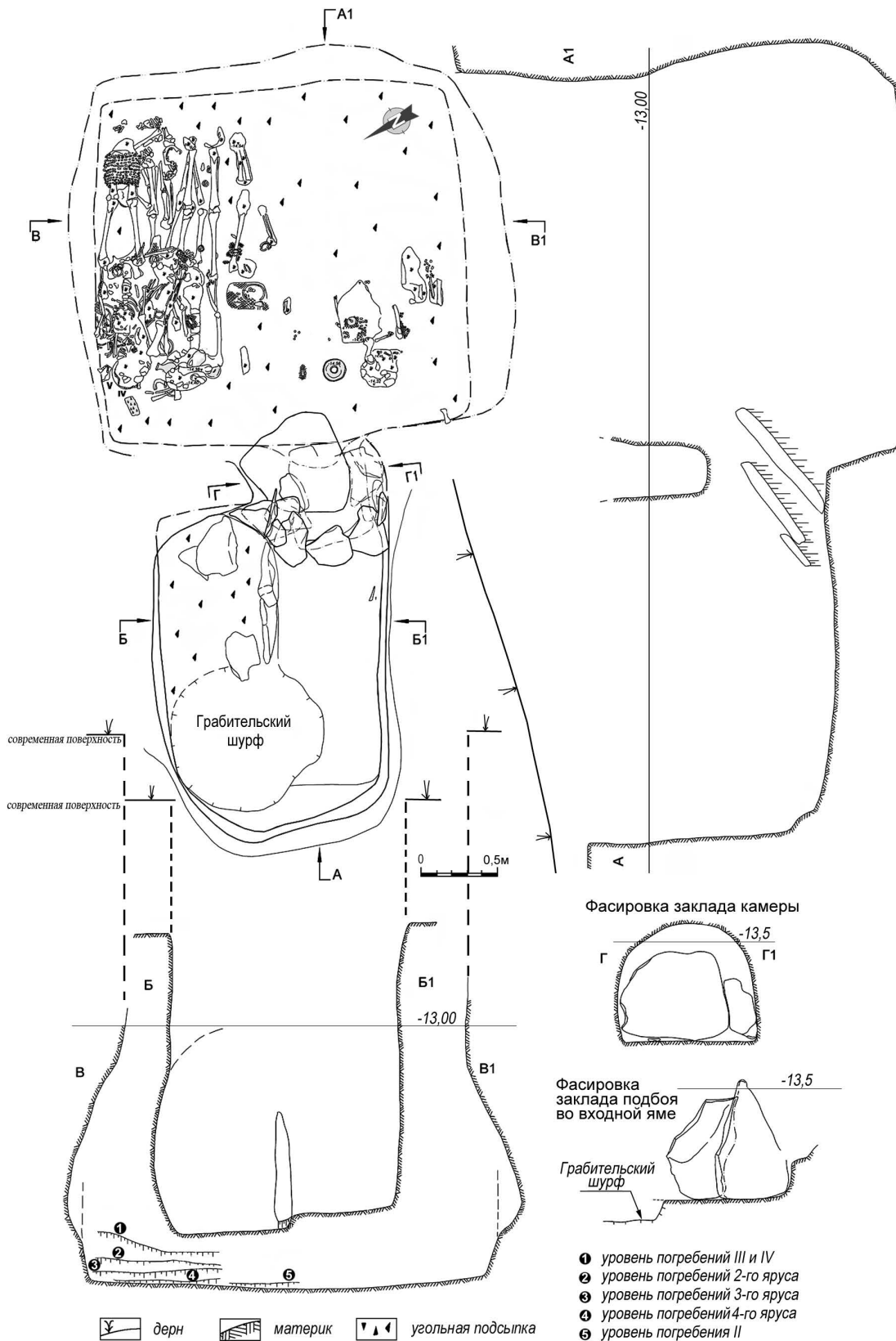

Рис. 1. Могильник Опушки, склеп № 158. План, разрезы и фасировки каменных закладов (чертеж А.А. Стояновой)

Fig. 1. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Ground plan, cross-sections, and projections of stone barriers (drawing by A.A. Stoyanova)

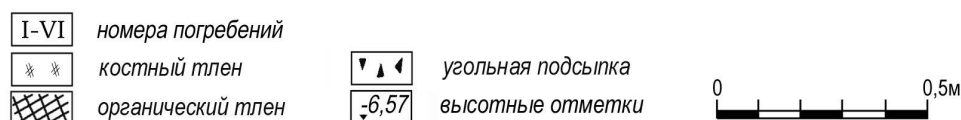

Рис. 2. Могильник Опушки, склеп № 158. План погребений в камере (чертеж А.А. Стояновой):

А – остатки погребений в южной части камеры: 1 – миска краснолаковая; 2–4, 6–8, 10 – бусы; 5 – предмет бронзовый со стеклянной вставкой; 9 – нож железный.

Б – погребения в северной части камеры: 11, 25, 33 – фибулы бронзовые; 12 – гривна бронзовая; 13, 23, 32, 35, 37 – бусы; 14 – фибула железная; 15, 17, 18, 26 – браслеты бронзовые; 16 – браслет железный; 19 – предмет железный; 20 – кувшин лепной; 21, 24 – тарелки краснолаковые; 22 – кувшин краснолаковый; 27, 29 – пряжки; 28 – монета; 30 – кольцо бронзовое; 31 – отщеп кремневый; 34 – браслет с перстнем бронзовые; 36 – нож железный; 38 – пряслице керамическое; 39 – астрагал

Fig. 2. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Ground plan of the burials in the chamber (drawing by A.A. Stoyanova):

A – remains of the burials in the southern area of the chamber: 1 – red slip bowl; 2–4, 6–8, 10 – beads; 5 – bronze artefact with glass inset; 9 – iron knife.

B – burials in the northern area of the chamber: 11, 25, 33 – bronze brooches; 12 – bronze neck-ring; 13, 23, 32, 35, 37 – beads; 14 – iron brooch; 15, 17, 18, 26 – bronze bracelets; 16 – iron bracelet; 19 – iron artefact; 20 – hand-made pitcher; 21, 24 – red-slip plates; 22 – red-slip pitcher; 27, 29 – buckles; 28 – coin; 30 – bronze ring; 31 – flint flake; 34 – bronze bracelet and finger-ring; 36 – iron knife; 38 – ceramic spindle whorl; 39 – knucklebone

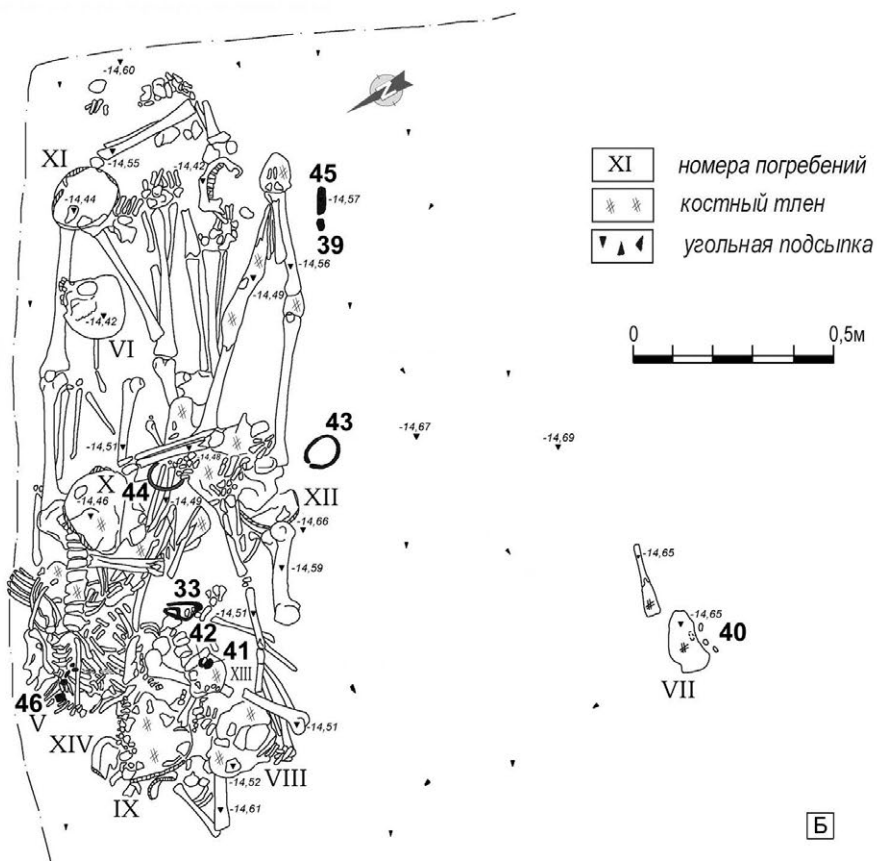

Рис. 3. Могильник Опушки, склеп № 158:

А – погребения в камере (фото А.А. Стояновой).

Б – план погребений второго яруса в северной части (чертеж А.А. Стояновой): 33 – фибула бронзовая; 39 – астрагал; 40, 41, 46 – бусы; 42 – кольцо бронзовое; 43, 44 – браслеты бронзовые; 45 – оселок каменный

Fig. 3. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158:

A – burials in the chamber (photo by A.A. Stoyanova).

B – ground plan of the second tier of burials in the northern area (drawing by A.A. Stoyanova): 33 – bronze brooch; 39 – knucklebone; 40, 41, 46 – beads; 42 – bronze ring; 43, 44 – bronze bracelets; 45 – sharpening stone

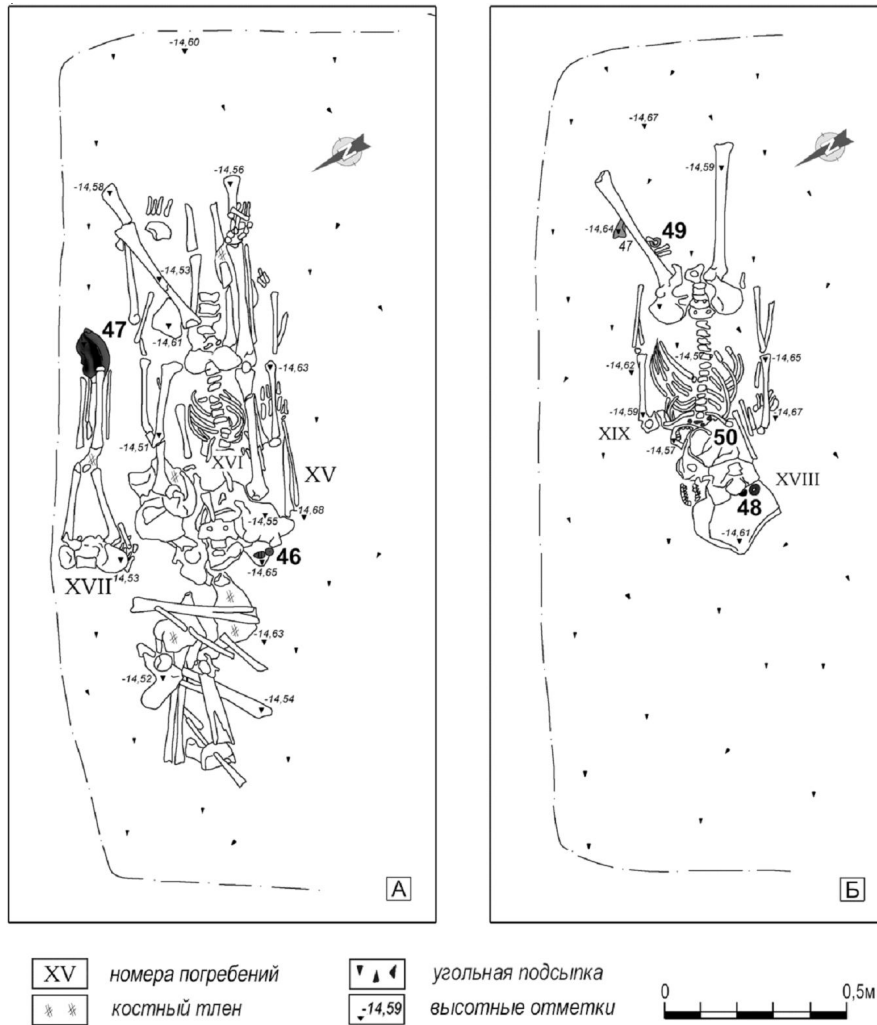

Рис. 4. Могильник Опушки, склеп № 158 (чертеж, фото А.А. Стояновой):

А – погребение третьего яруса: 46 – бусы; 47 – фрагмент краснолаковой миски.
 Б – погребение четвертого яруса: 48 – пряслице керамическое; 49 – кольцо бронзовое; 50 – бусы.
 В – набор бус на берцовых костях погребения IV

Fig. 4. The cemetery of Оpushki, burial vault no. 158 (drawing and photo by A.A. Stoyanova):

А – burial of the third tier: 46 – beads, 47 – red slip bowl fragment.
 Б – burial of the fourth tier: 48 – ceramic spindle whorl, 49 – bronze ring, 50 – beads.
 В – set of beads on shinbones of burial IV

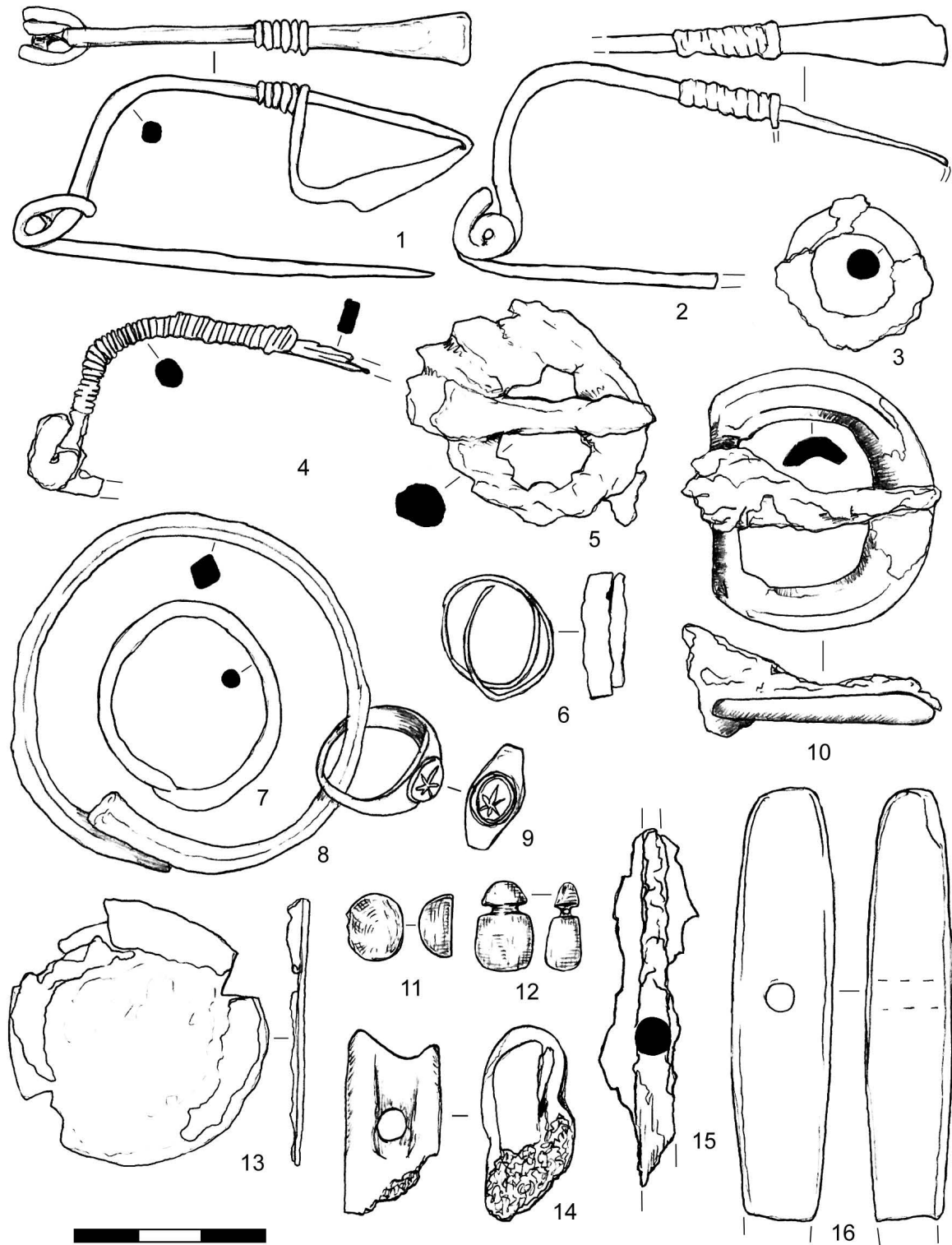

Рис. 5. Могильник Опушки, склеп № 158. Погребальный инвентарь (рис. С.Б. Шабанова):

1, 2, 4 – фибулы бронзовые; 3, 6, 7 – кольца бронзовые; 5, 10 – пряжки железная и бронзовая; 8 – браслет бронзовый; 9 – перстень бронзовый; 11 – вставка стеклянная; 12 – подвеска из янтаря; 13 – дисковидный бронзовый предмет; 14 – астрагал; 15 – фрагмент железного предмета; 16 – оселок каменный

Fig. 5. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Grave goods (drawing by S.B. Shabanov):

1, 2, 4 – bronze brooches; 3, 6, 7 – bronze rings; 5, 10 – iron and bronze buckles; 8 – bronze bracelet; 9 – bronze finger-ring; 11 – glass inset; 12 – amber pendant; 13 – bronze disc-shaped artefact; 14 – knucklebone; 15 – iron fragment of an artefact; 16 – stone whetstone

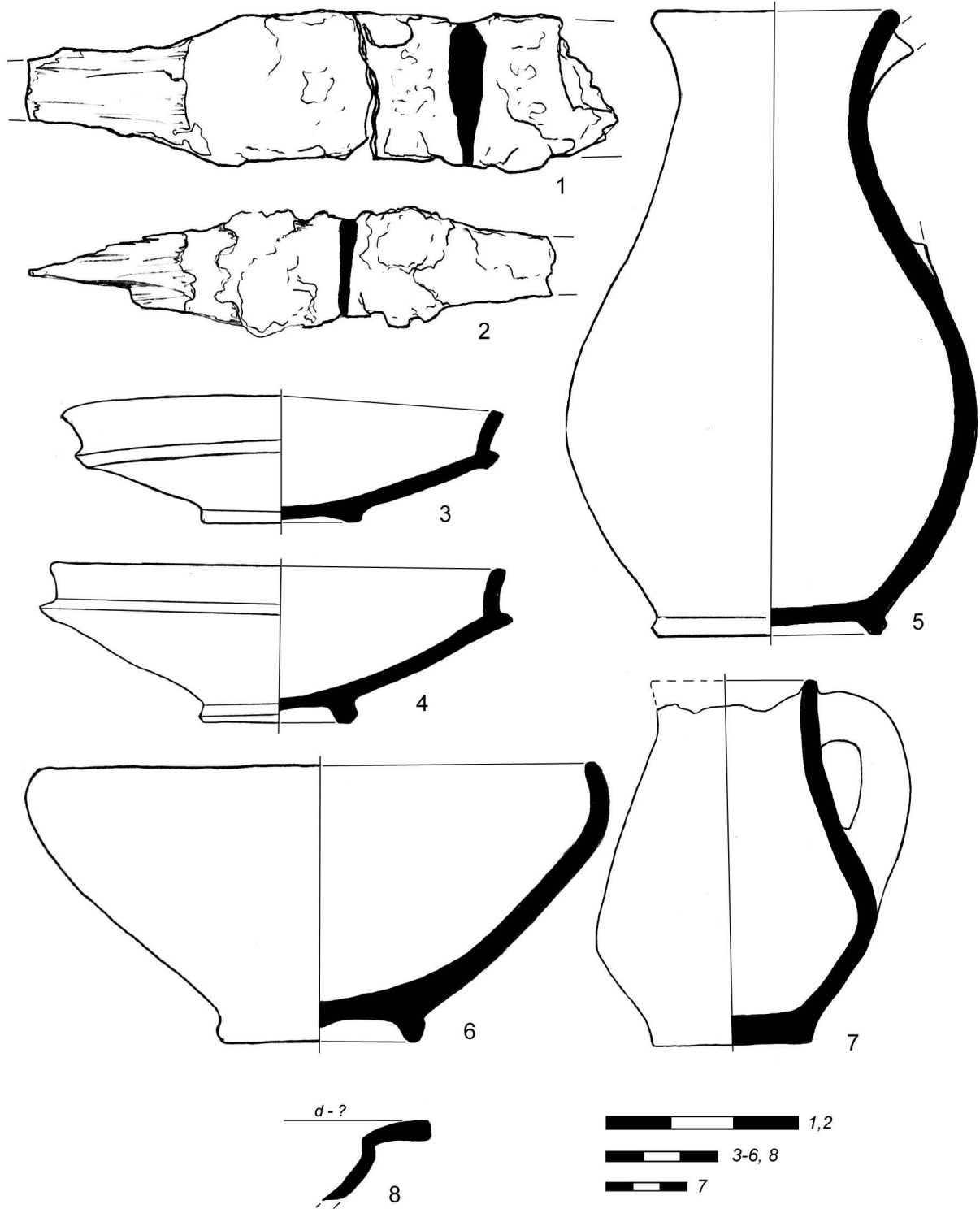

Рис. 6. Могильник Опушки, склеп № 158. Погребальный инвентарь (рис. С.Б. Шабанова):

1, 2 – ножи железные; 3, 4 – тарелки краснолаковые; 5 – кувшин краснолаковый;
6 – миска краснолаковая; 7 – кувшин лепной; 8 – фрагмент краснолаковой миски

Fig. 6. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Grave goods (drawing by S.B. Shabanov):

1, 2 – iron knives; 3, 4 – red slip plates; 5 – red slip pitcher;
6 – red slip bowl; 7 – moulded pitcher; 8 – red slip bowl fragment

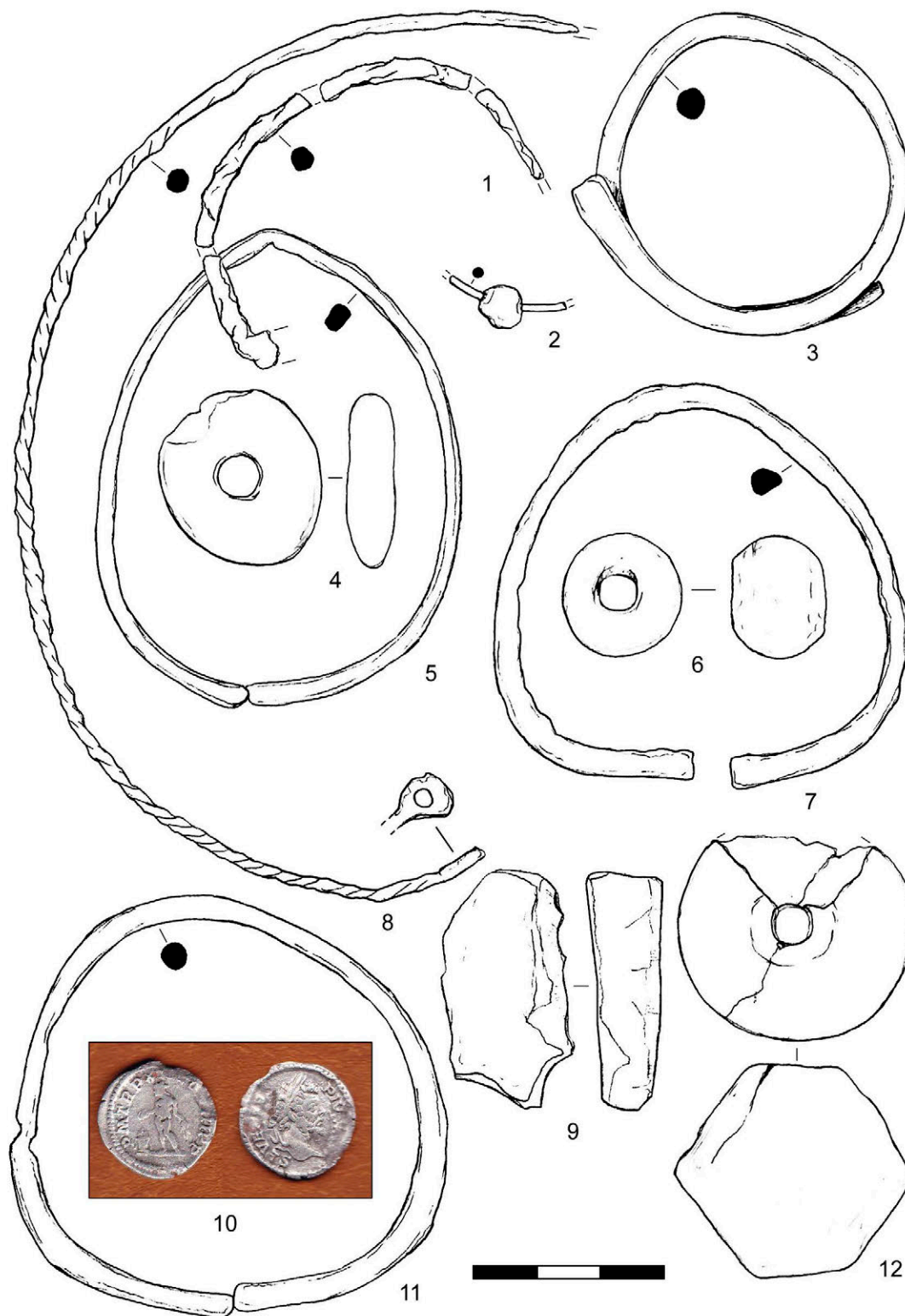

Рис. 7. Могильник Опушки, склеп № 158. Погребальный инвентарь (рис. С.Б. Шабанова):

1 – браслет железный; 2, 3, 5, 7, 11 – браслеты бронзовые; 4 – пряслице керамическое; 6 – пронизь бронзовая; 8 – гривна бронзовая; 9 – отщеп кремневый; 10 – монета серебряная; 12 – пряслице керамическое

Fig. 7. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Grave goods (drawing by S.B. Shabanov):

1 – iron bracelet; 2, 3, 5, 7, 11 – bronze bracelets; 4 – ceramic spindle whorl; 6 – bronze bead; 8 – bronze neck-ring; 9 – flint flake; 10 – silver coin; 12 – ceramic spindle whorl

Рис. 8. Могильник Опушки, склеп № 158. Погребальный инвентарь. Бусы (рис. А.А. Стояновой):

1–5 – погребение IV; 6–8 – погребение VII; 9, 10 – погребение XIII; 11–13 – погребение V;
14–16 – погребение XVIII; 17–39 – погребение IV

Fig. 8. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Grave goods. Beads (drawing by A.A. Stoyanova):

1–5 – burial IV; 6–8 – burial VII; 9, 10 – burial XIII; 11–13 – burial V;
14–16 – burial XVIII; 17–39 – burial IV

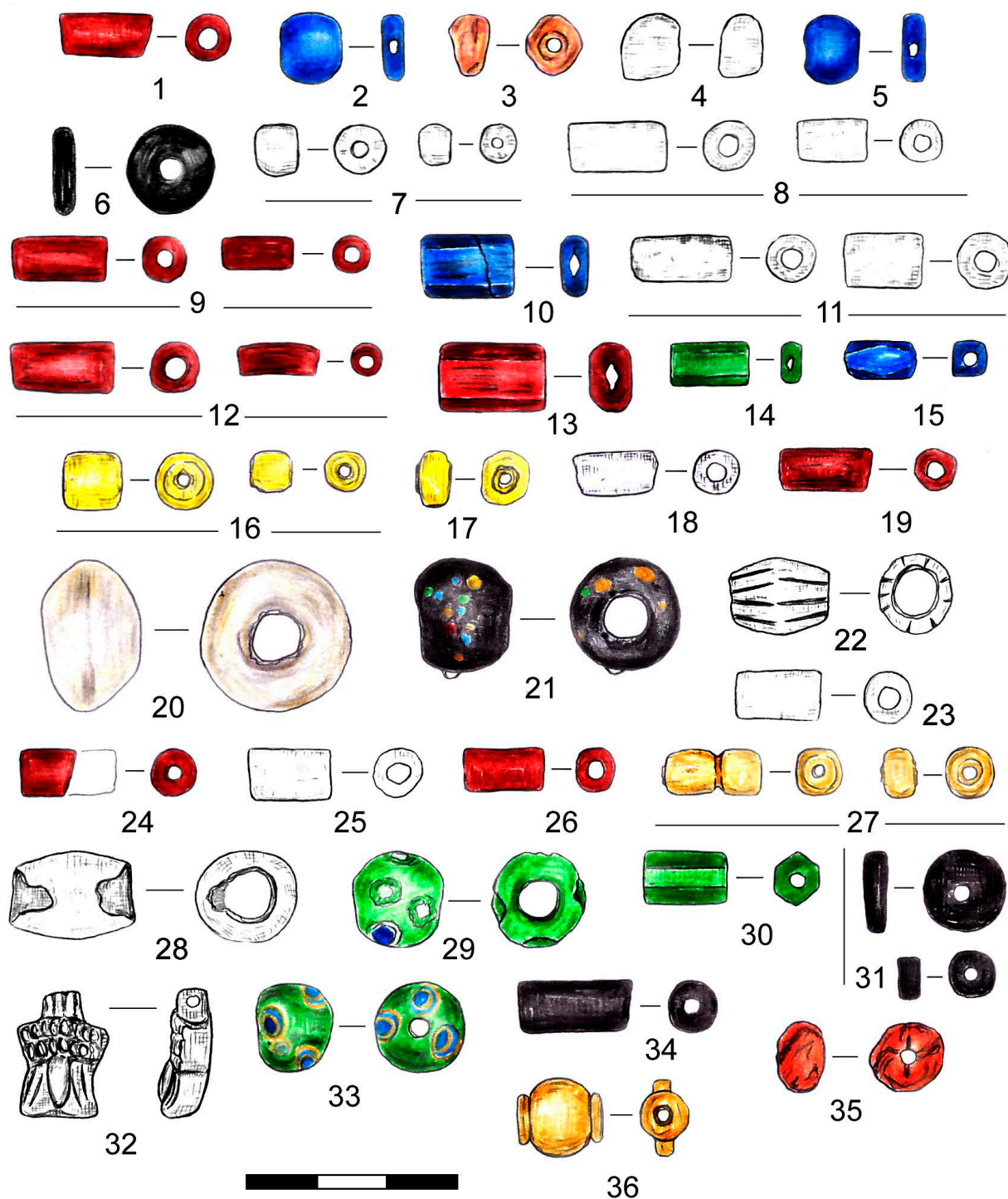

Рис. 9. Могильник Опушки, склеп № 158. Погребальный инвентарь. Бусы и подвески (рис. А.А. Стояновой): 1–19, 25–27 – погребение I и южная часть камеры; 20–24 – погребение II; 28, 29 – погребение III; 30–36 – погребение IV

Fig. 9. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Grave goods. Beads and pendants (drawing by A.A. Stoyanova): 1–19, 25–27 – burial I and the southern area of the chamber; 20–24 – burial II; 28, 29 – burial III; 30–36 – burial IV

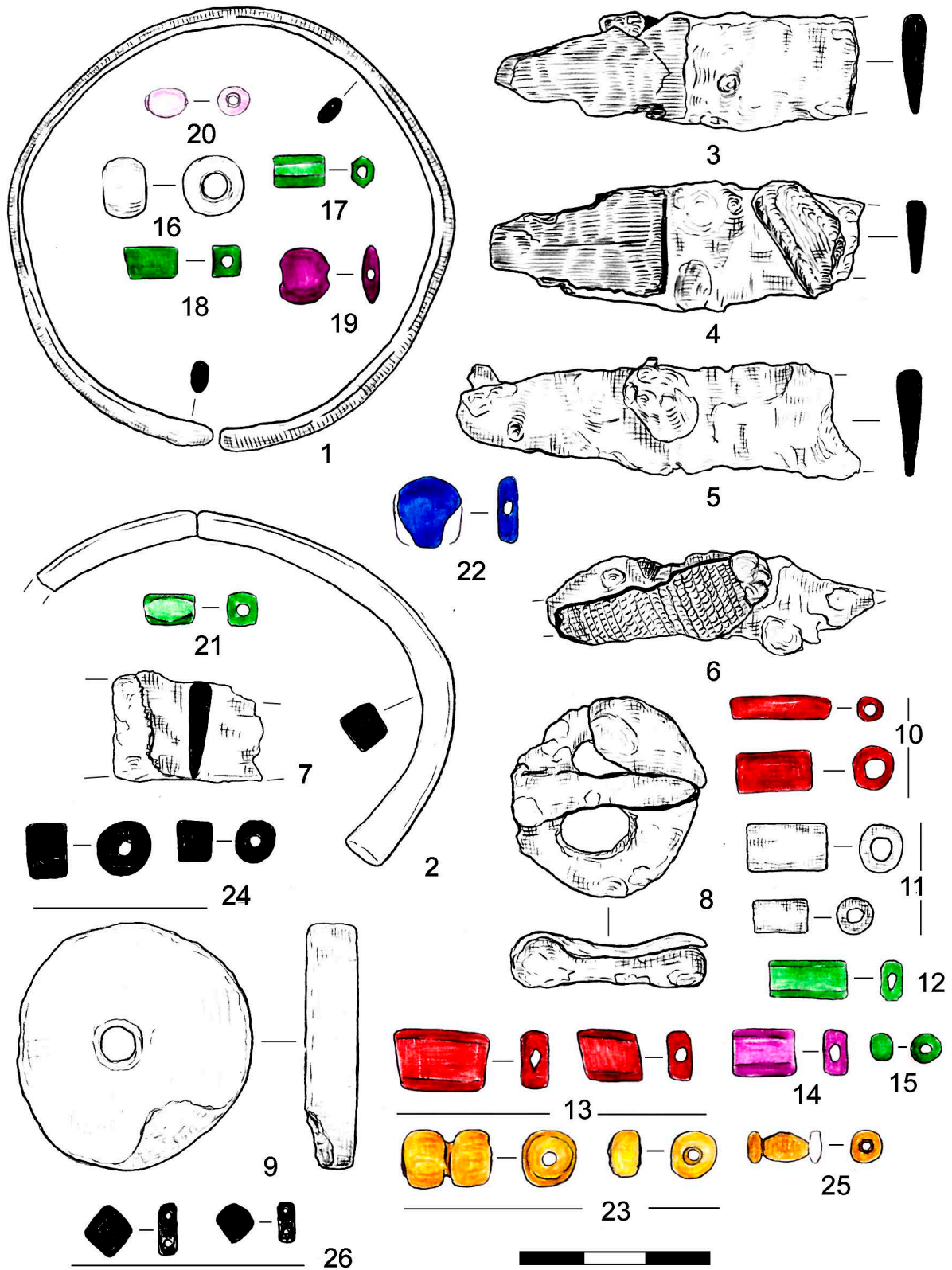

Рис. 10. Могильник Опушки, склеп № 158. Грабительский шурф (рис. С.Б. Шабанова, А.А. Стояновой): 1, 2 – браслеты бронзовые; 3–7 – ножи железные; 8 – пряжка железная; 9 – пряслице керамическое; 10–26 – бусы

Fig. 10. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Plunderers' pit (drawing by S.B. Shabanov, A.A. Stoyanova): 1, 2 – bronze bracelets; 3–7 – iron knives; 8 – iron buckle; 9 – ceramic spindle whorl; 10–26 – beads

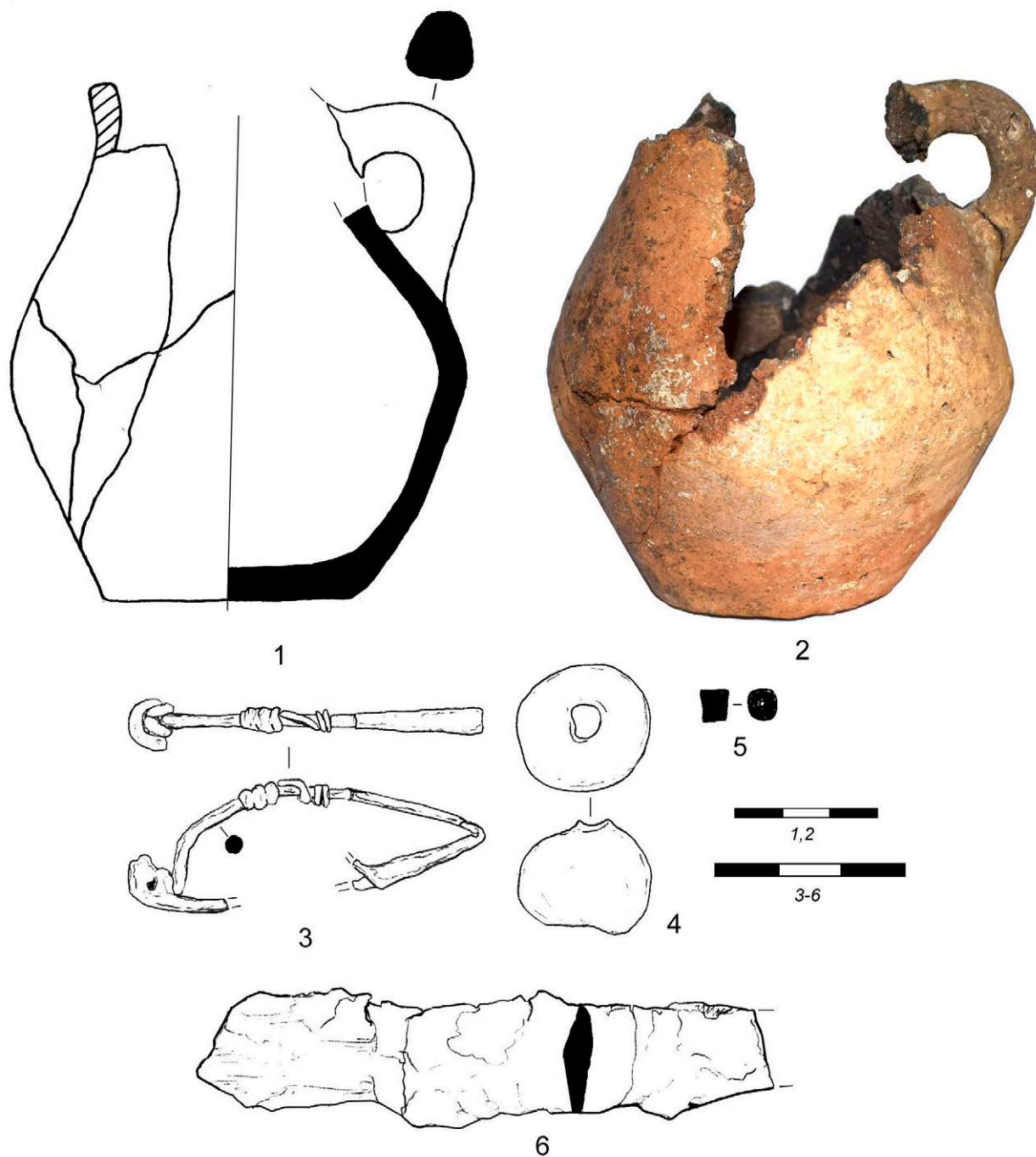

Рис. 11. Могильник Опушки, склеп № 158. Грабительский шурф (рис. С.Б. Шабанова):

1, 2 – сосуд лепной.

Заполнение: 3 – фибула бронзовая, 4 – пряслице керамическое, 5 – бусина гагатовая.

Входная яма: 6 – нож железный

Fig. 11. The cemetery of Opushki, burial vault no. 158. Plunderers' pit (drawing by S.B. Shabanov):

1, 2 – hand-made vessel.

Infill: 3 – bronze brooch, 4 – ceramic spindle whorl, 5 – jet bead.

Entry pit: 6 – iron knife

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 94 с.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 104 с.
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 104 с.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П., 2007. Коллекция стекла античной Горгиипии (I–III вв.). М. : Интербук-бизнес. 160 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ. Вып. Д1–30. М. : Наука. 112 с.
- Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев : Наукова думка. 182 с.
- Ахмедов И. Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Археология славян и их соседей. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. : ИА РАН. С. 137–152.
- Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ : Наукова думка. С. 90–122.
- Безуглов С. И., Нидзельницкая Л. Ю., 2020. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI. Симферополь : Салта ЛТД. С. 215–259.
- Безуглов С., Захаров А., 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д : РОМК. С. 42–66.
- Белоцерковская И. В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Археология славян и их соседей. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. : ИА РАН. С. 186–204.
- Бертъе-Делагард А. Л., 1911. Дифференты на боспорских царских монетах римского времени. М. 26 с.
- Власов В. П., 1999. Лепная керамика из некрополя III – IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев : Видання Тов. археол. та антроп. С. 322–371.
- Высотская Т. Н., 1980. Геммы Усть-Альминского некрополя // Вестник древней истории. № 1. С. 96–105.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев : Киевская Академия Евробизнеса. 208 с.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630009075-1>.
- Гайдукевич В. Ф., 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов. МИА. № 69. М. ; Л. : Наука. С. 154–238.
- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь : БФ «Деметра». 320 с.
- Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А., 2020. Бусы в costume населения сарматского времени Крыма и Альфельда // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI. Симферополь : Салта ЛТД. С. 10–43.
- Краснодубец Е. М., 2019. Перстень с астральной символикой из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе Таврическом // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : материалы конф. Т. 1. М. : Пробел-2000. С. 149–153.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИД «АДЕФ-Украина». 384 с.
- Лысенко А. В., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И., 2015. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // История и археология Крыма. Т. 2. Симферополь. С. 295–333.
- Максимова М. И., 1957. Боспорская камнерезная мастерская // Советская археология. № 4. С. 75–82.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д : Терра : Гефест. С. 194–132.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А., 2016. Пашковский могильник № 1. Т. 2 : Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М. : ИА РАН ; СПб. : Нестор-История. 372 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Типология и хронология сарматских погребальных катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.

- Мульд С. А., 2011. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XVII. С. 94–115.
- Мульд С. А., 2016. Погребальные сооружения могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. II. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 37–75.
- Мульд С. А., Масыкин В. В., 2003. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. X. С. 5–31.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Неверов О. Я., 1979. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // *Вестник древней истории*. № 1 (147). С. 95–103.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Эго-Западном Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VIII. С. 32–50.
- Пуздровский А. Е., 2014. Два комплекса раннеримского времени из Усть-Альминского некрополя // *История и археология Крыма*. Вып. I. Симферополь : Бизнес-Информ. С. 170–182.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2015. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // *История и археология Крыма*. Вып. II. Симферополь : Бизнес-Информ. С. 200–231.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь : ИП Бровко А. А. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017а. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь : ИП Бровко А. А. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017б. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь : ИП Зуева Т. В. 300 с.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 255. С. 185–201. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.185-201>.
- Ставицкий В. В., 2015. Тордированные гривны из древнемордовских могильников I тысячелетия н. э. // *История и археология*. № 2. URL: <http://history.snauka.ru/2015/02/1448> (дата обращения: 13.02.2021).
- Стоянова А. А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // *Боспорские исследования*. Вып. V. С. 263–320.
- Стоянова А. А., 2011а. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А., 2011б. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь : Доля. С. 115–152.
- Стоянова А. А., 2012. Детские погребения из могильника Опущки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь : Доля. 100 с.
- Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. II. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // *Stratum plus*. № 4. С. 27–277.
- Суханов Е. В., 2020. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (предварительная публикация) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XXV. С. 66–89.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев : Наукова думка. 173 с.
- Труфанов А. А., 1997. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма) // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. I. Симферополь : Таврия. С. 181–192.
- Труфанов А. А., 2004. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // *Сугдейский сборник*. Вып. I. Киев ; Судак : Академперіодика. С. 495–521.

- Труфанов А. А., 2019. Региональные отличия комплекса бронзовых украшений конца II – середины III в. н. э. из погребений центральной части предгорного и горного Крыма // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь ; Керчь : [б. и.]. С. 573–580.
- Филиппенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2016. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // *Stratum plus*. № 4. С. 139–151.
- Хайрединова Э. А., 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь : Таврия. С. 59–87.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 314 с.
- Храпунов И. Н., 2006. Погребения детей в могильнике Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XII, ч. 1. С. 161–250.
- Храпунов И. Н., 2008. Наконечники ремней из могильника Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н., 2011а. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь : Доля. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., 2011б. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь : Доля. 72 с.
- Храпунов И. Н., 2018а. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV. Симферополь : ИП Бровко А. А. С. 133–145.
- Храпунов И. Н., 2018б. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). III. Симферополь : ИП Бровко А. А. С. 137–169.
- Храпунов И. Н., 2020. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 247–278. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., 2004. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. С. 299–326.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А., 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь : Доля. 96 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2020. Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI. Симферополь : Салта ЛТД. С. 66–112.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А., 2001. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь : Таврия-плюс. С. 105–168.
- Шабанов С. Б., 2020. Новые находки стеклянных сосудов позднеримского времени в крымских предгорьях // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь. С. 392–397.
- Шаров О. В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг : Хронология комплексов с римскими импортами. Краснолаковая керамика. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Cravinho G., 2017. Roman Engraved Gems in the National Archaeological Museum in Lisbon // *Studies in Ancient art and civilization*. Vol. 21. P. 173–245.
- Khrapunov I., Kazanski M., 2016. A Grave from the Hunnic Period in the Cemetery of Neizats (Central Crimea) // *Archäologische Korrespondenzblatt*. Vol. 46. S. 363–378.
- Mattingly H., Sydenham E. A., 1936. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. I. Pertinax to Geta. L. : Spink & Son. 406 p.
- Spier J., 1992. *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu-California : J. Paul Getty Museum. 200 p.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Beads in the Northern Black Sea Area]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, vol. Г1–12. Moscow, Nauka Publ. 94 p.
- Alekseeva E.M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Beads in the Northern Black Sea Area]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, vol. Г1–12. Moscow, Nauka Publ. 104 p.

- Alekseeva E.M., 1982. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Beads in the Northern Black Sea Area]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, vol. Г1–12. Moscow, Nauka Publ. 104 p.
- Alekseeva E.M., Sorokina N.P., 2007. *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii (I-III vv.)* [A Collection of the Glassware of Ancient Gorgippia (First to Third Century AD)]. Moscow, Interbook Publ. 160 p.
- Ambroz A.K., 1966. Fibuly iuga ievropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [The Brooches on the South of the European Part of the USSR, Second Century BC to Fourth Century AD]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, vol. Д1–30. Moscow, Nauka Publ. 112 p.
- Anokhin V.A., 1986. *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporus]. Kiev, Naukova dumka Publ. 182 p.
- Akhmedov I.P., 2007. Inventar' muzhskikh pogrebenii [Grave Goods in Male Burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]. *Arkheologiya slavian i ikh sosedy*. Iss. 9. Moscow, IA RAS, pp. 137-152.
- Babebchikov V.P., 1963. Chornorichens'kyy mohyl'nyk [Chernorech'e Cemetery]. *Arkheolohychni pam'iatky URSS* [Archaeological Sites in the Ukrainian SSR], vol. XIII. Kiev, Naukova Dumka Publ., pp. 90-122.
- Bezuglov S.I., Nidzel'nitskaia L.Yu., 2020. Pozdnesarmatskiy kurgan u stanitsy Mariinskoy na Donu [A Late Sarmatian Barrow at Mariinskaia Cossack Village in the Don Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. VI. Simferopol, Salta Publ., pp. 215-259.
- Bezuglov S., Zakharov A., 1989. Bogatoye pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa [A Rich Grave from the Late Roman Period in Vicinity of Tanais]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum], iss. 6. Rostov-na-Donu, Rostov Regional Museum of Local Lore, pp. 42-66.
- Belotserkovskaya I.V., 2007. Inventar' zhenskikh pogrebenii [Grave Goods from Female Burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]. *Arkheologiya slavian i ikh sosedy*. Iss. 9. Moscow, IA RAS, pp. 186-204.
- Bert'e-Delagard A.L., 1911. *Differenty na bosporskikh tsarskikh monetakh rimskogo vremeni* [Countermarks on the Coins of Bosporan Kings from the Roman Period]. Moscow. 26 p.
- Vlasov V.P., 1999. Lepnaya keramika iz nekropolya III–IV vv. n. e. Druzhnoe v Krymu [Hand-made Pottery from the Third-to-Fourth-Century AD Cemetery of Druzhnoe in the Crimea]. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture* [The Centenary of the Chernyakhov Culture]. Kiev, Vidannya tov. arkheol. ta. antrop., pp. 322-371.
- Vysotskaya T.N., 1980. Gemmy Ust'-Al'minskogo nekropolia [Gems from the Ust-Alminsky Necropolis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 96-105.
- Vysotskaya T.N., 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [The Settlement and Cemetery of Ust'-Al'ma]. Kiev, Akademiya Evrobiznesa Publ. 208 p.
- Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2020. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noe soobshchenie) [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3 in the South-Western Crimea (a Preliminary Publication)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 91-110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630009075-1>.
- Gaydukevich V.F., 1959. Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov (po materialam raskopok 1930-kh godov) [The Cemeteries of Some Bosporan Towns (According to the 1930s Excavations)]. *Nekropoli bosporskikh gorodov* [The Cemeteries of Bosporan Towns]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no. 69. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., pp. 154-238.
- Zhuravlev D.V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [The Red Slip Ware in the South-Western Crimea from the First to Third Century AD (According to the Finds from the Late Scythian Cemeteries in the Bel'bek River Valley)]. Simferopol, Non-profitable Foundation «Demetra». 320 p.
- Istvánovits E., Kulcsár V., Stoyanova A.A., 2020. Busy v costume naseleniia sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fel'da [Beads in the costume of the Sarmatian Age population in the Crimea and Great Hungarian Plain]. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. VI. Simferopol, Salta Publ., pp. 10-43.
- Krasnodubets E.M., 2019. Persten' s astral'noy simvolikoy iz raskopok K. K. Kostsyushko-Valyuzhinicha v Khersonese Tavricheskom [A Finger-ring Featuring Astral Symbols Excavated by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich in Tauric Chersonese]. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy konferentsii* [Historical, Cultural,

- Interethnic, Religious, and Political Connections of the Crimea and the Mediterranean and the Countries of Orient: Conference Proceedings], vol. 1. Moscow, Probel-2000 Publ., pp. 149-153.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Brooches from the Sarmatian Period]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ., 384 p.
- Lysenko A.V., Masyakin V.V., Mordvintseva V.I., 2015. Mogila no. 1 nekropolya rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Grave 1 in the Cemetery of Luchistoe-2 from the Roman Period (Southern Crimea)]. *Isroitiya i arkheologiya Kryma* [History & Archaeology of Crimea], vol. 2. Simferopol, pp. 295-333.
- Maksimova M.I., 1957. Bosporskaia kamnereznaia masterskaia [A Bosporan Stone-Carving Workshop]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 75-82.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [A Periodization of Belt Sets from the Late Sarmatian Period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbours on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., Gefest Publ., pp. 194-232.
- Mastykova A.V., Kazanski M.M., Saprykina I.A., 2016. *Pashkovskiy mogil'nik no. 1. Vol. 2: Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika no. 1* [Pashkovskaia 1 Cemetery. Vol. 2: A Study of the Materials of the Pashkovskaia 1 Cemetery]. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 372 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Tipologiya i khronologiya sarmatskikh pogrebalnykh katakombnykh sooruzheniy [A Typology and Chronology of Sarmatian Burial Catacomb Structures]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznoogo veka i srednevekov'ya* [Archaeology of the Volga-Ural Area in the Early Iron Age and Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Mul'd S.A., 2011. Sklep s dvumya pogrebal'nymi kamerami iz mogil'nika Levadki [A Vault with two Burial Chambers from the Cemetery of Levadki]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVII, pp. 94-115.
- Mul'd S.A., 2016. Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Neizats [Burial Structures in the Cemetery of Neizats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neizats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). Vol. II: 20 Years of Researches at the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., pp. 35-75.
- Mul'd S.A., Masyakin V.V., 2003. Pozdneskifskiy sklep no. 20 mogil'nika u s. Levadki [Late Scythian Vault no. 20 in the Cemetery near the Village of Levadki]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. X, pp. 5-31.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag: a Cemetery from the Roman Period in the Crimea]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Neverov O.Ya., 1979. Gnosticheskie gemmy, perstni i amulety yuga SSSR [Gnostic Gem and Amulets from Southern USSR]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1 (147), pp. 95-103.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia from the Second Century BC to the Third Century AD: Funeral Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 480 p.
- Puzdrovskiy A.E., Zaytsev Yu.P., Nenevolva I.I., 2001. Novye pamiatniki III–IV vv. n. e. v Yugo-Zapadnom Krymu [New Sites from the Third to Fourth Century AD in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. VIII, pp. 32-50.
- Puzdrovskiy A.E., 2014. Dva kompleksa rannerimskogo vremeni iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Two Complexes from the Early Roman Period in Ust'-Al'ma Cemetery]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History & Archaeology of Crimea], vol. I. Simferopol, Biznes-Inform Publ., pp. 170-182.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2015. Dva sklepa v tsentralnoy chasti Ust'-Al'minskogo nekropolia [Two Burial Vaults in the Central Area of Ust'-Al'ma Cemetery]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History & Archaeology of Crimea], vol. II. Simferopol, pp. 200-231.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2016. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2008–2014]. Simferopol, Brovko A. Publ., 308 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017a. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2004–2007 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2004–2007]. Simferopol, IP Brovko A. A. Publ., 372 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017b. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2000–2003]. Simferopol, IP Zueva T. V. Publ., 300 p.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2019. Pogrebal'nye obyady mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu [Burial Rites at the Frontovoye-3 Cemetery in the Southwest Crimea]. *Kratkie soobscheniya Instituta*

- arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], vol. 255, pp. 185-201. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.185-201>.
- Stavitskiy V.V., 2015. Tordirovannyye grivny iz drevnemordovsikh mogil'nikov I tysyacheletiya n. e. [Torque-like Neck-rings from Ancient Mordva Cemeteries from the First Millennium AD]. *Istoriya i arkheologiya* [History and Archaeology], no. 2. URL: <http://history.snauka.ru/2015/02/1448> (accessed 13 February 2021).
- Stoyanova A.A., 2004. Busy i podveski iz mogil'nika Neizats (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) [Beads and Pendants from the Cemetery of Neizats (According to the 1996–2001 Excavation Materials)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. V, pp. 263-320.
- Stoyanova A.A., 2011a. Grivny iz pamiatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Neck-Rings in the Crimean Sites from the Sarmatian Period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVII, pp. 116-140.
- Stoyanova A.A., 2011b. Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n.e. iz mogil'nika Neizats [The Second and the First Half of the third Century AD Female Costume Accessories from the Cemetery of Neizats]. *Issledovaniya mogil'nika Neizats* [Exploring the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Dolya Publ., pp. 115-152.
- Stoyanova A.A., 2012. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)* [Children's Burials in the Cemetery of Opushki (According to 2003–2009 Excavations)]. Simferopol, Dolya Publ. 100 p.
- Stoyanova A.A., 2016. Podveski iz mogil'nika Neizats [Pendants from the Cemetery of Neizats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.). II. 20 let issledovaniya mogil'nika Neizats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). Vol. II: 20 Years of Researches at the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., pp. 122-165.
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2003–2004. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysiacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya "Sovkhoz № 10") [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium A.D. (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27-277.
- Sukhanov Ye.V., 2020. Lepnaya keramika mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 (predvaritel'naya publikatsiya) [Hand-made pottery in the Roman period cemetery of Frontovoe 3 (a preliminary publication)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], vol. XXV, pp. 66-89.
- Simonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolya Skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (According to the Materials from the Eastern Cemetery of Scythian Neapolis)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 173 p.
- Trufanov A.A., 1997. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov yugo-zapadnogo Kryma) [A Typology of the Red-slip Plates with Vertical Border (According to the Materials from the South-Western Crimea)]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Proceedings], iss. I. Simferopol, Tavriya Publ., pp. 181-192.
- Trufanov A.A., 2004. Podboinye mogily III v. n.e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.) [The Third-Century AD Undercut Graves in the Cemetery of Kurskoe (according to 2001 Excavation Materials)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sougdaia Proceedings], iss. I. Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., pp. 495-521.
- Trufanov A.A., 2019. Regional'nye otlichiya kompleksa bronzovykh ukrasheniy kontsa II – serediny III v. n.e. iz pogrebeniy tsentral'noy chasti predgornogo i gornogo Kryma [Regional Differences of the Bronze Ornaments Complex from the Late Second to the Mid-Third Century AD from the Burials in the Central Area of the Foothill and Mountainous Crimea]. *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniya* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporos and the World of Barbarians in Antiquity and Middle Age. Main Result and Prospects of Research]. Simferopol, Kerch, pp. 573-580.
- Fillipenko A.A., Tiurin M.I., Ushakov S.V., 2016. O mogil'nike VIR (Bel'bek III) v Yugo-Zapadnom Krymu: novye dannye [In the Necropolis VIR (Belbek III) in South-Western Crimea: the New Data]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 139-151.
- Khayredinova E.A., 1995. Busy iz mogil'nika Druzhnoe [The Beads from the Cemetery of Druzhnoe]. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma* [The Aspects of Archaeology of the Ancient and Mediaeval Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., pp. 59-87.

- Khrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n. e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third and Fourth Centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 314 p.
- Khrapunov I.N., 2006. Pogrebeniya detey v mogil'nike Neizats [Children's Burials in the Cemetery of Neizats]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XII, pt. 2, pp. 161-250.
- Khrapunov I.N., 2008. Nakonechniki remney iz mogil'nika Neizats [Strap-Ends from the Cemetery of Neizats]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XIV, pp. 61-79.
- Khrapunov I.N., 2011a. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats [Some Results of the Researches of the Cemetery of Neizats]. *Issledovaniya mogil'nika Neizats* [Exploring the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Dolya Publ., pp. 13-113.
- Khrapunov I.N., 2011b. *Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n. e. iz mogil'nika Neizats* [A Vault with the Third and Fourth Century AD Burials in the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Dolya Publ. 72 p.
- Khrapunov I.N., 2018a. Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [Burial Short-corridor Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. IV. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ., pp. 133-145.
- Khrapunov I.N., 2018b. Sklep s veshchami v dogunnskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Burial Vault with Artefacts in the Pre-Hunnic Polychrome Style in Opushki Cemetery]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)], vol. III. Simferopol, IP Brovko A. A. Publ., pp. 137-169.
- Khrapunov I.N., 2020. Sklep s monetami III v. n.e. iz mogil'nika Opushki [A Crypt with Third-Century Coins in the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 247-278. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., 2004. Sklepy s pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Neizats [The Vaults with the Third-Century AD Burials in the Cemetery of Neizats]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. VII, pp. 299-326.
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., Stoyanova A.A., 2009. *Pozdneskijskiy sklep iz mogil'nika Opushki* [A Late Scythian Vault from the Cemetery of Opushki]. Simferopol, Dolya Publ. 96 p.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2020. Kamennyy sklep Opushkinskogo mogil'nika [A Stone Burial Vault at the Cemetery of Opushki]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)], iss. VI. Simferopol, Salta Publ., pp. 66-112.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., Mul'd S.A., 2001. Pozdneskijskiy mogilnik y sela Levadki [Late Scythian Cemetery near Levadki village]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected], iss. 2. Simferopol, Tavriya-plus Publ., pp. 105-168.
- Shabanov S.B., 2020. Novye nakhodki stekliannykh sosudov pozdnerimskogo vremeni v krymskikh predgor'iyakh [New Finds of Glass Vessels from the Late Roman Period in the Crimean Foothills]. *XXI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Ob'ekty iskusstva v arkheologicheskoy kontekste* [Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and Middle Age. Objects of Art in Archaeological Context]. Simferopol, Kerch, pp. 392–397.
- Sharov O.V., 2007. *Keramicheskii kompleks nekropolya Chatyr-Dag: khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [The Pottery Complex of the Cemetery of Chatyr-Dag: Chronology of Assemblages with Roman Imports]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Cravinho G., 2017. Roman Engraved Gems in the National Archaeological Museum in Lisbon. *Studies in Ancient Art and Civilization*, vol. 21, pp. 173-245.
- Khrapunov I., Kazanski M., 2016. A Grave from the Hunnic Period in the Cemetery of Neizats (Central Crimea). *Archäologische Korrespondenzblatt*, vol. 46, pp. 363-378.
- Mattingly H., Sydenham E.A., 1936. *The Roman Imperial Coinage*, vol. IV, Pt. I: Pertinax to Geta. London, Spink & Son. 406 p.
- Spier J., 1992. *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu (Calif.), J. Paul Getty Museum. 200 p.

Information About the Authors

Igor N. Khrapunov, Doctor of Sciences (History), Professor, Ancient and Medieval History Department, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Anastasiya A. Stoyanova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

Информация об авторах

Игорь Николаевич Храпунов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Анастасия Анзоровна Стоянова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.12>

UDC 902/904
LBC 63.4(2Рос.Кры)

Submitted: 17.09.2020
Accepted: 27.05.2021

MIDDLE SARMATIAN BURIAL COMPLEX FROM OPUSHKI NECROPOLIS, THE CRIMEA

Stanislav B. Shabanov

Non-Profitable Foundation "Heritage of Millennia", Simferopol, Russian Federation

Abstract. The Necropolis of Opushki is located in approximately 15 km to the east from Simferopol, 2–2,5 km to the south-west from the village of Opushki of Mazanka Rural Settlement in Crimea. Illegal excavations have been conducted on the territory of the cemetery since 2002. More than 200 burials constructions were destroyed as a result of grave robbers actions on the territory of about 3 hectares. Scientific researches of the necropolis were conducted in 2003 – 2005, 2007, 2009, 2013–2014, 2016–2020. During this period, more than 300 burials of different types have been uncovered (crypts, simple pit graves, shaft-and-chambers graves, slab graves and cist tomb). Judging by excavated sites, the cemetery was in continuous use from the 1st century BC until the 4th century AD. Among the researched burial constructions there are crypts typical for the Late Scythian period, middle and late Sarmatian burials, crypts influenced by the Northern Caucasus Alans arriving in Crimea, cremation performed by German tradition. The paper is devoted to the middle Sarmatian paired burial in the grave № 233 excavated in 2018. The assemblage of grave goods from that grave is quite various and informative: bronze fibulae, bronze and iron bracelets, red slip pottery, beads. The chronology of the burial assemblage may be defined as the second half of the 1st – first half of the 2nd centuries AD. The funeral rite of paired burials is not typical for the tradition of individual burials in first centuries, although its features are found in the burial grounds of the Central and South-Western Crimea. This funeral rite is associated with the issues of family structure and social relations in the late Scythian society.

Key words: Crimea, Opushki necropolis, Middle Sarmatian culture, paired burial, grave goods, glass vessel.

Citation. Shabanov S.B., 2021. Pogrebal'nyy kompleks srednesarmatskogo vremeni iz mogil'nika Opushki v Krymu [Middle Sarmatian Burial Complex from Opushki Necropolis, the Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 251-262. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.12>

УДК 902/904
ББК 63.4(2Рос.Кры)

Дата поступления статьи: 17.09.2020
Дата принятия статьи: 27.05.2021

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ В КРЫМУ

Станислав Борисович Шабанов

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Могильник Опушки расположен на расстоянии около 15 км к востоку от г. Симферополя, в 2–2,5 км к юго-западу от села Опушки Мазанского сельского поселения в Крыму. С 2002 г. на территории могильника ведутся грабительские раскопки. В результате действий грабителей было уничтожено более 200 погребальных сооружений на площади примерно 3 га. Научные исследования некрополя проводились в

2003–2005, 2007, 2009, 2013–2014, 2016–2020 годах. За это время было открыто более 300 погребальных сооружений: склепов, грунтовых, подбойных и плитовых могил, каменный ящик. Судя по исследованным участкам, могильник непрерывно использовался с I в. до н.э. по IV в. н.э. Среди погребальных сооружений встречаются склепы, характерные для позднескифской культуры, средне- и позднесарматские погребения, склепы, связанные с появлением в Крыму предков северокавказских алан, и кремация, совершенная по германскому обряду. Статья посвящена среднесарматскому парному погребению в могиле № 233, исследованному в 2018 году. Комплекс погребального инвентаря из могилы достаточно разнообразен и информативен: бронзовая фибула, бронзовые и железные браслеты, краснолаковая посуда, бусы. Погребальный комплекс может датироваться второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Обряд парных захоронений не типичен для традиции индивидуальных погребений первых веков н.э., хотя и встречается в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. Данный погребальный обряд связан с особенностями семейной структуры и социальных отношений в позднескифском обществе.

Ключевые слова: Крым, могильник Опушки, среднесарматская культура, парное погребение, погребальный инвентарь, стеклянный сосуд.

Цитирование. Шабанов С. Б., 2021. Погребальный комплекс среднесарматского времени из могильника Опушки в Крыму // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 251–262. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.12>

Могильник Опушки расположен в 2–2,5 км к юго-западу от одноименного села Мазанского сельского поселения Симферопольского района Республики Крым (рис. 1,а). Памятник был открыт грабителями в 2002 году. В результате их действий на площади около 3 га было уничтожено несколько сотен захоронений. Научные исследования могильника ведутся с перерывами с 2003 г. экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. За время раскопок открыто более 300 погребальных сооружений: склепов, подбойных, плитовых и грунтовых могил, а также один каменный ящик с трупопожжением. Результаты исследований показали, что некрополь, относящийся к различным культурам, непрерывно использовался с I в. до н.э. до IV в. н.э. [Храпунов, 2019, с. 589], что делает его уникальным среди варварских погребальных памятников римского времени Предгорного Крыма. На так называемом позднескифском участке могильника в 2018 г. была открыта широкая грунтовая могила № 233 с парным погребением (рис. 1,б), относящимся к среднесарматскому периоду¹.

Могила была ориентирована с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной части она прямоугольная в плане, в северо-западной – овальная. Ее размеры – 2,7 × 1,3 м, глубина – около 0,8 м. На дне могилы по длинной оси ямы параллельно друг другу были уложены два костяка в вытянутом положении на спине, головами на юго-восток.

В головах погребенных, у юго-восточной стены могилы, были установлены три краснолаковых сосуда (рис. 2,1,3,4). В одном из них лежал стеклянный бальзамарий (рис. 2,2, 3,5), в другом – кость животного, в третьем – еще один краснолаковый сосуд (рис. 2,5, 3,1) и нож (рис. 2,6, 3,14). Еще один железный нож (рис. 2,7, 3,13) был обнаружен возле этого скопления посуды.

У костяка I, уложенного вдоль северо-восточной стены могилы, череп завалился вправо, ноги были немного разведены в коленях. В районе грудной клетки слева находилась бронзовая фибула (рис. 2,8, 3,6), справа – бронзовое кольцо с «шишечками» (рис. 2,9, 3,9) и бусы (рис. 2,10, 3,15,16), в районе живота – железный наконечник стрелы (рис. 2,11, 3,12). Слева от погребенного положили два камня.

Костяк II был уложен вдоль юго-западной стены могилы. Руки плотно прижаты к телу, а череп завалился вправо. На черепе (рис. 2,17, 3,19) и на месте левого плеча (рис. 2,18, 3,17) найдено по бусине. В районе грудной клетки (рис. 2,12, 3,10) и под правой ключицей (рис. 2,16, 3,11) – по бронзовому кольцу с «шишечками». Под правым запястьем сохранился слой органического тлена коричневого цвета. В нем расчищены два браслета (рис. 2,13,14, 3,7,8) и бусина (рис. 2,15, 3,18). Могила была заполнена суглинком. Значительно позже прямо над могилой было совершено отдельное погребение лошади.

Погребальный инвентарь

Краснолаковая посуда. На полу, за головами погребенных, были поставлены четыре краснолаковых сосуда: один кувшин и три чаши. Кувшин (рис. 3,1) (высота – 14,3 см, d венчика – 8 см, d дна – 8,8 см) на слабо выделенном кольцевом поддоне имеет тулово округлой формы, расширяющееся в средней части. Край венчика слегка подрезан. У кувшина дно несколько вогнуто, а в верхней части тулова имеется хорошо заметный валик. Ручка, уплощенная, прикреплена в средней части тулова так, что ее верхний прилеп закрывает валик. Подобные сосуды известны в Крыму в комплексах I – первой половины II в. н.э. [Высотская, 1994, табл. 35,5; Уженцев, 2006, рис. 86,5; Пуздровский, 2007, рис. 167,6,7,8; Журавлев, 2010, с. 84–85, кат. 447–459; Медведев, 2010, рис. 1,2; Шапцев, 2014, рис. 4,11; Труфанов, 2014, рис. 10,1; Дашевская, 2014, табл. 168,9], но отличаются от опушкинского экземпляра более высоким кольцевым поддоном.

Чаша (рис. 3,2) (высота – 8 см, d венчика – 16,2 см, d дна – 6,6 см) на кольцевом поддоне имеет глубокое усеченно-коническое тулово, вертикальный бортик с двумя ручками-налепами в виде «бантика» и плоское дно, опускающееся к центру. Данная чаша находит аналогии в могильниках Бельбек IV [Журавлев, 2010, с. 59, кат. 191], Усть-Альма [Пуздровский, 2007, рис. 171,7], в крымских предгорьях и в некрополе Ново-Отрадное на Керченском полуострове [Арсеньева, 1970, табл. 15,11,13]. Во всех случаях сосуды датируются серединой I – началом II в. н.э.

Глубокая чаша (рис. 3,4) (высота – 7,1 см, d венчика – 17,7 см, d дна – 8,4 см) с туловом полусферической формы на кольцевом поддоне имеет почти вертикальные в верхней части стенки и заканчивается подрезанным изнутри венчиком. В Восточном некрополе Неаполя Скифского найдена подобная чаша в склепе, погребения в котором совершались в I–II вв. н.э. [Сымонович, 1983, табл. VIII,4]. Несколько более поздним временем (вторая половина II – первая половина III в. н.э.) датируются такие чаши из могильников Бельбек IV [Журавлев, 2010, с. 54, кат. 157] и Битак [Пуздровский, 2007, рис. 182,7].

Небольшая чаша (рис. 3,3) (высота – 5,1 см, d венчика – 10,6 см, d дна – 5 см) с туловом полусферической формы на кольцевом поддоне имеет загнутые внутрь стенки. Близкие по форме сосуды происходят из погребальных комплексов второй половины I – начала II в. н.э. Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, Труфанов, 2017, рис. 156,1] и могильника Бельбек IV [Журавлев, 2010, с. 53, кат. 149].

Стеклянный бальзамарий. Небольшой сосуд (рис. 3,5) (высота – 6,2 см, d венчика – 0,8 см, d дна – 2 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла имеет сферическое тулово, переходящее в короткое цилиндрическое горло. Край у бальзамария загнут, образовавшийся венчик отогнут и оплавлен. Дно сосуда вогнуто. У основания горла имеется перетяжка. К. Айсингс датировала небольшие бальзамарии с «шаровидным» туловом I в. н.э. [Isings, 1957, p. 22–23]. Такие сосуды, найденные на Боспоре, Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина отнесли к флаконам 2-го типа по их классификации и датировали I – началом II в. н.э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169]. У некоторых бальзамариев, происходящих из Северного Причерноморья, как и у опушкинского экземпляра, имеется перетяжка у основания горла [Алексеева, Сорокина, 2007, с. 63, табл. 41,5; Лимберис, Марченко, 2003, с. 144, рис. 25,25; Гущина, Журавлев, 2016, с. 162–163, табл. 130,5]. Небольшие стеклянные бальзамарии или флаконы с «шаровидным» туловом были широко распространены в первые века нашей эры и на территории Римской империи, и на ее периферии, но в Северном Причерноморье встречаются реже, нежели бальзамарии других форм.

Фибула. Небольшая бронзовая застежка (рис. 3,6) (длина 3,4 см) была сильно фрагментирована, но сохранила признаки, позволяющие отнести ее к лучковым подвязным одночленным фибулам группы 15 серии I варианта 2 по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 48–49] или группы 4 серии I варианта 2 по классификации В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 72, 74]. Такие фибулы получили распространение в период расцвета среднесарматской культуры и датируются второй половиной I – началом II в. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 177; Кропотов, 2010, с. 74].

Браслеты. Один браслет был изготовлен из бронзы (рис. 3,7) ($d = 7,2$ см) и имеет раскованные концы в виде стилизованных «змеиных головок». Браслеты такой формы пользовались большой популярностью у варварского населения Предгорного Крыма и являются частой находкой в погребальных комплексах I – первой половины III в. н.э. [Труфанов, 2001, с. 71–77, рис. 1; Пуздровский, 2007, с. 150]. Второй браслет (рис. 3,8) ($d = 7,9$ см) представлял собой железный стержень, обмотанный бронзовой проволокой. Такие изделия в крымских предгорьях встречаются не часто. Аналогичные браслеты найдены в Опушках в склепе № 42, погребения в котором совершались в I в. до н.э. – начале II в. н.э. [Храпунов и др., 2009, с. 13, рис. 28,1], в Усть-Альминском некрополе, в комплексе конца I – первой половины II в. н.э. [Пуздровский, Труфанов, 2017, рис. 8,29] и могильнике Заветное. Последний найден в подбойной могиле второй половины II – первой половины III в. н.э. [Зайцев и др., 2007, рис. 20,12].

Кольца с «шишечками». Три бронзовых литых кольца с многочисленными небольшими выступами (рис. 3,9–11) ($d = 7,9; 2,3; 2,3$) относятся к широко распространенной в крымских предгорьях категории погребального инвентаря, фиксируемого в захоронениях I – середины III в. н.э. Происхождение и назначение таких изделий пока остается дискуссионным (см.: [Журавлев, 2014]).

Наконечник стрелы. Железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы (рис. 3,12) ($1,6 \times 1,0$ см) найден в районе груди *косяка I*. В крымских предгорьях такие наконечники встречаются в позднескифских комплексах первых веков нашей эры как в единичных экземплярах, так и в составе колчаных наборов [Пуздровский, 2007, с. 136–138].

В погребении также было найдено небольшое количество следующих бус:

– шаровидные поперечно сжатые из сердолика² (2 экз.). Их размеры – $1,0 \times 1,3$ и $1,4 \times 1,0$ см (рис. 3,16). Камень полупрозрачный, ярко-оранжевого цвета, канал отверстия узкий, усеченно-конической формы. Сердоликовые бусы такой формы пользовались у населения крымских предгорий наибольшей популярностью в I–II вв. н.э. В III в. н.э. их количество сокращается, и ареал сужается до

Центрального и Юго-Западного Крыма [Стоянова, 2004, с. 291];

– шаровидная поперечно сжатая из гадгата (1 экз.). $1,1 \times 1,7 \times 1,1$ см (рис. 3,15). Бусы такого типа в Северном Причерноморье бытуют на протяжении I–III вв. н.э., но встречаются и в более ранних комплексах [Алексеева, 1978, с. 10–11; Стоянова, 2004, с. 289–290];

– шаровидная поперечно сжатая из темного стекла (1 экз.). $1,2 \times 1,1$ см (рис. 3,19). Большая часть одноцветных шаровидных бус, найденных в Крыму, происходит из комплексов I–III вв. н.э. В погребениях IV в. н.э. они встречаются реже [Стоянова, 2004, с. 266; Алексеева, 1978, с. 62–65];

– шаровидная поперечно сжатая реберчатая из египетского фаянса белого цвета (1 экз.). $D = 1,6$ см (рис. 3,17). Такие бусы являются традиционными для погребальных комплексов раннеримского времени и первой половины III в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 31; Стоянова, 2004, с. 288];

– шаровидная поперечно сжатая с широким каналом отверстия из иризированного стекла (1 экз.), $1,4 \times 1,0$ см (рис. 3,18).

Еще одна бусина из сильно иризированного стекла рассыпалась на фрагменты.

Захоронения в могиле № 233 можно отнести ко второй половине I – первой половине II в. н.э. и к среднесарматской культуре, на что указывает обряд парного погребения, характерный для сарматов первых веков нашей эры [Абрамова, 1959, с. 54–55; Пуздровский, Медведев, 2015, с. 256], и погребальный инвентарь, среди которого стоит выделить небольшой стеклянный бальзамарий. В раннеримское время в центральной части предгорий стеклянные сосуды встречаются крайне редко. Они известны только на городище и в некрополе Неаполя Скифского [Сымонович, 1983, табл. XII, 2, 6, 11, 15; Зайцев, 2003, рис. 109, 110], в могильниках Нейзац [Шабанов, 2011, рис. 11, 69, 70], Левадки³ и Опушки [Шабанов, 2020, рис. 1, 1–5]. В то же время на синхронных варварских памятниках Юго-Западного Крыма стеклянной посуды I–III вв. н.э. на порядок больше, и разнообразие ее сопоставимо с коллекциями стекла из крупнейших античных центров Причерноморья. Пока сложно сказать, чем была вызва-

на сложившаяся ситуация. С одной стороны, возможно, в центральной части крымских предгорий в скифо-сарматской среде стеклянные сосуды в погребальных обрядах использовались редко, с другой – местное варварское население могло и не иметь возможности по каким-то экономическим или иным причинам получать стеклянную посуду, например, из Херсонеса. Пока однозначно можно сказать, что в погребениях среднесарматского времени к востоку от р. Альма стек-

лянные сосуды, в сравнении с прочими античными импортами, встречаются значительно реже.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю благодарность И.Н. Храпунову за возможность работы с неопубликованными материалами из могильника Опушки.

² Описание и определение бус А.А. Стояновой.

³ Сообщение С.А. Мульда.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

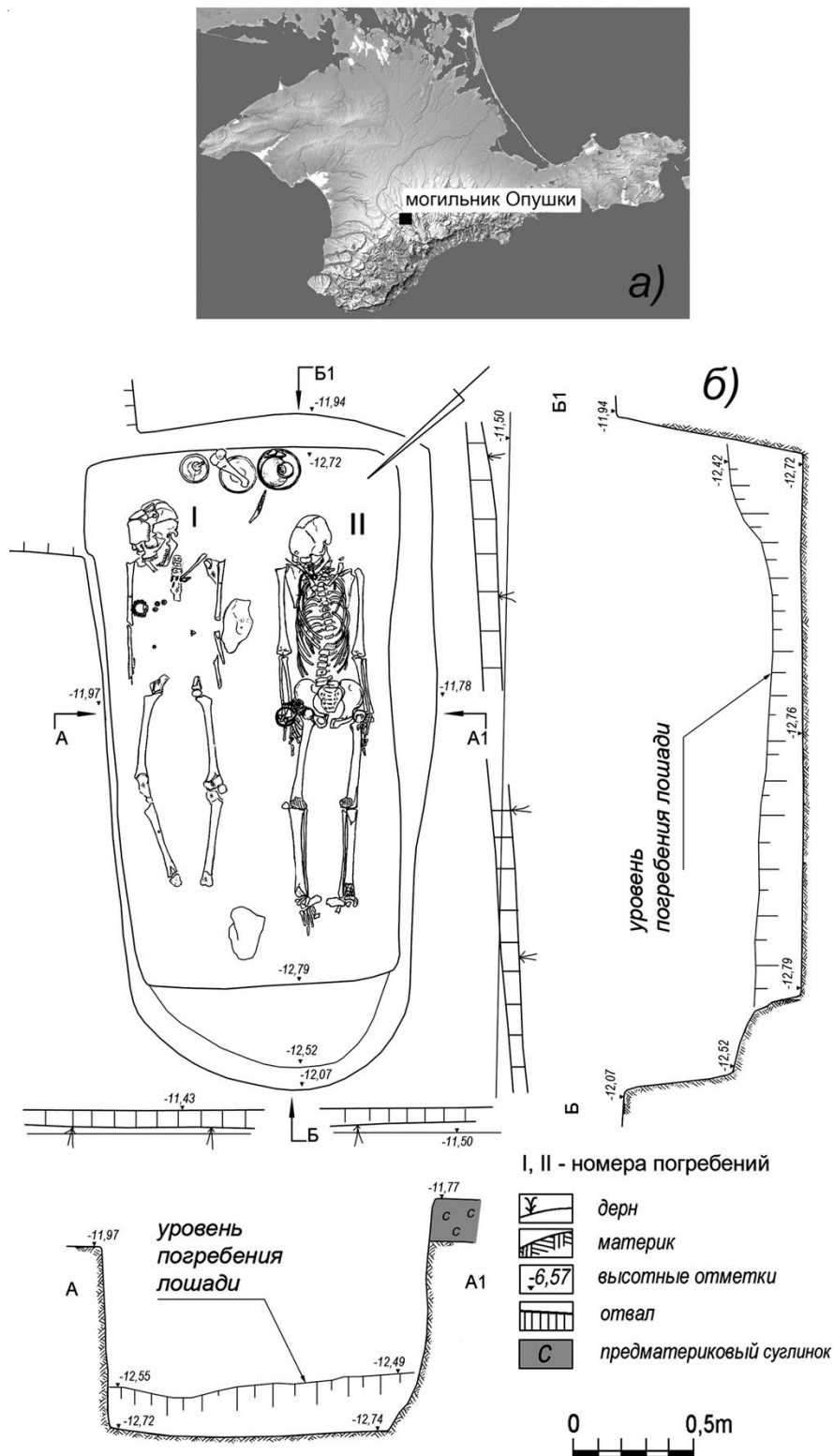

Рис. 1. Погребение среднесарматского времени из могильника Опушки (чертеж А.А. Стояновой):

а – месторасположение могильника Опушки; б – могила № 233

Fig. 1. The Middle Sarmatian time burial from the Necropolis of Opushki (drawing by A.A. Stoyanova):

а – location of the Necropolis of Opushki; б – grave no. 233

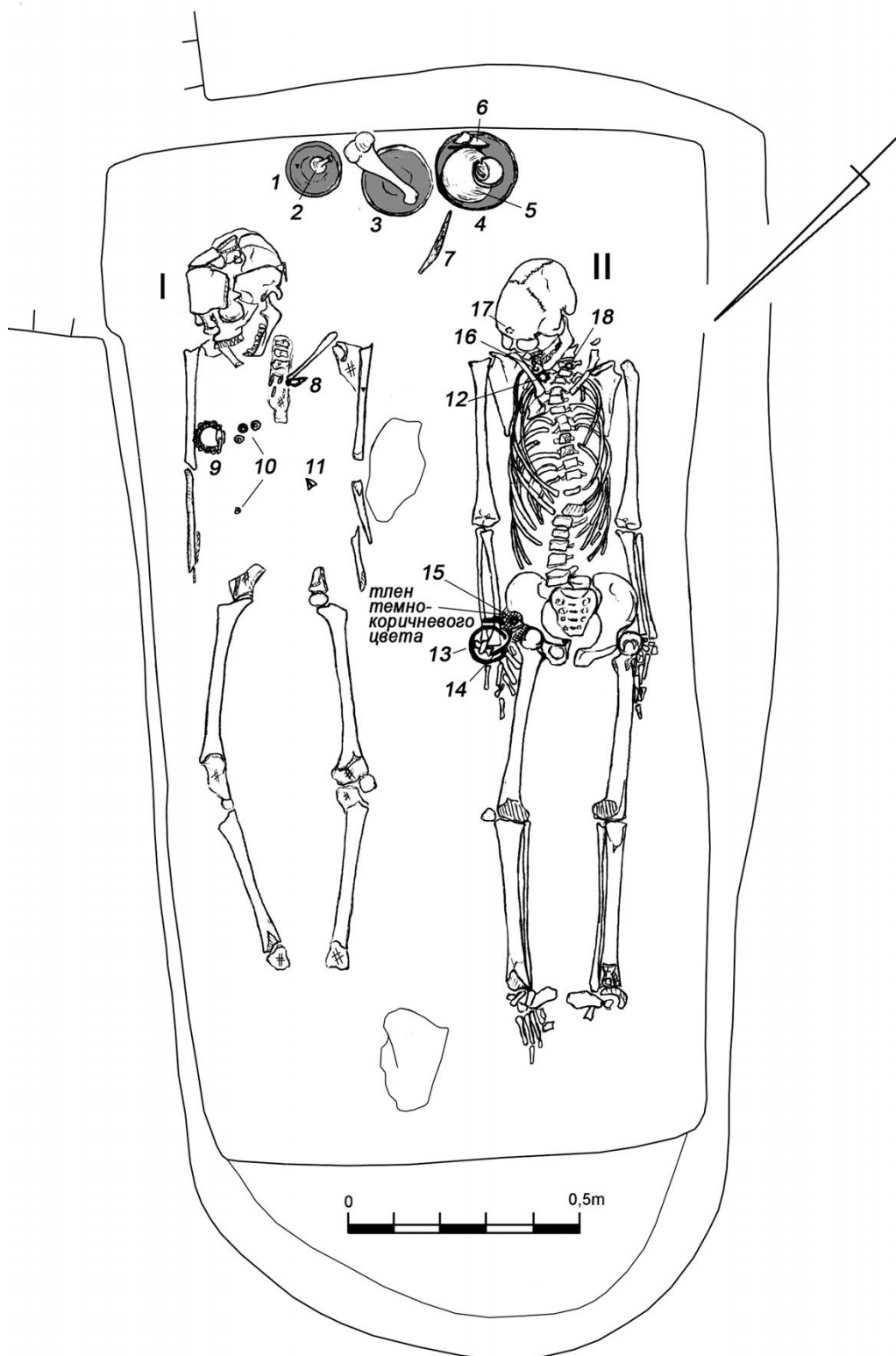

Рис. 2. Парное погребение в могиле № 233 могильника Опушки (чертеж А.А. Стояновой):
1, 3, 4 – чаши; 2 – бальзамарий; 5 – кувшин; 6, 7 – ножи; 8 – фибула; 9, 12, 16 – кольца с «шишечками»;
10, 15, 17, 18 – бусы; 11 – наконечник стрелы; 13, 14 – браслеты

Fig 2. Paired burial in grave no 233 of the Necropolis of Opushki (drawings by A. A. Stoyanova):
1, 3, 4 – cups; 2 – unguentarium; 5 – jug; 6, 7 – knives; 8 – brooch; 9, 12, 16 – knobby rings;
10, 15, 17, 18 – beads; 11 – arrowhead; 13, 14 – bracelets

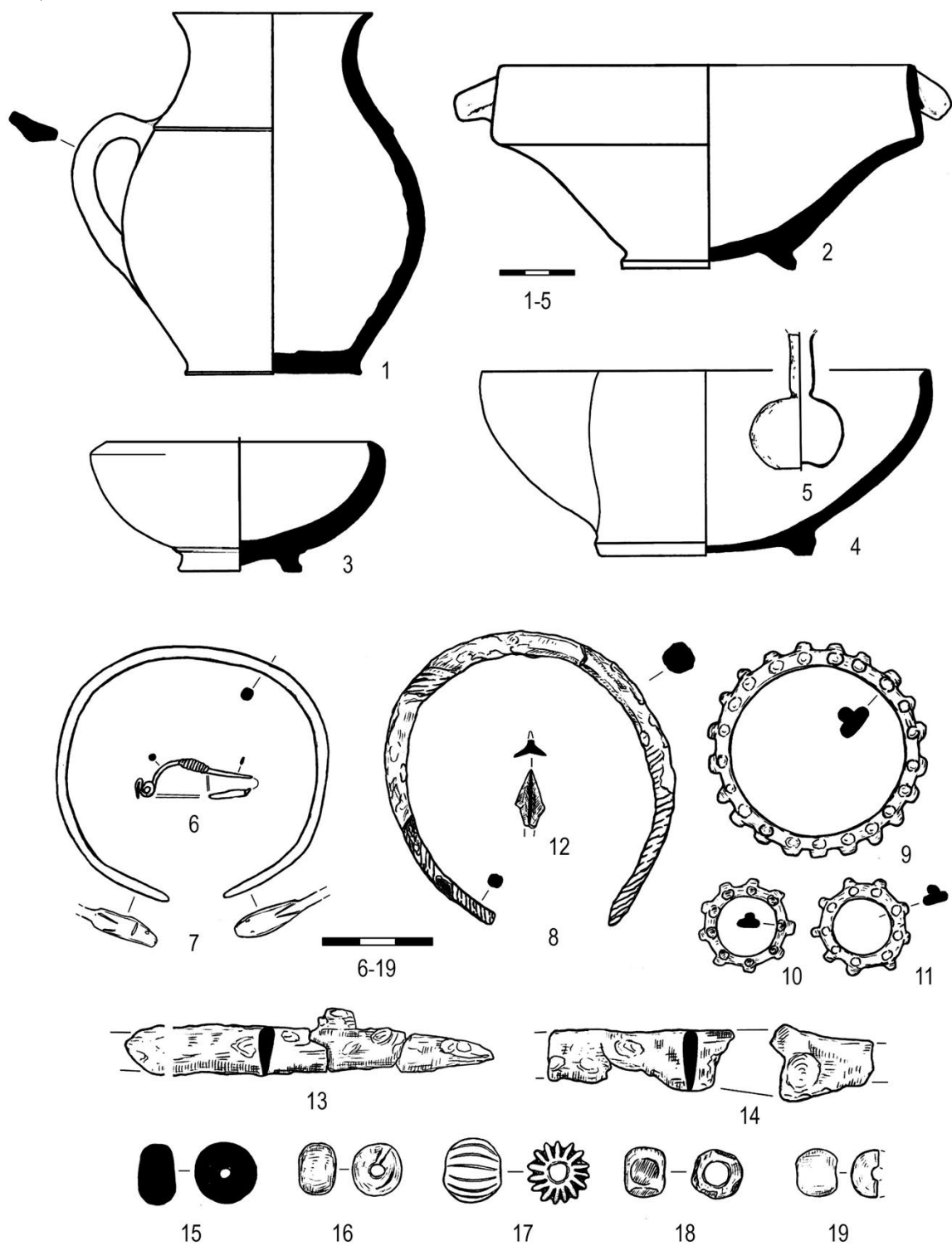

Рис. 3. Погребальный инвентарь из могилы № 233 могильника Опушки
(рис. А.А. Стояновой, С.Б. Шабанова):

1 – кувшин; 2–4 – чаши; 5 – бальзамарий; 6 – фибула; 7, 8 – браслеты; 9–11 – кольца с «шишечками»;
12 – наконечник стрелы; 13, 14 – ножи; 15–19 – бусы

Fig. 3. Grave goods from grave no 233 of the Necropolis of Opushki
(drawings by A.A. Stoyanova, S.B. Shabanov):

1 – jug; 2–4 – cups; 5 – unguentarium; 6 – brooch; 7, 8 – bracelets; 9–11 – knobby rings;
12 – arrowhead; 13, 14 – knives; 15–19 – beads

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1959. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. // Советская археология. № 1. С. 52–71.
- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. САИ. Вып. Г1-12. М. : Изд-во АН СССР. 104 с.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. САИ. Вып. Г1-12. М. : Изд-во АН СССР. 109 с.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П., 2007. Коллекция стекла античной Горгиипии. М. : Интербук-бизнес. 160 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д1-30. М. : Изд-во АН СССР. 111 с.
- Арсеньева Т. М., 1970. Могильник у д. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. Материалы и исследования по археологии СССР. № 155. М. : Наука. С. 82–149.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев : Киевская академия Евробизнеса. 208 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 2. М. : Исторический музей. 320 с.
- Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь : Феникс. 284 с.
- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. Симферополь. 320 с.
- Журавлев Д. В., 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии и культуры. № 1. С. 59–85.
- Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь : Универсум. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелт Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф., 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 249–290.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIII. Л. : Аврора. С. 146–177.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар : КГУ. С. 106–183.
- Медведев Г. В., 2010. Могилы с коллективными погребениями из Усть-Альминского некрополя // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 22. Донецк : Донбасс. С. 219–234.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Медведев Г. В., 2015. Парные погребения первых веков н.э. на Усть-Альминском некрополе // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь. С. 250–269.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь : ИП Зуева Т.В. 300 с.
- Стоянова А. А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. С. 263–319.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского). Киев : Наукова думка. 172 с.
- Труфанов А. А., 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М. : ГИМ. С. 71–77.
- Труфанов А. А., 2014. Могильник I–III вв. н.э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н.э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь : Бизнес-Информ. С. 183–209.
- Уженцев В. Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос-Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.) : Материалы по археологии Крыма. Симферополь : СОНАТ. 248 с.
- Храпунов И. Н., 2019. Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки) // XX Боспорские чтения. Боспор Ким-

мерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований : материалы Междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь. С. 589–592.

- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А., 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь : Доля. 96 с.
- Шабанов С. Б., 2011. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 141–191.
- Шабанов С. Б., 2020. Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. С. 110–134. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-110-134>.
- Шапцев М. С., 2014. Краснолаковая керамика из позднескифского городища Булганак // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь : Бизнес-Информ. С. 210–233.
- Isings K., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen ; Djakarta : J.B. Wolters Publ. 185 p.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1959. Sarmatskaya kul'tura II v. do n.e. – I v. n.e. [Sarmatian culture in 2nd century BC – 1st century AD]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 52-71.
- Alekseeva E.M., 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads of the Northern Black Sea Region], vol. 1. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. ПI-12. Moscow, USSR Academy of Sciences. 104 p.
- Alekseeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads of the Northern Black Sea Region], vol. 2. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. ПI-12. Moscow, USSR Academy of Sciences. 109 p.
- Alekseeva E.M., Sorokina N.P., 2007. *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii* [The Collection of Glass of Ancient Gorgippia]. Moscow, Inerbuk-bisnes Publ. 160 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR* [Fibulae of South of European part of the USSR]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. ДI-30. Moscow, USSR Academy of Sciences. 111 p.
- Arseneva T.M., 1970. Mogilnik u d. Novo-Otradnoe [Cemetery Near Village of Novootradnoe]. *Poseleniya i mogilniki Kerchenskogo poluoostrova nachala n.e.* [Settlements and Cemeteries of Kerch Peninsula of the Beginning of Common Era]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 155. Moscow, Nauka Publ., pp. 82-149.
- Vysotskaya T.N., 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma Settlement and Necropolis]. Kiev, Kiev Academy Eurobusiness. 208 p.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of the Roman Time Belbek IV in the South-Eastern Crimea]. Part 2. Moscow, SHM. 320 p.
- Dashevskaya O.D., 2014. *Nekropol' Belyausa* [Necropolis of Belyaus]. Simferopol', Phoenix Publ. 284 p.
- Zhuravlyev D.V., 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e.* [Terra Sigillata of the South-Western Crimea in the 1st – 3rd centuries AD]. Simferopol'. 320 p.
- Zhuravlyev D.V., 2014. «Braslety» i kol'tsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Bracelets and Knobby Rings from Late- Scythian and Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 1, pp. 59-85.
- Zaytsev Yu.P., 2003. *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Scythian Neapolis (II century B.C. – III century A.D.)]. Simferopol', Universum Publ. 212 p.
- Zaytsev Yu.P., Voloshinov A.A., Kühnelt E., Masyakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F., 2007. Pozdneskifskiy nekropol Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [The Late Scythian necropolis of Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st – 3rd c. AD in the South-Western Crimea. Excavations of year 2004]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., pp. 249-290.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kunina N.Z., Sorokina N.P., 1972. Steklyannye balzamarii Bospora [Glass Balsamaria of the Bosporus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], iss. XIII. Leningrad, Aurora Publ., pp. 146-177.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikuban'ya [Glass Vessels of Late Hellenistic and Roman Times from Kuban Area]. *Materialy i issledovaniya po*

- arkheologii Kubani* [Materials and Researches on Archaeology of the Kuban Region], iss. 3. Krasnodar, KubSU, pp. 106-183.
- Medvedev G.V., 2010. Mogily s kollektivnymi pogrebeniyami iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Graves with "Collective" Burials from Ust -Alma Necropolis]. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Arheologicheskij al'manah* [The Ancient & Medieval Taurica. Archeological Almanac], no. 22. Donetsk, Donbass Publ., pp. 219-234.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia II Century BC – III Century AD. Burial Monuments]. Simferopol', Bisnes-Inform Publ. 480 p.
- Puzdrovskiy A.E., Medvedev G.V., 2015. Parnye pogrebeniya pervyh vekov n.e. na Ust'-Al'minskom nekropole [Paired Burials of the First Centuries AD the Necropolis of the Ust-Alma]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea], vol. II. Simferopol', pp. 250-269.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2000–2003]. Simferopol', IP Zueva T.V. Publ. 300 p.
- Stoyanova A.A., 2004. Busy i podveski iz mogil'nika Neyzats (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) [Beads from Neizats Cemetery (on Materials of Excavations in 1996–2001)]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. V, pp. 263-319.
- Symonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolya Neapolya Skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Polity (According to the Materials from the Eastern Cemetery of Scythian Neapolis]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 172 p.
- Trufanov A.A., 2001. K voprosu o khronologii brasetov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskikh mogilnikov pozdneskifskogo vremeni) [On the Issue about Chronology of Bracelets with Zoomorphic Endings (after Materials of Crimean Cemeteries of the Late Scythian Period)]. *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of the Crimea]. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya, iss. 118. Moscow, SHM, pp. 71-77.
- Trufanov A.A., 2014. Mogil'nik I–III vv.n.e. u s. Holmovka i vpusknye pogrebeniya pervyh vekov n.e. v kurganah Yugo-Zapadnogo Kryma [Necropolis of I–III Century A.D. at v. Holmovka and Inlet Burials of the First Centuries A.D. in the Burial Mounds of South-West Crimea]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea], vol. I. Simferopol', Bisnes-Inform, pp. 183-209.
- Uzhentsev V.B., 2006. *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v.n.e.): Materialy po arkheologii Kryma* [Hellenes and Barbarians of the Perfect Harbor (Kalos Limen in the 4th Century BC – 2nd Century AD): Materials on the Archaeology of the Crimea]. Simferopol, SONAT. 248 p.
- Khrapunov I.N., 2019. Nekotorye itogi i perspektivy issledovaniya varvarskikh pamyatnikov rimskogo vremeni v predgornom Krymu (na primere mogil'nika Opushki) [Some Results and Prospects of Research of Barbarian Monuments of the Romaena Time in the Piedmont Crimea (on the Example of Opushki Burial Ground)]. *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research. Materials of International Scholarly Conference]. Simferopol', Kerch', pp. 589-592.
- Khrapunov I.N., Muld S.A., Stoyanova A.A., 2009. *Pozdneskifskiy sklep iz mogilnika Opushki* [A Late Scythian Vault from the Cemetery of Opushki]. Simferopol, Dolya Publ. 96 p.
- Shabanov S.B., 2011. Steklyannye sosudy iz mogil'nika Neizats (po materialam raskopok 1996–2011 gg.) [Glass Vessels from Neizats Cemetery (on the Materials of Excavations in 1996-2011)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], vol. XVII, pp. 141-191.
- Shabanov S.B., 2020. Steklyannye sosudy rimskogo vremeni iz mogil'nika Opushki v Krymu (po materialam raskopok 2003–2019 gg.) [Glass Vessels from the Roman Period in Opushki Necropolis, the Crimea (Excavations in 2003–2019)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 2, pp. 110-134. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-110-134>.
- Shaptsev M.S., 2014. Krasnolakovaya keramika iz pozdneskifskogo gorodishcha Bulganak [Red Slip Pottery from the Late Scythian Settlement Bulganak]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea], vol. I. Simferopol', Bisnes-Inform Publ., pp. 210-233.
- Isings K., 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Djakarta, J.B. Wolters Publ. 185 p.

Information About the Author

Stanislav B. Shabanov, Project Manager, Non-Profitable Foundation “Heritage of Millennia”, Chernishevskogo St, 10a, office 6, 295051 Simferopol, Russian Federation, neizats2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1450-9292>

Информация об авторе

Станислав Борисович Шабанов, руководитель проектов и программ, Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», ул. Чернышевского, 10а, оф. 6, 295051 г. Симферополь, Российская Федерация, neizats2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1450-9292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.13>

UDC 902“634”(477,7)
LBC T4(43УКР7,5)24

Submitted: 27.01.2021
Accepted: 27.05.2021

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES FROM CATACOMB OF SOUTH KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF SARMATIAN THEMES

Alexandr N. Podushkin

South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to archaeological research of new discovered burial structures in the form of catacomb at the Kylyshzhar cemetery (1st century BC – 3rd century AD), in which artifacts were found similar to the monuments of the Sarmatian appearance. They include a number of ritual actions and burial implements close to the burial practice of the Sarmatians: range and blade weapons (iron tang daggers with a stone pommel, arrowheads), horse tack (iron girth buckles), bronze mirrors, household items and ritual objects (iron buckles, chalk amulets), jewelry (Egyptian faience ribbed beads). The characteristics of the grave goods from the catacombs of the Kylyshzhar cemetery, chronological calculations and ethno cultural interpretations indicate partial similarity between mentioned burials and the Sarmatian monuments of the 1st century BC – 3rd century AD despite major differences in such significant details of the funeral rite as the construction of burial pits and the orientation of the buried ones.

Key words: South Kazakhstan, catacomb archaeological monuments, Sarmatian similarities, Sarmatians, Kangyui, grave goods.

Citation. Podushkin A.N., 2021. Arheologicheskie komplekсы iz katakomb Yuzhnogo Kazahstana v kontekste sarmatskoy tematiki [Archaeological Complexes from Catacomb of South Kazakhstan in the Context of Sarmatian Themes]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 263-271. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.13>

УДК 902“634”(477,7)
ББК Т4(43УКР7,5)24

Дата поступления статьи: 27.01.2021
Дата принятия статьи: 27.05.2021

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ КАТАКОМБ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ САРМАТСКОЙ ТЕМАТИКИ

Александр Николаевич Подушкин

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, г. Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. Публикация посвящена археологическим исследованиям новых катакомбных погребений могильника Кылышжар (I в. до н.э. – III в. н.э.), в которых найдены артефакты, обнаруживающие сходство с памятниками сарматского культурного облика. Они включают близкий для погребальной практики сарматов перечень обрядовых действий и погребального инвентаря: дистанционное и клинковое оружие (железные черешковые кинжалы с каменным навершием, наконечники стрел), конскую атрибуцию (железные подпружные пряжки), бронзовые зеркала, бытовые и ритуальные предметы (железные пряжки, амулеты из мела), украшения (ребристые бусы из египетского фаянса). Характеристики погребальных артефактов из катакомб могильника Кылышжар, хронологические выкладки и этнокультурные интерпретации свидетельствуют об их частичном сходстве с сарматскими памятниками I в. до н.э. – III в. н.э. при наличии существенных различий в таких значимых деталях погребального обряда, как конструкция погребальных ям и ориентировка погребенных.

Ключевые слова: Южный Казахстан, катакомбные памятники, сарматские аналогии, Кангюй, погребальный инвентарь.

Цитирование. Подушкин А. Н., 2021. Археологические комплексы из катакомб Южного Казахстана в контексте сарматской тематики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 263–271. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.13>

Археологический отряд Южно-Казахстанского государственного педагогического университета продолжил исследование юго-западной группы курганов могильника Кылышжар. Эта группа зафиксирована в 2 км к юго-западу от городища Культобе, в непосредственной близости от обрыва правого берега реки Арысь, на лессовой надпойменной террасе, которая в этом участке плавно спускается к руслу реки (Республика Казахстан, Туркестанская область, Ордабасинский район, в 2,2 км к северо-западу от с. Сарыарык; бывший пос. Социализм) (рис. 1). Насыпи курганов по отношению друг к другу расположены бессистемно. Они находятся на площадке размерами 200 × 370 м, ограниченной с восточной и западной сторон размытыми оврагами (отдельные группы насыпей располагались цепочками).

В целом юго-западная группа курганов могильника Кылышжар включает около 30 насыпей различных размеров и форм: встречаются каплевидные в плане со смещенным центром; наиболее крутой склон, как правило, северный, реже – восточный. Имеются также округлые, слабовыраженные в рельефе насыпи. Все насыпи однородные по составу – они сложены из лесса. Средние размеры курганов могильника Кылышжар: диаметр от 8–10 до 30 и более метров при высоте от 0,8 до 2,5 м (рис. 1).

Курган 2 (рис. 1). В центре под насыпью, со смещением в западный сектор, на глубине 3,5 м от уровня дневной поверхности была обнаружена Т-образная трехчастная катакомба, которая включает узкотраншейный бесступенчатый дромос, аркообразный в разрезе лаз, связывающий дромос с погребальной камерой (проем лаза в древности был заложен прямоугольным кирпичом-сырцом) и сводчатую полу погребальную камеру овально-прямоугольной планировки.

Вся конструкция катакомбы вытянута по линии С-Ю, на дне камеры открыто одиночное погребение, основательно потревоженное древними грабителями: разрушенные останки костяка и погребального инвентаря в беспорядке располагались на полу у восточной стенки камеры (рис. 2,1). Обряд погребения (предположительно) – труположение на спине. В числе иных особенностей обряда отме-

тим факт фиксации фрагментов дерева и угля, а также наличие костей овцы.

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

- кувшин столовый керамический грушевидной формы с выраженной горловиной, без ручек, декорирован красно-коричневым ангобом, поверх которого в нижней части сосуда, начиная от плечиков, нанесен черный ангоб и брызги насыщенного темного ангоба (рис. 2,1);

- часть крупного кухонного грушевидного горшка без ручек (форма восстанавливается; внешняя поверхность носит следы использования на открытом огне) (рис. 2,2);

- железные черешковые трехлопастные наконечники стрел нескольких видов: с опущенными и прямыми жальцами (4 экз.; рис. 2,3–5);

- железный двулопастной вильчатый наконечник стрелы (рис. 2,6); на черешках всех наконечников отмечены следы от деревянных древков;

- железный черешок кинжала (рис. 2,9), круглое каменное навершие от него с отверстием в центре (рис. 2,10), две железные скобы (рис. 2,14,16) и железный обломок черешка ножа (рис. 2,7);

- железный нож (рис. 2,8);

- крупная круглая железная пряжка с подвижным язычком (рис. 2,12), две прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком (рис. 2,13,15) и круглая железная пряжка без язычка (рис. 2,11);

- часть железной втулки с остатками дерева от ножен кинжала (рис. 2,18) и часть бронзовой декоративной пластины со шляпками от заклепки (рис. 2,20);

- крупная ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 2,17) и небольшой меловой амулет (рис. 2,19).

Курган 8 (рис. 1). Насыпь по форме каплевидная, диаметр 10 м, высота 0,6 м, сложена из лесса. Северный склон имеет большую крутизну, нежели южный. В юго-западном секторе насыпи, у ее кромки, на глубине 2,7 м от уровня дневной поверхности была обнаружена погребальная конструкция в виде Т-образной двухчастной катакомбы (рис. 3,1), которая включает: траншейный одноступенчатый дромос; проем аркообразного вида, свя-

зывающий дромос с погребальной камерой (входное устье лаза заложено горизонтальными рядами кладки из прямоугольного кирпича-сырца); сводчатую полуу погребальную камеру неправильной трапециевидной планировки (рис. 3,1).

Вся конструкция вытянута по линии северо-восток – юго-запад, дромос примыкает к камере под прямым углом. Катакомба была частично потревожена в древности, о чем свидетельствует сдвинутый со своих мест погребальный инвентарь и разбитый алебастровый амулет. На дне погребальной камеры, у ее северной стенки, обнаружено одиночное погребение женщины средних лет. Обряд погребения – труположение на спине с ориентацией изголовья на восток (рис. 3,1). В числе обрядовых особенностей:

– наличие костей овцы, в том числе лопатки, которые располагались на дне погребальной камеры между кувшином и горшком (рис. 3,1,9);

– обгоревшие остатки органического материала на внутренней стороне донца фрагментированного кухонного сосуда (следствие обрядовых действий, связанных с культом огня) (рис. 3,3).

Погребальный инвентарь включает:

1. Столовый керамический кувшин грушевидной формы без ручек. Верхняя часть тулова, горловина и венчик до плечика сосуда покрыты красно-коричневым ангобом с использованием ангобных потеков темно-коричневого, почти черного цвета; нижняя часть тулова покрыта светло-коричневым ангобом с белесым оттенком, на которой также фиксируются ангобные потеки темного цвета (рис. 3,1).

2. Горшок керамический кухонный грушевидной формы без горловины и ручек (венчик и тулово изделия деформированы). Декор у горшка отсутствует. Внешняя поверхность закопчена (рис. 3,2).

3. Фрагмент донца и нижней части лепного кухонного горшка (форма не восстанавливается) (рис. 3,3).

4. Зеркало бронзовое дисковидное с боковой ручкой, невысоким конусовидным выступом в центре оборотной плоскости диска и слабовыраженным валиком по периметру диска (рис. 3,5).

5. Нож железный черешковый бытовой со следами деревянной ручки на штыре (рис. 3,4).

6. Амулет алебастровый овально-прямоугольный в разрезе с округлым окончанием. Одна сторона уплощена, на другой – следы функционально-ритуального использования (рис. 3,8).

7. Железную пряжку прямоугольной формы с остатками дерева на соединительных штырях, круглых в разрезе (рис. 3,7).

8. Декоративную бронзовую пластину прямоугольной формы с клепками-фиксаторами на венчик деревянного сосуда (рис. 3,6).

Инвентарь в погребении располагался следующим образом. Железный нож был вложен в левую кисть руки покойной. От изголовья костяка последовательно, цепочкой с севера на юг, на дно камеры были положены бронзовое зеркало, алебастровый амулет, кухонный миниатюрный горшок, кости овцы, столовый кувшин и часть донца кухонного горшка с остатками сгоревшей органики (рис. 3,1).

Остановимся на некоторых аналогиях и параллелях археологическому материалу и обряду погребения из катакомб могильников Кылышжар. В качестве уверенных хроноиндикаторов выступают несколько артефактов, дающих основание для соответствующих выводов.

Керамика местного производства (кувшины столовые) из катакомб могильника Кылышжар иллюстрирует как классические формы, декор и назначение посуды арысской культуры Южного Казахстана I в. до н.э. – IV в. н.э. [Подушкин, 2000, с. 132–135], так и принадлежность к импортным керамическим изделиям (кухонные горшки), широко известным в памятниках европейской и Азиатской Сарматии первых веков до н.э. – первых веков н.э. [Мошкова, 1989а, с. 181, табл. 74,8,10,14–16,23–24, 75,10,12,22,28; Скрипкин, 1984, с. 24–32, рис. 4,4; 5,9, 7,11,14, 8,2,4; Скрипкин, 1990, с. 37–42, рис. 8,1,7,13,16,20–21, 9,14–15,18–20,26,28,32,34]. При этом некоторые параллели уводят к поселенческим материалам юго-западной Ферганы первых веков н.э. [Брыкина, 1982, с. 66, табл. 22,2; Литвинский, 1973, с. 103, табл. 2, 3] и материалам могильников Западного Памира [Литвинский, 1973, с. 100, табл. 43,9].

В качестве датирующего материала из катакомб Южного Казахстана выступают железные черешковые наконечники стрел с «опущенными» и прямыми жальцами, которые широко встречаются в погребальных памятниках сарматов последних веков до н.э. – III в. н.э. [Хазанов, 1971, с. 39, табл. XX, 20–21, табл. XXI, 22, 24; Скрипкин, 1990, с. 135–141, рис. 24, 33, 35–36, 54; Мошкова, 1989а, с. 185, табл. 81, 11, 16, 37, 40б; Симоненко, 2010, с. 96–99, рис. 68, 1, 3, рис. 69]. Подобные железные черешковые трехлопастные наконечники стрел находят аналогии и в среднеазиатских материалах последних веков до н.э. – первых веков н.э. [Литвинский, 1965, с. 77–81, рис. 4; Горбунова, 2000, с. 40–41, рис. 1, 3, 5, 16, 2, 1, 4].

Железные мечи и кинжалы без перекрестия с каменными навершиями характерны для конца среднесарматской и всей позднесарматской культуры I–III вв. н.э. [Мошкова, 1989б, с. 195–197, табл. 81, 59, 60–61; Симоненко, 2010, с. 46, рис. 29–30, рис. 37]. Они зафиксированы в указанное время в погребальных памятниках Средней Азии [Обельченко, 1972, с. 57–62, рис. 1; Обельченко, 1973, с. 159–171; Обельченко, 1978, с. 119–121], Средней Сырдарьи [Максимова и др., 1968, с. 184, рис. 3, табл. IV, 1, 3].

Бронзовые дисковидные зеркала с боковой ручкой, бортиком по краю и конусовидным выступом в центре декоративной поверхности характерны для погребений среднесарматской культуры последних веков до II в. н.э. [Мошкова 1989а, с. 187–188; Скрипкин, 2017, с. 173]. К числу хроноиндикаторов следует отнести большую ребристую бусину из египетского фаянса. Подобные бусины в сочетании с другими изделиями из египетского фаянса в составе наборных ожерелий и ручных браслетов широко распространены в среде сарматов Евразии в I в. до н.э. – III в. н.э.

[Алексеева, 1975, с. 25; Алексеева, 1984, с. 237; Мошеева, 2010, с. 152; Литвинский, Седов, 1984, с. 64].

Амулеты из алебастра, мела (или куски из этих материалов) фиксируются на всей территории расселения сарматов как изделия, имеющие отношение к особым погребальным действиям: связь с культом огня (заменители последнего [Мошкова 1989а, с. 179]) и ритуалом сакрального «очищения» погребального сооружения [Медведев, 2008, с. 55]. Амулеты имели хождение в среднесарматское и позднесарматское время [Медведев 2008, с. 55–56; Мошкова 1989б, с. 202, табл. 80].

Таким образом, железные черешковые кинжалы с каменным навершием, бронзовые зеркала с ручкой и конусовидным возвышением в центре диска, железные пряжки, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, алебастровые, меловые амулеты, ребристые бусы из египетского фаянса находят близкие параллели в сарматских археологических культурах, что может свидетельствовать о наличии этнокультурных связей между населением, оставившим могильник Кылышжар, и кочевниками Азиатской Сарматии.

В исследуемом могильнике фиксируются и специфические обрядовые действия, присущие сарматам, связанные с культом огня, сакральным очищением погребального сооружения, присутствием «жертвенной пищи» в погребении [Мошкова, 1989а, с. 179].

Проблема взаимоотношения населения государственного объединения Канцзюй (Кангюй) на территории Южного Казахстана и сарматов евразийских степей периодически находится в поле зрения исследователей, многие детали этих взаимоотношений являются дискуссионными. Появление новых данных археологических исследований позволит более полно осветить эту проблемную тему.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

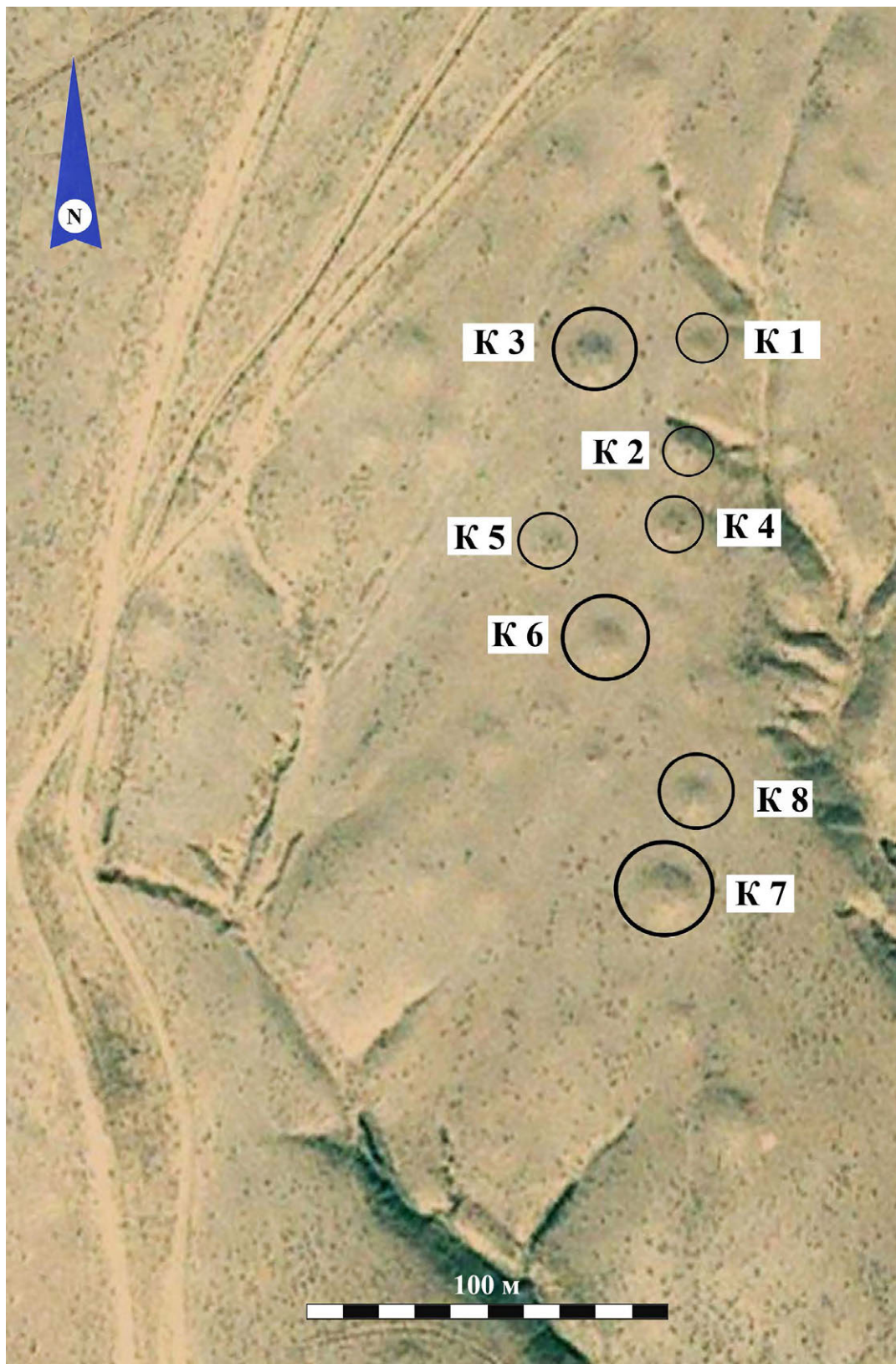

Рис. 1. Могильник Кылышжар, юго-западная группа курганов. Вид сверху, маркировка открытых насыпей
Fig. 1. Kylyshzhar cemetery, southwestern group of kurgans. Top view, marking of open embankments

Рис. 2. Археологический комплекс кургана 2 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар (фото авт.):

1 – часть полой погребальной камеры и основная масса артефактов; 1 – керамический столовый кувшин; 2 – часть кухонного горшка; 3–5 – железные черешковые трехлопастные наконечники стрел; 6 – железный вильчатый двулопастный наконечник стрелы; 7 – часть железного черешка от ножа; 8 – железный черешковый нож; 9 – железный черешок кинжала; 10 – каменное навершие от железного кинжала; 11 – круглая железная пряжка без язычка; 12 – крупная круглая железная пряжка с подвижным язычком, атрибут конской экипировки; 13, 15 – прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком, атрибуты кожаной обуви; 14, 16 – железные скобы; 17 – ребристая бусина из египетского фаянса; 18 – часть железной втулки с остатками дерева, атрибут ножен кинжала; 19 – меловой амулет; 20 – часть бронзовой декоративной пластины со шляпками от заклепки

Fig. 2. Archaeological complex of kurgan 2 of the southwestern group of kurgans at the Kylyshzhar cemetery (photo by author):

1 – part of the hollow burial chamber and the bulk of the artifacts; 1 – ceramic table jug; 2 – part of a kitchen pot; 3–5 – iron petiolate three-bladed arrowheads; 6 – iron forked two-bladed arrowhead; 7 – part of the iron stem from the knife; 8 – iron petiole knife; 9 – iron stalk from a dagger; 10 – stone pommel from an iron dagger; 11 – round iron buckle without a tongue; 12 – large round iron buckle with a movable tongue, an attribute of horse equipment; 13, 15 – rectangular iron buckles with a movable tongue, attributes of leather shoes; 14, 16 – iron staples; 17 – ribbed bead of Egyptian faience; 18 – part of an iron sleeve with the remains of a tree, an attribute of a dagger sheath; 19 – chalk amulet; 20 – part of a bronze decorative plate with rivet caps

Рис. 3. Археологический комплекс кургана 8 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар (фото авт.):

- 1 – погребение в катакомбе, вид сверху; 1 – кувшин керамический столовый; 2 – горшок керамический кухонный;
 3 – фрагмент донца и нижней части кухонного горшка; 4 – нож железный черешковый;
 5 – зеркало бронзовое дисковидное с боковой ручкой-штырем;
 6 – декоративная бронзовая пластина прямоугольной формы с клепками-фиксаторами;
 7 – железная пряжка прямоугольной формы с остатками дерева; 8 – амулет алебастровый

Fig. 3. Archaeological complex of kurgan 8 of the southwestern group of kurgans at the Kylyshzhar cemetery (photo by author):

- 1 – burial in the catacomb, top view; 1 – ceramic dining jug; 2 – ceramic kitchen pot;
 3 – a fragment of the bottom and lower part of a kitchen pot; 4 – iron petiole knife;
 5 – bronze disc-shaped mirror with a lateral handle-pin;
 6 – decorative bronze rectangular plate with rivets-clamps;
 7 – a rectangular iron buckle with the remains of a tree; 8 – alabaster amulet

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12. М. : Наука. 105 с.
- Алексеева Е. М., 1984. Бусы и подвески // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М. : Наука. С. 237–239.
- Брыкина Г. А., 1982. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М. : Наука. 196 с.
- Горбунова Н. Г., 2000. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) // Российская археология. № 2. С. 40–51.
- Литвинский Б. А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // Советская археология. № 2. С. 75–91.
- Литвинский Б. А., 1973. Керамика из могильников Западной Ферганы. М. : Наука. 202 с.
- Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М. : Наука. 137 с.
- Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата : Наука Казахской ССР. 258 с.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Мошеева О. Н., 2010. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 147–169.
- Мошкова М. Г., 1989а. Средне-сарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 177–191.
- Мошкова М. Г., 1989б. Поздне-сарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 191–202.
- Обельченко О. В., 1972. Агалыксайские курганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 9. Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР. С. 56–72.
- Обельченко О. В., 1973. Курганы в окрестностях Самарканда // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР. С. 157–172.
- Обельченко О. В., 1978. Мечи и кинжалы из Согда // Советская Археология. № 4. С. 115–127.
- Подушкин А. Н., 2000. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Туркестан : МКТУ. 201 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ ; Нестор-История. 328 с.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Сарат. ун-т. 150 с.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 300 с.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 172 с.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1975. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads of the Northern Black Sea Region]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, iss. Г1-12. Moscow, Nauka Publ. 105 p.
- Alekseeva E.M., 1984. *Busy i podveski* [Beads and pendants]. *Arkheologiya SSSR. Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Archeology of the USSR. Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 237-239.
- Brykina G.A., 1982. *Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery* [South-West Fergana in the First Half of the 1st Millennium AD]. Moscow, Nauka Publ. 196 p.
- Gorbunova N.G., 2000. O vooruzhenii sredneaziatskikh skotovodov (II (III?) v. do n.e. — V v. n.e.) [The Weapons of Central Asiatic Cattle-Breeders (the 2nd (3rd?) Century B.C. – the 5th Century A.D.)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 40-51.
- Litvinskiy B.A., 1965. *Sredneaziatskiye zheleznyye nakonechniki strel* [Central Asian Iron Arrowheads]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 75-91.
- Litvinskiy B.A., 1973. *Keramika iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany* [Ceramics from the Cemeteries of Western Fergana]. Moscow, Nauka Publ. 202 p.

- Litvinskiy B.A., Sedov A.V., 1984. *Kul'ty i ritualy Kushanskoj Baktirii* [Cults and Rituals of Kushan Bactria]. Moscow, Nauka Publ. 137 p.
- Maksimova A.G., Mershchiev M.S., Weinberg B.I., Levina L.M., 1968. *Drevnosti Chardary* [Antiquities of Chardara]. Alma-Ata, Nauka Kazahskoy SSR Publ. 258 p.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus Publ. 252 p.
- Mosheeva O.N., 2010. Yegipetskiy fayans v sarmatskikh pogrebeniyakh Nizhnego Povolzh'ya [Egyptian Faience in Sarmatian Burials of the Lower Volga Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 147-169.
- Moshkova M.G., 1989a. Sredne-sarmatskaya kul'tura [Middle Sarmatian Culture]. *Arkheologiya SSSR. Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Archaeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 177-191.
- Moshkova M.G., 1989b. Pozdne-sarmatskaya kul'tura [Late Sarmatian Culture]. *Arkheologiya SSSR. Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Archeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 191-202.
- Obelchenko O.V., 1972. Agalyksayskiye kurgany [Agalyksay Kurgans]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan], iss. 9. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, pp. 56-72.
- Obelchenko O.V., 1973. Kurgany v okrestnostyakh Samarkanda [Kurgans in the Vicinity of Samarkand]. *Afrasiab* [Afrasiab], iss. II. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, pp. 157-172.
- Obelchenko O.V., 1978. Mechi i kinzhaly iz Sogda [Swords and daggers from Sogd]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 115-127.
- Podushkin A.N., 2000. *Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n. e. – VI v. n. e.* [Arys Culture of South Kazakhstan IV Century BC – VI Century AD]. Turkestan, A. Yassavi International Kazakh-Turkish University. 201 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Riders of North Pontic Region]. Saint-Petersburg, St. Petersburg State University, Faculty of Philology and Arts; Nestor-History. 328 p.
- Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga region in the first centuries of our era]. Saratov, SSU. 150 p.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 300 p.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voyennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 172 p.

Information About the Author

Alexandr N. Podushkin, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History of Kazakhstan and the World, South Kazakhstan State Pedagogical University, Baitursynov St, 13, 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan, p_a_n_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1603-1373>

Информация об авторе

Александр Николаевич Подушкин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и мира, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, ул. Байтурсынова, 13, 160012 г. Шымкент, Республика Казахстан, p_a_n_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1603-1373>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
  - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
  - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
  - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
  - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
  - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
  - present research findings to end users in the most useful way;
  - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
  - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
  - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
  - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
  2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
  3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
  4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
  5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
  6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
  7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
  8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
  9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
  10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

9 772587 812000